КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XCI.

1905 г.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

Кіевъ.
Типографія Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская собств. домъ. № 14.

СОДЕРЖАНІЕ 91-го ТОМА

октябрь и ноябрь-декабрь.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая и третья—ноябрь-декабрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Украинскій вопросъ въ его историческомъ освѣщеніи.

(М. П. Драгомановъ. Историческая Польша и великорусская демократія).

Въ настоящее время, когда, подъ вліяніемъ освободительнаго движенія, рельефно выступаютъ наружу всѣ вопросы, связанные съ установленіемъ разумныхъ правовыхъ нормъ для отдѣльныхъ личностей, общественныхъ группъ, народностей, что въ суммѣ и должно дать одну стройную систему правового порядка въ цѣломъ государствѣ,—естественно было выступить на очередь и украинскому вопросу. Вопросъ этотъ большею частью разсматривался до сихъ поръ только съ одной его стороны—со стороны грубо-запретительныхъ мѣръ, направленныхъ якобы къ искорененію языка путемъ недопущенія для него возможности развиваться. Въ этомъ отношеніи въ послѣднее время среди хоть сколько-нибудь прогрессивныхъ группъ нельзя было замѣтить сочувствія такимъ запрещеніямъ, но трудно сказать, чтобы идея національной самобытности и самоопредѣленія была признаваема, какъ безусловное право украинскаго народа, особенно когда вопросъ касается національной автономіи и принципа областности на началахъ этнографическихъ. Наступаетъ теперь моментъ спокойнаго, вполнѣ безпристрастнаго рѣшенія этого вопроса не только въ теоріи, но, можетъ быть, и въ практическомъ осуществленіи его въ правовомъ устройствѣ свободной Россіи. Сознательнымъ представителямъ украинскаго народа не мало придется поработать въ ближайшемъ будущемъ для счастливаго разрѣше-

нія этого сложнаго вопроса, особенно въ виду многихъ переплетающихся обстоятельствъ, какъ вытекающихъ изъ современныхъ условій жизни, такъ еще болѣе опирающихся на давнія и недавнія историческія осложненія.

Около 25 лѣтъ назадъ покойный М. П. Драгомановъ въ своей обширной статьѣ, напечатанной пока только заграницей, подъ заглавіемъ „Историческая Польша и великорусская демократія“ [1]), такъ сказать, подвелъ итоги вопросу и далъ блестящее освѣщеніе всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются на пути къ благополучному разрѣшенію его. Хотя статья писана четверть вѣка назадъ, хотя она имѣла въ виду совсѣмъ иныя условія жизни Россіи, но и теперь, читая ее, чувствуешь всю силу могущихъ возникнуть, и даже уже возникающихъ, недоразумѣній и споровъ, которые велись въ теченіе прошлаго полустолѣтія и, пожалуй, продолжатся и еще на много лѣтъ. Пусть новые работники въ свободной теперь Украинѣ поведутъ жизнь по новому руслу; пусть они и въ ученыхъ трактатахъ, и въ публицистической дѣятельности, и въ практическомъ примѣненіи своихъ силъ поработаютъ для торжества дорогихъ намъ принциповъ, составляющихъ наше „credo“,—но для данной минуты мы въ журналѣ, посвященномъ исторической разработкѣ судебъ нашей родины, считаемъ себя обязанными ознакомить читателей пока съ одной частью этой статьи М. П. Драгоманова, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ, въ силу необходимости, она рѣдко кому попадала въ руки.

Революціонное и вообще оппозиціонное движеніе въ Россіи въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ XIX-го вѣка „напоминаетъ то,—говоритъ М. П. Драгомановъ,—котораго мы были свидѣтелями въ 1860—63 гг.; какъ тогда, такъ и теперь, главнѣйшіе вопросы, которые занимаютъ мыслящихъ людей въ странѣ,—это вопросы соціально-экономическіе“. Но какъ въ 60-е годы, такъ и въ 80-е (можно прибавить—и во всякіе иные) начала самодержавія и произволъ такихъ же чиновниковъ не могли рѣшить сколько-нибудь удовлетворительно этихъ главнѣйшихъ вопросовъ, почему естественнымъ путемъ предъ мыслящими людьми возставала еще и другая задача—измѣненіе политическаго устройства въ государствѣ такимъ образомъ, чтобы страна сама могла управляться

---

[1]) Напечатано въ „Вольномъ Словѣ“ 1881 года и перепечатано отдѣльными изданіями въ Женевѣ въ 1882 г. и въ Парижѣ въ 1905 г.

съ своими дѣлами, съ чѣмъ неминуемо связывается цѣлый рядъ элементарныхъ гражданскихъ правъ личности. Въ 60-е годы въ этомъ оппозиціонномъ движеніи очень живое участіе принимали поляки, но совсѣмъ не то обнаружилось въ 80-е годы: „можно сказать, что поляки, какъ поляки, не только не принимали активнаго участія въ теперешнемъ политическомъ движеніи въ Россіи, но и не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, какъ отнестись къ этому движенію". Причину этого явленія М. П. Драгомановъ видитъ въ томъ, что въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ представители русскаго революціоннаго движенія придали ему исключительно *русскій* характеръ, хотя мимоходомъ упоминали и о „несчастной Польшѣ", и о сочувствіи „своимъ польскимъ братьямъ", и даже въ свои печатныя программы вносили пункты о *самоуправленіи* каждой мѣстности,—но все это имѣло очень неопредѣленный характеръ. „Вообще, эти программы говорятъ исключительно отъ имени „русскаго" народа, объ „русскомъ" народѣ,—и изъ немногихъ частныхъ объясненій, которыя проскальзываютъ въ этихъ программахъ и заявленіяхъ органовъ „русскихъ революціонеровъ", напр., изъ ссылокъ на исторію, народный бытъ и его учрежденія и преданія,—оказывается, что подъ словомъ „русскій" народъ они разумѣютъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ разговорномъ языкѣ,—народъ великорусскій, хотя страннымъ образомъ они тутъ же насчитываютъ то 70, то 80, то 90 милліоновъ этого „русскаго" народа, вмѣсто 40, каковые находятся въ дѣйствительности. Можно предположить, что „русскіе" революціонеры разумѣютъ въ послѣднемъ случаѣ всѣхъ гражданъ (подданныхъ) Россіи, называемой иначе „русскимъ" государствомъ, хотя въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть мѣста ссылкамъ на народныя преданія, бытъ, учрежденія и исторію,—вещи, которыя у разныхъ народовъ Россіи разныя." Совершенно вѣрно подчеркивается тотъ фактъ, что и созывъ „учредительнаго собранія" не всегда гарантируетъ торжество началъ справедливости по отношенію даже къ политической свободѣ личности, не говоря уже о неприкосновенности негосударственныхъ національностей или объ областномъ самоуправленіи.

„Примѣръ Германіи показываетъ намъ прогрессистовъ и республиканцевъ 1848 г., отвергающихъ „отдѣльное положеніе" польской Познани и вотирующихъ включеніе ея въ нѣмецкую имперію и слѣдовательно предоставленіе ея политикѣ гарманиза-

ціи. Въ Австріи мы видимъ, что цѣлые народы отказываются посылать депутатовъ въ центральный парламентъ, пока не будетъ обезпечена неприкосновенность ихъ національности и мѣстное самоуправленіе, которыя могутъ быть затерты извѣстнымъ составомъ центральнаго парламента. Повсюду мы видимъ примѣры политиковъ, которые начинали свою карьеру радикальнымъ направленіемъ и даже баррикадами и которые становились деспотами, спасая „единство государства", необходимое, какъ имъ казалось, для огражденія „свободы и прогресса" отъ поползновеній „сепаратизма", по ихъ мнѣнію, символа „реакціи". Мы не видимъ причины, почему бы не повториться всему этому и въ Россіи, если только отмѣна самодержавія не будетъ сопровождаться широкой мѣстной свободой и серьезными гарантіями для неприкосновенности національностей,—что невозможно, если самая борьба противъ теперешняго политическаго строя не будетъ устроена на федеративномъ началѣ".

Вотъ обо всемъ этомъ, по мнѣнію М. П. Драгоманова, русскіе революціонеры мало думали въ то время, равно какъ и поляки не выработали какъ слѣдуетъ своей программы, въ результатѣ чего и получились крупныя ошибки со стороны однихъ и другихъ.

Для того, чтобы яснѣе обрисовать тѣ пункты, на которыхъ зиждутся всѣ основныя недоразумѣнія въ русско-польскихъ отношеніяхъ среди оппозиціонныхъ кружковъ, М. П. Драгомановъ дѣлаетъ историческую справку о томъ, какъ уже въ очень давнія времена сложились неблагопріятно условія перекрестныхъ отношеній славянскихъ народовъ, занявшихъ великую восточную равнину Европы съ продолженіемъ ея на западъ до нижней Эльбы, т. е. поляковъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ и великороссовъ. Такъ какъ въ этомъ вопросѣ нашей Украинѣ пришлось сыграть очень спутанную роль, то мы считаемъ умѣстнымъ почти цѣликомъ воспроизвести здѣсь эти главы изъ статьи М. П. Драгоманова.

В. Н.

Исторія каждаго народа обусловливается географіей страны, какую онъ занимаетъ, или иначе почвою, на какой онъ живетъ. Счастливы тѣ народы, которымъ довелось занять земли удобныя и, такъ сказать, удобопонятныя, т. е. такія, свойства и отношенія которыхъ легко понимаемы даже и тогда, когда народъ еще находится на невысокой степени развитія. Но бѣда тому народу,

которому доведется жить въ странѣ, географическія свойства которой увлекаютъ его въ отношенія сложныя, и справиться съ ними можно только при высокомъ уровнѣ нравственномъ: при тонкости пониманія, настойчивости и послѣдовательности. Такія весьма „трудныя" страны достались почти всѣмъ славянамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ, которые занимаютъ великую Восточную равнину Европы съ ея продолженіемъ на Западѣ до нижней Эльбы: т. е. полякамъ, бѣлоруссамъ, украинцамъ и великоруссамъ. Равнинный характеръ страны манитъ ея жителей къ распространенію въ ширь. Нитями собирательными служатъ только рѣки, но такъ какъ онѣ переплетены въ своихъ притокахъ, то бассейны ихъ легко переходятъ одинъ въ другой,—и рубежи народовъ, ихъ населяющихъ, перепутываются между собою.

Взглянувъ на карту рѣкъ, горъ и болотъ вышеупомянутой страны, не трудно замѣтить, что она распадается на естественныя области именно по рѣчнымъ бассейнамъ: Одера и Вислы, Нѣмана, З. Двины, Днѣпра съ Днѣстромъ, Ладожскаго озера и Волги. Десять-одиннадцать вѣковъ тому назадъ мы видимъ здѣсь соотвѣтственное распредѣленіе племенъ: поляки на Одерѣ и въ значительной части на Вислѣ, литовцы на Нѣманѣ, кривичи (бѣлоруссы) на верхнемъ Днѣпрѣ съ верхней же Двиною, поляне (украинцы) съ родичами своими на среднемъ Днѣпрѣ съ сосѣдними областями; въ ладожскомъ бассейнѣ, а также на верхней Окѣ сѣли славянскіе колонисты, которые, подвигаясь на югъ и на востокъ и смѣшиваясь съ разными финно-алтайскими и туранскими племенами, образовали многочисленное племя великоруссовъ. Линіи рѣкъ опредѣлили здѣсь и дороги международныхъ отношеній, и ближайшіе племенные союзы. Уже находки новоперсидскихъ, арабскихъ, греческихъ, франкскихъ и англо-саксонскихъ монетъ въ разныхъ этихъ областяхъ опредѣляютъ раздѣленія и связи этихъ бассейновъ между собою,—бассейновъ: великорусско-азіатскаго, литовско-бѣлорусско-украинскаго и польско-украинскаго съ присоединеніемъ теперь румынской области Прута.

Но почти въ каждомъ изъ этихъ рѣчныхъ бассейновъ и по каждой изъ этихъ междурѣчныхъ линій, природа помѣстила по одному, по два условія пертурбаціи отношеній. Такъ, начиная отъ колѣна Нѣмана, примѣрно отъ Гродна, по линіи на Торунь по Вислѣ и далѣе по теченію Нетцы, она помѣстила рядъ нѣкогда почти непроходимыхъ болотъ и мелкихъ озеръ, которыя отдѣляли поляковъ собственной польской равнины отъ ихъ По-

морскихъ братьевъ настолько, что политическій союзъ ихъ между собою почти никогда не существовалъ сколько-нибудь прочно. Поморяне находились въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ по морю и по сушѣ съ западомъ, чѣмъ съ единоплеменнымъ имъ югомъ,— и затѣмъ были подвержены съ этого запада нѣмецкому вторженію, которое превратило ихъ въ „Померанцевъ" и лишило польское племя Балтійскаго моря между Одеромъ и Вислой. На востокъ отъ устья Вислы такія же, если не худшія, болота совсѣмъ не пускали польской колонизаціи къ морю, а предоставили заболотную страну колонизаціи понѣманскихъ литовцевъ, пруссовъ, которыхъ тщетно силились одолѣть первые польскіе короли и князья верхне- и средневислянскаго округа. Желаніе сломить здѣсь литовцевъ, пруссовъ, усиленное католическою политикою, заставило этихъ польскихъ князей пригласить сюда нѣмцевъ же,—которые положили на литовской землѣ зерно государства, со временемъ сломавшаго самое Польшу. Распространяясь дальше по поморью, нѣмцы захватили и Ригу, на устьѣ рѣки, которая течетъ долго въ бѣлорусской области, но потомъ, перешедши тоже линію болотъ и мелкихъ озеръ, втекаетъ въ область литовскую же (латышей). Соперничество полоцкихъ бѣлоруссовъ съ латышами и латышей съ эстами, какъ и соперничество поляковъ и литовцевъ,—помогаетъ утвержденію пришлыхъ нѣмцевъ на всемъ южномъ берегу Балтійскаго моря, во всѣхъ пунктахъ, которые составляютъ исходныя точки великихъ между-бассейныхъ коммуникаціонныхъ линій: въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Ригѣ. Международныя отношенія на балтійскомъ побережьѣ такимъ образомъ слишкомъ усложнились, къ явной невыгодѣ поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ,—требуя отъ нихъ, для своего улаживанья, слишкомъ большихъ нравственныхъ рессурсовъ.

Нелегкія условія оказались и на южныхъ концахъ вышеупомянутыхъ линій, по берегу Чернаго моря. Тутъ полоса степей, все распространяющаяся по направленію къ востоку, привлекаетъ съ востока кочевниковъ, которые нѣсколько разъ отрѣзываютъ украинскую колонизацію отъ Чернаго моря и по временамъ почти уничтожаютъ великое международное значеніе Днѣпра, едва сохраняя транзитную линію отъ Данцига на Варшаву, Галичъ (или Львовъ), Галацъ, которую и стремятся поляки отобрать у украинцевъ, ослабленныхъ натискомъ кочевниковъ.

Такимъ образомъ, географическо-историческія условія странъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями вели къ тому, что народы тамошніе, будучи отталкиваемы отъ морскихъ береговъ,

должны были наталкиваться одинъ на другой къ явной своей невыгодѣ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что оттираемые съ запада нѣмцами, поляки еще въ X—XI в. напираютъ на украинскую Галицію, а оттираемые отъ черноморскихъ степей волынцы въ XII—XIII ст. ведутъ истребительную войну съ нѣманскими ятвягами и литовцами, на которыхъ въ свою очередь напираютъ и поляки. Но окончательно бѣдственнымъ для всѣхъ оказывается этотъ взаимный напоръ народовъ въ Днѣпровско-Нѣманско-Вислянской области послѣ того, какъ поляки окончательно теряютъ передъ нѣмцами Поморье и область Одера, и начинаютъ рѣшительно искать себѣ вознагражденія на Востокѣ, т. е. съ половины XIV в.

А, между тѣмъ, временно на восточной европейской равнинѣ были установлены отношенія между племенами, довольно выгодныя для нихъ самихъ и для цивилизаціи вообще. Съ XIII в. установились тѣсныя федеративныя связи между нѣманскими литовцами и двинско-днѣпровскими бѣлоруссами; въ XIV в. въ этотъ союзъ входятъ и припетско-днѣпровскіе и деснянскіе украинцы,—и союзное государство Гедиминовичей успѣваетъ отбить отъ татаръ бугско-днѣпровскую Подолію и довести славянскую колонизацію до самаго Чернаго моря,—до земли старыхъ тиверцевъ и улучей, гдѣ въ началѣ XV в. является гавань Ходжибей (нынѣшняя Одесса), которая уже тогда посылаетъ хлѣбъ въ Византію. Тѣмъ временемъ, оживляются и итальянскія колоніи на Черномъ морѣ, въ то время какъ на Балтійскомъ находится въ полномъ цвѣту союзъ городовъ ганзейскихъ, который черезъ Ригу входитъ въ тѣсную связь съ городами бѣлорусскими.

Обширная, съ значительнымъ развитіемъ довольно свободной городской жизни, держава Гедиминовичей даетъ собою образецъ культурнаго бѣлорусско-украинскаго государства съ довольно естественными границами (бассейны Нѣмана, Двины и Днѣпра) и представляетъ опору для болѣе свободныхъ или болѣе культурныхъ элементовъ и великороссійской области (Рязани, Твери, Новгорода), угрожаемыхъ Москвою, которую проф. Буслаевъ называлъ полудикимъ, полутатарскимъ военнымъ лагеремъ. Просуществуй подобныя отношенія два-три столѣтія, и вся судьба Востока Европы была бы совсѣмъ иная, конечно болѣе счастливая, чѣмъ теперь. Но равновѣсіе было нарушено движеніемъ на Востокъ Польши, а также захватомъ береговъ Чернаго моря турками. Послѣднее имѣло значительное вліяніе на окончательное утвержденіе такъ называемой уніи Литвы съ Польшей въ 1569 г. Эту

унію и до сихъ поръ почти всѣ польскіе историки и политики зовутъ братскимъ союзомъ трехъ народовъ (Польши, Литвы и Руси). Меду тѣмъ, собственно въ одной тогдашней Литвѣ было три народа (литовцы, бѣлоруссы, неправильно называемые Литвой, и украинцы, или „Русь"). Но что еще важнѣе,—унія 1569 года была собственно раздѣломъ федераціи, основанной Гедиминовичами, и подчиненіемъ южной, украинской, части ея Польшѣ,—такъ какъ за Литвою, которой сохранены были нѣкоторыя, второстепенныя автономныя права, оставлены были только собственно литовскія и бѣлорусскія области, а Украйна-Русь (Волынь, Кіевъ и Черниговъ) были прямо присоединены къ числу малопольскихъ воеводствъ безъ всякой цѣльной областной, или національной, автономіи и цѣльнаго представительства. За злополучною уніею политическою 1569 г. послѣдовала не менѣе злополучная унія церковная 1596 г.

Совокупность этихъ уній показала, что тогдашніе польскіе политики взяли на себя—сознательно, или нѣтъ,—задачу, которая была совсѣмъ не по силамъ Польшѣ. Во-первыхъ, поставивъ столь обширный край въ зависимость отъ польской короны, а южныя области—даже въ прямое ей подчиненіе, они брались удовлетворить всѣмъ политическимъ нуждамъ края, начиная отъ внѣшней его защиты, главнымъ образомъ, отъ Турціи. Во-вторыхъ, Польша взялась распространить на край, котораго соціальный строй былъ совсѣмъ не похожъ на польскій, свои соціальные порядки, признававшіе, внѣ городовъ, только два класса населенія: шляхту и подчиненное ей посполъство. На первыхъ порахъ литовская, особенно украинская, мелкая шляхта была довольна полученіемъ правъ польской шляхты, уравнивавшихъ ее юридически съ магнатами. Но на Украинѣ сложился новый классъ вооруженныхъ людей,—козаки, которые пожелали и себѣ уравняться въ правахъ со шляхтой. А за козаками и крестьянство, еще далеко не подчиненное панамъ, какъ въ Польшѣ, особенно въ близкихъ къ степямъ мѣстахъ, считало себя достойнымъ той же вольности. Польскому правительству пришлось или признать шляхетскія права за всѣмъ населеніемъ Украины, или же попробовать сразу подчинить громадную массу народа ничтожному меньшинству. Стефанъ Баторій попробовалъ выдѣлить изъ массы козаковъ 6000 семействъ, дать имъ шляхетскія права, а остальныхъ повернуть въ посполъство, которое должно было подчиниться шляхтѣ. Но изъ этого проекта, который долго выставлялся и польскими, и русскими писателями, какъ благодѣтель-

ное дарованіе правъ козакамъ, вышла только путаница: шляхта не признавала правъ новыхъ своихъ товарищей; непопавшіе въ реестры козаки не хотѣли обращаться въ посполъство, а посполъство все хотѣло быть козаками, т. е вольными и самоуправляющимися людьми. Отсюда рядъ козацко-польскихъ войнъ съ конца XVI до половины XVII ст.

Въ довершеніе всего, религіозная унія была явнымъ приступомъ не только къ окатоличенію, но и къ ополяченію милліоновъ бѣлоруссовъ и украинцевъ, и какъ разъ въ то время, когда начатая въ городахъ (Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Кіевѣ и др.) правильная школьная наука, не чуждая и вліяній европейскаго вѣка возрожденія и реформаціи, пробудила въ мѣстномъ обществѣ,—особенно въ мѣщанскомъ—сознаніе національное и традиціи національной независимости, и когда значительная часть населенія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи отпала прямо въ протестантство. Очевидно, что унія Бѣлоруссіи и Украины съ Польшей,—и то исключительно политическая,—могла бы удержаться только тогда, когда бы эта унія была дѣйствительно федеральною, — насколько возможна была федерація уже шляхетской Польши съ еще разношерстно-феодальными Литвою и Бѣлоруссіей и довольно демократической Украиной. Но польскіе политики хотѣли не федераціи, а ассимиляціи, а потому приготовили распаденіе уніи, которое должно было увлечь къ гибели и самую Польшу, уже слишкомъ притянутую къ восточнымъ областямъ и оттянутую отъ болѣе естественныхъ ей союзовъ съ Силезіей, съ Чехіей и Венгріей, гдѣ тѣмъ временемъ успѣлъ пустить корни нѣмецкій элементъ, который долженъ былъ возобновить наступленіе на новую Польшу.

Какъ неизбѣжная реакція противъ непрактичной централистической программы Польши относительно Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, явилось центробѣжное стремленіе, при чемъ династическія и церковныя традиціи, а также потребность въ союзникѣ, заставили центробѣжные элементы обратить взоры въ Москву. Уже при первомъ натискѣ Польши на Литву, Сѣверщина поколебалась и потянулась къ Москвѣ. Затѣмъ католическая политика Ягеллоновъ, хотя въ началѣ и слабая, послужила для Ивана III, предлогомъ придать характеръ крестоваго похода своей войнѣ съ Новгородомъ, когда этотъ послѣдній призвалъ себѣ князя изъ Литвы, между тѣмъ, какъ въ XIV в. это дѣлали не разъ и Псковъ, и Новгородъ, не возбуждая ни въ комъ опасенія на неприкосновенность православія. Послѣ брестской уніи Москва явилась естественнымъ прибѣжищемъ надеждъ православной ин-

теллигенціи, а дальше и козаковъ, и поспольства украинскаго, и мѣщанъ бѣлорусскихъ. Переговоры съ Москвой о поступленіи всего „русскаго“ народа подъ высокую царскую руку изъ-подъ „польской неволи“ начались задолго до Богдана Хмельницкаго и переяславской уніи 1654 г. Практически дѣло началось съ того, что на востокъ отъ границъ новой Польши, на порожнихъ и номинально принадлежащихъ Москвѣ земляхъ,—образовалась новая, Слободская Украйна, которая собственно привела въ непосредственное сосѣдство старую Украину съ Московіей, а дальше и вся старая Украина рѣшила въ Переяславлѣ приступить „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“. Польша сама своею неумѣлостью подарила обширную провинцію своему будущему могущественному сопернику.

Но теперь наступила очередь неумѣлости за Москвою, которая тоже не была въ состояніи иначе отнестись къ новымъ провинціямъ, какъ по своему шаблону. Польскіе политики прикладывали къ Бѣлоруссіи и Украйнѣ мѣрку шляхетской республики и католической административной нетерпимости; московскіе стали примѣнять къ нимъ аршинъ боярской монархіи и нетерпимости православно-обрядовой.

Людямъ, которые приходятъ въ восторгъ отъ „русскаго единства“, установленнаго московско-петербургскимъ царствомъ на развалинахъ Польши въ 1773 до 1795 гг. (хотя и съ потерею Галиціи), слѣдовало бы почаще думать, отчего это единство не установилось въ 1654—1657 гг., когда вся Украйна была въ возстаніи противъ Польши за Москву и когда бѣлорусскіе города до самой Вильны отворяли свои ворота московскому царю?—Не почему другому, какъ по тому, что Москва—была Москва и не могла себѣ представить иной жизни, кромѣ своей, московской. Начать съ того, что Москва, какъ теперь Россія, была всегда болѣе разбухшею, чѣмъ дѣйствительно-великою, внутреннесильною державою. Къ ней всегда были примѣнимы слова представителей ея южныхъ провинцій, сказанныя на земскомъ соборѣ 1642 г.: „а разорены мы пуще (нежели отъ) турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“,—а потому она неспособна была къ большому финансовому напряженію, необходимому для того, чтобъ сразу покончить съ поднятымъ вопросомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, московскіе люди не въ состояніи были сойтись съ людьми, которымъ они должны были помогать освободиться отъ чужой державы, напр. нѣкогда Польши, потомъ Турціи. Какъ тупоголовы

были московскіе политики въ моментъ, когда Украйна обращалась къ ихъ „союзу и протекціи", видно изъ того манифеста, съ которымъ обратился Алексѣй Михайловичъ къ православнымъ жителямъ Польши и Литвы, вступая въ ихъ предѣлы въ 1654 г.: „и вы бы, православные христіане, освободились отъ злыхъ (отъ зла, „нечестія" церковнаго), въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленіе съ Поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ (наружностью), хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите" [1]). При такой обрядовой тупости, которую повторяютъ и на нашихъ глазахъ московскіе лже-славянофилы, гдѣ же было москвичамъ, не говоримъ уже понять мѣстные политическіе и культурные интересы присоединявшихся къ нимъ народовъ, но попросту ужиться съ ними въ ежедневной жизни. И дѣйствительно, едва сошлось московское войско съ украинскими козаками, какъ мы встрѣчаемъ жалобы послѣднихъ на то, что москвичи имъ рѣжутъ „хохлы" и всячески издѣваются надъ ними. Прибавьте къ этому хлопско-монархическія понятія, по которымъ московскій посолъ Кунаковъ огорчился, и вчужѣ, какъ это смѣлъ Богданъ Хмельницкій отвѣтить королю попросту „гаразд, кролю, мовиш",—и при этомъ „вѣжества и учтивости никакія всловесне и ни въ чомъ не учинилъ [2]),—холопско-монархическія привычки, которыя тѣмъ паче должны были возмущаться, когда уже поддавщіеся „православному царю" украинцы смѣли называть себя „вольными", а не „вѣчными" подданными царя [3]). Прибавьте къ такимъ холопскимъ понятіямъ естественное ихъ дополненіе—нахальство ближайшаго къ царю холопа, которое заставило воеводу Хитрова говорить козакамъ объ ихъ выборномъ человѣкѣ: „онъ, вашъ полковникъ, (непечатныя слова). Я тутъ отъ государя посланъ болей всѣхъ, а вы (непечатное слово) всѣ подчерти!" [4]). Вспомните также неизбѣжное въ деспотіяхъ отношеніе чиновника къ странѣ, которой ему поручено управлять, отношеніе, по которому воевода кн. Ба-

---

1) Соловьевъ. Ист. Россіи, X, 318. О возможности привлечь на свою сторону и протестантовъ въ Москвѣ и не думали, а между тѣмъ литовскіе и бѣлорусскіе протестанты еще въ XVI в. заключили союзы съ православными противъ католической политики.

2) Акты отн. къ ист. Зап. и Южн. Россіи, III, стр. 397.

3) Тамъ же, IV, стр. 397.

4) Акты Зап. и Южн. Росс. VI, № 47.

рятинскій говорилъ: „ѣхать де мнѣ вскорѣ къ Москвѣ; послѣ де мене въ Кіевѣ, хотя и трава не рости“ [1]).—Сообразите все это, и вы поймете, почему не могло состояться во времена Богдана Хмельницкаго „единство русское“,—и почему уже черезъ четыре-пять лѣтъ послѣ приступа Украйны „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“ сербъ Крижаничъ засталъ у украинцевъ сильную „политическую ересь, что жить подъ преславнымъ царствомъ московскимъ горше турецкой муки и египетской работы“ [2]),—и почему, не успѣлъ еще окончиться споръ между Москвою и Польшею за обладанье Поднѣпровьемъ, какъ среди самого поднѣпровскаго населенія явились партіи, которыя предпочитали православной Москвѣ даже уже испытанную Польшу, или мусульманскую Турцію.

Украинскіе историки не щадятъ своихъ предковъ, выставляя аристократическія идеи у козацкихъ либераловъ и федералистовъ отъ Виговскаго до Мазепы, но не уравновѣшивая (благодаря цензурѣ) эти недостатки антимосковскихъ партій яркимъ изображеніемъ прелестной московской политики и ея предательства относительно Запорожья и черни, поддержавшихъ Москву изъ ненависти къ панству, хотя бы и либеральному. Московскіе же историки съ удовольствіемъ подхватываютъ обличенія демократовъ противъ „измѣнниковъ“ въ Москвѣ, но не считаютъ нужнымъ примѣнять и къ послѣдней какого бы то ни было логическаго критеріума: у нихъ все дурно, что идетъ противъ царя и централизаціи; и все хорошо, что изъ нея исходитъ, а потому во всей крови, пролитой отъ Богдана Хмельницкаго до паденія Мазепы, у нихъ выходятъ виноваты только украинцы, особенно привыкшіе къ „шатости“ и буйству козаки. Но въ тогдашней драмѣ участвовалъ еще одинъ элементъ, котораго почему то не принимаютъ во вниманіе, хотя факты о немъ можно найти и у адвоката Москвы, С. М. Соловьева. Элементъ этотъ—бѣлорусскіе мѣщане,—не военные люди, не бунтари по промыслу,—а люди труда, а если хотите, то и капитала, люди и не безъ школьной науки. Бѣлорусскіе города сначала охотно переходили на сторону Москвы, при чемъ порознь заключали съ нею договоры, подобные тѣмъ, какіе заключали украинскіе козаки разомъ за всю Украйну. Такъ, напр., жители города Могилева въ 1654 г. выго-

---

[1]) Акты Зап. и Южн., Росс., VI, № 111.

[2]) Солов.. XI, 70—71.

ворили себѣ: волю по прежнему управляться по магдебургскому праву, носить одежду по прежнему, не ходить на войну, не быть выселяемыми въ другіе города, освобожденіе отъ военныхъ постоевъ, выборъ своихъ шаферовъ для завѣдыванія приходами и расходами въ городѣ, держаніе школъ по образцу кіевскому и т. п. (Соловьевъ, Ист. Россіи, X, 321). Подобныя условія были заключены и другими бѣлорусскими городами. И что же:—прошелъ всего годъ,—и бѣлоруссы говорили, что они „вмѣсто лучшаго въ пущую неволю попали": города стали „измѣнять" одинъ за другимъ, а могилевцы устроили настоящую Сицилійскую Вечерню, перебивъ въ 1661 г. семитысячный московскій гарнизонъ (за что въ 1708 г. Петръ Великій,—который было сначала самъ сказалъ могилевскому войту, что „тогда Москва дурна была",—отмстилъ городу, приказавъ своимъ солдатамъ, татарамъ и калмыкамъ зажечь его съ четырехъ концовъ [1]).

Крестьяне бѣлорусскіе въ свою очередь сначала возставали противъ Польши, такъ что поляки-современники жаловались, что „мужики очень имъ враждебны; вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; надобно опасаться чего-нибудь вродѣ козацкой войны". И дѣйствительно, скоро цѣлые уѣзды въ Могилевскомъ воеводствѣ „покозачѣли". Но московское правительство, въ разсчетѣ на то, что оно завладѣетъ краемъ, предпочитало имѣть дѣло съ неорганизованными и безправными хлопами, чѣмъ съ козаками, и потому само остановило развитіе козачества въ Бѣлоруссіи, ссылаясь на то, что по старымъ польскимъ правамъ и договорамъ здѣсь не положено было быть козакамъ.

Итакъ, значитъ, не одни буйные и своевольные украинскіе козаки не могли ужиться съ московскимъ „порядкомъ"—и вовсе не одна „шатость" украинскихъ людей, а и деспотизмъ и безъидейность Москвы были причиною, почему она не могла совершить въ XVII в. „раздѣла Польши", который, будучи собственно только ампутаціей отъ Польши непольскихъ земель, которыми она оказалась не въ состояніи управлять, быть можетъ, спасъ бы самостоятельное существованіе остальныхъ, чисто-польскихъ земель. Разъ оказавшись не въ состояніи удержать за собою симпатіи населеній Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны, московскіе поли-

---

[1]) Безкорниловичъ. Истор. свѣдѣн. о примѣч. мѣст. въ Бѣлоруссіи. 160, 166—171.

тики должны были вступить въ переговоры съ польскими о томъ, какъ бы хоть подѣлиться ими, да при этомъ сообща укротить неподдающійся безусловно ни Польшѣ, ни Москвѣ козацкій элементъ.

Оба государства заключили, наконецъ, въ 1667 г. договоръ, по которому Москва отказалась отъ Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, чтобъ вѣрнѣе управиться съ Украйной Лѣвобочной. Этотъ договоръ, котораго первымъ послѣдствіемъ было обращеніе Правобочной Украйны подъ покровительство Турціи, вскорѣ былъ дополненъ геніально-нелѣпыми договорами съ Турціей и Польшей, по которымъ половина Правобочной Украйны (почти вся теперешняя Кіевская губернія и часть Подольской) была осуждена оставаться пустынею между тремя державами, чтобъ каждая изъ нихъ могла управляться съ остальными своими владѣніями, не будучи безпокоема непокорными козаками. Этотъ „раздѣлъ“ Украйны былъ смертнымъ ударомъ ея самостоятельному развитію, на которое налегли Польша, Москва и Турція, каждая по своему. Украинскіе подданные каждой державы рвались отъ нихъ и по неволѣ обращали взоры къ сосѣднему государству,—какъ напр., правобочный герой Палій, который тянулъ къ Москвѣ, въ то время, когда лѣвобочный гетманъ Мазепа тянулъ къ Польшѣ. Украинская интеллигенція, сокращавшаяся подъ ударами невѣжества, на которое была осуждена страна, лишаемая школъ опустошеніемъ и политическою централизаціею [1]), а также подъ вліяніемъ денаціонализаціи высшихъ классовъ, все болѣе теряла цѣлостность національно-политическаго идеала,—въ то время, какъ массы народа подпадали господству крѣпостного права польскаго, а потомъ и московскаго. Національность украинская замерла до самаго XIX в., когда она была открыта горстью поэтовъ и ученыхъ, да и они получили себѣ точку опоры только послѣ освобожденія крестьянъ въ Галиціи и Буковинѣ въ 1848 г., а въ остальной, большей части Украйны, только въ 1861 г. Что касается до Бѣлоруссіи, то здѣсь московско-польско-шведскія войны совершенно опустошили города и между прочимъ истребили наиболѣе культурный, протестантскій элементъ, который преслѣдовала московская окупація при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ и при Иванѣ IV,—такъ что правительству

1] Школы не переставали заботить козаковъ украинскихъ, какъ видно и изъ договоровъ гетмановъ Виговскаго [1658], Дорошенка [1679], Орлика [1710].

польскому, которое получило обратно этотъ край, легко было заселить города его евреями, а протестантскія (городскія) школы и учрежденія замѣнить іезуитскими (панскими) и такимъ образомъ обратить бѣлорусскую націю исключительно въ жителей разбросанныхъ среди лѣсовъ деревень.

Польское государство, хотя и лишилось Лѣвобережной Украйны и Кіева,—но могло торжествовать, что отдѣлалось дешево отъ кризиса, поднятаго козацкими войнами: оно получило назадъ большую часть спорныхъ земель, да еще очищенную отъ оппозиціонныхъ элементовъ, при помощи самого его соперника. Еще столѣтіе владѣла Польша Бѣлоруссіей и Правобочной Украйной довольно безпрепятственно, если не считать крестьянско-гайдамацкихъ волненій на юго-восточномъ концѣ послѣдней. Между тѣмъ такое полученіе обратно нѣкогда волновавшихся странъ было гибельно для самой Польши. Козацкія возстанія заставляли многихъ поляковъ относиться критически къ политикѣ своего правительства и, быть можетъ, указали бы большинству польскаго общества на необходимость серьезныхъ реформъ въ странѣ. Теперь же ничто не напоминало объ ихъ необходимости, и польское общество уснуло, предоставивъ своей олигархіи іезуитамъ и евреямъ обрабатывать Украйну, Бѣлоруссію съ Жмудью и, конечно, и самую Польшу. А между тѣмъ окончательно обработать не только Украйну, но даже совсѣмъ разбитую Бѣлоруссію польская политика все-таки не была въ силахъ. Еще менѣе она была въ силахъ удержать эти провинціи отъ захвата Москвы, которая во всякое время могла воспользоваться тлѣвшею въ нихъ ненавистью къ польскому государству.

Это отсутствіе цѣльной національно-политической программы въ Украйнѣ и Бѣлоруссіи и слѣдованіе ошибочной программѣ со стороны Польши очень было на руку Москвѣ, какъ государству, которое все болѣе и болѣе дѣлалось завоевательнымъ. А такимъ оно должно было стать послѣ того, какъ присоединеніе Украйны и голоса кіевскихъ ученыхъ показали ему перспективу возможности овладѣть всѣмъ прежнимъ достояніемъ дома св. Владиміра, съ тѣхъ поръ, какъ, по присоединеніи Украйны же, стали чаще доноситься къ нему и черезъ украинцевъ, и прямо, голоса запрутскихъ и задунайскихъ христіанъ, приглашавшіе Москву взять на себя роль разрушителя и Турціи. Москва по прежнему не имѣла широкой политико-соціальной программы, способной привлечь и сразу упрочить за нею присоединеніе столь обширныхъ и разнообразныхъ странъ, недовольныхъ существую-

щимъ порядкомъ вещей. Но зачѣмъ же присоединять сразу, когда можно присоединять понемножку, и зачѣмъ ломать голову надъ политико-соціальными программами, когда одна ненависть могущихъ быть присоединенными земель противъ правящихъ ими системъ, можетъ облегчить присоединеніе?! Вмѣсто политики дѣйствительно политической и соціальной, Москва развиваетъ у себя политику военно-дипломатическую. Кое-какъ поправивши послѣдствія ослабленія русскаго элемента на берегахъ Балтійскаго моря черезъ разрушеніе Новгорода „мудрою“ политикою двухъ грозныхъ централизаторовъ, Ивановъ III и IV, и утвердившись вновь на берегахъ Невы, Москва принимается за Турцію и Польшу. При этомъ, правда, въ войнахъ съ первою Москва подвигается медленно, потому что долго не можетъ опираться на украинскую колонизацію, опустошенную „мудрыми“ договорами конца XVII в. и первымъ разореніемъ Рѣчи въ 1709 г.,—но все-таки подвигается,—къ удовольствію и самой Украйны, которая получаетъ таки черезъ 300 лѣтъ берега Чернаго моря. Что до Польши, то это кусокъ вѣрный, надо только постараться какъ можно больше удержать изъ него для себя, при дѣлежѣ съ западными соперниками. Но на то и существуетъ дипломатія.

Какъ и слѣдовало ожидать, всего куска получить Москвѣ не удалось;—дѣлежъ состоялся, и при томъ такъ, что бывшій вассалъ славянской Польши получилъ добрые куски славянскихъ земель,—а одно изъ достояній св. Владиміра получила королева Венгріи, внукъ который сталъ императоромъ австрійскимъ. Но не мало „губерній возвратилось“ отъ Польши и къ Москвѣ, хотя—(новое торжество логики!)—въ этихъ губерніяхъ пришлось удовольствовать польскихъ пановъ утвержденіемъ и развитіемъ крѣпостного права надъ „возсоединеннымъ православнымъ населеніемъ!“ Какъ бы тамъ ни было,—а послѣ этихъ присоединеній на Востокѣ Европы образовалась имперія, „превосходящая по величинѣ Римскую въ самыя ея цвѣтущія эпохи“. И эта имперія образовалась на развалинахъ соединенныхъ Литвы и Польши и единственно благодаря неудачному ихъ соединенію!

Само собою разумѣется, что столь обширная и такимъ способомъ образовавшаяся имперія не могла быть ни свободною, ни благоустроенною. Когда въ XVI в. московскіе князья всѣми правдами и неправдами соединили подъ своимъ скипертомъ все великорусское населеніе, они почувствовало необходимость, для какого нибудь благоустроенія своихъ старыхъ и новыхъ вотчинъ, созывать земскіе соборы. Земскіе же совѣты и соборы спасли націо-

нальную независимость Великороссіи и въ эпоху самозванцевъ. Конечно, и цари московскіе со временемъ должны были, подобно другимъ государямъ Европы, постараться обходиться безъ созванія этихъ, всегда неудобныхъ для претендующей на самодержавіе власти, совѣтниковъ, которые естественно стремятся перейти въ контролеровъ. И дѣйствительно, къ концу XVII вѣка земскіе соборы въ Москвѣ все становятся рѣже и рѣже,—подобно тому, какъ въ это время ослабляется значеніе такихъ же собраній и въ другихъ большихъ государствахъ Европы, кромѣ Англіи, въ которой парламентъ укрѣпляетъ свою силу двумя революціями. Но совершенно уничтожить всякій слѣдъ представительныхъ учрежденій государи не успѣли нигдѣ въ западной Европѣ и, конечно, не успѣли бы уничтожить его и въ Московскомъ государствѣ, если бы оно сохранило болѣе цѣльный національный составъ и не стало столь завоевательнымъ,—тѣмъ болѣе, что, кромѣ боярскаго либерализма, проявившагося при случаѣ попыткою ограничить власть Анны Ивановны, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и въ купеческой, и въ раскольнической средѣ ходили идеи о необходимости „народосовѣтія". Но, съ постепенно возрастающимъ количествомъ не-великорусскихъ провинцій, которыя въ добавокъ еще стояли выше по культурѣ, чѣмъ провинціи „коренныя", съ украинцами и бѣлоруссами на епископскихъ кафедрахъ, которыя должны были обезоруживать національно-староверческую оппозицію, съ возрастаніемъ разнонаціональнаго элемента въ шляхетской бюрократіи,—земскіе соборы и вообще совѣщающееся съ населеніемъ управленіе стало затруднительнымъ. По мѣрѣ расширенія Московскаго царства, ставшаго Петербургскою, Россійскою имперіей, государственная машина должна была все больше и больше принимать видъ организма съ гипертрофіей вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, всегда и вездѣ наиболѣе уклоняющихся отъ общественнаго контроля, особенно контроля предварительнаго. Бюрократія въ администраціи, и диктатура въ политикѣ стали неизбѣжными формами въ государственной жизни обширной имперіи. Сначала администрація имѣла до извѣстной степени децентрализованный характеръ, приноравливаясь къ разнообразнымъ условіямъ новоприсоединенныхъ странъ,—болѣе, впрочемъ, къ ихъ болѣзненнымъ условіямъ, которыя возможно было эксплуатировать въ интересахъ политической централизаціи. Такъ напр., петровская администрація покровительствовала аристократическому нѣмецкому элементу въ Остзейскомъ краѣ передъ народнымъ эсто-латышскимъ, который было начало

поднимать шведское правительство,—въ то же время въ Малороссіи старалось эксплуатировать въ свою пользу нерасположеніе черни противъ козацкой старшины, но при этомъ вовсе не поднимая правъ черни, а насаживая надъ нею чиновниковъ великорусскихъ. Такъ, администрація Екатерины II считала нужнымъ въ новоприсоединенной Бѣлоруссіи покровительствовать польской аристократіи, чтобъ парализовать вліяніе на нее демократическаго патріотизма Костюшки и въ то же время не давать соблазна сосѣднимъ великорусскимъ крестьянамъ относительной вольностью бѣлорусскихъ крестьянъ. При нѣкоторомъ либеральномъ вѣяніи, идя далѣе въ томъ же направленіи, можно было давать парламентское правленіе Финляндіи и Конгрессовой Польшѣ, чтобъ сначала отдѣлить ихъ отъ Швеціи и польскихъ земель подъ Пруссіей и Австріей, а потомъ уже стѣснить дальнѣйшее развитіе автономныхъ учрежденій Финляндіи и совсѣмъ ихъ отмѣнить въ царствѣ Польскомъ. Мало по малу, когда политическая централизація брала верхъ, когда автономныя партіи теряли свою центробѣжную силу,—бюрократія должна была принять направленіе рѣшительно централистическое, нивелирующее, обрусительное. Направленіе это намѣчено вполнѣ сознательно уже нѣмкою Екатериной II, которая писала въ инструкціи генералъ-прокурору, кн. Вяземскому: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу.“ [1]). Мы были свидѣтелями, какъ эти слова стали лозунгомъ Катковыхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ и основой цѣлаго ряда государственныхъ мѣропріятій централистическаго и обрусительнаго характера.

Между этими мѣропріятіями было нѣсколько такихъ, которыя имѣли демократическій оттѣнокъ. Весьма многіе склонны думать, будто бюрократически-централизаціонная диктатура способна болѣе ужиться съ демократическими интересами, нежели автономный либерализмъ, который будто бы благопріятствуетъ

1) Соловьевъ, XXVI, 39.

интересамъ аристократіи. Но даже оставляя въ сторонѣ примѣры въ прежней Россіи, въ которой диктатура помогала именно развитію аристократіи (въ Остзейскомъ краѣ, въ западныхъ провинціяхъ, въ Украинѣ, Крыму, на Кавказѣ, у юговосточныхъ инородцевъ), можно доказать примѣромъ древнихъ государствъ, Франціи, и самой недавней Россіи, что играющій въ демократію цезаризмъ только до тѣхъ поръ боролся съ аристократіей, пока она не отрекалась отъ политической независимости и не обращалась въ его слугъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ сейчасъ же предавалъ ей демосъ, если не заводилъ себѣ новую аристократію. И въ недавнее время въ Россіи мы видимъ, какъ недолговѣчно было въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ теченіе императорской демократіи,—Милютина съ Черкасскимъ, Муравьева и Безака; да и то еще вопросъ, было ли бы и оновозможно безъ того либерально-демократическаго движенія, какое проявлялось и въ русскомъ, и въ польскомъ обществѣ передъ 1863 г.?

Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что только свобода и самоуправленіе могутъ быть прочной гарантіей послѣдовательнаго развитія демократической политики. Девятнадцатое столѣтіе показало не мало людей и среди поляковъ, и среди великоруссовъ, которые желали приложить къ политикѣ своихъ странъ начала свободы и демократіи. Бѣда была только въ томъ, что имъ не удалось найти для той и другой такую формулу, которая бы вполнѣ подходила къ реальнымъ условіямъ странъ, составляющихъ бывшую Польшу и нынѣшнюю Россію. Для того, чтобы найти эту формулу, надо совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ традиціонныхъ политическихъ идей и привычекъ мысли, какъ польскихъ, такъ и великорусскихъ,—да и вообще вмѣсто инстинктовъ, традицій и привычекъ поставить въ основу политики изученіе, въ данномъ случаѣ прежде всего изученіе особенностей тѣхъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Никогда въ XIX ст. не было такъ возможно установленіе здравой политики въ Россіи съ польскими ея областями, какъ въ 1860—1863 гг.,—но никогда такъ же ярко и не обнаружилось и въ польскомъ, и въ великорусскомъ обществѣ отсутствіе необходимаго отрѣшенія отъ традиціонныхъ взглядовъ и отсутствіе изученія тѣхъ странъ, которыя составляютъ предметъ спора между такъ называемой Польшей и такъ называемой Россіей.

Физическое и моральное опустошеніе и угнетеніе, которымъ подвергли Польша и Россія Бѣлоруссію и Правобочную Украйну

въ XVII—XVIII в., были таковы, что, когда въ концѣ XVIII в. эти области присоединяли отъ Польши къ Россіи, то въ нихъ почти не было замѣтно признаковъ народной жизни, и за аристократіей,—конечно, польской,—никто изъ нихъ не видѣлъ массъ народа и ихъ націй, которыя успѣли было обратить на себя вниманіе даже иностранныхъ писателей во время козацкихъ войнъ. (Beauplan, Descirption d'Ukraine, 1660. Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, 1663 и др.). Теперь это были „польскія провинціи", и если Екатерина II называла ихъ „отъ Польши возвращенными",—то въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Марія Терезія, какъ королева Венгріи, назвала еще раньше ея (въ 1700 г) „возвращенными землями" Спижскій округъ съ Величкой и Бохніей, и на томъ же основаніи, на какомъ эта венгерская королева заняла въ 1772—1773 г. „Малую или Красную Русь или Галицію и Ладимирію", по родству старыхъ венгерскихъ королей съ галицкими князьями дома св. Владиміра, наслѣдницей котораго считала себя и ангальтцербстская принцесса на петербургскомъ тронѣ. Въ глубинѣ духа и Екатерина, какъ и Марія Терезія, считала „возвращенныя провинціи" польскими, и если усматривала въ нихъ что-либо непольское, то развѣ „православіе", да и то больше всего благодаря агитаціи православныхъ духовныхъ изъ украинцевъ, въ родѣ извѣстнаго бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго. Бѣлорусскій же католицизмъ и протестантизмъ считались такъ мало „русскими" съ оффиціальной великорусской точки зрѣнія, что они и ополячились окончательно именно послѣ перехода края подъ владычество Россіи. Даже уніаты стали полячиться подъ этимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ подъ польскимъ. Не только заурядные люди въ Россіи считали „губерніи, отъ Польши возвращенныя" польскими, хотя, пожалуй, и подлежащими „обрусенію", но самъ императорскій исторіографъ Карамзинъ въ своей „Исторіи государства Россійскаго" проглядѣлъ существованіе подъ не-русскою династіей Гедиминовичей своего рода русскихъ, хотя и не великорусскихъ, національныхъ элементовъ. Даже возставая противъ плана Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 г., черезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи, при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о не-

польскихъ національностяхъ этихъ краевъ [1]). Въ существѣ своемъ понятія Карамзина остались до сихъ поръ понятіями средняго великорусскаго человѣка, для котораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша".

А между тѣмъ уже и въ первой четверти XIX в. успѣли прорѣзаться всходы непольскаго сознанія въ „губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ". Прежде всего это сознаніе, конечно, должно было исходить изъ Лѣвобочной Украйны, въ которой преданія XVII вѣка не могли затереться окончательно и въ которой съ конца XVIII в. началось литературное изученіе еще свѣжей козацкой старины, а затѣмъ и этнографіи, которое не могло, конечно, остановиться на днѣпровской границѣ. Затѣмъ, подъ вліяніемъ школьной науки, хотя бы и польской (въ Виленскомъ университетѣ и Кременецкомъ лицеѣ), и въ мѣстныхъ польскихъ кругахъ стали образовываться зародыши литво- бѣлоруссо- и украйно-фильства.—При этомъ въ столь явно оригинальной Литвѣ возобновились и попытки писать по-литовски, а въ переполненной козацкими преданіями Украйнѣ появилась не только украинская школа поэтовъ на польскомъ языкѣ (Мальчевскій, Б. Залѣскій, Гощинскій и др., которые соотвѣтствуютъ автору „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки" и „Тараса Бульбы" въ русской литературѣ), но и попытка писать на языкѣ украинскомъ (подобно лѣвобережнымъ Котляревскому, Гулаку, Квиткѣ и др.) и даже агитировать пѣснями на этомъ языкѣ народъ въ пользу Польши (Тымко Падура).

Но всѣ эти зачатки будущихъ національныхъ возрожденій, зачатки тѣхъ движеній, которыя должны стать центробѣжными и отъ Москвы, и отъ Польши, были еще на столько слабы, что ихъ почти не замѣчали образованные круги господствовавшихъ національностей, которые не могли себѣ представить націй внѣ государствъ и аристократій. А между тѣмъ время ставило передъ этими кругами вопросы политическіе и соціальные, которые въ столь деспотическомъ государствѣ, какъ Россія, не могли быть подняты иначе, какъ путемъ революціоннымъ. Революціонныя общества образовались и среди поляковъ, и среди русскихъ,—при чѣмъ сразу же намѣтилась и разница между тѣми и другими, разница, которая объясняется, главнымъ образомъ, разли-

---

1) Карамзинъ писалъ: „Литва, Волынь хотятъ возстановленія королевства польскаго,—а мы желаемъ единства государства россійскаго".

чіемъ положенія націи побѣжденной и господствующей: въ то время, какъ польскіе революціонеры на первый планъ ставили вопросы національно-политическіе, у русскихъ преобладали вопросы политико-соціальные. Пункты соприкосновенія, впрочемъ, были,—и попытка соглашенія должна была быть сдѣлана уже ради удобства одновременной борьбы „съ общимъ врагомъ", т. е. съ царскимъ самодержавіемъ. При первой же попыткѣ этого соглашенія долженъ былъ быть поднятъ и вопросъ о будущихъ политическихъ отношеніяхъ „Польши" и „Россіи". Но при этомъ оказалось, что обѣ стороны способны были обсуждать этотъ вопросъ только на основаніи господствующихъ, чисто-государственныхъ, т. е. узко-польскихъ и узко-великорусскихъ понятій,—такъ какъ между тогдашними поляками, даже украинцами, какъ С. Гощинскій, демократическія и центробѣжныя идеи еще не созрѣли до полнаго разрыва съ традиціонными польскими стремленіями, а среди русскихъ было совсѣмъ мало даже такихъ, которые, подобно Рылѣеву, совмѣщали бы въ себѣ слабыя украинскія воспоминанія съ западнымъ либерализмомъ („Исповѣдь Наливайка, „Войнаровскій").

Когда въ 1824 и 1825 гг. встрѣтились члены русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ въ Кіевѣ (Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, потомъ Пестель, съ одной стороны и Кжыжановскій и Яблоновскій, съ другой), то собственно обѣ стороны оказались стоящими не только на старыхъ государственныхъ точкахъ зрѣнія, но даже весьма упорными государственными унитаристами. Когда между Муравьевымъ и Кжыжановскимъ поднятъ былъ вопросъ о будущемъ Польши, то первый высказалъ мысль, что среди русскихъ многіе стоятъ за цѣлость имперіи, хотя предлагаютъ федеративное устройство, въ родѣ С.-Американскаго;—въ другой разъ Муравьевъ и Бестужевъ предложили мысль о поголовной подачѣ голосовъ по вопросу о границахъ между Россіей и Польшей,—противъ чего Яблоновскій выставилъ рѣшительное требованіе признанія нераздѣльности границъ „исторической Польши", т. е. границъ, если не 1772, то 1793 г. [1]). Ни съ одной стороны не было заявлено и сомнѣнія относительно того, что спорныя области собственно ни Россія, ни Польша! Это обстоятельство мало предвѣщало успѣха обѣимъ сторонамъ,—а разногласія ихъ въ вопросѣ о границѣ между ихъ Россіей и Польшей и темнота по-

---

[1]) Lisicki. Wielepolski et son temps. I, 51—54.

нятій на счетъ спорныхъ провинцій (Николай Тургеневъ, напр., считалъ Кіевъ Россіей, а Подолію—Польшей),—не обѣщали возможности солидарнаго дѣйствія противъ „общаго врага". И дѣйствительно, солидарности между польскими политиками и русскими „декабристами" оказалось на дѣлѣ очень мало, при чемъ повидимиму и принципіальныя разногласія ихъ могутъ быть сведены къ разногласіямъ по вопросу о границахъ Польши и Россіи: такъ, нѣкоторые русскіе требовали отъ поляковъ, чтобъ они свергли и даже убили Константина Павловича, въ то время, когда въ Петербургѣ будетъ тоже сдѣлано съ Александромъ I. На это поляки отвѣчали, что цареубійство не въ нравахъ Польши, и что ей бы лучше оставаться конституціонной монархіей, чѣмъ республикою. Но русскіе подозрѣвали, что поляки хотятъ, въ случаѣ революціи въ Петербургѣ, получить свое отъ остающагося во власти Романова, который дѣйствительно могъ бы охотно взяться возстановить историческія границы Польши на Волгѣ, лишь бы сохранить за собою хоть какой-нибудь тронъ [1]).

Какъ извѣстно, оба русскіе „пронунсіаміенто" 1825 г., петербургское и бѣлоцерковское, обошлись безъ всякой поддержки поляковъ, а затѣмъ во время польскаго возстанія 1830—31 гг., не произошло никакого русскаго движенія. Возстаніе 1830—31 гг. имѣло между прочими своими послѣдствіями закрытіе университетовъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и лицея въ Кременцѣ, слабо вознагражденное открытіемъ „для поляковъ" университета въ Кіевѣ, въ которомъ долго преподаваніе имѣло вполнѣ казенный характеръ. Это осужденіе обширныхъ странъ на невѣжество оказалось выгоднымъ прежде всего, вовсе даже не русскому правительству (въ полицейскомъ смыслѣ), а польской централистической исключительности. Централизмъ и исключительность всегда идутъ объ руку съ невѣжествомъ. Изученіе прошлаго и настоящаго непольскихъ областей старой Польши сильно упало въ польскомъ обществѣ послѣ 1831 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ критическое отношеніе такихъ ученыхъ и демократовъ, какъ Лелевель, къ

---

1) О переговорахъ декабристовъ съ поляками см. Mochnacki, Powstanie narodu polskiego w roku 1830—1831, т. I., изд. 1863, 243—250. Тутъ видно, какое смутное понятіе имѣли декабристы о народахъ Польши, Литвы, Бѣлой Руси и Украйны и какъ и тѣ изъ нихъ, которые желали сохраненія единства Россіи, и тѣ, которые готовы были различными способами подѣлить ее съ поляками (Пестель),—одинаково отправлялись не отъ „народныхъ", а отъ „историческихъ" правъ.

старому польскому государству смѣнилось крайней его идеализаціей. Въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, что козацко-украинскія возстанія не были дѣломъ естественной реакціи противъ магнатско-іезуитской политики, какъ признавали серьезные историки школы Лелевеля,—или же соціальной реакціей, осложненной реакціей національною, какъ учатъ продолжатели Лелевеля, историки украинскіе,—но дѣломъ разбойниковъ (козаковъ), подвинутыхъ московскою интригой, какъ не стыдится проповѣдывать, напр., популярный у поляковъ историкъ, пр. Шуйскій. Украинская школа въ польской литературѣ съ 30-хъ годовъ замерла; постепенно стало замирать у поляковъ съ 1840 г. и этнографическое изученіе Украйны, начатое Ходаковскимъ, Залѣскимъ, Паули и др. Совсѣмъ забыть о существованіи оригинальныхъ чертъ исторіи и быта украинскаго не могли и поляки, тѣмъ болѣе, что объ этомъ напоминало все болѣе увеличивающее національное самосознаніе лѣвобережной Украйны, перенесенное Максимовичемъ, Метлинскимъ м Костомаровымъ въ кіевскій университетъ. Но признаніе украинскихъ особенностей приняло у поляковъ странную форму извѣстнаго ученія г. Духинскаго, которое, усиливая различія украинцевъ отъ великоруссовъ до отнятія у послѣднихъ права на имя славянъ, въ тоже время стушевывало различіе украинцевъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, которое видитъ въ политической границѣ Польши и Россіи 1772 года границу и этнографическую, мнѣніе, по которому лѣвобережная Украйна, уже не принадлежавшая Польшѣ въ 1772 г., совсѣмъ будто бы отличается по національности отъ Украйны правобережной, народъ которой польскіе этнографы записываютъ въ провинціальную разновидность націи польской на ряду съ мазурами, малополянами и т. д. Туда же записывалась и національность бѣлорусская, этнографическое изученіе которой все-таки подвигалось у поляковъ, почти не встрѣчая себѣ соперничества съ „русской“ стороны.

На русской сторонѣ послѣ революціи 1830—1831 гг. стали образовываться о спорныхъ съ Польшею провинціяхъ своего рода ученія, похожія на сейчасъ упомянутыя польскія мнѣнія. Въ оффиціально-ученыхъ кругахъ Россіи поняли недостаточность карамзинской точки зрѣнія на эти провинціи, принадлежащія Россіи только по праву меча, или династическаго наслѣдства, но, конечно, круги эти не были въ состояніи уразумѣть и мысли о самостоятельныхъ отличіяхъ и правахъ этихъ провинцій и передъ

Великороссіею, какъ и передъ Польшею. Императоръ Николай надумался (не знаемъ, самъ ли, или подъ чьимъ-либо вліяніемъ), что самое лучшее—стирать съ западныхъ и южныхъ провинцій всякія мѣстныя отличія, начиная съ именъ ихъ, которыя употреблялись со времени раздѣленія ихъ на губерніи при Екатеринѣ II. Въ 1840 г., когда ему поднесли для подписанія бумаги, въ которыхъ встрѣчались обычныя названія „Литовскія губерніи" (Виленская,—отъ которой въ 1842 году отдѣлена была Ковенская,—Гродненская) и „Бѣлорусскія губеніи" (Витебская и Могилевская), Николай I зачеркнулъ слова: „Литовскія и Бѣлорусскія" и приказалъ переписать бумаги, подписавъ на нихъ резолюцію: „правила сего держаться и впредь, никогда иначе не приписывая, какъ поименно губерніи". А еще раньше того Николай приказалъ называть Слободско-Украинскую губернію Харьковскою (1835) и уничтожилъ названіе Малороссійскаго генералъ-губернаторства, обнимавшаго двѣ Лѣвобочныя губерніи (Черниговскую и Полтавскую) съ Слободско-Украинскою. Въ то же время историкъ Устряловъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи упущенія Карамзина, настаивая на „русскомъ" характерѣ населенія Литовск. княжества въ XIV—XVв., конечно—„русскомъ" въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Для этого ученія Устрялову было достаточно усвоить противопольскія идеи православно-украинскихъ писателей старой школы (Конисскаго, Бантыша-Каменскаго) съ исключеніемъ всякихъ автономныхъ идей, которыя все-таки пробивались у нихъ сквозь православную кору и проскакивали въ печать, несмотря на всѣ цензурныя предосторожности. Любопытныя подробности на счетъ того, какъ хлопоталъ Устряловъ о томъ, чтобъ выставить на видъ въ оффиціальныхъ сферахъ эту новую для великорусской публики антипольскую обработку исторіи Литовскаго княжества, находимъ въ запискахъ Устрялова, напечатанныхъ въ 1880 г. въ „Древней и Новой Россіи". Но новыя идеи туго усваивала даже оффиціальная публика [1]). Что же до публики част-

---

[1]) Устряловъ говоритъ, что „Карамзинъ имѣлъ смутное понятіе о Литовскомъ княжествѣ", а „у насъ привыкли его считать коренною Польшею". Въ 1835 г. оберъ-прокуроръ Синода Протасовъ и мин. народ. просв. Уваровъ пришли „въ восторгъ", узнавъ отъ Устрялова, что Литовское княжество, которое „важно было для Протасова по политическимъ соображеніямъ", было тоже Русь, и Уваровъ сказалъ Протасову (по французски), что объ этомъ надо доложить государю. Но въ 1840 г., въ указѣ о замѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ Литовскаго Статута Сводомъ Законовъ, была напечатана глупость, а именно: будто Литовскій Статутъ

ной, то большинство ея слушало совершенно индифферентно обо всѣхъ этихъ Ягеллахъ и Свидригайлахъ, еще болѣе обезцвѣченныхъ оффиціальнымъ историкомъ, чѣмъ даже московскіе Иваны,—а болѣе независимое меньшинство считало антипольскую,—и вмѣстѣ съ тѣмъ и антилитовскую,—обработку исторіи юго-западной Руси, лишенную всякихъ указаній на жизненныя особенности ея націй, новою выдумкою академическаго лакейства. Въ полякахъ же, которые тоже были обязаны выучивать въ школахъ эту обработку, она производила только отвращеніе. Сынъ Устрялова разсказываетъ анекдотъ, какъ самъ историкъ нашелъ совершенно естественнымъ, что одинъ студентъ-полякъ не захотѣлъ отвѣчать на экзаменѣ попавшійся ему вопросъ изъ исторіи „возвращенія" къ Россіи ея старыхъ провинцій. А мы помнимъ случай, когда на студенческой сходкѣ въ Кіевѣ въ 1860 г. одинъ украинецъ сказалъ: „исторія показываетъ, что здѣшній край не Польша",—на что студентъ-полякъ воскликнулъ: „не исторія, а Устряловъ". Восклицаніе было покрыто аплодисментами поляковъ, которые заглушили замѣчаніе другого украинца: „не одна исторія, а и статистика!"

Представить живо и въ то же время правдиво исторію Понѣманья и Поднѣпровья и ихъ этнографическую статистику могъ только нѣкто третій, а не сторонники оффиціальныхъ идей, польскихъ и русскихъ. Судя по тому, что показываетъ намъ исторія національныхъ возрожденій у западныхъ славянъ, у которыхъ національныя партіи образовались даже около нѣмецкихъ университетовъ,—мы имѣемъ основаніе думать, что, если бы продолжалъ существовать даже польскій виленскій университетъ, то около него образовались бы вполнѣ автономныя партіи литовская и бѣлорусская. Вотъ почему русское правительство поступаетъ по своему вполнѣ умно, не заводя университетовъ ни въ Вильнѣ, ни въ Тифлисѣ. Но послѣ 1831 г. на всей славянской, но не великорусской, полосѣ Россіи университетъ существовалъ только въ Харьковѣ, а потомъ и въ Кіевѣ. А потому изъ всѣхъ западно-

---

ввели въ княжествѣ поляки, тогда какъ онъ былъ редижированъ до люблинской уніи и на бѣлорусскомъ языкѣ! Дѣло въ томъ, что сама теорія Устрялова, по которой порча юго-западной Руси началась сейчасъ, какъ она отпала отъ Владиміровичей до Гедиминовичей, и по которой уже бракъ Ягелла и Ядвиги (1386), а не Люблинскій сеймъ (1569) установилъ „унію Литвы и Польши", служила поддержкою теорій о силѣ польскаго вліянія на Литовское княжество и о польскомъ его характерѣ.

россійскихъ негосударственныхъ племенъ національное возрожденіе организовалось только у однихъ украинцевъ.

Начало оно организоваться сейчасъ послѣ открытія университета въ Харьковѣ, въ началѣ XIX ст. Мы уже сказали, что въ первое двадцатипятилѣтіе XIX ст. сдѣланы были попытки поэзіи и беллетристики на чисто народномъ украинскомъ языкѣ (писаніе на языкѣ мѣстномъ, украинско-церковномъ, не прекращалось и въ XVIII в., и замерло только послѣ введенія въ Кіевскую академію „россійскаго краснорѣчія" въ 1784 году и изгнанія изъ украинскихъ училищъ книгъ мѣстнаго изданія указомъ 1785 г.). Затѣмъ появился на языкѣ, близкомъ къ великорусскому, первый памятникъ ново-украинской политической мысли: „Исторія Русовъ или Малой Россіи", долгое время приписываемая Георгію Конисскому. Это исполненное ошибокъ въ историческомъ отношеніи произведеніе представляетъ чрезвычайно замѣчательное соединеніе старой антіуніатской оппозиціи, но безъ вѣроисповѣдной православной исключительности, и козацкаго республиканства съ новымъ либерализмомъ и демократизмомъ—украинскаго автономизма съ всероссійскимъ федерализмомъ. „Исторія Русовъ" имѣла большое вліяніе на лѣвобережныхъ украинцевъ и даже, какъ признавался намъ одинъ старый польскій писатель, не осталась безъ вліянія и на правобережныхъ поляковъ, пробуждая хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ украинскія традиціи. Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія слободско-украинскій, харьковскій, университетъ положилъ въ мѣстномъ обществѣ начало систематическаго изученія мѣстной народности въ связи съ изученіемъ всей славянщины. Къ слобожанамъ (Срезневскій, издатель Запорожской Старины, потомъ Костомаровъ) пристали полтавцы, перенесенные судьбою въ Москву (Максимовичъ, потомъ профессоръ въ Кіевѣ,— Бодянскій) [1]). Эти первые ученые украинофилы вмѣстѣ съ подолляниномъ Григоровичемъ и съ венгерскимъ украинцемъ Венелинымъ, подобно Бодянскому, Максимовичу и Срезневскому, писавшимъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ, были основателями въ Россіи науки о славянствѣ, которая должна совершенно видоизмѣнить постановку въ Россіи польскаго вопроса. Подъ перомъ Костомарова уже въ 40-ые годы украинофильство явно

[1]) Здѣсь нельзя не упомянуть и харьковца князя Цертелева, издавшаго еще въ 1819 г. „Опытъ собранія стиринныхъ малороссійскихъ пѣсенъ", въ которомъ впервые были напечатаны украинскія политическія пѣсни и „думы".

сложилось въ ученіе о федерально-демократическомъ панславизмѣ.

Въ такомъ видѣ перешло лѣвобережное украинофильство въ Кіевъ, гдѣ Костомаровъ и Шевченко начали организовывать Кирилло-Меѳодіевское братство, которое должно было приступить къ практическому осуществленію идей украинскихъ федералистовъ посредствомъ народнаго образованія и освобожденія крестьянъ. Само собою, братство было захвачено полиціей Николая I и размѣщено по мѣстамъ столь и не столь отдаленнымъ. Но созданное первыми украинофилами литературное движеніе не исчезло, по крайней мѣрѣ, для науки объ исторіи и этнографіи Украйны. Козацкіе лѣтописи и документы, напечатанные въ Москвѣ Бодянскимъ, изданія Кіевской археографической комиссіи, основанной по мысли Максимовича, пѣсни, собранныя Максимовичемъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, показали, по крайней мѣрѣ, ученому міру цѣльную украинскую національность отъ верхней Тиссы въ Венгріи до Кубани въ Россіи, существовавшую, не взирая на границы Россіи и Польши въ 1772 г., и существующую, не взирая на послѣдующія границы Австріи и Россіи съ ихъ административными подраздѣленіями. Національность эта оказалась слишкомъ велика, чтобы образованіе ея отличій отъ великорусской можно было по старому объяснить польскимъ вліяніемъ, испортившимъ будто бы прежде „чистую русскую народность, которая сохранилась подъ господствомъ московскихъ князей“, ибо украинскія отличія существуютъ въ такомъ же самомъ порядкѣ, какъ напримѣръ, въ Галиціи или на Волыни, и въ такихъ странахъ, гдѣ никогда не было польской власти, какъ напримѣръ въ Венгріи или въ Буковинѣ. Въ то же время явно враждебное польскому государству настроеніе, которое бьетъ изъ каждой страницы украинскихъ народныхъ пѣсенъ, старыхъ и новыхъ, очевидно, не могло быть объяснено „московской интригой“. Признаніе органичности украинскихъ отличій обязывало ученыхъ передѣлать всѣ оффиціальныя польскія и московскія построенія исторіи Восточной Европы—и, логически, должно было обязывать сообразоваться съ нимъ и практическихъ дѣятелей политики.

Само собою разумѣется, что для пріобрѣтенія практическаго значенія новыя украинскія идеи, особенно федерально-демократическаго оттѣнка, нуждались въ пропагандѣ, а она то, какъ показала судьба Костомарова и Шевченка, и не была возможна при николаевскихъ порядкахъ, которые задерживали по нѣскольку лѣтъ въ цензурѣ даже сырой матеріалъ; пѣсни—собранныя Мет-

линскимъ и Максимовичемъ. Вотъ почему идеи эти мало распространились даже въ мѣстномъ обществѣ, а въ Великороссіи кіевское братство осталось непонятнымъ, но несмотря на то обруганнымъ и западникомъ Бѣлинскимъ, и восточникомъ Хомяковымъ, какъ это мы показали въ нашемъ предисловіи къ „Письму Бѣлинскаго къ Гоголю". Поляки узнали о Шевченкѣ и Костомаровѣ только уже съ конца 50-хъ годовъ и тоже почти безъ исключенія встрѣтили ихъ идеи враждебно.[1]) Такимъ образомъ, къ концу царствованія Николая I въ массѣ какъ русскаго, такъ и польскаго общества оставались почти нетронутыми старыя церковно-государственныя идеи объ отношеніяхъ „Россіи" и Польши. Когда въ началѣ царствованія Александра II наступила въ Россіи либеральная оттепель, великорусскіе круги, дающіе и до сихъ поръ черезъ столицы сигналы общественному мнѣнію, настроились благопріятно къ польскимъ стремленіямъ, и, не зная основательно границъ дѣйствительной Польши, готовы были признать Польшею все, что не было великорусское, исключая, конечно, тѣхъ краевъ, къ обладанію которыми слишкомъ уже прывыкло россійское государство, а именно, лѣвобережной Украйны, которую одну привыкли въ Россіи звать Малороссіей, и Новороссіи, о которой никто уже и не зналъ, что она была населена и до Екатерины II, и называлась „Вольностями Войска (или Товариства) Запорожскаго". Только Кіевъ,—этотъ всероссійскій Римъ,—возбуждалъ нѣкоторыя сомнѣнія въ русскомъ литературномъ обществѣ, но край западнѣе отъ Кіева оно вполнѣ было готово признать Польшею. По крайней мѣрѣ, самъ И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ своемъ либеральномъ „Парусѣ" (1859 года) довольно тенденціозное „Письмо изъ Польши" (какъ говорили тогда, принадлежащее перу извѣстнаго польскаго беллетриста) съ помѣткою: Житоміръ! Даже впослѣдствіи грозный бичъ „польской интри-

---

[1]) Шевченко и до сихъ поръ имѣетъ въ польской публикѣ репутацію врага поляковъ, и еще недавно Сырокомля не рѣшился перевести его Гайдамаковъ. Даже въ настоящее время г. Спасовичъ увидѣлъ въ этой поэмѣ „выдаваніе звѣрства и безчеловѣчности за геройство". А, между тѣмъ, достаточно хладнокровно прочесть поэму Шевченка, чтобъ замѣтить въ ней плачъ надъ тѣмъ, что онъ описываетъ, и такія, напримѣръ, слова:

Болить серце, јак згадајеш?
Старихъ славјан діти
Впились кровју,—а хто винен?!
Кзьондзи, језујіти !

ги“ М. Н. Катковъ велъ по польски переписку съ г. Киркоромъ, издававшимъ въ Вильнѣ журналъ съ обычными польскими „историческими“ тенденціями, и только полемика, поднятая въ виленскихъ польскихъ изданіяхъ противъ появившагося въ 1857—1859 гг. „Богдана Хмельницкаго“ Костомарова, на которую украинскій историкъ отвѣчалъ въ „Современникѣ“, предвѣщала тѣ бури, которыя не замедлили разразиться около польскаго вопроса нѣсколько времени спустя.

Этимъ историческимъ обзоромъ, лучше сказать—этими историческими итогами, такъ рельефно выдвинутыми талантливымъ ученымъ и публицистомъ, мы закончимъ освѣщеніе намѣченной нами темы, оставляя всю послѣдующую, болѣе близкую къ нашему времени, исторію россійско-польско-украинскихъ отношеній для ряда другихъ статей, которыя, надѣемся, найдутъ себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала въ будущемъ году.

Полтавская интрига 1714 года.

Полтава и полкъ, центромъ котораго она была въ періодъ Гетманщины, жили во второй половинѣ XVII вѣка особою отъ другихъ полковъ жизнью, характерной особенностью которой является демократическій строй, находившій выраженіе въ свободномъ выборѣ „черныю" своей старшины, особенно полковниковъ. Тогда какъ сѣверные полки Малороссіи (стародубскій, черниговскій) уже къ концу XVII вѣка выдѣлили въ себѣ цѣлый рядъ старшинскихъ фамилій, удерживавшихъ въ своихъ рукахъ власть, въ Полтавщинѣ этого времени нельзя замѣтить чего-либо подобнаго: здѣсь каждый представитель „товариства" могъ достигнуть высшей власти въ краѣ, т. е. власти полковника, и наоборотъ—спуститься на болѣе низкіе уряды и даже стать вновь въ ряды простыхъ козаковъ. Напримѣръ: Кирикъ Пушкаренко, бывшій въ 1659 году полковникомъ, въ 1676 году занималъ самый низшій изъ полковыхъ урядовъ,—урядъ городового атамана; Филона Горкушу въ 1658 и 1669 годахъ мы видимъ полковникомъ, а въ 1678—городовымъ атаманомъ; Демьянъ Гуджолъ въ 1661, 1669 и 1672 годахъ избирался полковникомъ, въ 1676 г.—былъ атаманомъ, съ 1678 по 1680-й—судьею, потомъ именовался лишь „славетнымъ паномъ и козакомъ полтавскимъ", а въ 1694—былъ снова атаманомъ; Кость Кубницкій въ 1669 году занималъ полковничій урядъ, съ 1674 по 1684—судейскій, съ 1688 по 1690-й урядъ обознаго, и т. д. Подобные факты, какъ правила, были присущи только Полтавѣ; въ другихъ полкахъ такіе случаи были крайне рѣдки и являлись лишь исключеніями. Различіе между внутреннимъ строемъ жизни Полтавщины и другихъ полковъ имѣло нѣсколько причинъ.

Одной изъ нихъ была—близость Запорожья. Это, можно сказать, было основной причиной болѣе свободныхъ формъ жизни въ Полтавщинѣ. Запорожье, какъ извѣстно, всегда стояло въ нѣкоторой оппозиціи къ гетманской власти и стремилось къ подчиненію послѣдней своему вліянію. Агенты Запорожья (вродѣ Петрика), возбуждавшіе населеніе противъ гетмановъ, нерѣдко находили пріютъ и откликъ въ Полтавѣ, такъ что гетманы особенно осторожно и мягко обращались съ полтавцами, боясь раздражать какъ ихъ, такъ и Запорожье, ибо послѣднее жило съ ними „совѣтно, что мужъ съ женой" [1]). Поэтому-то гетманская власть и не заводила въ Полтавщинѣ тѣхъ порядковъ, которые установились въ другихъ полкахъ и повлекли за собой, съ одной стороны, возникновеніе цѣлаго владѣльческаго класса—родовитой старшины, а съ другой—быстрое порабощеніе не только крестьянскаго, но и козачьяго сословія. Кромѣ того, нарожденію владѣльческой старшины въ предѣлахъ Полтавскаго полка мѣшало и отсутствіе особенныхъ экономическихъ выгодъ владѣнія землею, такъ какъ край этотъ носилъ чисто степной характеръ и менѣе другихъ полковъ былъ защищенъ отъ частыхъ нападеній татаръ; къ тому-же онъ былъ удаленъ и отъ центра Малороссіи. Польша съ ея сословно-шляхетскимъ строемъ тоже не могла здѣсь имѣть своего вліянія, такъ какъ была далека и по разстоянію, и по тому различію, которое лежало между общественными понятіями, съ одной стороны—поляковъ, а съ другой—полтавцевъ, вдохновлявшихся Запорожьемъ. А въ сѣверныхъ полкахъ, сопредѣльныхъ съ Польшею, вліяніе ея на образованіе сословій (отдѣленіе „товариства" отъ „посполитства" и выдѣленіе изъ перваго—владѣльческой старшины, будущаго—дворянства) было довольно велико.

Всѣ эти причины: близость Запорожья, слабое вліяніе и контроль центральной власти и отсутствіе старшинскаго гнета,—дѣлали населеніе Полтавщины, сравнительно съ населеніемъ другихъ полковъ, свободнымъ и свободолюбивымъ, долго помнившимъ свои стародавніе обычаи и „вольности"... Послѣднія выражались, впрочемъ, почти исключительно въ свободномъ выборѣ старшины. Съ 1649 года, когда произведено было новое полковое дѣленіе Малороссіи, и даже до начала XVIII вѣка, Полтава является единственнымъ городомъ, гдѣ еще сохранялось право вы-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., т. VI, 99.

бора старшины „вольными голосами“, хотя нужно сказать, что выборщики—полчане находились подъ большимъ вліяніемъ небольшого кружка мѣстныхъ богачей, которые ими и руководили. Поэтому въ Полтавѣ имѣли мѣсто всегда „шатости“ и интриги, порождаемыя тѣмъ или другимъ претендентомъ на полковничій перначъ, старавшимся помощью весьма разнообразныхъ средствъ заслужить расположеніе большаго числа представителей „товариства“, или „черни“. Послѣдняя ревниво охраняла право избирать себѣ старшину, но пользовалась имъ неумѣло, выбирая часто на полковничій и другіе войсковые уряды людей вовсе недостойныхъ. На это указываетъ ужъ слишкомъ частая смѣна полковниковъ, которые избирались и „скидывались“ скорѣе изъ каприза осуществлявшихъ свои „вольности“ полтавцевъ, чѣмъ изъ-за дѣйствительной необходимости... Картину борьбы партій въ Полтавѣ во второй половинѣ XVII вѣка далъ А. М. Лазаревскій въ своей статьѣ „Полтавщина въ XVII вѣкѣ“, [1]) поэтому я здѣсь ограничиваюсь замѣчаніемъ, что въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1649 по 1699 годъ) въ Полтавѣ полковники смѣнялись 28 разъ, причемъ власть переходила изъ рукъ въ руки всего лишь между 14 лицами, изъ коихъ нѣкоторые (напримѣръ Федоръ Жученко) были избираемы полтавцами на полковничій урядъ до пяти разъ... Трудно представить себѣ, чтобы такая частая смѣна властителей Полтавщины всегда вызывалась дѣйствительными потребностями населенія; по всей вѣроятности, важную роль здѣсь играли интриги лицъ, добивавшихся урядовъ и искусно пользовавшихся самыми маловажными поводами къ недовольству полчанъ своей старшиной. Напримѣръ, Павелъ Герцикъ добился въ 1675 году полковничества такъ: Прокопъ Левенецъ, занимавшій въ это время урядъ полтавскаго полковничества, подтопилъ своею мельницею сосѣднія; этимъ его промахомъ воспользовался Герцикъ и уговорилъ полтавцевъ жаловаться на Левенца гетману, а полтавцы, прежде чѣмъ подать жалобу, скинули его съ полковничества и выбрали Герцика [2])...

Въ концѣ концовъ, по мѣрѣ ослабленія мѣстной автономіи въ Малороссіи и все усиливавшагося вліянія центральной власти, участіе „черни“ въ выборахъ старшины стало невозможнымъ, да и сами полтавцы пришли къ заключенію, что частая смѣна пол-

---

[1]) Кіев. Стар., 1891 г., сент., стр. 357—374.

[2]) Ibid.

ковниковъ отзывается неблагопріятно на нихъ-же самихъ. Такой рѣзкій поворотъ въ общественныхъ воззрѣніяхъ полтавцевъ и утомленіе отъ всевозможныхъ интригъ, центромъ которыхъ былъ ихъ городъ въ продолженіе всей второй половины XVII вѣка, совершился уже въ XVIII вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ любопытный документъ 1714 года, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи [1]).

Документъ этотъ представляетъ собой просьбу гетману отъ имени всѣхъ полтавскихъ полчанъ не допустить до уряда полтавскаго полковничества Василія Кочубея, чего добивалась одна партія. Въ описываемое время полковникомъ въ Полтавѣ былъ Иванъ Чернякъ, получившій этотъ урядъ въ 1710 году; но противъ него вели интригу полковой судья Петръ Кованька и писарь Иванъ Залѣсскій, добивавшіеся предоставить полковничій перначъ Кочубею. Петръ Кованька былъ сыномъ стараго полтавца Олешка Кованька, записаннаго уже въ 649 г. въ числѣ полтавскихъ козаковъ [2]) и бывшаго затѣмъ (1675—78 годахъ) городовымъ атаманомъ; урядъ судейства Петръ Кованька получилъ около 1710 года. Его товарищъ по интригѣ Иванъ Залѣсскій сталъ писаремъ около того же времени, получилъ урядъ по свойству съ Федоромъ Жученкомъ, такъ какъ былъ его внукомъ. Причина стараній Кованьки и Залѣсскаго добиться уряда полтавскаго полковничества для Василія Кочубея (сына казненнаго Мазепой генеральнаго писаря) заключалась въ желаніи Кованьки пріобрѣсти въ немъ человѣка себѣ доброжелательнаго, а это необходимо ему было для того, чтобы вызволить изъ бѣды дочь, которая неоднократно замѣчена была согражданами въ слишкомъ неумѣренныхъ амурныхъ похожденіяхъ... По закону ея преступленіе влекло за собой смертную казнь, и Кованька надѣется спасти ее отъ этого защитой Кочубея, который могъ-бы пользоваться своей властью болѣе твердо, чѣмъ Чернякъ, такъ какъ смерть отца служила ему источникомъ царскихъ милостей.

Такъ, по крайней мѣрѣ, сами полтавцы въ своей челобитной объяснили подкладку интриги, предпривятой Кованькой. Что же касается его товарища въ этомъ дѣлѣ, полкового писаря Залѣс-

---

[1]) Документъ этотъ, списанный Н. П. Василенкомъ изъ дѣлъ Х. И. Арх. Полт. отд., св. 1, № 8, находится въ бумагахъ А. М. Лазаревскаго. Печатаемъ его въ концѣ статьи полнымъ текстомъ.

[2]) Реестра, стр. 279.

скаго, то онъ, считая свое положеніе на писарскомъ урядѣ непрочнымъ, тоже могъ надѣяться на защиту и покровительство Кочубея, въ случаѣ, еслибы послѣдній сталъ полковникомъ. Про Залѣсскаго полчане писали, что онъ „пока до писарскихъ дѣлъ не згоденъ"... Свою челобитную полтавцы начинаютъ самыми откровенными разоблаченіями грѣховъ дочери Кованьки... „Чого во снѣ добронравнимъ людемъ не снило-би-ся", то случилось, по ихъ словамъ, въ Полтавѣ, въ семьѣ судьи Петра Кова, ньки: дочка его „нецнота", вступивъ въ любовную связь съ двоюроднымъ своимъ братомъ Дорошомъ Емченкомъ, прижила трое дѣтей, изъ которыхъ одно „еще дѣвкою забили и въ погребъ заховали"; другое (родившееся послѣ выдачи ея замужъ черезъ нѣсколько недѣль)—было брошено около монастыря и, хочъ то окрещено—однакъ и тое (же нѣкому было добре досмотрѣти) тожъ якъ би забито, бо з голоду умерло; третье дитя дочь Кованьки родила во время замужества, но какъ прижитое „вшетечне" съ двоюроднымъ братомъ и „имѣючи нѣякуюсь злость между собою",—тоже зтратила, зложивши пеню на русского человѣка „Цурикова, квартермѣстра полкового, будто онъ въ ней, судейской дочки, вибилъ дитя"... Послѣ всего этого у Ковапьковны родилось четвертое дитя, но опредѣлить отца его челобитчики ужъ затруднялись; „Богъ вѣсть", писали они, „кто ему отецъ: чи той первій убійца Дорошъ, чи вже сей бѣдній Іванъ Желѣзняченко (законный супругъ обвиняемой)? Дѣло въ томъ, что строгіе блюстители чистоты полтавскихъ нравовъ „досконале довидались" о „безчеловѣчіи", которое „въ дому судейскомъ поводится", лишь тогда, когда „оная нецнота" была беременна четвертымъ ребенкомъ, и хотя за свое преступленіе она „мѣла подлугъ права быти сужена,—однакъ до рожденія дитяти справа стала удержана"... А кара, которая грозила грѣшницѣ, была очень тяжелой. По аналогичному дѣлу, разбиравшемуся въ 1698 году въ полтавскомъ полковомъ судѣ, судьи приговорили виновныхъ къ смертной казни (отсѣченіе головы) и основали свой приговоръ на „Статутѣ Князства Литовского", котораго арт. 60 розд. 11 гласитъ: „Кгды бы которая бѣлая голова, не живучи въ станѣ малженскомъ але вшетечне ся и нерядне справуючи, а такъ плоду набувши, а потомъ для встыду албо боязни караня тотъ плодъ сама албо черезъ кого иного стратила и о смерть приправовала, таковые,—якъ тотъ, хто ся того чинити и плодъ такый губити подвязалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, мають горломъ ка-

рани быти"... [1]) На спасеніе Кованьковны и выступилъ поэтому ея отецъ, начавшій агитировать въ пользу Кочубея.

Когда у его дочери родилось четвертое дитя (послѣ чего стала извѣстна и судьба первыхъ трехъ дѣтей), онъ, по разсказу полтавцевъ, „прибравшись на нѣякиесь концента и змовивши къ себѣ таковаго-жъ товариша, писара полкового Івана Залѣского и другого, нѣ мужика, нѣ козака, Иванця Кириленка, уфаючи въ надѣю, невѣдомо якую",—стали „збирать собѣ на урядъ" безъ вѣдома всѣхъ остальныхъ полтавцевъ пана Василія Кочубея. Какъ челобитчики старались уронить въ глазахъ гетмана Ковaньку, Залѣсскаго и Кириленка, раскрывая семейную неурядицу перваго, показывая негодность для уряда второго и намекая на сомнительное общественное положеніе третьяго, который былъ „ни мужикъ, ни козакъ", такъ и ведущіе интригу „наносили з своей злой завзятости" на полковника Черняка „злость", „разсѣвая въ Полтавѣ плевели, же будто всеконечне Василій Кочубей" („якій еще дитя молодое", замѣчаютъ челобитчики) мѣетъ быти полковникомъ"... Интрига Кованьки и Залѣсскаго возмущала полтавцевъ главнымъ образомъ тѣмъ, что они старались провести Кочубея на полковничество „безъ всѣхъ насъ, общой ради", какъ писали челобитчики... Видимо, полтавцы дорожили еще своими стародавними обычаями и „вольностями" и не хотѣли допустить ихъ попиранія...

Оправдывая въ дальнѣйшемъ своемъ челобитьи Ивана Черняка, полтавцы подчеркиваютъ то обстоятельство, что онъ былъ избранъ вольными голосами, согласно войсковымъ обычаямъ [2]): А ми, ясневелможній нашъ милостивѣйшій рейментару, яко за вѣдомомъ велможности вашой, нашего милостивого пана,—всеобще, полюбовне, згодними голосами, з цѣлого полку зобравши старшину и значное товариство и мѣщанъ полтавскихъ и волостнихъ людей, при битности его милости пана Якова Лизогуба, на тотъ часъ у Полтавѣ одъ велможности вашой панской резидуючого, сего своего полковника пана Ивана Черняка на тую годность избрали"... Чернякъ не только былъ избранъ совершенно

---

[1]) Ор. Левицкій, Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст., стр. 72—73.

[2]) Въ этомъ, однако, полтавцы самообольщались: Того жъ (1709) года бунчучный енеральный Яковъ Лизогубъ посыланъ въ Полтаву съ компаніею для обережности отъ непріятеля где и роковалъ и „*Черняка полковникомъ устроилъ*"... (Сборникъ лѣтописей, К. 1888, стр. 49).

законнымъ образомъ, но, по свидѣтельству челобитчиковъ, былъ человѣкомъ и безъ порока, какъ на урядѣ полковничества, такъ и раньше... „Чрезъ тіе роки, сколко у насъ на урядѣ найдуется [1]),—жадного по немъ порока не чули и не знаемъ“, писали они,—„развѣ теперь судія изъ писаромъ по своей злости чого на его, пана полковника, чи не измислили“... Но и тутъ проглядываетъ у полтавцевъ сознаніе своего права принимать участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе—въ дѣлѣ такой важности, какъ избраніе новаго полковника, что хотѣли сдѣлать помимо нихъ Кованько и Залѣсскій. Они пишутъ далѣе: „А однакъ хочъ бы що измышленного мѣли що доносити, то можетъ бы не было имъ за сіе грѣха, если-бы и намъ ознаймили“, потому что когда „при отданю клейноту з рукъ велможности вашой, нашого милостивого добродѣя, ему, полковниковѣ, всѣ естесмо (хто тилко згодилъся при немъ быти)—едною рукою на вѣрность царскому его освященнѣйшому величеству присягали,—и повинни би всѣ сполне знати, що би якая мѣла бити вина полковничая и хтожъ бы то за нею вязалъся. А то такъ зхватившися и въ полку *якіе есть порядки возмутивши,*—ввесь народъ хотятъ два ихъ безъ всякой нашой волѣ такому молодому человѣку, а до того гордому, заневолити, що якось есть намъ, полковой старшинѣ, такъ же сотникомъ, товариству войсковому, мѣщаномъ и всему посполитому народу, немило“... Высказавъ это откровенное отрицательное отношеніе къ замысламъ Кованьки и Залѣсскаго, челобитчики далѣе просятъ гетмана не вѣрить ихъ навѣтамъ, которые могутъ быть пристрастны: „Всякъ тое можетъ разумѣти“, писали они, „же не толко якую напасть ради бы вымислити, но и горы на его, наветь и самое небо, обрушити хотѣли-бъ!“

Однако, челобитчики понимали, что Черняка можно было обвинить въ нѣкоторой „людской тягости“ не безъ справедливости, но его вина, по ихъ мнѣнію, вполнѣ простительна. Хотя Чернякъ, „якъ въ конецъ звоеваній человѣкъ будовалъ домъ свой и не безъ того, жебы не мѣлъ споможення з полковихъ якихъ городковъ въ привезеню деревнѣ з пущи“, но, пишутъ они, „всѣ ми знаемъ, що *всякая власть безъ такой повинности не обходится, чтобы не мѣти въ будовнѣ з полку споможення полковникамъ*... Наветь (чого, Боже, уховай!) если-бы чрезъ якую неволю

[1]) Чернякъ въ 1692 г. былъ полковымъ писаремъ, а въ 1699—полковымъ сотникомъ полтавскимъ.

имѣлъ стати гды и Кочубей полковникомъ, то на плечахъ изъ собою нѣчого готоваго не принесетъ, тилко хиба новую и прибавочную вымислитъ людемъ бѣду! А намъ довлѣло бъ и сихъ тягостей, якіе теперь по замѣшанню проклятого Мазепы в народѣ есть, же не могутъ по несщасливій руини не толко убогій, лечъ и зажилій, къ первому прійти глузду“?.. Послѣдняя фраза показываетъ, что полтавцы уже достаточно испытали на себѣ непріятностей, сопраженныхъ съ частой смѣной полковниковъ, и потому хотѣли лишь одного—мирнаго житья. Это имъ необходимо было еще и для того, чтобы поправиться отъ разгрома, понесеннаго ими въ имуществѣ во время шведской руины... Въ концѣ XVII в. полтавцы еще не прочь были поинтриговать другъ противъ друга, но въ описываемое время уже утомились, придя къ заключенію, что отъ этихъ интригъ терпитъ больше всего простой народъ; да и времена уже настали другія... „Панъ Кочубей“, пишутъ они, „з Кованькою и зъ Залѣскимъ новую *не полковникомъ затѣваютъ бѣду, лечъ все бѣднимъ людямъ, бо всякая власть при заводахъ такихъ непотребнихъ не буваетъ безъ людской утрати, якъ старинная приповѣтъ в народѣ есть, же когда болшіе сварятся, а в убогихъ и волосовъ на головѣ не стаетъ*“... Этимъ интереснымъ признаніемъ собственно и исчерпывается интересъ документа. Въ концѣ его они лишь повторяютъ гетману просьбу не вѣрить „возмутителемъ“ Кованькѣ и Залѣсскому и не посылать ихъ челобитной къ царю, чего они хотѣли добиться вмѣстѣ съ Кочубеемъ. Челобитную свою они заключаютъ слѣдующимъ патетическимъ образомъ: „Пріими, всемилостивѣйшій пане, сіе наше за полковникомъ челобите за благо и не попусти такимъ людемъ насъ и пана полковника въ поруганіе, велце, велце просимъ и доживотними зостаемъ“... Далѣе слѣдуютъ подписи всей полковой старшины (кромѣ, разумѣется, Кованьки и Залѣсскаго), сотниковъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и нѣкоторыхъ представителей „товариства“...

Несомнѣнно, челобитная эта имѣла у гетмана успѣхъ, и онъ не далъ ходу интригѣ Кованьки и Залѣсскаго, такъ какъ Иванъ Чернякъ долго еще оставался полковникомъ, и его замѣнилъ Василій Кочубей лишь въ 1727 году. Любопытно также и то, что ни Кованька, ни Залѣсскій нисколько не пострадали за свои дѣянія, въ которыхъ выказалось ихъ полное презрѣніе къ войсковымъ обычаямъ и остальной старшинѣ: на своихъ урядахъ они оставались безсмѣнно, такъ какъ Кованька былъ судьею еще и въ 1716 году, а Залѣсскій писаремъ—въ 1715. Очевидно, въ дан-

ное время полчане были безсильны „скидывать" съ урядовъ ненавистныхъ и неугодныхъ имъ лицъ и право раздачи уже урядовъ перешло отъ черни" къ гетману. Послѣдній, быть-можетъ, и самъ остерегался трогать Кованьку, отличавшагося своею вѣрностью царю во время шведской „руины" [1]... Случись всѣ эти событія двумя десятилѣтіями раньше, Кованька и Залѣсскій несомнѣнно лишились бы своихъ урядовъ, а, быть-можетъ, и подверглись какой-либо „войсковой карности"... Судьба виновницы всей интриги, дочери Кованьки, къ сожалѣнію, неизвѣстна. Была-ли она предана суду за свои прегрѣшенія, или отцу удалось ее спасти—не знаемъ...

В. Модзалевскій.

Ясне велможній милостивій пане гетмане, намъ велце всенадежнѣйшій пане и великій добродѣю!

Чого во снѣ добронравнимъ людемъ не снило би ся, то тое по всезлобномъ неспокойнихъ и непостояннихъ людей, злоба и зло....ку неспокойности людемъ (?) въ народѣ невиннимъ, плевелы звикли сѣяти и високіе гонори для якихсь собѣ ку погибелному пожитку шукати способовъ именно въ семъ: ижъ Петро Кованка, судя полковій нашъ полтавскій, видячи свою въ своемъ дому явную погибель, что дочка его, нецнота, жиючи з двоюроднымъ своимъ братомъ Дорошомъ Емченкомъ, прижили собѣ трое дѣтей, з которыхъ едно еще дѣвкою забили и въ погребѣ заховали, потомъ другое живое тожъ въ погребѣ, вже замужъ когда выдана была беременна, въ килко недѣль зродивши,—подъ монастиръ подвезли, и тамъ покиненное было найдено, и хочъ то окрещено,—однакъ и тое (же нѣкому было добре досмотрѣти) тожъ якъ-бы забито, бо з голоду умерло; а потомъ третое, такъ же будучи вже замужемъ и живучи вшетечно мимо мужа своего зъ тимъ же братомъ, прижили; и имѣючи нѣякуюсь злость между собою,—и тое зтратила вже, пеню зложивши на русского человѣка Цурикова, квартермѣстра полкового, будто онъ въ ней, судейской дочки, вибилъ дитя; а теперь четвертое вже мужеска полу рождено, тожъ одъ двоихъ прижитое, тилко вже сему Богъ вѣсть, хто отецъ: чи той первій убійца Дорошъ, чи вже сей бѣдній Іванъ Желѣзняченко? Бо не можемъ для того сей дитины

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 186; Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, 636.

отца знати, що якъ отъ первого раза Дорошъ, такъ яжъ до сего четвертого есть причиненъ, бо вже симъ хлопцемъ когда была беременна, досконале довѣдались, же такое безъчеловѣчіе въ его дому судейскомъ поводиться, за що хочъ, то, подлугъ права, мѣла оная нецнота быти сужена,—однакъ до рожденія дитяти справа стала удержана; а когда дитя родилось, тимъ часомъ чрезъ сее, почто онъ, судія, прибравшись на нѣякиесь концента и змовивши къ собѣ таковаго жъ товариша, писара полкового Івана Залѣского (якій зголa до писарскихъ дѣлъ не згоденъ), и другого нѣ мужика, нѣ козака Иванця Кириленка, уфаючи въ надѣю, невѣдаемо якую, збираютъ собѣ на урядъ безъ вѣдома всѣхъ насъ, нижей писанныхъ особъ, пана Василія молодого Кочубея, наносячи нѣякіесь з своей злой завзятости на нынѣшнего нашего полтавского полковника пана Івана Черняка злости и вже розсѣявши у Полтавѣ плевели, же будто всеконечне Василій Кочубей мѣетъ быти у насъ въ Полтавѣ (якій еще дитя молодое) полковникомъ, и безъ всѣхъ насъ, общой ради.

А ми, ясневелможній нашъ милостивѣйшій рейментару, яко за вѣдомомъ велможности вашой, нашего милостивого пана, всеобще полюбовне згодними голосами, зъ цѣлого полку зобравши старшину и значное товариство, и мѣщанъ полтавскихъ, и волостнихъ людей, при бытности его милости пана Якова Лизогуба, на тотъ часъ у Полтавѣ одъ велможности вашой панской резидуючого, сего своего полковника пана Івана Черняка на тую годность избрали, такъ еще чрезъ тіе роки, сколко у насъ на урядѣ найдеться,—жадного по немъ порока не чули и не знаемъ, развѣ теперь судія изъ писаромъ по своей злости чого на его, пана полковника, чи не измислили. А однакъ хочъ бы що измышленного мѣли що доносити, то можетъ бы не было имъ за сіе грѣха, если бы и намъ ознаймили, бо кгдыжъ при отданю клейноту зъ рукъ велможности вашой, нашого милостивого добродѣя, ему, полковниковѣ,—всѣ естесмо, хто тилко згодилъся при немъ быти, едною рукою на вѣрность царскому его освященнѣйшому величеству присягали, и повинни би всѣ сполне знати, що би якая мѣла быти вина полковничая и хтожъ бы то за нею вязалъся. А то такъ зхватившися и въ полку якіе есть порядки возмутивши,—ввесь народъ хотятъ два ихъ безъ всякой нашой волѣ такому молодому человѣку, а до того гордому, заневолити. що якось есть намъ, полковой старшинѣ, такъ же сотникомъ, товариству войсковому, мѣщаномъ и всему посполитому народу, немило.

Такъ нынѣ чрезъ сію нашу супплѣку до ногъ панскихъ велможности вашой главы наши склоняючи, покорне бьемъ чоломъ, же когда бы судія и писаръ, прибувши у Глуховъ къ велможности вашой, які\э заносити имѣли на полковника чолобиття или якіе доношення, не дати имъ вѣри; бо еслибъ що знали на полковника противного, то бы имъ належало, не в злобѣ будучи, велможности вашой доносити и намъ явити, а теперъ, когда завзяли злость на полковника, то всякъ тое можетъ разумѣти, же не только якую напасть ради бы вымислити, но и горы на его, наветь и самое небо, обрушити хотѣли-бъ. Толко жъ намъ сей полковникъ нѣ в чомъ не есть подзоренъ, поневажъ отъ давнихъ часовъ въ жадномъ домъ ихъ Черняковъ не былъ позориску ку якой противной зрадѣ, развѣ хиба они, Кованка и Залѣскій, чи не положатъ чого, вмѣняючи за тягость людскую, же яко в конець звоеваній человѣкъ будовалъ домъ свой и не безъ того, жебы не мѣлъ споможення з полковихъ якихъ городковъ в привезеню деревнѣ з пущи; то вже сее все ми знаемъ, що всякая власть безъ такой повинности не обходится, чтобы не мѣти в будовлѣ з полку споможення полковникамъ, наветь (чого Боже уховай) если бы чрезъ якую неволю имѣлъ стати гды и Кочубей полковникомъ, то на плечахъ изъ собою нѣчого готового не принесетъ, тилко хиба новую и прибавочную вымислитъ людемъ бѣду, а намъ довлѣло-бъ и сихъ тягостей, якіе теперъ по замѣшанню проклятого Мазепы в народѣ есть, же не могутъ по нещасливой руини не толко убогій, лечъ зажилій къ первому прійти глузду. А панъ Кочубей з Кованкою и зъ Залѣскимъ новую не полковникомъ затѣваютъ бѣду, лечъ все бѣднимъ людямъ, бо всякая власть при заводахъ такихъ непотребнихъ не буваетъ безъ людской утраты, якъ старинная приповѣть в народѣ есть, же когда болшіе сваряться, а в убогихъ и волосовъ на головѣ (не) стаетъ. Теперъ же всякъ з насъ знаючи, же вже Кочубей одъехалъ в Кіевъ, а Кованка з писаремъ ку Глухову якобы до велможности вашой, нашому милостивому добродѣеви, будьто допрашиватись, жебы ихъ чолобитную послать до двору монаршого, добиваючись Кочубееви полковнитства полтавского, якую тутъ, у Полтавѣ, потайно всѣхъ насъ справили и нѣкоторихъ товариства нѣсколко безъ вѣдома имена ихъ в той чолобитной, чили доношенняхъ, подписовали,—а ми яко того ихъ доношення не естесмо свѣдоми, такъ покорне велможности вашой, нашого милостивого добродѣя, просимъ, яко вишше наменилось: не толко не дать имъ вѣри, но и не посилать до двору царского

величества ихъ чолобитя, поки в отой ставцѣ з нами и зъ полковникомъ не исправляются. Кгди жъ если имъ двомъ, возмутителемъ, дати вѣру, мимо всѣхъ насъ вѣдомости, то ми, бѣдніе, развѣ негодніе стаемся милостивой вашой велможности панской обрѣсти ку себѣ и ку всему полку ласки, что двомъ вѣра мѣлабы дана быть: а намъ нѣтъ; однакъ, не отчаеваючи в семъ надежди нашей, вторично молимъ: пріими, всемилостивѣйшій пане, сіе наше за полковникомъ челобитя за благо и не попусти такимъ людем насъ и пана полковника нашого в поруганіе, велце просимъ и доживотними зостаемъ.

Велможности вашой, нашому велце милостивому пану и великому добродѣеви, вѣрними и унѣжоними слугами.

З Полтави, сентеврія 9, 1714 року.

Климъ Нащинскій, обозній полковій полтавскій; Василь Сухій, асаулъ полковій; Григорій Буцкій, асаулъ полковій; Стефанъ Мизинъ, наказній судія; Павло Гарасимовичъ, хоружій полковій; Лаврентій Никитовичъ, асаулъ гарматній; Яковъ Фѣрѣнка, хоружій гарматній; Іванъ Коломакъ, атаманъ городовій; Василь Артюхъ, Корнило Бутенко, Ігнатъ Горунъ, Андрей Панченко, Іванъ Бѣлохвостій, Савка Великій, Іванъ Фѣрѣнка, Семенъ Емченко, Кондратъ Бойко, Федоръ Кобижчанъ, Хведоръ Науменко, Василь Бабичъ, Андрей Кривошапка; Грицко Терещенко, атаманъ Мачоскій, з товариствомъ: Маркомъ Пилипчинымъ, Максимомъ Кгуджелемъ; Хведоръ Кривошія, атаманъ Шостаковскій, з товариствомъ: Мирономъ Кабачникомъ, Павломъ Лупиченкомъ; Іванъ Гоманенко, атаманъ Супруновскій, з товаришомъ Грицкомъ Чигиринскимъ.

Василь Дручина, атаманъ Милчанскій, з товариствомъ: Панасомъ Трущенкомъ и Лукяномъ Яременкомъ. Федоръ Кублицкій, атаманъ Кгуджулянскій, з товаришомъ Яковомъ Великимъ.

Федоръ Яциченко, атаманъ Івашковскій, з товаришомъ Трохимомъ Мурашкою.

Семенъ Носаченко, атаманъ Пушкарувскій, з товаришомъ Іваномъ Демяненкомъ.

Уласъ Матѣйченко, атаманъ Яковчанскій, з товаришомъ Мискомъ Боженкомъ.

Трохимъ Невпряганій, атаманъ Івончинскій, з товариствомъ: Андреемъ Бородаемъ и Яковомъ Задорожнимъ.

Кирикъ Педоренко, атаманъ Тахтауловскій, з товариствомъ: Федоромъ Овдѣенкомъ и Ігнатомъ Павленкомъ.

Іванъ Стрѣльченко, атаманъ Жуковскій, з товариствомъ: Іваномъ Сухомлиномъ и Павломъ Рохвалемъ.

Павло Глоба, Петрувскій атаманъ, з товариствомъ: Василемъ Плахотнимъ, Тимошемъ Слуцкимъ, Сидоромъ Плахотнимъ и Лаврѣномъ Одноволомъ.

Гринець, атаманъ Брусѣевскій, зъ товариствомъ: Гавриломъ Емченкомъ и Петромъ Переннченкомъ.

Федоръ Кунтіянъ, атаманъ Стасевскій, з товаришомъ Андреемъ Твердохлѣбомъ.

Іванъ Сагайдакъ, сотникъ Старосанжаровскій, з товариствомъ. Ярема Федоровичъ, сотникъ Решетиловскій, з товариствомъ. Хведоръ Швидкій, сотникъ Бѣлицкій, з товариствомъ. Матфей Буцкій, сотникъ новосанжаровскій. Сава Михайловичъ, сотникъ Кобеляцкій, з товариствомъ.

А инніе еще не поспѣли на сей часъ пріехать.

Мѣщане полтавскіе.

Кирило Івановичъ, войтъ; Богданъ Марковичъ, Григорій Макденко, Терентій, Стефанъ Семеновичъ, Яковъ Петровичъ, Гаврило Романовичъ, Василь Маляровъ, Левко Гавриловичъ, Пантелеймонъ Марковичъ, Демянъ Керебердянского, Парфенъ Григоріевъ, Семенъ Нѣжинець, Ілія Нѣжинець, Яковъ Іляшевичъ, Андрей Василіевичъ, Григорій Софоновичъ, Іванъ Марковичъ, Іванъ Бѣлка, Максимъ Керебердянского, Іванъ Федоровичъ, Антонъ Шарпило, Андрей Роменець, Андрей Ващенко, Пасько Цалій, Григорій Будлянскій, Юрій Кгрекъ; Семенъ Василіевичъ, Родіонъ Гавриловичъ, бурмистри.

Федоръ Мусѣенко, цехмистръ кравецкій, з братіею. Филиппъ Шлота, цехмистръ ризницкій, з братіею. Ювхимъ, цехмистръ шевскій з братіею. Данило Романъ, цехмистръ ковалскій. Захарка Миренко, цехмистръ ткацкій. Ярема, цехмистръ гончарскій, з братіею. Іванъ Локушинъ зять, цехмистръ бондарскій.

ДОВГЫЙ РЯДЪ ДНИВЪ.

(ОПОВИДАННЯ).

Весело стало въ школи, въ невелычкій кимнати вчытельки Олександры Мыхайливны.

На святкы въ Домашивку прыбувъ братъ іи Андрій, студентъ-ликарь, якый мавъ на лито скинчыты университета.

Обое—братъ зъ сестрою—змалку зосталыся сыротамы.

Давно-давно померъ батько-священыкъ. Тутъ, въ Домашивци померъ, тутъ и працювавъ винъ, недовго працювавъ и, хорый змалку, тыхенькый, зъ гарною небесною душею, умираючы лышывъ свою надію—Олесю та Андрійчыка на рукахъ у жинкы. „Дитокъ... диточокъ доглядай“—промовывъ въ останне о. Иванъ.

И маты доглядала, бидувала, вчыла диточокъ та й бидуючы померла... Диточкы вже въ той часъ пидрослы, пиднялыся. Олеся—старшенька—вже мала скинчыты „епархіальну“ школу, а Андрій вже вступывъ до семынаріи.

Якъ давно це було!..

Съ того часу Олеся, скинчывшы свою науку, стала домашивською вчытелькою. Працювала вона та думкою юнацькою марыла про той часъ, колы братъ вылюдніе, колы воны обое, таки одыноки, забути людьмы, працюватымуть вкупи тутъ, въ Домашивци: вона въ школи, а винъ, яко ликарь, та щырою, гарячою роботою дадуть сиромахамъ—селянамъ змогу жыты краще, яснишъ. Вона марыла та тыхенько соби працювала зъ „хлопчыкамы та дивчаткамы“. Нихто не бачывъ іи радисною, не бачывъ нихто й сумною: вси зналы Олександру Мыхайливну робитныкомъ певнымъ, спокійнымъ.

Вона працювала. Могутня сыла темрявы наступала на неи, змагалась зъ тымъ маленькымъ яснымъ проминнямъ, що по-малу роскыдалось навкругы домашивськои школы. Вона бачыла горе народне, величнее, жалибне горе; чула писню сумну, жалибну писню народню. Та писня вынькала зъ-пидъ хорыхъ грудей, лунала въ неби, благала помочи, повитря, ясного, божого свитла благала та писня...

Чула Олександра Мыхайливна цю жалибну писню и ждала... нервово ждала, що, отъ-отъ, засяе надъ Домашивкою ясне сонце правды, що дійде до самого Бога та жалибна писня, що прыйдуть нови робитныки, сыльни, весели прыйдуть, прыйде зъ нымы Андрій, сыльный, веселый.

О! тогди не пануватыме тутъ пошестна хороба, не мертымуть бильшъ безъ помочи люде.

Довго жде Олександра Мыхайливна.

Писня жалибна розрывае іи серце, а робитныкы не йдуть. Писня плаче, писня благае. Люде мруть. Олександра Мыхайливна жде... та чекаючы не шануе свого молодого жыття, своихъ хворыхъ грудей.

Ось Андрій вже въ университети... Вже скоро!

Писня плаче, писня благае; люде бидують, мруть, та вже теперъ не даремне працюе Олександра Мыхайливна. Іи „хлопчыкы“ пидрослы. Розумнымы очыма глянулы воны на свитъ Божій. Воны знають, що не скризь та й не всимъ важко жыть, що есть краще жыття, есть веселе, ясне небо, есть писня весела, ясна... въ иншыхъ краяхъ, въ иншыхъ людей. Це воны чулы въ школи, та про це росповидалы сестрамъ, батькамъ, матерямъ.

И народня жалибна писня немовъ бы зминылась. Вона вже смилыво, голосно лунае, вона благае и вкупи вымагае кращого жыття, того чужого, ясного жыття... Якись нови згукы почуваются въ тій писни, щось нове наростае въ хворыхъ грудяхъ спивцивъ.

Воны ждалы...

Андрій прыбувъ въ Домашивку веселый, рухлывый, молодый. Його гарный настрій пидтрымувався гарячымъ чуттямъ молодои любовы. Андрій любывъ, вперше, чыстою любовію Лесю, дочку тутешнього батюшкы, зъ іи чыстою душею, ясною, мовъ сонце весняне—душею дытыны.

Леся торикъ скинчыла „епархіальну“ школу. Братове та Лесине щастя влывало теперъ багато гарного свитла, багато молодыхъ згукивъ въ нудну, невеселу, одыноку душу Олександры Мыхайливны. И вона въ ци ясни та холодни риздвяни дни немовъ бы забула за чужымъ счастямъ свое горе, нудне, одыноке. Якоюсь ясною радистью немовъ черезъ край налывалась іи хвора душа. И тильки хвылынамы, якъ, бувало, пидуть десь Леся зъ Андріемъ та понесуть разомъ зъ собою вси ясни, веселi згукы—знову насувалось на душу іи давне, нудне горе. Тогди здавалося, що ци сумни хвылыны мстятся за той спокій, та за ту радисть, що заразъ тильки лышылы Олександру Мыхайливну: такъ важко було тымы хвылынамы.

Захований глыбоко, стари, сумни думкы вныкали знову.

„Мынулы дни, лита молоди, якъ скоро мынулы воны!.. Мынулы, щобъ бильшъ не вернутысь... Мынуло вже двадцять висимь рокивъ—довгый рядъ довгыхъ днивъ“!

Зъ такою думкою Олександра Мыхайливна стричала свій „новый рикъ“.

Сьогодня Леся чогось спизнылась, не йде.

Въ кимнатци сумно, тыхенько. Свитло, розлываючысь зъ-пидъ блакитного абажура, на все, що есть въ кимнатци, кладе сумный, одноманитный видбытокъ.

Олександра Мыхайливна сыдыть край стола, пидперла рукою голову.

Андрій, стоячы пидъ грубою, дывытся на сестру зъ-заду. И те, що вона якось, немовъ бы покирно, схылыла голову, и взагали вся іи фигура, прыбыти незрымымъ, могутнимъ велетнемъ—выявлялы Андріеви настрій сестры. Бажалось запомогты ій, подать втиху.

— Олесю! чого ты сумуешъ?—запытавъ винъ писля довгои мовчанкы.

Олександра Мыхайливна повернула голову до брата та обвела його здывованымъ поглядомъ.

— Тоби важко, сестро? Такъ?

— Ой, братику, та ще й якъ важко! Давыть...

— Такъ, такъ... давыть. Я самъ завше почувавъ въ соби таку муку, якесь ярмо на души, колы, а надто пидъ новый рикъ, уявлявъ соби власне майбутне жыття. Не розумію черезъ що це, але завше пидъ новый рикъ я почуваю въ соби якый-сь острахъ,

одъ моеи воли незалежный, якый-сь перелякъ передъ жыттямъ. Розуміешъ, сестро, мене часомъ лякае и разомъ якось безъ воли моеи тягне до себе цей невидомый намъ жыттьовый шляхъ. Иноди я уявляю його соби цилкомъ простымъ, знайомымъ, а иноди винъ вьется на моихъ очахъ страшный, далекый безъ краю... Куды цимъ шляхомъ я прыйду? Хто поведе?

— Твій шляхъ?—знову здывовалась Олександра Мыхайливна.—Винъ же въ тебе, Андрію, простый, ясный та щаслывый!? Це тильки обовьязкова плата юнацькій меланхоліи. Биля тебе Леся. Вона прыгріе тебе своею гарячою душею, втиху та розвагу вилье въ душу, колы вона заболыть. Вона жъ у тебе така хороша! А ось мени хто дасть втиху, виру, колы вона потухне, прыгріе хто, колы замре, замерзне душа? Хто, Андрію?

— Олесю! Спокій, втиху та радисть дадуть тоби наслидкы твоеи роботы? Ты це забула. Вирь мени, сестрычко, колы ты вглядышъ, що це сельце повынно дякувать тоби за той проминь божого сонця, що засяявъ тутъ, писля довгыхъ, холодныхъ, страшныхъ днивъ, колы побачышъ, що твое жыття пишло на корысть темному, прыбытому людови,—це буде твоя найдорогша нагорода, винокъ твій, втиха, радисть твоя, сестро!

Це я знаю. Я жъ прыйшла сюды прямо зъ епархіяльнои школы, зъ святымъ бажаннямъ прыйшла сюды, щобъ прынесты зъ собою хочъ краплю свитла, божого сонця, яке неодминно потрибне цимъ несчаснымъ домашивцямъ. За-для цього свитла я працюю—одынадцятый рикъ. Дякуючы моій праци, жыття глухои забытои Домашивкы може стане кращымъ, яснишымъ. Я певна, що колы-небудь, рокивъ може за трыдцять, моя Домашивка матыме бильшу частыну селянъ грамотныхъ.

Жыття ціеи половыны буде, безумовно, липшымъ видъ попереднього, завдякы моій „жертви“, якъ вы тамъ кажете. Та тильки жъ, Андрію, чы стане, хочъ бы й тогди, на души въ мене ясно, тепло?

Андрій здывовано поглянувъ на сестру та, залышывшы грубку, швыдко, нервово ставъ ходыть по кимнати.

— Стане, Олесю, неодминно стане и тепло, и ясно,—якось несмилыво, зтыха промовывъ винъ. Але чого це ты така сьогодня? Невже це одчай?

— Такъ... одчай лютый, безрадисный...

Дали Олександра Мыхайливна не мала сылы говорыть. Давыло въ горли, налягло на груды—и вона зарыдала голосно, немовъ дытя зарыдала и...

Андрій самъ не свій дывывся, якъ пидводылысь та й знову падалы плечи сестры. Винъ не сподивався цього видъ неи, такои завше спокійнои, певнои въ соби людыны.

— Сестрычко, не плачъ!

— Ой якъ же мени та не плакаты?!

— Це перший разъ, — згодомъ, бильшъ спокійно промовыла Олександра Мыхайливна. Тутъ въ школи за роботою не помичаешъ, якъ скоро-скоро мынають ясни молоди лита, якъ почынаешъ вьянуты, черствиты. Я ось сыдила тутъ, сыдила тыхенько и тильки думкамы мережанымы облитала далеко, незнани краи, въ думкахъ неспокійныхъ заглядала въ викна счаслывыхъ, гарныхъ людей, Э-эхъ! та що тамъ... Мохомъ обросла, мовъ та камьянюка. А тамъ десь розумне, гарне, ясне жыття велыкыхъ центривъ кыпыть, хвылюе, и хочъ бы крапли, хочъ бы згукы тыхъ хвыль голосныхъ та пышныхъ сюды долиталы! Ни! тутъ було спокійно, темно и тильки сторинкы та рядкы розумныхъ, палкыхъ кныжокъ та газетъ росповидалы, якъ вже высоко та суворо вгору пиднялысь ти сыви, гризни жыттьови хвыли. И я хотила розсказаты своимъ селянамъ, якъ кыпыть жыттьове море, чому въ останни часы воно такъ гризно хвылюе, та, якъ бы ты знавъ, Андрію, якъ боляче мени робылось, колы спочатку я не могла, не вмила зацикавыты людей, звернуть ихъ увагу на бикъ видъ Домашивкы. Плакала я, сердылась — не помагало. Тогди я почала зъ дитей, зъ школяривъ,—и теперъ я горда своимы хлопчыкамы; воны, Андрію, мои теперъ. Въ дытячу душу я легче влыла вогонь, якый часамы почувала въ соби. Це не скоро, не видразу. Трудно було перейты той ривчакъ, якый стоявъ межы мною та селянамы. Я засыпаю його потроху тильки теперъ. И отъ, Олександра Мыхайливна знову невесело зитхнула та знову загасъ той гострый вогонь, якый бувъ зажевривъ въ іи очахъ,—и отъ я прожыла двадцять висимъ рокивъ... Мынуло багато. Слухай, Андрію, невже-жъ я теперъ никому не потрибна, мизерна? Невже-жъ я даремно жыла, працювала?

— Та що тоби сьогодня таке? Сестро? Не пизнаю тебе. Видкиля твое розчарування?

— Не знаю видкиля, не знаю. Мени заразъ робытся страшно видъ тіеи думкы, що може я жытыму ще двадцять висимъ рокивъ, страшныхъ, холодныхъ...

— А школа, Олесю? Невже жъ ты забула вже свои попередни мріи, наши загальни, таки гарни пляны? Мы жъ умовылысь ридну Домашивку зробыты здоровою та освиченою?

— Такъ, умовылысь. Не забула, памьятаю, та тильки жъ важко мени заразъ, невымовно важко! Андрію дорогый! важко... Колы бъ ты знавъ, якъ трудно саму себе, все свое цилкомъ виддаты комусь иншому... виддать мріи, молоди сны—чаривни, гарни сны—и вси, вси гарячи порывання юнацтва закопаты пидъ нызенькымъ сволокомъ домашивськои школы. Якъ не давы власне серце, якъ не кличъ його до праци, а воно кыпыть окремымъ власнымъ счастямъ, власнымъ горемъ нудьгуе.,. Воно нудьговало, болила душа... Правда, робота проганяла цей биль, та черезъ це таки хвылыны, якъ заразъ, ставалы ще важчи. Ты знаешъ, що я николы не жалилась, терпила багато, довго терпила, та вже занадто налягло на душу того болю, стало самои себе жалко... и теперъ я злякалась свого „нового" року. Нехай це буде слабодушнисть, эгоизмъ, але жъ це вырвалось зъ души, зъ мукою вырвалось черезъ те, що довше носыты зъ собою цей биль не стало сылы. А тамъ... въ „новому" роци сылкуватымусь знову мовчаты...

— Эхъ, Олесю, Олесю! Вирю—важко оттакъ безъ краю волокты самитне жыття: симьи тоби бракуе.

— Теперъ вже мени, мабуть, ничого не бракуе!—вырвалось боляче въ Олександры Мыхайливны.—Сылкуватысь помырытысь зъ жыттямъ...—И вона знову схылыла голову на рукы...

„Бидна ты, сестро"—думавъ Андрій, дывлячысь на ту схылену голову.

Колы це рыпнулы двери, и зъ синей въ кимнату вскочыла Леся, рожева зъ морозу.

„Щедрыкъ-ведрыкъ.
Дайте вареныкъ,
Дайте ковбасу,
Бо я хату рознесу"—

зъ жартомъ защедрувала Леся.

— Отъ до-правды рознесу васъ отутъ. Побачыте! Давайте вареныка! Ну! Заразъ мени давайте!

— Ой ты, золото мое, ну йды, йды сюды. Я дамъ,—вже весело видповивъ Андрій.

Винъ прыгорнувъ до себе гарну, веселу Лесю. А вона сміялась, щебетала и, жартуючы, сховала йому на грудяхъ свою гарненьку головку. Видразу въ кимнати повіяло морозомъ, жыттямъ, молодою сылою: це Леся прынесла зъ собою, разомъ зъ веселымъ жартомъ, немовъ бы поклыкъ до жыття.

„Не плачте, радійте, дывиться на мене! Я весело та смилыво наблыжаюсь до жыття, жыття не боюсь“—казалы сміючысь Лесыни очи.

— А якъ чудово теперъ на сели! До-правды, чудово! Усе село щедрує гуртомъ, голосно, смилыво, весело. Слухала, слухала, а дали самій скучно стало...

— А ты жъ кажешъ—„весело“?—и Андрій ще мицнишъ прытулывъ до себе Лесю, надзвычайно хорошу въ цю хвылыну.

— Ходимте заразъ уси! Олесю, йды!—казала вона, выставляючы на Божый свитъ свою голову, що була зовсимъ сховалась въ мицныхъ Андрійовыхъ обіймахъ.

— Ни! я, мабуть, не пиду, — сумно видказала Олександра Мыхайливна.

— Чому жъ не пидешъ? Зъ намы? Отъ тоби й разъ! Та ты якась така... сумна? Сльозы на очахъ? Що тутъ сталось?

И Леся залышыла Андрія та прытулылась до Олександры Мыхайливны.

И въ тихъ обіймахъ молодои дивчыны Олександра Мыхайливна нагадала себе молодою, гарною, подибною до Леси; згадала, якъ колысь, давно-давно, іи, свою „квитоньку“, прыгортала до себе старенька, слаба маты. Давно-давно... „квитонько, завьяла ты“,—сказала бъ теперъ стара маты.

И вразыла ця думка Олександру Мыхайливну боляче, боляче...

— Ничого не сталось, ничого. Лесю, серденько, жыть мени дуже важко стало. Заздра на тебе.

— Невже?

— Ты гарна, Лесю, така молода, весела, твое счастя въ твоихъ рукахъ, маешъ майбутнисть, а въ мене ничого свого немае: нема въ мене бильше „нового року“, ридни мои!

— Олесю, дорога! въ тебе жъ твоя велыка, корыстна праця?

— У мене, Лесю, тильки й есть, що довгый-довгый, безъ краю довгый рядъ днивъ, ночей, чужыхъ, не мойхъ...

Здавалось, що въ цихъ жалибныхъ словахъ блидои, сумнои вчытелькы вылывався гострый биль багатьохъ сирыхъ, маленькыхъ робитныкивъ сумнои, тыхенькои нывы, вылывалося давне горе людьмы забутыхъ, невидомыхъ Олесь, горе велыке, звычайне, щоденне, и черезъ те—горе страшне. Тутъ воно блызенько, пидъ самымъ серцемъ, жыло, наростало; въ души молодій звыкало соби мицный покійный закутокъ и, скинчывшы працю-бу-

дивлю, зсушывшы молоду душу, вынькло заразъ наверхъ гризне, кожному досыть видоме... Сміется воно!

— Ось здается—казала Олександра Мыхайливна—я й корыстна людына, роблю корыстну роботу, щыро вирю въ наслидкы своеи праци, а тымъ часомъ бракуе мени ще чогось, дуже потрибного за-для роботы моеи, для мене самои. То правда, що школа захоплюе мене, колы я въ школи, але за те жъ жыття, що дали—то бильше, мучыть въ вильный часъ. Не сыла перемогты клятый власный голосъ, себе, особыстисть кляту здолаты не сыла моя! Ой, якъ же мени заразъ важко, колы бъ вы зналы!...

Леся схылылась до плечей Олександры Мыхайливны та, дывлячысь ій въ сумни очи, невесело промовыла:

— Це правда, але жъ, мени здается, Олесю, що ты повынна почувать себе счаслывою черезъ те вже, що мала въ соби таку моральну сылу: пишла сюды, въ школу, забула, поховала тутъ, пидъ нызенькымъ сволокомъ, власне счастя, молодисть, все, все... А я ось не вмила-бъ такъ, не одважылась бы. Ты, Олесычко, просто свята!

— А якъ-же! свята!—раптомъ нервово зареготала Олександра Мыхайливна, дывлячысь гострымъ поглядомъ кудысь далеко. Ха-ха! Не видъ мыру цього! Лесю, Лесю! не знаешъ ты ничого. Зовсимъ не свята. Ось заразъ, колы я спыняюсь думкою биля нового року, зъявляется въ мене гришна, дыка прымха, жадання залышыть це все: школу, корыстну працю, та втикты, втикты далеко-далеко, на край свиту полынуть, перебуть щось нове, гарне, гришне, веселе, яскраве! Досыть напытысь нового жыття, втомытысь имъ и потимъ, колы дознаю, що есть добро и що есть зло, знову повернутысь сюды въ школу зъ жыттьовымы переконаннямы та може й зъ розбытою душею. Тутъ вона видпочыла бъ. Ось колы дизнала бъ я цины своій роботи. Тогди я знала бъ, чы свята я, чы ни...

— Ну, та це мріи мои,—писля сумнои мовчанкы вже спокійно казала Олександра Мыхайливна,—це марево, що ввыжается хворій души.

А Леся, здавалось, була стурбована такою гарячою сповидью Олександры Мыхайливны.

— Слухай, Олесю! И Лесыне облыччя стало надзвычайно розумнымъ, спокійнымъ. Мени здается, що намъ зъ тобою не варто перебуваты щось велычнье, яскраве. Маленьки мы люде, маленьки й робитныкы...

— Жыття наше сиреньке—додавъ Андрій.

— Ни, ни!—и Леся стрепенулась. Знову іи облыччя, що було постарило зразу на десять литъ, засяяло сылою, жыттямъ, молодою красою. Зовсимъ не сиреньке! Неправда! Я вирю, що мое жыття такымъ не буде,—сиренькымъ. Я жытыму ясно, весело! Я хочу такъ жыты! Мое маленьке, никому невидоме жыття не матыме въ соби ничого темного! Отъ побачышъ, Андрію! Я такъ хочу, такъ вирую, и вира моя повынна перейты въ жыття. Правда жъ, Олесю, повынна?

— Повынна, повынна,—усмихнулась Олександра Мыхайливна.

— Не смійся, Олесю! Я хочу и дійсно зроблю зъ свого жыття не сири, сумни дни—ни!—а маленьку жыву идилію. Побачыте, зроблю! Коженъ рикъ я стричатыму, яко дійсно новый; вирытыму, що винъ прынесе въ наше, Андрію, жыття новый аккордъ, новый виршъ, нову мелодію.

— Ой, ой, ой!—спынывъ Лесю Андрій. Це вже ты дійшла до того, що зветъся „поэзія жыття“!

— Облышъ! Писля! Нехай бо я вже скажу!

— Гараздъ, гараздъ, слухаю.

— А я вже ничого бильше не казатыму. Перебывъ, а теперъ не можу. Годи!

Леся зъ Андріемъ весело сміялыся, а Олександра Мыхайливна лышъ сумно усмихнулась.

— Чому жъ ты не судышъ мене, Олесю? Суды, розбывай мене, тильки вже не плачъ. Годи!

— Перестану, Лесю. Не плакаты, щобъ ты знову думала, що я свята? Не буду. Теперъ вже, Лесю, я жытыму биля твого маленького, веселого жыття. Дывытымусь на васъ и знову сылкуватымусь все жыття складсты зъ самыхъ мрій. Якъ и перше марытыму про той гарный часъ, колы освичена та здорова Домашивка стане радисною, счаслывою...

Нызенько, дуже нызенько похылылась голова Олександры Мыхайливны и всимъ видразу стало сумно, та це не той бувъ сумъ, що вынывае зъ слабого серця, наростае жалибнымъ аккордомъ невидомои музыкы. Росте сумна мелодія, вылывае музыка свою думку, горе свое... и краю немае тій мелодіи сумній... вона тыхенько-тыхесенько плаче, утихы немае вона... Не той це сумъ!

Це той безпидставный смутокъ, що обіймае душу въ ту добу вечирню, колы зайшло сонце, ясне, золоте заховалось. Темніе, смеркае, немовъ бы вже свитла не буде... Замерла земля, не

дыхне. Ажъ ось-ось, гляньте, зажеврила зирка, ось друга... высоко, далеко! Ось писня закохана десь-тамъ лунае; ось, чуете, смихъ мелодычный. Це звукы жыття поэтычни! Жыття вже вернулось—и легче на серци. Це сумъ поэтычный, легенькый це смутокъ...

Андрій сивъ биля Леси.

Вона поклала йому на плече головку и въ задуми дывылась въ далеку-далечинь, лыше знайому ій, Леси.

Тамъ десь далеко бачыла себе Леся веселою, жывою. И тамъ, якъ сьогодня, вона стричала свій новый рикъ зъ яснымы очамы; и тамъ, якъ сьогодня, вона вирыла въ свою сылу жывои людыны, въ свою правду.

Андрій дывывся на Лесю, на ясни очи, на головку гарненьку, и отъ въ його власнимъ серци прокынулась Лесына молода сыла. Йому захотилось жыты ясно, розумно, сміятысь, спиваты радисно, голосно...

— Куды жъ ты дывышся такъ далеко, золото, сонце мое? Що ты тамъ бачышъ?—запытавъ Андрій и нижно-нижно прыгорнувъ до себе свою гарну Лесю. Неначе дытына, вона прытулылась, замерла.

— Дывлюсь впередъ, въ наше жыття,—почувъ винъ тыхеньку видповидь.

Эхъ, ваше жыття!—зитхнула Олександра Мыхайливна.—Щыро бажаю вамъ, диты мои, перейты його такъ, якъ бажаете.

— Перейдемо, сестро, перейдемъ! Хиба жъ, Олесю, мы не втремо багато-багато, море циле, гиркыхъ слизъ голодныхъ, хворыхъ селянъ? Олесю! а якъ радисно въ насъ стане тогди на души! Лесю, невже жъ я неправду кажу?

— Правду.

— Эхъ ты, мое славне мале! Якъ маленька дытына я жыву цією мрією. Ни, я певенъ, що тутъ буде больныця, библіотека, краща школа. Боже мій! та це жъ все те, до чого я йду, чымъ жывъ, жыву заразъ. Вирь мени, вси сльозы, мука, вся наша нудьга—це дурныця наривни зъ слизьмы голодноі, хвороі Домашивкы. А скилькы такыхъ Домашивокъ? Миліоны! Наша маленька Домашивка повынна попереду всихъ засяяты гарячымъ, яскравымъ проминнямъ счастя людыны, а тамъ повынни засяяти вси инши, бо треба однієи тилькы гыскры, а тамъ... тамъ все запалае, засяе. И мы станемъ ясни, весели, забудемъ власне горе! Такъ?

Олександра Мыхайливна кывнула головою.

— Правду я казавъ, Лесю?

— А правду! Мени весело... „щедрыкъ-ведрыкъ"...

— А яки вы обое гарни!—немовъ прокынувшысь опислля страшного кошмару, весело казала Олександра Мыхайливна. — Гарни, славни... Зъ вамы мени стане легче. Ты, Лесю, якось вміешъ своимъ радиснымъ настріемъ пидняты духъ, виру...

Леся раптомъ обняла за шыю Олександру Мыхайливну.

— Ага, ага, я хороша, славна дивчына,—сміючысь щебетала вона.—Дайте мени вареныка, бо хату рознесу. Ха-ха.—И дивчына не вгавала.

На велыку сылу Олександра Мыхайливна вырвала себе зъ мицныхъ Лесыныхъ обіймивъ, а та голосно сміялась и облыччя іи видъ счастя стало рожевымъ.

-- Ото, дзвоныкы наши якъ роздзвонылысь. Годи тоби! На́ вареныка, на́ тоби!

И Андрій, прытулывшы іи до себе, поцилувавъ разъ, другый...

...Пидъ самисенькымъ викномъ весело заспивалы дзвинкымы голосамы. Це школярыкы прыйшлы щедрувать своій „барышни".

Вси трое, навить Леся, замовклы прыслухаючысь.

Школярыкы щедрувалы

Скинчывшы одну щедривку, почалы другои.

— А що, Олесю! Молода Домашивка и заразъ якъ спивае, а колысь-то,—отъ-отъ, вже скоро,—голосно та смилыво вси, старый и малый, заспивають жыттьовои писни, здорови, освичени...

И очи Андріеви свидчылы про те, що винъ вирыть, цилою своею истотою вирыть, що дійсно настане жаданый часъ и до самого неба лунатыме писня „новыхъ" домашивцивъ, писня перемогы.

— Колыбъ-то заспивалы!? А якъ не заспивають, а якъ мои довги, холодни рокы страчени даремно?

— Ни, ни! будь певна. Вже скоро...

Олександра Мыхайливна слухала щедривку, и поглядъ іи очей ставъ певный, спокійный.

Вона повирыла.

Олександра Мыхайливна выйшла до хлопчыкивъ зъ торбынкою цукеркивъ.

Разомъ зъ нею выйшлы Андрій та Леся.

А на двори падавъ густый мокрый снигъ. Винъ спадавъ на землю чудовымы казковымы платкамы. Зъ чорнои безодни винъ

падавъ на землю. Казкови платкы навивалы на Домашивку казковый спокій. Воны сылкувалысь заколыхаты іи въ царстви непрогляднои темрявы. Здавалось, що снигови платкы, гарни, чудовни, злитаючы на Домашивку, наважылысь на викъ-вичный обгорнуты іи холоднымъ, мертвымъ покрываломъ, задавыть льодовымы обіймамы вси іи рухы, перши думкы, першый самостійный голосъ правды, першу голосну, смилыву писню,

Пизно! Не ти часы! Въ голосній писни молода Домашивка смилыво каже: „геть“ нижнымъ, гарнымъ, холоднымъ сниговымъ платкамъ та тій безпросвитній темряви, що не одынъ рикъ, не сотни литъ, а черезъ довгый рядь довгыхъ литъ давыла іи въ холодныхъ, жорстокыхъ обіймахъ, давыла суворо и суворымъ, холоднымъ та никчемнымъ зробыла все іи жыття. Зъ темрявы, зъ безодни страшнои сыпалысь безъ краю дни, налиталы та й пролиталы страшни рокы. Люде жылы, стогналы пидъ вагою цихъ важкыхъ литъ, мучылысь та жылы, жылы та мучылысь, а надъ тіею мукою, надъ тымъ пекломъ, що звалось жыттямъ, литалы чудовни снигови платкы и ховалы видъ Божыхъ очей правду мученыкивъ земли. Годи! Нова, видроджена Домашивка хоче— Боже, якъ хоче!--буты певною, що безсыла ця безодня темрявы, що вже йдуть на землю ясни зори; воны засяють, воны здолають люту безпросвитну безодню.

Такъ хоче вирыть нова Домашивка и зъ жадобою новои виры вона смилыво йде назустричь новому рокови.

Новій Домашивци вже снятся кращи часы, зори та перемогы...

Радисно застукало серце въ грудяхъ Олександры Мыхайливны: іи праця не пропала даремно. Смилыво радисно це жъ спивалы и славни школярыкы!

И вже не такымъ страшнымъ здавався Олександри Мыхайливни рядъ холодныхъ днивъ іи жыття.

Л. Пахаревськый.

1905 р. 14 вересня.

Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ.

На страницахъ „Кіевской Старины“ я уже не одинъ разъ останавливалъ вниманіе читателей на украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ.

Причитанія, какъ особый видъ народной словесности, связанный съ похороннымъ ритуаломъ, распространены среди всѣхъ племенъ—отъ представителей низшей культуры до высшихъ членовъ индо-европейской семьи народовъ.—„Смерть — говорилъ проф. А. Котляревскій въ своей книгѣ „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“ (стр. 212)—есть синонимъ горя и лишеній. Выраженіе скорби, при смерти близкаго лица, естественно вытекаетъ изъ чувства любви и нравственной привязанности и, конечно, существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ вошелъ въ семейныя и общественныя формы быта и узналъ нравственныя отношенія; потому выраженія печали: плачи, причитанія или нареканія по мертвымъ идутъ съ глубокой, незапамятной старины“.

То же самое мы имѣемъ право сказать и объ украинскихъ причитаніяхъ. Безъ сомнѣнія, генезисъ ихъ теоретически должно отнести еще къ пра-славянской эпохѣ. Историческихъ же предшественниковъ нашихъ причитаній мы можемъ намѣтить уже въ Кіевскую эпоху. Въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ неоднократно упоминаются плачи при погребеніи умершихъ. Эти плачи въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ понимать именно въ значеніи причитаній. Такъ, по поводу смерти Олега подъ 912 годомъ говорится: „И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и

несоша, и погребоша его на горѣ" (Лавр. сп.).—Объ Ольгѣ подъ 945 годомъ находимъ: „Ольга же... приде къ гробу его (Игоря), и плакася по мужи своемъ" (Лавр. сп.).—О смерти князя Ростислава лѣтописецъ разсказываетъ подъ 1093 годомъ: „Ростислава же искавше, обрѣтоша и въ рѣцѣ; и вземше и принесоша и Кіеву; і плакася по немъ мати его" (Ипат. сп.); то же самое картинно описываетъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ": „рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростена къ усту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ. Темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ". Кромѣ свидѣтельствъ о плачахъ, въ памятникахъ находимъ также примѣры этихъ плачей. Лѣтопись разсказываетъ слѣдующее о погребеніи князя Изяслава въ 1078 году: „и вземше тѣло его, привезоша и въ лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани, повезоша и съ пѣсни, попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи и велицѣ вопли, плакася бо по немъ весь градъ Кыевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: „отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семь, много напасти приимъ отъ людей и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою" (Лавр. сп.). Плачъ—причитаніе находимъ также въ „Сказаніи о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ": „Присла Ярославъ къ Глѣбу, река: Не ходи брате, отець ти оумерлъ, а братъ ти оубиѥнъ отъ Святополка. И си слышавъ блаженыи възопи плачемъ горькомъ и печалию сердечною и сице глаголаше. Оувы мнѣ господине мои! о двою плачю плачуся и стеню. Двою сѣтованию сѣтую и тужю. Оувы мнѣ, оувы мнѣ! плачюся по отци, плачюся паче, зѣло отчаꙗвся по тебѣ брате и господине Борисе. Како прободенъ ѥси, како безъ милости прочеѥ смерти предася, како не отъ врага, но отъ своего брата пагубу въсприꙗлъ ѥси. Оувы мнѣ! оуне бы ми съ тобою оумрети, неже оуѥдинену и оусирену отъ тебѣ въ семь житии пожити. Азъ мняхъ лице твоѥ оузрѣти аньгельскоѥ. Селика туга постиже мя. Оунилъ быхъ съ тобою оумрети господине мои; нынѣ же что створю? оумиленъ и отуженъ отъ твоѥꙗ доброты и отца моѥго многаго разума. О милыи мои брате и господине! аще ѥси получилъ дерзновениѥ оу Бога, моли о моѥмъ оуныньи, да быхъ и азъ сподобленъ былъ ту же смерть приꙗти и съ тобою жити,

неже въ свѣтѣ семь прелестнемъ." [1]) Таковы древнѣйшіе извѣстные намъ предшественники нашихъ причитаній. Наиболѣе же старый примѣръ уже вполнѣ сложившагося бытового украинскаго причитанія мы находимъ лишь въ XVI вѣкѣ, но, къ сожалѣнію, на латинскомъ языкѣ. Я разумѣю похоронное причитаніе въ поэмѣ „Roxolania" Себастіана-Фабіана Кленовича Acernus'a.[2]) Затѣмъ мы встрѣчаемся съ причитаніями уже въ литературѣ XIX вѣка, когда этнографы, начиная съ Метлинскаго, стали обращать на нихъ вниманіе.

Однако же вниманіе украинскихъ этнографовъ къ похороннымъ причитаніямъ нельзя назвать благосклоннымъ. Даже Чубинскій не удѣлилъ имъ надлежащаго вниманія. Онъ не вникнулъ въ причитанія, какъ слѣдуетъ, и замѣтилъ лишь, что на Украинѣ они „вездѣ отличаются своимъ однообразіемъ."[3]) Вслѣдствіе такого мнѣнія покойный этнографъ и не отвелъ причитаніямъ должнаго мѣста въ своихъ „Трудахъ", представивъ до скудости незначительное количество образцовъ ихъ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія г. С. Брайловскій, по примѣру г. Е. Барсова, издавшаго „Причитанія Сѣвернаго края", задумалъ издать „Причитанія Южнаго края", но ограничился лишь небольшимъ сборникомъ причитаній, причемъ, какъ и Чубинскій, назвалъ ихъ однообразными.[4])

Въ виду такого представленія объ украинскихъ причитаніяхъ, въ этнографической литературѣ они представлены слабѣе всѣхъ другихъ народно-поэтическихъ видовъ; исключеніемъ въ этомъ случаѣ является одинъ только сборникъ г. Милорадовича, давшаго достаточно полное собраніе причитаній Лубенскаго уѣзда.[5])

Ошибка, которая привела этнографовъ къ такому неблагопріятному мнѣнію о причитаніяхъ, заключалась въ томъ, что они оцѣнивали причитанія только со стороны ихъ бытового содержанія. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, украинскія причитанія не отличаются такимъ разнообразіемъ, какъ, напр., причитанія

---

[1]) Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. Издалъ И. И. Срезневскій, 55.

[2]) См. мою замѣтку: „Древнѣйшее малорусское причитаніе." К. Ст. 1904 г. декабрь.

[3]) Труды Этн.-Ст. Эксп. т. IV, стр. 705.

[4]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884 г, XII, 181.

[5]) Пѣсни и обряды Лубенскаго уѣзда.

братьевъ-великороссовъ. Но интересъ къ народно-поэтическимъ произведеніямъ не можетъ исчерпываться однимъ ихъ содержаніемъ. Метрическая форма и та поэтическая оболочка, въ которую заключено содержаніе, а именно—выразительныя и изобразительныя средства произведенія народной поэзіи, въ своемъ развитіи достигающія законченности и опредѣленности поэтическихъ образовъ и мотивовъ,—все это представляетъ интересъ не меньшій, чѣмъ само содержаніе. Изучая народную литературу со стороны ея бытового или историческаго содержанія, мы знакомимся со словесными проявленіями культурныхъ формъ жизни и быта, какія переживалъ или какихъ достигъ данный народъ. Изучая развитіе стиля и словесныхъ образовъ народной литературы, мы какъ бы видимъ духъ человѣка въ его исканіяхъ лучшихъ, прекраснѣйшихъ и совершенныхъ формъ мысли и чувства, въ его стремленіяхъ вѣчно впередъ!—

Я надѣюсь со временемъ—fiat voluntas Domini!—дать, поскольку возможно, полное обслѣдованіе поэтическихъ представленій украинскихъ похоронныхъ причитаній, а теперь желалъ бы предложить одну главу о послѣднихъ, именно—о тавтологизаціи мысли въ причитаніяхъ, представляющей характерную ихъ особенность.

Изъ всѣхъ видовъ народной литературы происхожденіе надгробныхъ причитаній болѣе всего покоится на непосредственномъ рефлексѣ опредѣленнаго психическаго состоянія. На причитанія въ ихъ первичной формаціи, какъ на продуктъ сильнаго чувства скорби и горя, менѣе всего могла реагировать самосознающая дѣятельность интеллекта. Въ такихъ причитаніяхъ выразилось непосредственно глубокое чувство утраты близкаго человѣку лица, невольно стремившееся проявиться въ членораздѣльныхъ звукахъ, такъ какъ объективированное въ звукѣ состояніе человѣческой психики, какъ бы оно сильно ни было, облегчается, какъ боль въ крикѣ, и при томъ уже не подчиняетъ себѣ всецѣло сознанія, но уже само разумно покоряется ему. Какъ произведеніе, возникшее непосредственно подъ вліяніемъ чувства, причитанія въ ихъ чистомъ не стилизованномъ опредѣленнымъ образомъ видѣ, подобно всякому произведенію первобытной поэзіи, представляютъ изъ себя синкретизмъ впослѣдствіи развившихся поэтическихъ видовъ. Лирическіе моменты жалобы—восклицанія смѣшиваются съ моментами эпическими—воспоминаніями о жизни умершаго, смѣняющимися обращеніемъ къ покойному—вопросомъ, а иногда отвѣтомъ на вопросъ отъ лица покойнаго, въ

чемъ видимъ зачатокъ драматическаго діалога. Въ такомъ видѣ должно представлять причитанія, явившіяся непосредственно надъ гробомъ покойника.

Но съ теченіемъ времени похоронныя причитанія развиваются въ отношеніи содержанія и формы въ опредѣленномъ направленіи. Мотивы причитаній, созданные почти всегда одинаковымъ по своему характеру психическимъ состояніемъ, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, повторяются. Это приводитъ причитанія къ опредѣленнымъ и постояннымъ мотивамъ. Искусственный литературный подборъ въ причитаніяхъ, совершаемый ихъ носителями, иной разъ даже профессіональными, которые были и на Украйнѣ, усугубляетъ опредѣленную постоянность мотивовъ похоронной причети, располагаемыхъ по одной и той же схемѣ, и однообразіе стиля.

Стиль причитаній, какъ результатъ продолжительной и искусственной выработки, представляетъ большой интересъ для характеристики народнаго литературнаго творчества. Съ другой стороны, происхожденіе извѣстныхъ мотивовъ, ихъ видоизмѣненія и развитіе въ похоронныхъ причитаніяхъ интересуютъ насъ, какъ факты психологіи народнаго творчества. Какъ первая изъ указанныхъ сторонъ, т. е. стиль, такъ и вторая, т. е. поэтическіе мотивы причитаній, однако лишь съ крайнимъ ограниченіемъ, могутъ быть разсматриваемы независимо другъ отъ друга, въ виду тѣсной связи внѣшней формы и внутренняго содержанія поэтическаго произведенія. Тѣмъ не менѣе, мы выдѣлимъ въ данномъ очеркѣ одно изъ явленій выработаннаго причитаніями стиля, именно—тавтологическій способъ выраженія мысли въ нихъ, который можно разсмотрѣть независимо отъ самыхъ мотивовъ причитаній.

Приступая къ разсмотрѣнію указаннаго стилистическаго явленія украинскихъ похоронныхъ причитаній, необходимо остановиться сначала на метрической ихъ формѣ. По характеру стиха причитанія приближаются къ *думамъ*. Какъ въ послѣднихъ, такъ и въ первыхъ, силлабизація стиха совершенно отсутствуетъ, т. е. по количеству слоговъ стихи являются не равными между собою. Однако и отъ стиха думы стихъ причитаній имѣетъ свои отличія. Раздѣленіе думы на отдѣльные стихи построяется на синтаксической цѣльности каждаго стиха, съ одной стороны, и выдѣляющей его въ самостоятельную единицу риѳмѣ съ другой. Ту же сантаксическую цѣльность стиха и риѳму (чаще всего

глагольную, какъ и въ думахъ), строго опредѣляющую стихъ, мы находимъ и въ причитаніяхъ, какъ, напр.:

Та якъ же я до тебе ходытыму,
Та якъ я съ тобою говорытыму?
Якъ я съ тобою поражатымусь,
Якъ я съ тобою розважатымусь?..
Та яжъ надъ чужымъ дилечкомъ назневажалась,
Я жъ по чужыхъ нывахъ наспотыкалась...[1])

Но въ стихахъ причитаній мы замѣчаемъ и нѣчто другое. Приведу любой примѣръ причитаній:

1. Мій хозя́ине, моя й па́ра дорога́!
2. Моя́ й пра́вда дорога́!
3. До ко́го жъ мени прыхылы́ться и прытулы́ться:
4. Чы мені́ до холо́днои стины́,
5. Чы мені́ до чужо́и чужыны́?
6. Що холо́дна стина́ не нагрі́е,
7. А чужа́я чужына́ не пожалі́е.
8. Видкиля́ мени те́бе выгляда́ть,
9. И де́ мени те́бе пизнава́ть?
10. Чы мені́ межъ косаря́мы,
11. Чы мені́ межъ гребця́мы?
12. Чы́ мени зъ по́ля,
13. Чы́ мени зъ мо́ря?
14. Чы мені́ зъ глыбо́кои долы́ны,
15. Чы мені́ зъ высо́кои могы́лы?
16. И колы́ за для те́бе столы́ застыла́ть, [2])
17. И кубо́чкы наповня́ть?
18. Чы те́бе къ Риздву́, чы къ Велыко́дню,
19. Чы те́бе икъ святі́й недило́нци?..

---

[1]) Примѣры взяты изъ слѣдующихъ сборниковъ и сочиненій: 1) Милорадовичъ: „Пѣсни и обряды Луб. у.“ *(цитаты безъ указанія)* , 2) Шухевичъ: „Гуцульщина“ III ч. *(Шух.)*, 3) Малинка въ „Эт. Об.“ 1898 г., *(Мал.)*, 4) Метлинскій: „Южно-русскія пѣсни“ *(Мет.)*. Не дѣлаю подъ примѣрами подробныхъ ссылокъ на страницы изданій и смѣю увѣрить въ полной точности цитируемыхъ стиховъ.

[2]) Стихъ представляетъ правильно построенный по тоникометрической системѣ анапестъ въ 4 стопы.

Не трудно замѣтить, что, кромѣ указанныхъ выше метрическихъ условій созданія стиха въ причитаніяхъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ тоническимъ принципомъ версификаціи. Большинство стиховъ обладаютъ тремя ритмическими удареніями, притягивающими къ тѣмъ слогамъ, надъ которыми они стоятъ, слоги неударяемые, сводящіеся поэтому на нѣтъ въ ритмическомъ отношеніи. Стихъ съ тремя удареніями—преобладающій въ причитаніяхъ. Но тутъ же мы видимъ стихи съ двумя и четырьмя удареніями. Тонизація стиха, кромѣ выразительности ея, имѣетъ въ причитаніяхъ еще то значеніе, что тѣ два стиха, которые не опредѣлены риѳмами, тѣмъ не менѣе чувствуются, какъ два самостоятельныхъ метрическихъ періода, на основаніи одинаковаго числа тоническихъ на нихъ удареній, что мы замѣчаемъ въ 18 и 19 стихахъ. Чтобы покончить съ метрическою формою причитаній, укажу еще на то, что риѳму замѣняютъ иногда лишь аллитерація и ассонасъ, играющіе ту же роль, что и первая, какъ, напр.:

Та не йдить же вы п*оле*мъ,
Бо нижечкы пок*оле*те...
Куды вы выбыраетесь?
Чы въ Крымъ, чы въ Р*ы*мъ,
Чы въ дорогу по с*и*ль?...
Та мое дилечко, мій таточку, не въ л*а*дъ,
Та мое словечко не т*а*къ...

Въ такомъ видѣ представляется намъ метрическая форма украинскихъ похоронныхъ причитаній.[1])

Пара стиховъ, которые соединяются риѳмою, въ весьма большомъ числѣ случаевъ выражаютъ одну и ту же мысль, и такимъ образомъ риѳма закрѣпляетъ логическую связь между этими двумя стихами; напр.:

Хто жъ мене теперъ буде поряжать,
Хто мени—порядокъ давать?..

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ записяхъ причитанія не имѣютъ метрической формы, какъ, напр., у г. Малинки (Этн. Об. 98 г.), но по всей видимости, это произошло отъ недостаточной опытности записывателей, доставившихъ г. Малинкѣ подобныя записи и ихъ неумѣнья извлечь изъ носительницы причитанія все возможное и настроить ея мысль подходящимъ для передачи причитанія образомъ.

Кому ты дитокъ поручаешъ,
Кому ты ихъ уручаешъ?..
Прыймай и мене зъ собою,
Щобъ я не скыталась,
По чужыхъ поляхъ не спотыкалась..,
Якъ мени безъ тебе прывыкать,
Якъ мени тебе забувать?.,
И куды ты наряжаешся,
И куды ты вбыраешся?..
Видкиль тебе выглядаты,
Видкиль тебе вызыраты?..
Та щобъ я не горювала,
Та щобъ я горенька не знала...
Хто жъ ихъ буде кормыты,
Кому ты прыказавъ ихъ пытаты? (Собств. мат).

Подобное сочетаніе двухъ различныхъ стиховъ, выражающихъ одну и ту же мысль, объясняется тѣмъ психическимъ состояніемъ, въ силу котораго одна навязчивая идея овладѣваетъ сознаніемъ настолько, что человѣкъ не сразу имѣетъ возможность оторваться отъ нея, чѣмъ задерживается теченіе его мыслей. Въ причитаніяхъ, явившихся выраженіемъ самаго скорбнаго чувства утраты близкаго человѣка, такое замедленіе мысли наиболѣе естественно. Чувство столь сильно по своему характеру, и каждая рождаемая имъ мысль получаетъ такое большое значеніе, что теченіе мысли останавливается, и одна мысль задерживаетъ появленіе другой. Какъ одинъ изъ героевъ Чехова—учитель словесности, находясь въ подавленномъ состояніи духа, вызваннымъ страданіемъ дѣвушки, которой не удается выйти замужъ, ничего не можетъ думать и писать, кромѣ двухъ словъ: „Бѣдная Варя!"—такъ и причитающая женщина повторяетъ одну мысль, лишь измѣняя ее внѣшнимъ образомъ;

И хто вамъ буде порядочокъ давать?
И хто васъ буде воспытать,
И хто надъ вамы батькувать?

Выразительная сила даннаго явленія заключается въ слѣдующемъ. Вниманіе причитающей женщины и смущающихъ ее лицъ задерживается на одной и той же мысли, чѣмъ усугубляется ея вліяніе. Но если бы эта мысль облекалась въ одни и тѣ

же слова, она была бы лишена выразительной силы и даже потеряла бы интересъ, тогда какъ повтореніе ея въ различныхъ формахъ, сообщая ей новизну внѣшности, необходимо приковываетъ снова къ ней вниманіе. Этотъ способъ двухъ- и трехчленнаго выраженія мысли можно назвать *варіирующею тавтологіею*, т. е. повтореніемъ одной и той же мысли въ различныхъ формахъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ стихи, выражающіе одну и ту же мысль, равны другъ другу по своей синтаксической силѣ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль, повторяемая въ слѣдующихъ стихахъ, выдѣляется въ предложеніе, построенное неодинаково съ первымъ въ синтаксическомъ отношеніи. При этомъ новое построеніе мысли синтаксически таково, что само по себѣ увеличиваетъ силу фразы и сообщаетъ ей большее значеніе; напр.

А моей мамочкы *немае*,
Моей голубочкы *якъ нема!* (Собств. мат.)
Прыйды до мене
И порадь мене
На *чужый чужыноньци*,
На *далекій краиноньци*,
Далека краиночка,
Чужа чужыночка!..
Видкиля васъ дожыдать?..
Чы зъ *высокои могылы,*
Чы зъ *глыбокои долыны?*
Высока могыла высоко высыпана!
А глыбока долына глыбоко выкопана!..

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ же пріемомъ выразительности, что и въ градаціи. Но въ послѣдней усиленіе впечатлѣнія отъ извѣстной идеи достигается подборомъ постоянно усиливающихся по своему значенію понятій, тогда какъ тутъ то же самое дѣйствіе рѣчи основывается на синтаксическомъ усиленіи выраженія, развивающаго предыдущую мысль; я бы позволилъ себѣ назвать данный пріемъ рѣчи *синтаксическою градаціею.*

Варіирущая тавтологія, какъ мы ее опредѣлили, является въ причитаніяхъ высшею ступенью развитія способа повторенія мысли. Къ ней примыкаетъ также то выразительное *средство, которое обычно называется тавтологіею* и которое по отношенію къ причитаніямъ имѣетъ за собою то же психическое основаніе,

что и тавтологія логическая, и создаетъ то же выразительное значеніе рѣчи. Въ отношеніи къ тавтологіи въ послѣднемъ обыкновенномъ значеніи въ причитаніяхъ можно установить двѣ группы тавтологическихъ выраженій.

I. Тавтологія синонимическая—выраженіе одного и того же понятія двумя словами съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ, напр.:

А я свого (сына) заховала и прыкопала, (Соб. мат,).
Я жъ тебе, моя дочечко, кохала и леліяла (также).
Я туей стежечкы и дорожечкы не забуду (также).
До кого жъ мени прыхылыться и прытулыться?,.
Людямъ оддамъ, то вы будете плакать и рыдать...
Я й служыла и людямъ годыла...
Моя ненько, моя матюнко!..
А теперъ на що жъ вы мене кыдаете
На горе та на несчастя,
Та на велыке безталання?..

Присматриваясь къ указаннымъ примѣрамъ синонимической тавтологіи, нельзя не замѣтить въ большинствѣ изъ нихъ опредѣленной системы расположенія словъ. Слова, ярче выражающія извѣстное понятіе, ставятся на второмъ мѣстѣ. *Прытулыться, рыдать, прыкопала, леліяла* суть болѣе сильныя выраженія, чѣмъ соотвѣтствующія имъ *прыхылыться, плакать, заховала, кохала.* Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ явленій имѣется три синонима, изъ которыхъ каждый слѣдующій обладаетъ большею степенью внутренняго содержанія, нежели предыдущій. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ синонимическая тавтологія соединяется съ *обычною градаціею* понятій, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тавтологіи варіирующей въ послѣдней наблюдается градація синтаксическаго характера.

II. Простая тавтологія, т. е. повтореніе одного и того же слова; напр.:

Ой йижъ же, йижъ, сусидонько,
Ой йижъ, не журыся...
Да звыныть, моя матюнко,
Звыныть, моя утюнко,
Звыныть, моя голубонько! (Мал.)
Мамко моя золота, мамко злота (Шух.).

А дружынонько жъ моя, дружынонько (Мал.).
Дилечка учыты, дилечка робыты (также).
Встань, моя матинко,
Встань, моя риднесенька!
Прыкажы мыни, мамочко, що робыты.
Мовъ слова ласкави,
Мовъ слова прывитлыви!
Не чуешъ, моя родытелько!
Не чуешъ ты мене, моя риднесенька! (Мет).

Въ примѣрахъ простой тавтологіи также находимъ случаи соединенія ея съ выразительною силою градаціи, причемъ усиленіе содержанія понятія происходитъ путемъ измѣненія этимологической формы слова въ форму болѣе сильную, что можно назвать *этимологическою градаціею,* какъ напр.:

Ты жъ, моя мамусю, найриднисенька,
Ты жъ, моя мамусю, найсрибнисенька.
Ты жъ, моя матинко, найриднійша,
Ты жъ, моя матинко, найсрибнійша...

Хотя самая основа тавтологическаго способа выраженія мысли въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ, какъ мы выше указали, и лежитъ въ полусознательномъ творчествѣ, возбужденномъ сильнымъ потрясеніемъ психическаго состоянія скорбящей женщины, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что лишь въ силу сознательнаго стремленія къ совершенству формы тавтологія украинскихъ причитаній могла быть доведена до той степени разнообразія и совершенства, какъ мы то видѣли. Чтобы такъ искусно соединить тавтологію съ градаціею и отыскать для той и другой различныя формы выраженія, нужно было, если и не понятіе о красотѣ языка, то развитое сознаніе его красоты; нужно было уловить чувствомъ то поэтическое впечатлѣніе, которое языкъ въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ вызываетъ такъ-же, какъ прекрасное содержаніе, потому что онъ „языкъ—сказалъ А. А. Потебня—есть не только матеріалъ поэзіи, какъ мраморъ—ваянія, но сама поэзія“.

Подыскать такія проявленія языка, которыя были бы независимо, сами по себѣ, поэтическими—задача художника слова, требующая искусства. Вотъ передъ нами три отрывка изъ Тургенева, который воспользовался тѣмъ же пріемомъ тавтологіи,

чтобы сообщить извѣстнымъ частямъ своего разсказа соотвѣтствующее имъ поэтическое настроеніе:

„Онъ забрался въ самую глушь сада и, опершись подбородкомъ на скрещенныя руки, сидѣлъ погруженный въ *думы*. Онѣ были глубоки и важны, *эти думы,* но не печальны“. (Отцы и дѣти, XXV).

„Теноровый голосъ... выводилъ одинъ, безъ всякой поддержки, хроматическіе, минорные и бемольные *тоны*,—они были ужасны, *эти тоны*“ (Новь, I, VIII).

„Лаврецкій... внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокій, внимательный вопросительный *взглядъ* въ глазахъ Лизы... Онъ былъ устремленъ на него, *этотъ* загадочный *взглядъ*“ (Дворянское гнѣздо, XXXIII).

Какъ мы видимъ, въ каждомъ изъ приведенныхъ примѣровъ повтореніе слова, на которомъ лежитъ центръ тяжести мѣста, съ прибавкою указательнаго мѣстоименія, всякій разъ усиливаетъ то поэтическое настроеніе, которое стремится создать писатель въ данномъ случаѣ, если еще при этомъ надлежащимъ образомъ интонировать при чтеніи повторяемое слово.

Блестящій европейскій писатель XIX вѣка, воспитанный на лучшихъ образцахъ литературы, и безграмотная украинская женщина, носительница похоронной причети, кромѣ своихъ пѣсенъ не знающая другой литературы, обнаруживаютъ одинаковыя художественныя стремленія и находятъ равноцѣнныя средства воплотить въ языкѣ эти стремленія. Гдѣ-то тамъ въ черномъ тѣлѣ плакальщицы живетъ тотъ же духъ, что и въ бѣломъ тѣлѣ писателя барина,—духъ, ищущій лучшихъ формъ мысли и дѣлающій ихъ столь же прихотливо красивыми, какъ и въ произведеніяхъ великаго художника слова.

Владиміръ Даниловъ.

Завороженый хутиръ.

Лита мои молодіи
Марно пропадають;
Очи плачуть; чорни бровы
Одъ витру лыняють.

Шевченко.

Була спасивка. Тыхый та пахучый ранокъ розлывся надъ старымъ запущеннымъ садомъ. Зъ чыстого блакытного неба яскраво сяло гаряче сонце, и назустричъ йому, тремтячы, поблыскувалы, наче всмихалыся, крапелькы росы на трави, на лысти, на соломьяному садовныковому курини, що жовтивъ у садовій гущыни. Поранковый холодокъ уже змишувався зъ блызькою пивденною спекою; тильки въ повитри почувалася ще нерозимлила мицъ.

Помищыця, вже немолода панна Инна Васылевна Велецька, ще спала.

Жовти оконныци въ іи невелычкому веселому домыку булы позачыняни. Биленькый та чыстенькый, по стародавнему окрытый соломою, винъ увесь тонувъ мижъ зеленымы столитнимы лыпамы, такъ-наче соромлыво ховався пидъ ихъ таемнычою тинню.

А лыпы ти, тонки та гинки, высоко вытяглысь угору, бо дуже густо булы посажени, и черезъ те здавалыся ще зовсимъ молодымы. Воны булы слыве таки-жъ зелени та свижи, якъ и весною; тильки въ ихъ густыхъ кучерявыхъ вершынахъ уже де-де попадалысь дрибненьки пожовкли лысточкы. И дывлячысь на ихъ, думалось, що отъ-отъ усе почне вьянуть, и въ серце влывався тыхый жалоблывый смутокъ.

Молодый чорнявый кучеръ Петро йшовъ повагомъ изъ саду, зъ рядномъ травы за спыною, разъ-по-разъ поправлявъ, зъ нетерплячкы, кисся на плечи и сердыто лаявся.

— Хм... оце такъ! Хм... добре!—прымовлявъ винъ то зъ насмишкою, то зъ злистью, скоса поглядавъ на куринь и такъ одпльовувавсь, наче покоштувавъ якои-небудь погани.

У двори, тильки що винъ поривнявся зъ кухнею, на його воркотню изъ синей выглянула його жинка, худощава Санька, зъ ножемъ у руци, и спытала наче-бъ то такъ-соби:

— Кого ты тамъ лаешъ?

— Кого! Онъ подывысь: сонце вже-де, а воны въ курини... сплять пидъ однымъ рядномъ!

— Хто — „воны“? — спытала зновъ Санька ще зъ меншою цикавистю въ голоси и такъ просто, мовъ мала дытына.

Въ неи було загориле, темне и завьяле лыце. Тильки іи зеленовато-сири молоди очи поблыскувалы зъ-пидъ чорныхъ бривъ такъ, наче хотилы кожного зачепыть и розсердыть.

Петро зупынывся: що це вона — наче справди не догадуется? А потимъ якъ загремыть на неи:

— Марта зъ Степаномъ! Не знаешъ, хто?

А Санька тильки хытро всмихнулась и, помовчавшы трошкы, льодовымъ голосомъ кынула йому вслидъ:

— Мабуть, заздристно — того й лаешся!

Петро не прыдумавъ зразу, що одказать, и оставшысь ни въ сихъ, ни въ тыхъ, постоявъ трошкы, тай пишовъ, насупывшысь, у станю.

Санька, тежъ мовчкы и съ тіею самою усмишкою, що такъ пидходыла до іи тонкыхъ и блидыхъ губъ, — вернулась у кухню чыстыть картоплю на борщъ.

Оттакъ у ихъ часто выходыло. Петро бувъ добрый, щырый чоловикъ, любывъ побалакать, розсказать про те, що чувъ, що бачывъ. Тильки, про що бъ винъ не заговорывъ, Санька кожный разъ почынала жалыть и колоть его своимы словамы. Петро, бувало, займется й палахне, якъ порохъ, змовкне й одійде, вылаявшы про себе жинку гадюкою.

Иноди таки розмовы кинчалысь у ихъ лайкою, а то й настоящою сваркою, писля чого воны надовго переставалы говорыть мижъ собою.

Оттаке було ихъ жыття. И хто-бъ теперъ повирывъ, що колысь воны булы счаслывою и пидхожою, якъ зерно до гориха, парою! На гарного кароокого Петра, зъ його козацькою постаттю

и гордымъ, якъ у молодого орла, поглядомъ, зазыралысь не тильки сильски дивчата, а й городськи панночкы. Та й Санька своимъ высокымъ та стрункымъ становъ, своимъ румьянымъ лыцемъ, своею товстою косою ажъ до колинъ — закрутыла голову не одному парубкови, и въ неи не було одбою одъ сватывъ! Тильки, покохавшы Петра, вона вже ни на кого не хотила й дывыться. Батько зъ матирью довго не згожувалысь на те, щобъ узять до себе прыймака зъ чужого села, голого козака, у якого не було ніякого прыстановыща; та Санька зробыла таки по-своему — вышла замижъ за Петра. Повинчалысь воны, найнялысь у Инны Васылевны, да такъ у неи й зосталысь...

И яки жъ воны счаслыви булы спершу! Якъ кохалысь, у якій згоди жылы!

Та давно те мынулось и багато де-чого змынылось, якъ миняется все на свити...

Петро любывъ таки въ гречку стрыбать, та й женывшысь— не одвыкъ. И отъ, разъ, Санька застукала його зъ чужою жинкою... Що зъ нею було! Зъ того часу винъ ставъ ій зовсимъ чужый, наче николы ничого й не було мижъ нымы. Згарячу вона хотила навить зовсимъ покынуть його зъ дитьмы. Що попопросывъ-попомолывъ іи переляканый Петро, якъ уговорявъ іи и тымъ, що люде скажуть, и всякъ, — а вона поблыскувала на нього гнивлывымъ поглядомъ та зъ зневагою одказувала:

— Мени никого не треба...

Кинчылось на тимъ, що вона зосталась, тильки зрады Петру вже николы не могла простыть; и зъ того часу жыття ихъ пишло по-иншому, не такъ, якъ у всихъ — и вкупи й нарызно... Такъ лекше було для обохъ.

Та воно такъ и мусило скластысь, бо дуже вже непохожи воны булы: кожный инше любывъ, про инше думавъ, иншого бажавъ.

Санька жыла въ наймахъ и була така честна, що хазяйка дывувалася, а пры тому була гоноровыта и для себе дуже практычна: въ усьому вмила вона найты соби корысть, и потай одъ усихъ ій марылысь ти часы, якъ жытыме вона своею худобою, въ достаткахъ и въ спокои. Де жъ таки: прожылы воны зъ Петромъ десять литъ, а въ ихъ не то що хлиба посіять, а й хату поставыть ниде! И багато зневагы й злобытельства назбиралось у іи серци проты недбалого, непромитного чоловика. Хамло, лежень, ледащо — ото инакше не думала вона про його и зовсимъ його занехаяла.

А Петро бувъ людына иншого складу. Уродывся винъ поетомъ и вырисъ философомъ. Любывъ винъ не те, що було його, а що подобалось йому, хочъ и чуже. Про те, щобъ нажыть усякого добра, винъ якось не думавъ и не турбувався, що його нема; абы було що йисты та въ що одягтысь! Зробыть хто-небудь йому крывду або шкоду, винъ розсердытся, а потимъ махне рукою: „Хай його чорты визьмуть!" Вылають його за непорядкы або шкоду въ хазяйстви, винъ не огрызается и не просытся, а каже спокійно: „Вже заплачу, що стоить,—абы все було тыхо та мырно". Винъ ходывъ повагомъ, линывымъ поступомъ, и все щось думавъ соби. А заговорыть, то не про те, що кожный день бачуть очи, а про те, якъ и що діется на свити, про чужи краи, про далекыхъ людей, про ихъ жыття. Було спытае винъ несмилывымъ голосомъ що небудь въ Инны Васылевны, и якъ почне вона розсказувать йому, винъ весь наче прокынется й повеселіе.

Разъ, якось, йихалы воны въ городъ. Петро раптомъ повернувся бокомъ на козлахъ та й каже:

— Отъ — вы чытаете газеты...

Лыце въ його якось вытяглось, бровы напружылысь: выдно було, що въ його голови заметушылась якась згадка або думка.

— Чытаю. А що?

— Та, кажуть же, скоро кинець свита... У дяка йе така кныга: въ ій выпысано, що земля якось не такъ покотылась, у-бикъ трохы, и безпреминно зачепытся за якусь кавету... И якъ лусне одна въ другу, то обыдви на шматкы розибьются...

На його лыци выдно було бильше цикавости, нижъ страху. Винъ выводывъ у повитри пужалномъ кружало — якъ земля ходыть — и зъ запаломъ розсказувавъ, що писля того буде: якъ пидуть огненни дощи, посыплются головешкы, и увесь свитъ займется...

Инна Васылевна слухала його зъ смутнымъ усмихомъ и думала про те, що зъ Петра безпреминно выйшовъ бы философъ або вченый, якъ-бы доля не загнала його въ темный кутокъ. И про те вона думала, яки непидхожи Петро зъ Санькою, якъ имъ въ тягость ихъ жыття й ридни дыты, та й сами воны одно другому.

Обое воны боялысь и всякъ хытрувалы, щобъ бильше не було дитей. А це ще глыбше вбывало клынка въ ихъ росчахнуте жыття, ще шырше росхыляло ихъ одно одъ другого.

У Петра въ серци не зосталось для Санькы й маленького куточка. И винъ самъ бы давно іи покынувъ, — та якъ же безъ жинкы? А надто—якъ трое дитей на рукахъ... Та й жинку таку,

якъ Санька, не зразу знайдешъ: дома все горыть въ неи въ рукахъ, а въ поли — нихто за нею не поспивае.

И отъ надумався Петро покынуть уси свои жарты и жыть, якъ подобае жонатому чоловику.

Та не такъ-то легко було йому вгамоваться, — не даромъ у його жылахъ текла не крипацька, а козацька кровъ. А до того ще винъ бувъ поетъ, и трудно йому було не глянуть прыхыльно на молоду зваблыву вроду.

Въ розмовахъ зъ жинкою Петро, бувало, завжды програе: не прыдумае, що одказать на іи гостре слово, проковтне его мовчкы, та посли й сердытся на себе.

Такъ и сегодня вранци. И треба було! Нащо воны далысь йому—Марта зъ Степаномъ? Чы йому й справди заздристно? Э, куды тамъ йому заздриты! Не те вже теперъ у його на думци.

Та й що тамъ доброго! Вже-жъ старый дякъ не попустыть, щобъ його Степанъ одружывся зъ Мартою. Йому высватають благородну—дякивну зъ грошыма и зъ землею.

— А Марта,— подумавъ соби Петро—яка була, такою й зостанется, та ще й...

И йому здалось, що винъ буде радый, якъ у ихъ на тимъ кинчытся.

Винъ доставъ зъ гвиздка хомуты, та й остався нерухомо на мисци зъ хомутамы въ рукахъ.

У його наче щось засмоктало коло серця: йому стало жаль Марты.

Славна дивчына, правду сказать: прывитна, весела, проворна! Якъ швыдко литае вона зъ кухни въ кимнаты й назадъ,—мовъ та ластивка надъ водою, ледви торкается до земли. Тильки спидныця шамкотыть на іій.

Ну, й гарна-жъ...

Йому згадалысь іи очи, блакытни та ясни: наче ажъ свитятся; и бровы—якъ намальовани, такъ тоненько та кругло выведени; и губы—пухкеньки й червони; и нижна та зваблыва усмишка, и ямкы на щокахъ.

И вся іи невысока огрядна постать наче стала прямо передъ нымъ...

Винъ такъ здушывъ у рукахъ хомуты, що зъ ихъ выступывъ дьоготь и обмазавъ пучкы.

— А отъ-же й Санька була колысь така; а теперъ—зовсимъ якъ суха груша,—мыготила думка за думкою въ Петровій голови.—Нудно жыть! Трудно жыть!..

А що вже надто подобалось Петру въ Марти, такъ ото голосъ іи, Ну, й голосъ! Було, якъ заспивае вона свою любыму писню, смутну та вразлыву, Петро й мисця соби не найде. Такъ и проныже його наскризь та чудна писня. Петро знавъ іи слыве всю на памьять, бо вона часто іи спивала.

Віють витры, віють буйни,—
Ажъ дерева гнутся.
Ой, якъ болыть мое серце!..
Сами сльозы льются...

. . . . , ...

Сохне—вьяне былыночка
Безъ росы на сонци...
Гирко жыты безъ мылого
На чужій сторонци!

Марта выспивувала цю писню звычайно писля сваркы зъ Степаномъ. А сварылысь воны часто. И іи дзвинкый голосъ далеко розносывся—по-завгородамы, наче хто прыпадавъ до земли, тужывъ та жалувався.

Можна було подумать, що іи мылый и справди пишовъ десь на край свита, за сыне море та за темни горы, а не тутъ ось, за тыномъ у саду.

У Петра було кволе серце, и одъ Мартынои жалибнои писни въ його все падало зъ рукъ, и йому хотилось бигты до неи на помичъ.

Отъ, якбы винъ бувъ на Степановому мисци! Вжебъ нихто не скрывдывъ Марты, нихто—ни батько, ни маты, нихто въ свити!

— Та невже жъ таки Степанъ похватытся на дякивныни гроши, а оттаку дивчыну покыне?—спытавъ самъ себе Петро, та ажъ скынувся...

О! А йому-жъ, Петрови, яке дило до всеи отціеи рахубы?

Винъ поймавъ себе на цій думци и, плюнувшы, повисывъ на мисце хомуты, а самъ пійшовъ до коней.

Його любымый высокый сирый кинь радистно форкнувъ, якъ тильки винъ пидійшовъ, а нызька вгодована кобыла заздрисно озырнулась у його бикъ.

А тимъ часомъ Санька. давшы доброго ляпаса свойому найменшому сыну Дмытру—за те, що вчепывся за іи спидныцю—пишла въ садъ, Ій хотилось самій пройты позъ куринь и впевнытыся, чы Петро не збрехавъ часомъ.

Що Степанъ ходывъ до Марты, а Марта до Степана, про те вона, певне, знала. А вже, щобъ Марта ажъ до ціеи добы (вона глянула на сонце: геть пидбылось!)... ажъ до ціеи добы спала зъ своимъ коханкомъ у курини, — цьому вона не йме виры.

Санька швыдко зашелестила босымы ногамы по сухій спаленій трави...

Ачъ, якъ хытро воны, вражи диты, прыдумалы! Степанъ найнявъ у панны садъ, а Марта найнялась у неи до кимнатъ. И оттакъ кожне лито, якъ прыйиздыть панна.

Про любощи Марты й Степана знало все село, бо отце вже пъятый годъ, якъ воны почалысь. И здавалось, имъ и кинця не буде. Добри люде завирялы, що Марта прыворожыла Степана, и черезъ те винъ зроду не покыне іи.

Знала про ихъ любощи й Инна Васылевна и черезъ-щось спрыяла ихъ коханню. Санька потыхеньку пидсміювалась зъ неи, а ввичи ничого не смила сказать. По Саньчыному—люде не варти того, щобъ ихъ любыть або жалить.

Колысь Санька була дружна зъ панною, и панна іи любыла, якъ сестру ридну. Вона й перве свое горе одъ чоловичои невирности выплакала передъ Инною Васылевною, и завжды, було, якъ поговорыть зъ нею, то й на души полекшае. Кожнои весны вона ждала панны зъ города, „якъ Бога", й розсказувала ій, наче на сповиди все, що пережывала за довгу самитню зиму. А для другыхъ вона була мовчазна, якъ могыла, й нихто не знавъ, що тамъ робылось у неи въ души.

Инна Васылевна, бувало, слухае, слухае Саньку, дывуючысь іи надзвычайній духовій чулости, та й скаже:

— Ты-бъ хочъ сила де-небудь!

А Санька одкаже свое звычайне „ничого", та й простоить оттакъ килька годынъ, прытулывшысь до одвирка; и все говорыть—говорыть, впивголоса та швыдко, наче боится, що не встыгне чогось розсказать, або що ихъ хтось пидслухае, хочъ у доми, опричъ ихъ, нема ни души.

Ихъ розмова, було, почынается зъ того, що Санька пытае, а панна, вже лежачы въ постели, каже ій за обидъ на-завтра. А потимъ якъ розбалакаются, то ажъ писля того перестають, якъ пивни заспивають.

А Саньци-жъ удосвита вставать до коривъ! Тильки вона про те байдуже,

— Ты не выспышся!—нагадуе ій Инна Васылевна, хоча ій самій не хочется облышыть розмову.

— Ничого,—нетерпляче каже Санька:—Ось слухайте, що ще було...

И знову швыдко-швыдко бубоныть и шепче вона, и панна слуха про те, якъ Санька не стуляла очей довгымы зимнимы ночамы, якъ выбигала на морозъ та на глыбокый снигъ, и все ходыла, щобъ якъ-небудь угамувать божевильный гнивъ свого серця, якъ утыхомырыть у йому гострый биль...

Оттакъ воно було колысь. Тильки разъ-по-разъ таки розмовы бувалы все ридше,—чы черезъ те, що самій Инни Васылевни жылось надто трудно й не хотилось колупатыся ни въ своій, ни въ чужій души, чы черезъ те, що Санька все бильшъ зминялась—все бильше робылась черствою та жорстокою и все частише вражала Инну Васылевну. Въ ій росла якась чудна несамовыта злоба, мало не лютисть проты всього на свити. Вона іи зганяла но ни въ чому невыноватыхъ котахъ та собакахъ (такъ шпурне полиномъ, що ажъ перекынется), або на своихъ дитяхъ, и была ихъ безъ жалости, ажъ покы хто-небудь не вырве у неи зъ рукъ ломакы. А разъ вона сама хвалылась, якъ оддубасыла квочку за те, що покынула курчятъ, и якъ та забигла десь свитъ-за-очи.

Здавалось, що не одынъ Петро скрывдывъ іи, а ввесь свитъ, и та крывда пече іи коло серця, и вона кыдается, на кого тильки можна. Якъ скаже, було, ій въ добру годыну Инна Васылевна, що вона тильки прыкыдается такою, а не справди така, вона уперто та смутно одказуе:

— Ни, така... теперъ—така...

Тильки одно почуття зосталось въ пошматованій и злоблызій Саньченій души. Якъ мало пидходыло воно до іи загрубилоі постати и зивъялого лыця! Це—отъ що було: вона кохалася въ квиткахъ. Вона насивала й насажувала ихъ батато-пребагато—и коло дому, й коло кухни, й на вгороди, и ходыла за нымы, якъ маты за дитьмы.

— А що, гарно?—пытала вона Инну Васылевну зъ гордовытымъ и вдовольненымъ поглядомъ, ходячы вбрана въ недилю мижъ своимы квиткамы и поправляючы пидставкы й жерточкы.

— Ґарно... Скильки ты ихъ понасажувала! И скризь короливъ цвитъ.

— Э, то-жъ мій любымый... огневый!—сміялась Санька и жартовлыво додавала:—Я й чоловика николы такъ не любыла... ій-Богу!

— Ну, то вже ни: колысь любыла-жъ,—не встереглась пошуткувать Инна Васылевна...

Тильки ти часы, колы те діялось, булы вже такъ далеко одъ Санькы, що спомынъ про ихъ не мигъ розигнать мыра, навіяного на іи душу квиткамы; и іи почервониле лыце зоставалось веселымъ и прывитнымъ.

Опричъ квитокъ теперъ Санька вже бильшъ ничого не любыла и нищо іи не веселыло. Выдъ у неи мало не завжды бувъ холодный, байдужый, утомленый, а иноди злый.

Оттакый бувъ у неи выдъ и въ той ранокъ, якъ вона йшла по саду.

Вона дойшла до куриня и, зазырнувшы въ його, подалась назадъ.

— Ачъ яки!—подумала вона.—Петро таки правду казавъ.

Вона йихыдно всмихнулась.

— Отъ, якбы це знавъ старый дякъ! То-то досталось-бы Степану... Та й Марти...

Подумала вона й про те, що такъ, чого доброго, можна увесь садъ обикрасты, и що дуже добре було-бъ, якбы хто провчывъ Степана.

Колы це заразъ, наче въ одповидь на іи зли думкы, Жучокъ якъ заздявулыть! Винъ тежъ спавъ соби мырно на трави, не пизнавъ Санькы спросоння та й загавкавъ.

— Цыть... дурный!—зашыпила на його Санька й хутко пишла назадъ. Ій здалось, наче въ курини, на Жучкивъ голосъ, хтось засовався.

Ни. Тамъ ще спалы, хочъ сонце вже стояло высоченько.

Ничъ була неспокійна. Собакы до самого свита не переставалы гавкать и все кыдалысь зъ одного кинця саду въ другый, и Степанъ цилу ничъ проходывъ—стеригъ садовыну. А теперъ винъ спавъ, якъ убытый, простягшысь на спыни въ увесь ристъ своеи молодецькои постати, въ кумачевій червоній сорочци, розсчепнутій на шыи, въ демыкытоновыхъ штаняхъ и высокыхъ чоботяхъ.

Тутъ спала й Марта, трошкы одсунувшысь, лыцемъ до його, на боци, вкрыта рядномъ.

Залитавшый у куринь витерець змишувавъ ихъ гаряче молоде дыхання. Ихъ лыця розжеврилысь одъ сну, и на ихъ почывъ безтурботный спокій...

Тильки молодисть може вдовольнятыся такымъ неповнымъ и непевнымъ счастямъ.

Ну, й гарни-жъ воны булы обое, молоди, здорови та дужи,— навдывовыжу гармонычни сами зъ собою, и зъ усіею обстановою: зъ отцимъ раннимъ, а вже гарячымъ ранкомъ, зъ пекучымъ сонцемъ, зъ доспивавшымы на довгыхъ хвостыкахъ грушамы, зъ повнымы сызымы слывамы, зъ жовтымы середъ зеленои огудыны гарбузамы, зъ выгорилою, а й доси пахучою травою!

Степанъ спавъ спокійно. Винъ знавъ, що його „папаша“ звечора пойихавъ у городъ. Ну, а „мамаша“, товста та въяла якъ уси дячыхи зъ достаткомъ, такъ далеко не пиде: одъ села до хутора було бильше двохъ верстовъ.

Степанъ, хочъ бувъ дужый и смилывый хлопецъ и вночи самъ ходывъ черезъ лисъ, де блукалы барсукы та вовкы, а своеи войовытои „мамаши“ все-таки побоювався. Було, якъ начне вона лаяться та верещать не тильки на ввесь двиръ, а навить на пивсела, Степанъ заразъ тикае, куды очи дывлятся, а ногы несуть, бо іи галасовання доставало ему ажъ до печинокъ.

Та ще до того,—у протывнисть Марти Степанъ бувъ по натури мъягкый та безпечный. Винъ и самъ не знавъ, якъ кончытся у його зъ Мартою. Иноди, сыдячы у батькивськимъ доми за чаемъ, зъ „благороднымы“ гостьмы, винъ и самъ думавъ, що „мамаша кажуть“ правду—що мужычка Марта йому не пара. Винъ навить згожувався, щобъ йому напытувалы молоду.

Якъ тильки начнуть його сватать, винъ ходыть сумный-сумный! И на очи Марти не показуется. А кничается сватання кожный разъ ничымъ.

Якъ не бидкаются батько-маты, якъ не вговоряють,—ничого!

— Не хочу! Вона мени не нравытся.

И наче скынувшы зъ плечей пъятыпудовый мишокъ, винъ заразъ бижыть до своеи Марты.

Прыбигае до неи змученый, ледви дыше, неначе тильки що переплывъ шыроку ричку, и, обіймаючы іи, тремтыть усимъ тиломъ.

— Скучыла? Занудылась?—шепче ій въ ухо.

— Ой, Степаночку мій!.. Степаночку!—тыхо вымовляе вона, и въ неи млосно жмурятся очи, и духъ займае одъ нежданого счастя.

Якъ вона тоди цилувала его, якъ мылувала й голубыла! Тильки Марта, одна на всимъ свити, такъ и вмила... Степанъ це знавъ. Розжалобывшысь, винъ божывся, що николы іи не покыне й ни на кого не проминяе. И одъ тыхъ сливъ, одъ його ласкавого голоса въ неи серце млило, наче роставало; тильки вона

боялась дать ему волю, бо знала, яка въ Степана зминна натура. Вона потыхеньку зитхала, ничого не розсказувала, ни про що не роспытувала, ничого не просыла.

А Степанъ усе допытувався въ неи, що вона про його думала, чы скучала, чы ждала.

— Ждала...—покирно прызнавалась вона, не дывлячысь на його, и просыла його теперъ не згадувать про те.

Марта николы не казала Степану, що не вирыть йому, що боится його зрады. Вона розумила, що слизмы та бидканнямъ не поможешъ,—тильки наскучышъ йому. А про себе вона не переставала думать все одну тривожну думку: колы-жъ воно кинчытся, якъ серцю хочется? Отъ уже бильшъ чотырьохъ литъ! Вже й люди зъ неи сміются й одвертаются. Перше скильки іи сватало,—теперъ перестали,

И вона все частише бигала до ворожкы. Такъ же-жъ и стара ворожка, хочъ усе знала, а тутъ не прыдумала, що й сказать.

— Може, бабусю, покыне?—боязно допытувалась Марта.

— Ни, доню: того не бійся. Винъ мицно держытся... А тильки... ни киньця, ни краю не выдно...

Марта бигла додому, зновъ повеселившы, и дорогою розлывалась веселою писнею, а въ тій писни вси слова летилы до Степана, клыкалы його й мылувалы.

Дуже вже покохала вона Степана, й не було въ неи сылы выкынуть його геть изъ свого серця.

Батько Мартынъ давно померъ, и нихто іи не прыневолювавъ иты замижъ. А якъ заходылась стара маты рыпить на неи— що за Степана ій усе йидно не выпаде выйты, вона сердыто одризала:

— Ну—то въ воду, якъ не за Степана!

Писля того іи бильшъ не займалы—ни маты, ни старшый братъ.

Іи братъ бувъ дуже добрый хлопець и любывъ сестру: якъ ишовъ у Херсонщыну, то одпысавъ ій свою частку грунту.

— Отъ, спасыби тоби, Панасочку,—ласкаво подякувала його Марта, прыймаючы його даровызну, и подумала соби, що всетакы грунтъ може задобрыть сварлыве серце старои дячыхы.

Про сватив изъ села Марта й думать перестала. Тилькы разъ, щобъ подражныты Степана, вона сама про себе роспустыла таку чутку, що буцимъ иде замижъ и навить сама, зъ матирью.

свативъ частувала. Степанъ, якъ почувъ це на досвиткахъ, то наче сказывся: хлопци насылу однялы въ его нижъ,—хотивъ зарызаться.

— Ты цього й не думай!—сказавъ винъ ій въ лютому гниви на другый день: — Все йидно, не попущу. Прыйду въ церкву й розжену!

Марта слухала його, и серце въ неи колотылось одъ счастя, и вона, потупывшы очи, ледви сдержувалась, щобъ не всмихнуться.

А сама про себе зарикалась, що вже бильшъ не буде такъ жорстоко шуткувать зъ Степаномъ.

Оттакъ ишовъ рикъ за рокомъ. И дякъ зъ дячыхою все гиршъ вызвирювалысь и лютувалы проты Марты.

Чудне, несчаслыве кохання Мартыне схоже було на все, що діялось у цьому хутори: все въ йому було якесь незвычайне й таемныче.

Не дурно про його розсказувалы, буцимъ давно колысь його заворожено чы навить заклято. И съ того часу ни одна жинка й ни одна дивка, яки жылы въ ему, не булы счаслыви въ коханни. Вси воны закохувалысь такъ, що й розумъ терялы, разъ та гараздъ — на весь свій викъ, и якъ розлучалыся зъ мылымъ, то николы ии въ чому не знаходылы соби втихы.

Ридна титка Инна Василевны навить отруилась, зовсимъ молоденькою, якъ батько не схотивъ выдать іи за мылого. Іи прахъ почывае въ высокій самитній могыли въ саду, въ куточку биля дорогы, и вночи наганяе велыкый страхъ на всихъ боязькыхъ, кому прыходытся йты або йихать повзъ те мисце,

И въ самои Инны Васылевны було колысь несчасне кохання, и писля того вона видкынула думку про залыцяння и поришыла зивъянуть на самоти.

Вона всю душу свою втопыла въ музыку. Зимою вона жыла за кордономъ, або въ Петербурзи, а раннею весною поспишала сюды, въ свое ридне гнииздо.

Цилисенькій день вона сыдыть соби де-небудь у свойому старому тиныстому саду, зъ кныгою або зъ вышыванням; а якъ стане прымеркаты, вона вертается въ кимнаты и за рояльемъ, въ безнадійно-смутныхъ палкыхъ згукахъ, вылывае тугу зъ переповненного серця,

Та хто тутъ іи почуе? Хто обизвется жывымъ одгукомъ?

Ну, а всежъ таки тутъ вона почувала себе спокійнише. Тутъ на всьому наче лежавъ слидъ іи надломленои, прымершои души: такый бувъ и двиръ, на одшыби одъ села, мижъ горамы та лисамы, и садъ, запущеный, зъ тиныстымы дорижкамы та куточкамы, наганявшымы на душу мріи, зъ таемнычымъ проваллямъ, зъ высокымъ бурьяномъ, якого Петро не хотивъ косыть — черезъ те, що винъ, усе йидно, зновъ выросте...

Все тутъ було не таке, якъ у другыхъ мисцяхъ, все посвоему, — навить любыма собака Инны Васылевны, Сирко; винъ бильше любывъ людську компанію, нижъ собачу, и выявлявъ иноди зовсимъ людськи звычаи: сяде було нерухомо, якъ його хазяйка, въ мисячну ничъ, тай дывытся-дывытся на небо, на далеки лиса та взгирья... Хто зна: що ему марылось?

Прыдывляючысь до Сирка, Инна Васылевна дывувалась: таки выразни та розумни булы въ його очи. Вона давала ему нижни назвыська, прыголубно гладыла рукою его мьяхку шерсть. И ій здавалось, що Сирко, такый непохожый на другыхъ собакъ своею натурою, вдовольнявъ іи невсыпуще бажання чого-небудь надзвычайного, деликатного.

Санька, по-свойому, тежъ дывувалась, що Сирко такый чудный, и многозначно додавала:

— Якъ не заговорыть!

Сирко зовсимъ не знавъ быття. До своеи хозяйкы винъ бувъ болизно прыхыльный. Якъ выйиде вона зъ хутора на зиму, винъ ажъ заслабне зъ розлукы и зовсимъ полюдськи горюе. Жалостлывый Петро бере его тоди въ хату й ходыть коло його, якъ коло дытыны.

— Сирко! У, сучый сыну! иды сюды, — годи вже тоби бидкаться... — вговоряе его Петро добрымъ голосомъ. И Сирко, пиднявшы голову, поглядае на его такъ, наче дякуе, и помаленьку крутыть хвостомъ.

А на друге лито, якъ пойиде Петро на вокзалъ за панною, Сирко вже знае, цилый день неспокійно метушытся и за килька верстовъ, ажъ по другимъ боци села, выбигае назустричъ, а стрившы кыдается пидъ кони, пидъ колеса, гавкае, скавучыть и доты стрыбае, покы такы не вскочыть въ экипажъ и, тремтячы, не прытулытся до своеи хозяйкы.

— Ну, й чудна собака! — каже тоди, озыраючысь, Петро.

А сами Петро та Санька, що прожылы стильки рокивъ у хутори Инны Васыльевны! Якъ мало булы воны похожи на другыхъ селянъ — жылы зовсимъ по иншому и навить ридко малы зъ

нымы дила й стосункы. Та й сами мижъ собою — жылы вмисти, а булы якъ чужи. И винъ — ій, и вона ему, и обое — другимъ людямъ николы не давалы зазырнуть соби въ душу... зовсимъ, якъ сама ихъ хазяйка!

Санька давно й балакать зъ жинкамы розучылась; воны слыве й не заходылы до неи,—хиба за якимъ диломъ. А Петро, якъ спытае його хто-небудь, чы йому не сумно въ лиси безъ людей, одказуе по философськы, трошкы похмуро:

— Я прывыкъ...

А все такы ни винъ, ни Санька и не пробувалы покынуть хутора, хоча въ ихъ уже була збудована на сели своя хата.

Въ той самый день надъ Степаномъ и Мартою грякнувъ гримъ, чого воны зовсимъ и не гадалы. Якыйсь потайный ворогъ шепнувъ дячыси про ихъ любощи. Степана поклыкалы до „мамаши", до-дому; скоро надйихавъ изъ города й „папаша". Началась велыка гучна сварка, лайка и, мабудь, бійка. Всього, що тамъ у йихъ робылось, нихто не знае. Тильки Степанъ вернувся на хутиръ такымъ розлютованымъ, якымъ його нихто й николы не бачывъ; а пры тому винъ бувъ самъ не свій, наче його прысудылы на шыбеныцю. У нього навить найкращу яблоню въ той день обикралы.

А найдывнишымъ, найнеможлывишымъ було те, що, стрившы Марту, винъ безъ усякои прычыны роскрычався на неи й прогнавъ одъ себе, наказавши ій гризно, щобъ вона не смила й на очи ему натыкаться.., а то—винъ самъ, Степанъ, скрутыть ій голову!..

Санька на той часъ колупалась на вгороди и все те чула.

— Що-жъ теперъ буде?—подумала вона:—Оце вже кинець!

Ій дуже хотилось заразъ розсказать про це Петру; та вона подумала—и здержалась.

Зрешту буря въ Степановому серци скоро вгамовалась. Тильки зосталась тупа роздратованнисть; та холодный безпросвитный сумъ, якъ осиння темрява, залывавъ его душу.

Понуро ходячы по саду, винъ думавъ про Марту: не варта вона того, щобъ черезъ неи та оттаке терпить. Думавъ винъ про нови замиры его батька: высватать за его дочку городського дяка, за якою давалы тысячу карбованцивъ грошыма, десять десятинъ земли, коривъ, овечокъ!..

И въ йому закыпала злоба проты Марты—за те, що черезъ неи винъ и доси не зажывъ по-людськы.

Мартыни думкы—нышкомъ обвинчаться зъ Степаномъ у чужого попа и перейихать у городъ—служыть тамъ, або-що,—теперъ йому здавалысь нерозумнымы. Що зъ того, що вона готова йты за нымъ на край свита, кохать його й служыть йому до смерти? На гаспыда вона йому на краю свита, колы для ціеи мандривкы ему треба зирваться зъ нагритого мисця, все покынуть и наклыкать на себе прокльонъ батька-матери. Такы-жъ подумать: одного поля та города скильки выпаде на його долю писля „папаши!" Не дурно-жъ „папаша" багато прыслуговувавъ панамъ по хазяйству, то-що,—накупывъ такы земелькы!

Тутъ выявлялось, якъ трудно було Степану одирваться одъ земли, одъ оседи, якъ боязно рушыть въ незвычни блукання, на зустричъ хто-зна чому...

— Це все пусте! Дурныця! И такыхъ Мартъ—хочъ греблю гаты!..—думавъ винъ и навить, у-ладъ зъ своимы думкамы, подзвонювавъ у кишени срибнякамы, выторгованымы за яблока.

На тому винъ и зупынывся, що теперъ уже—годи: наче Марты й не було; добре, що вона сама не почне мыриться, бо винъ іи дуже образывъ.

Тильки, якъ винъ не одганявся наче одъ мары, а іи лыце часамы вымальовувалось въ його думкахъ и іи голосъ дзвенивъ въ його ушахъ, тремтячы зъ прыйнятои крывды.

— Хай тоби лыхо! Я й сама тебе не хочу!—крычала вона, якъ божевильна, й не прымичала, що въ неи котяться слезы по выду.

А Степанъ бачывъ—и ти слезы, и тремтяче пидборіддя, и все іи лыце, скрывлене мукою, и не мавъ сылы забуть. И отце турбувало його кволе серце и трохы збывало зъ новои коліи.

Марту зразу такъ прыбыло неправдывымъ Степановымъ гнивомъ, що вона зробылась слыве нетямуща. Ій здалось, наче пидъ нею заходыла земля, и вона шугнула у якусь безодню...

А черезъ хвылыну вона одійшла; въ неи серце зайнялось и закыпило... Вона вразъ зрозумила, що зъ нею склалось: кинець!. И не вернется... Николы, николы не простыть Степану його крывды... Винъ ставъ ій—„гирше лютого ворога"...

Ще вся въ сльозахъ, вона прыбигла до Инны Васылевны, упала ій въ ногы и почала вмолять—завезты іи въ ту чужу сторону, куды сама йиздыть, щобъ ій николы й не чуть, и не бачыть...

— Та годи тоби: вы ще помырытесь,—вговоряла Марту Инна Васылевна своимъ мьягкымъ глухымъ голосомъ.

А Марта, затулывшы очи рукавомъ вышытои сорочкы, тильки нетерпляче хытала головою. Ни, вона—не Степанъ, и въ неи симъ пьятныць на тыжню не бувае.

Инна Васылевна втишала и вспокоювала іи, якъ умила й могла, и таки пообищала узять іи зъ собою, якъ вона не обдумается.

Выйиздъ Инны Васылевны бувъ назначеный черезъ два дни. И Сирко вже давно, не одходячы, лежавъ пидъ іи викномъ, слыве не пиднимавъ головы зъ понуро простянутыхъ лапъ и не гавкавъ.

Марта никому не розсказувала, що йиде зъ панною; а проте, скоро вси вже зналы.

Санька стала трохы прыязниша до Марты й хвалыла іи замиры. Вона згадала соби, якъ, за килька рокивъ до того, сама хотила оттакъ зробыть—зовсимъ выйихать у чужу сторону, покынувшы чоловика й двое дитей. Третього тоди ще не було, а ти двойко, все йидно, жылы не дома, а залякани матирью, було по тыжню й по два сыдилы у своеи бабы, и Санька про ихъ слыве забувала.

Тильки, то колысь воно такъ було! Теперъ уже й Инна Васылевна не така до неи, щобъ узять изъ собою, та й постарила Санька—ни сылы, ни охоты до нового жыття вже нема...

Петро ще щырише, нижъ Санька, прыйнявъ до серця все, що склалось. Вннъ дуже сердывся на Степана й лаявъ його. А въ його души до гниву цього прымишувалась крапелька якогось вдовольнення,—хоча йому й жаль, дуже жаль, було Марты.

Марта старалась не думать про свою прыгоду и, не прысидаючы, метушылась зъ платтямъ та одежою коло подорожнихъ скрыньокъ Инны Васылевны. А все такы, ій здавалось, що дню кинця не буде. А ще два дни зосталось — ажъ подумать страшно. Колыбъ уже скорише звидсиля! Якбы можна, заразъ бы втикла...

Тильки надъ вечиръ, якъ вона покынула вкладання й стала, якъ завжды, накрывать до вечери для панны, въ іи серци щось змынылось—розмъякло, и воно защемило съ тугы й болю.

Вона пересылыла себе—не заплакала.

Пизнише вона стрилась и розбалакалась зъ дядькомъ Петромъ, и ій стало ще гирше, ще смутнише.

Винъ стоявъ биля крыныцы й тягавъ для коней воду, а вона—по другый бикъ тыну, въ саду, середъ Саньчыныхъ квитокъ.

Говорылы воны, звистно, про скорый одйиздъ Мартынъ. Винъ допытувався въ неи: невже ій такъ-такы й не жаль покынуть усе тутешне и йихать на чужу сторону?! И одъ його прывитного голоса, якымъ винъ говорывъ до неи на прощання, въ неи ще гирше болило серце.

Вона слыве не слухала сливъ, яки говорывъ Петро, и тильки мовчкы обрывала лысточкы „корольового цвиту", насаженого Санькою.

Чому не жаль? Ій усього, усього жаль!..

Вона подумала про Степана—вперве за цилый день зовсимъ ясно та спокійно, и здывувалась, що злобы проты його въ іи серци вже не було—ни крыхты.., Вона пробувала розбудыть у своій памьяти все те страшне та вразлыве, що зкоилось тоди, а згадувалось ій зовсимъ друге... и вона все ныжче хылыла свою голову, лякаючысь того, що іи все мицнише обгортало...

Тымъ часомъ Санька дывылась-дывылась у викно и подумала соби, що Петро зъ Мартою вже надто довго балакають. Треба розигнать! Вона выйшла зъ хаты й накрычала на Марту, що ій давно вже часъ подавать вечерю.

Колы це Санька—зыркъ черезъ тынъ, та якъ закрычыть:

— Нащо то ты пообрывала!..

А Марта тильки рукою махнула и побигла—та не въ кимнаты, якъ треба було, а такъ—куды очи.

Вона перебигла слыве черезъ увесь садъ и зъ нестямы, якъ укопана, стала на спуховатимъ лужку, де росла самитня сосна и де воны зъ Степаномъ такъ часто й довго простоювалы.

А теперъ?!.. Що жъ ій зъ собою робыть? Куды ій диться?

— Боже мій, Боже мій!—застогнала вона зъ несылы, наче задыхаючысь, и мымохить пидняла очи до неба.

Вона зрозумила, що ій никуды йихать, що въ неи ничого не зосталось пры души. Всю свою душу вона оддала цьому поганому Степанови... И нема на свити правды... и нема въ неи сылы жыть, якъ не вернется до неи Степанъ...

Вона, якъ прычынна, простягла рукы до того высокого холодного неба, де вже почыналы мыготить зори, наче хотила вхопыться за ихъ,—та оттакъ и захолола нерухомо на мисци.

И въ ту-жъ мыть, наче въ одповидь на іи безнадійне порывання, за Мартыною спыною, въ кущахъ густого байбарысу, щось зашелестило.

Вона затремтила, та не одважылась обернуться.

— Сердышся?—тыхо й смутно спытавъ іи знакомый голосъ; и вона, озырнувшысь, побачыла, що передъ нею—Степанъ.

Вона кынулась до його, прытулылась до його плеча та й заголосыла.

Марта не памъятае, що вона казала тоди Степану и що винъ ій казавъ, та чы й говорылы воны що небудь... Тильки, якъ зовсимъ смеркло, вона зновъ побигла до його. Воны силы биля куриня—и ледви не всю ничъ, ажъ до свита, обнималысь та цилувалысь пидъ высокымъ чорнымъ небомъ, де, наче переморгуючысь, мыготилы ясни та весели зори.

Марта сміялась и плакала, и все тулылась до Степана; а, винъ злегка тремтячы, державъ іи мицно-мицно, наче боявся, що іи заразъ у його однимуть...

И Марта знову зосталась у цьому завороженому хутори, де вси такъ щыро кохалы, такъ гирко мучылысь и булы таки незадовольнени своимъ жыттямъ. Зосталось и іи кохання, що вона хотила вырвать зъ свого серця...

Чы надовго?

Все на свити миняется...

Ол. Будянська.

Полтава въ XIX столѣтіи.

(Очерки по архивнымъ даннымъ, съ рисунками).

ГЛАВА I.

Преемники кн. А. Б. Куракина кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій и Н. Г. Репнинъ. Біографіи ихъ.

Преемникомъ кн. А. Б. Куракина въ должности малороссійскаго генералъ-губернатора былъ князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій. Онъ былъ знатнаго рода, какъ и всѣ генералъ-губернаторы, управлявшіе полтавской губерніей въ теченіе первой половины XIX ст. Всѣ они были или графы, или князья, за исключеніемъ послѣдняго, генерала Кокошкина. Князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій родился въ 1760 г., былъ сыномъ ротмистра конной гвардіи, а мать его была родная внучка князя Б. И. Куракина. Воспитаніе получилъ онъ домашнее, какъ это было въ обычаѣ у знатныхъ людей того времени. Съ малолѣтства былъ онъ записанъ сержантомъ въ гвардейскій полкъ. Въ военной службѣ князь пробылъ до 1784 года, когда оставилъ ее съ чиномъ капитана. Въ этомъ же году получилъ званіе камеръ-юнкера и вскорѣ послѣ этого камергера. Этимъ онъ обязанъ былъ покровительству своихъ богатыхъ и знатныхъ родственниковъ, графа Н. И. Панина и князя Н. В. Репнина, устроившихъ ему службу въ сенатѣ. Въ день коронаціи императора Павла I князю Лобанову повелѣно надзирать за всѣми дѣлами въ московскомъ департаментѣ сената и за всѣми присутственными мѣстами московской губерніи. Въ 1798 г. кн. Лобановъ оставилъ службу, но ненадолго; при Александрѣ I былъ назначенъ сенаторомъ съ порученіемъ надзирать

за постройкой больницы въ Москвѣ, что онъ выполнилъ съ большой пользой для казны. Въ началѣ 1808 года состоялось его назначеніе малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; на этомъ посту онъ пробылъ до 22 февраля 1816 года, когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и затѣмъ предсѣдателемъ коммиссіи прошеній. Въ 1829 г. былъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ. Скончался въ 1831 году, 18 января, на 71 году отъ рожденія. По словамъ его біографа, князь Лобановъ отличался „благороднымъ образомъ мыслей, возвышенными правилами, сохранивъ живость, веселость характера и въ старости маститой, одушевлялъ собой общество, любилъ радоваться и вмѣстѣ дѣлить горе съ другими, былъ молодъ въ кругу молодыхъ людей, участвовалъ въ играхъ прекраснаго пола, но въ совѣтахъ со старцами былъ важенъ, твердъ, не косноязыченъ, часто горячъ тамъ, гдѣ видѣлъ неправду, не любимъ за то, но всегда уважаемъ, какъ мужъ нелицепріятный, прямодушный. Любилъ дѣлать добро безъ тщеславія, былъ гордъ только противъ гордыхъ, ласковъ, обходителенъ со всѣми, преданъ престолу безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ. Хвалилъ за глаза, бранилъ открыто“. [1])

Въ періодъ управленія кн. Лобанова Полтава мало измѣнилась. При немъ, между прочимъ, заканчивались постройки казенныхъ зданій, начатыхъ еще при кн. А. Б. Куракинѣ: губернаторскаго и вице-губернаторскаго домовъ, зданія занимаемаго нынѣ полицейскимъ управленіемъ, дворянскаго дома, сооруженнаго на средства полтавскаго дворянства. Мѣсто для послѣдняго дома пріобрѣтено кн. А. Б. Куракинымъ на счетъ суммы (400 т.) высочайше пожалованной на постройку казенныхъ зданій въ Полтавѣ и въ полтавской губерніи вообще. При князѣ Лобановѣ построенъ въ Полтавѣ и первый театръ, стоимостью въ 20 тыс. асс. Помѣщался онъ за нынѣшнимъ епархіальнымъ женскимъ училищемъ. Интересно, что при театрѣ этомъ были устроены квартиры для почтальоновъ, вѣроятно—благодаря тому, что театръ находился вблизи почтамта.

О состояніи театра при Лобановѣ-Ростовскомъ данныхъ у насъ нѣтъ. Много обращалъ вниманія на театръ его преемникъ, кн. Н. Г. Репнинъ, большой любитель театра и музыки. Познакомимся съ его біографіей, что необходимо въ виду того, что при

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, ч. 3.

изложеніи очерка того или другого учрежденія мы встрѣтимся съ дѣятельностью ихъ обоихъ.

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ родился 28 января 1778 года. Онъ былъ сыномъ генералъ-адъютанта, кн. Г. С. Волконскаго, а матерью его была дочь фельдмаршала кн. Н. В. Репнина. По высочайшему повелѣнію, въ 1801 г. онъ принялъ фамилію своего дѣда по матери Репнина. Н. Г. Репнинъ получилъ образованіе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ кавалергадскій полкъ. Въ войнахъ съ Наполеономъ принималъ дѣятельное участіе, бывалъ въ походахъ за границей, гдѣ подъ Аустерлицемъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, былъ посланникомъ при дворѣ братьевъ Наполеона I, Іеронима и Іосифа. Послѣ 1812 года, по порученію союзныхъ монарховъ, Репнинъ управлялъ Саксонскимъ королевствомъ, съ званіемъ вице-короля. Послѣ вѣнскаго конгресса, онъ былъ назначенъ 22 іюля 1816 года на постъ военнаго губернатора Малороссіи и управляющаго гражданскою частью полтавской и черниговской губ. На этомъ посту онъ пробылъ 18 лѣтъ, до 1 янв. 1835 года, когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Первое впечатлѣніе Полтавы на князя Р. было не въ ея пользу. Вотъ что онъ писалъ Г И. Затерману: „Здѣсь, въ Полтавѣ, знакомиться труднѣе черниговскаго; въ огромныхъ зданіяхъ остался какой-то духъ важной и почти придворной церемоніи, спорящей съ военными моими обыкновеніями, но отчаяваться не должно, авось преодолѣемъ“ [1]). Такой отзывъ о Полтавѣ мало понятенъ: гдѣ эти были огромныя зданія, этотъ „духъ важной“ почти придворной церемоніи? Полтава въ то время была небольшимъ городомъ, гдѣ мало еще жило знатныхъ, „генералитета“, какъ выражались въ то время. Въ скоромъ времени, однако, кн. Репнинъ съумѣлъ снискать себѣ уваженіе всѣхъ сословій города и края своею дѣятельностью, обходительностью. Это былъ, по словамъ А. С. Лашкевича, „высокогуманный и благонамѣренный администраторъ. Онъ любилъ свой край, заботился о благосостояніи всего населенія, охранялъ интересы крѣпостныхъ и энергично отстаивалъ уцѣлѣвшія еще права козаковъ, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе въ сепаратизмѣ, несогласное вовсе съ его возвышенными стремленіями, ни съ духомъ и обстоятельствами

[1]) Арх. полт. губ. правл. 1817 г. по описи № 73.

того времени [1]). Кн. Репнинъ былъ очень доступенъ и требовалъ отъ подчиненныхъ непосредственного обращенія къ нему при рѣшеніи болѣе или менѣе важныхъ дѣлъ. Такъ, когда на имѣніе прилуцкаго предводителя Я. А. Горленка было наложено запрещеніе за то, что назначенные имъ опекуны продали движимость умершаго помѣщика Будлянскаго, а Я. А. Горленко написалъ письмо правителю канцеляріи съ просьбой защитить его передъ генералъ-губернаторомъ, то князь, узнавъ объ этомъ, послалъ Горленку внушительную бумагу, въ которой между прочимъ писалъ:—„Стыдно маршалу оправдываться не прямо передъ начальникомъ, а искать посредниковъ. Стыдно маршалу не знать способности и правила дворянъ, живущихъ въ предводительствуемомъ имъ повѣтѣ. Стыдно маршалу не знать, что происходитъ въ его повѣтѣ и не извѣщать о томъ главнаго начальника, требовавшаго торжественно отъ него правды и открытія злоупотребленій [2]). Въ 1828 году жители г. Роменъ, вмѣстѣ съ городскимъ головой Киріономъ Нестеренкомъ, подали прошеніе императору съ ходатайствомъ о продленіи пятилѣтней льготы, данной для устроенія города. Это не понравилось Репнину и, будучи въ Ромнахъ, онъ это высказалъ городскому головѣ, при чемъ отрѣшилъ его отъ должности. Кн. Репнинъ не отрицалъ права жителей жаловаться императору, но городскому головѣ поставилъ въ вину неувѣдомленіе его, какъ начальника края, о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія терпѣли жители отъ мѣстныхъ властей. Заступничество мѣстнаго помѣщика А. Полетики и С. В. Капниста смягчило Репнина, и городской голова остался на мѣстѣ [3]). Въ томъ же родѣ былъ поступокъ черниговскаго губернскаго предводителя дворянства С. М. Ширая, жаловавшагося государю на неправильности при рекрутскомъ наборѣ. Въ чемъ состояли эти неправильности, мы не знаемъ, но кн. Репнинъ остался очень недовольнымъ его поступкомъ и когда наступили новые дворянскіе выборы, вотъ что писалъ о Ширaѣ черниговскому губернатору Н. И. Жукову: „До свѣдѣнія моего дошли слухи, что С. М. Ширай пріѣхалъ въ Черниговъ и желаетъ при предстоящихъ выборахъ вступить въ должность губернскаго маршала. Послѣ

---

1) Кіев. Старина 1887 г., янв. 172—177.

2) Арх. губ. правл. 1819 г., по описи № 213; цѣликомъ помѣщено въ 1 вып. Трудовъ Полтавской Арх. Коммиссіи.

3) Арх. губ. правл. 1826 г. по описи № 5; 201—207 стр.

жалобы, принесенной имъ на меня Государю Императору, не намѣренъ я допустить его къ должности на нынѣшнее трехлѣтіе, но если дворянство изберетъ его на будущее и онъ перемѣнитъ свое поведеніе, то радъ буду утвердить въ оной. Почему я покорнѣйше прошу В. Пр—во извѣстить меня о семъ до пріѣзда моего въ Черниговъ для соображенія, ибо я весьма буду благодаренъ, если В. Пр—во найдете случай дать ему о семъ почувствовать [1]). Эти данныя указываютъ, насколько Репнинъ требовалъ откровенности и непосредственнаго отношенія къ себѣ при рѣшеніи дѣлъ. Въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія сохранилась переписка князя съ разными лицами („партикулярная переписка генералъ-губернатора“). Просматривая эту переписку, сохранившуюся за всѣ годы его управленія Малороссіей, мы встрѣчаемъ здѣсь очень много прошеній о предоставленіи мѣстъ, объ опредѣленіи дѣтей въ школы, о пособіи и т. под. И всѣмъ просителямъ князь отвѣчалъ и дѣлалъ, что было возможно. Во многихъ прошеніяхъ и письмахъ проглядываетъ иногда лесть. Нѣкто Полторацкій свои просительныя письма обыкновенно начиналъ такъ: „Сдѣлать доброе дѣло есть пища князя Репнина“. Поздравительная ода, сочиненная гимназистомъ IV класса черниговской гимназіи Василіемъ Лазаревскимъ и присланная ко дню имянинъ князя (6 декабря), несомнѣнно была вызвана желаніемъ директора гимназіи П. Левицкаго угодить генералъ-губернатору. Нельзя допустить, чтобы гимназисту IV класса пришла въ голову мысль послать начальнику края длиннѣйшую высокопарную оду, состоящую изъ 200 слишкомъ стиховъ. Но разсчетъ директора не удался, онъ не угодилъ князю. Послѣдній вотъ что писалъ директору: „Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше и приложенную при ономъ оду, составленную воспитанникомъ IV класса черниговской гимназіи Василіемъ Лазаревскимъ, и видя въ семъ доказательство его усердія ко мнѣ, я покорнѣйше прошу васъ, М. Г., объявить ему за сіе мою благодарность. Но, отдавая справедливость талантамъ молодого человѣка, по участію въ немъ, совѣтовалъ бы ему не употреблять оныхъ на занятія, имѣющія цѣль лесть начальству, стараться усовершенствовать способности, Провидѣніемъ ему дарованныя для пользы отечества, которое его призрѣло и дало возможность быть достойнымъ гражданиномъ“ [2]).

---

[1]) Ар. губ. правл. 1828 по описи № 400, л. 91.

[2]) Ода напечатана нами въ 1 т. Трудовъ Архивной коммиссіи. Къ исторіи Малороссіи во время Репнина. Арх. г. правл. 1832 г., по описи № 188.

Таково было деликатное внушеніе со стороны Репнина педагогу, пріучавшему молодежь къ лести и сервилизму. Но были письма, и даже подарки князю со стороны не подчиненныхъ ему лицъ, которыхъ, повидимому, нельзя было заподозрить въ иныхъ побужденіяхъ, кромѣ искренняго къ нему расположенія. Такъ супруга д. с. с. Марія Глазенапъ, выражая князю свое уваженіе, прислала въ подарокъ коверъ съ изображеніемъ тигра и при

Кн. Н. Г. Репнинъ.

этомъ писала ему: „Не быстро скачущаго въ африканскихъ пустыняхъ тигра, но листовидную кроткую его тѣнь, сдѣланную на фабрикѣ моей, посылаю вамъ и прошу покорно совершенные его недостатки замѣнить въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи" и пр. Однако князь ковра не принялъ и отправилъ его обратно „за ненадобностью" [1]) Нѣкто Благодаровъ, замѣтивъ, что Репнинъ

---

[2]) Арх. г. правл. 1819 г., по описи № 59.

курить папиросы изъ мундштука, прислалъ ему въ подарокъ хорошій мундштукъ. На этотъ разъ князь почему-то не отвергъ подарка и благодарилъ дарителя [1]).

Репнинъ былъ человѣкъ просвѣщенный. Онъ много заботился о собираніи историческихъ документовъ, лѣтописей, и переписывался по этому поводу съ Чепой, Полетикой и др. При его содѣйствіи была составлена первая исторія Малороссіи Бантышъ-Каменскимъ, о распространеніи которой онъ не мало заботился [2]). Это достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько онъ сознавалъ пользу и необходимость знакомства съ прошлымъ края, которымъ управлялъ.

Репнинъ очень энергично отстаивалъ свои ходатайства о нуждахъ края. Его переписка съ тогдашнимъ министромъ финансовъ Канкринымъ хорошо рисуетъ его настойчивость. Канкринъ не всегда относился сочувственно къ ходатайствамъ Репнина и, напр., не хотѣлъ удовлетворить его ходатайство объ облегченіи дворянства въ уплатѣ податей по случаю неурожаевъ; но въ такихъ случаяхъ Репнинъ обращался непосредственно къ государю и настойчиво отстаивалъ нужды края [3]). Не пользовался онъ расположеніемъ и другого вліятельнаго сановника того времени, министра внутреннихъ дѣлъ графа (впослѣдствіи князя) В. П. Кочубея. Въ письмѣ къ извѣстному М. М. Сперанскому, Кочубей, сообщая о перемѣщеніи въ совѣтъ министровъ его зятя Александра А. Фролова-Багрѣева, занимавшаго въ 1824 г. постъ черниговскаго губернатора, между прочимъ писалъ: „я считаю для самаго Александра Алексѣича это большое счастье, не потому что новое мѣсто было весьма выгодно, но вслѣдствіе опасности, которая предстоять можетъ и самому благонамѣренному мѣстному начальнику, когда зависимость его также на мѣстѣ не руководствуется ни правилами, ни законами. О безпорядкахъ здѣшнихъ [4]) я много слышу со времени пребыванія моего въ семъ краю. Слухъ пронесся было, что Репнинъ не возвратится, а за нимъ послѣдовалъ и другой, всѣхъ въ уныніе приведшій, будто генералъ Эртель назначается ему въ преемники. Эртеля здѣсь знаютъ всѣ по пребыванію его въ Ромнѣ для сформированія ре-

---

[1]) Арх. г. правл. 1819 г., № 322.

[2]) См. 1 т. Трудовъ Полтавской Архив. Коммиссіи, гдѣ приведена нами переписка его съ Бантышомъ-Каменскимъ, Мартосомъ, Чепой и др.

[3]) Арх. Губ. Правленія 1824. № 597.

[4]) Т. е. въ Малороссіи, откуда писано письмо.

зервовъ. Такъ прославился онъ своими привычками, кои продолжая, обобралъ было онъ и могилевскаго помѣщика Яншина, о чемъ и его величеству извѣстно". Въ другомъ письмѣ Кочубей еще рѣзче отзывается объ управленіи Репнина: „Багрѣеву я лично повторилъ о убѣжденіи моемъ, что не могло быть для него ничего счастливѣе, какъ перемѣщеніе его въ столицу. Здѣсь (т. е. въ Малороссіи) все идетъ противъ здраваго разсудка и злоупотребленія неисчислимы. Генералъ-губернаторъ въ деревнѣ своей ѣстъ и пьетъ, а управляютъ губерніями канцелярскіе чиновники, изъ всего дѣлающіе деньги" [1]). Отзывъ очень суровый, но едва ли справедливый. Что Репнинъ часто проживалъ въ своемъ любимомъ имѣніи Яготинѣ, это вѣрно; что въ то время было слишкомъ развито взяточничество, никто не станетъ оспаривать; но едва ли будетъ справедливо сказать, чтобы управленіе Репнина Малороссіей прошло безслѣдно. Онъ боролся со взяточничествомъ, сильно распространеннымъ въ то время; боролся противъ злоупотребленій, вызываемыхъ крѣпостнымъ правомъ. Онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ стать на защиту крѣпостныхъ, нерѣдко говорилъ онъ на дворянскихъ съѣздахъ, призывая дворянъ къ кроткому обращенію со своими крестьянами: „Сіи отеческія попеченія ваши, говорилъ онъ, да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой; оснуйте и на будущія времена благоденствія чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаньямъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Черезъ сію единственную мѣру предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастью, еще доселѣ случаются. Избавьте правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго черезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго. Иные изъ васъ совершенно сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ нимъ сблизились, Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ умомъ и душою своего народа". Въ случаѣ притѣсненій крестьянъ Репнинъ предписывалъ всегда производить строгое разслѣдованіе. Въ имѣніи Гриневича крестьяне убили управляющаго. Лукашe-

---

[1]) Рус. Старина. 1902. Ноябрь, стр. 310 и 312.

вичъ, занимавшій должность предводителя, взялъ подъ свою защиту этого помѣщика. „Я не могу, писалъ Репнинъ Лукашевичу, по долгу моему и по самой совѣсти ослабить строгости мѣръ, предписанныхъ мною по сему дѣлу, ибо тамъ, гдѣ жестокостью и изнуреніемъ прихотливыхъ владѣльцевъ или послабленіемъ ихъ отъ управляющаго доведены крестьяне до рѣшимости посягнуть хладнокровно на убійство, тамъ оправданіе о невѣдѣніи отъ помѣщиковъ слишкомъ слабо и принято быть не можетъ. Изнуренный видъ и состояніе крестьянъ не могли быть сокрыты, а знавъ оное, они не отвратили жестокости, то не значитъ ли сіе, что поведеніе управляющаго было съ вѣдома и одобренія ихъ?“ Поэтому Репнинъ не соглашается освободить Гриневича отъ отвѣтственности по этому дѣлу, пока онъ не оправдается [1]. Самоубійство 12-лѣтняго мальчика въ имѣніи генерала Сталя заставляетъ Репнина собрать конфиденціально свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ этомъ имѣніи [2]. Въ такомъ родѣ можно указать не мало примѣровъ.

По ходатайству Репнина былъ открытъ въ Полтавѣ институтъ благородныхъ дѣвицъ; онъ же подалъ мысль основать въ Полтавѣ кадетскій корпусъ. Вообще это былъ просвѣщенный дѣятель.

Кн. Репнинъ оставилъ постъ малороссійскаго генералъ-губернатора въ январѣ 1835 года, когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Оставляя Малороссію, онъ благодарилъ дворянство за доброе отношеніе къ нему. Въ отвѣтномъ письмѣ губернскій предводитель дворянства гр. И. В. Капнистъ писалъ князю, что „таковый прощальный отзывъ Вашъ дворянство несомнѣнно пріиметъ со всеобщимъ чувствомъ прискорбія и съ искреннею признательностью къ великодушному обѣту сердца вашего содѣйствовать пользамъ и благосостоянію Малороссіи, дастъ полную цѣну тому преимуществу, коимъ доблестное имя Ваше присоединяется къ сословію дворянъ полтавской губерніи,—преимущество, которымъ позднѣйшее потомство справедливо гордиться будетъ...“ [3]) Прилукское дворянство, въ знакъ признательности, порѣшило поставить бюстъ кн. Репнина въ залѣ дворянскаго собранія.

---

[1]) Арх. П. Губ. Правл. 1817 г., по описи № 73.

[2]) Арх. П. Губ. Правл. 1818 г., по описи № 34.

[3]) Двор. арх. 1835 г., № 8.

Въ іюнѣ 1838 г. кн. Репнинъ отправился за границу, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Въ это время стряслась надъ нимъ бѣда изъ за полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, созданнаго имъ вмѣстѣ съ супругой своей, внучкой послѣдняго гетмана Кир. Разумовскаго, унаслѣдовавшей его богатыя имѣнія въ Малороссіи. И. д. малороссійскаго генералъ-губернатора гр. Строгановъ [1]) донесъ объ оказавшихся значительныхъ недочетахъ по постройкѣ институтскаго зданія. Предсѣдателемъ комиссіи по постройкѣ института былъ самъ Репнинъ. По разслѣдованіи оказалось, что отчетностей по постройкѣ не было, шнуровыя книги были найдены безъ печати, было взято, по словеснымъ приказаніямъ кн. Репнина, изъ приказа общественнаго призрѣнія 200 тысячъ р.. Комиссія, ревизовавшая дѣло постройки, порѣшила уволить отъ должности казначея и содержать его подъ присмотромъ, а на имѣнія Рѣпнина наложить запрещенія. На докладѣ объ этомъ рѣшеніи императоръ Николай I написалъ: „Согласенъ. Князю Репнину черезъ вице-канцлера велѣть немедля возвратиться въ Россію для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ“ [2]).

Въ концѣ концовъ дѣло окончилось тѣмъ, что изъ числа богатѣйшихъ имѣній кн. Репнина, заключавшихъ болѣе 22,000 душъ крестьянъ, ему остался одинъ Яготинъ съ 5000 душъ, а всѣ остальныя были распроданы счетной комиссіей на пополненіе недочетовъ. Разумѣется, не могло быть и рѣчи о какомъ либо злоупотребленіи со стороны кн. Репнина при постройкѣ института. Сама ревизіонная комиссія оцѣнила это зданіе въ 465,000 руб., между тѣмъ на его постройку изъ казны отпущено было всего 200,000 руб. асс.; слѣдовательно, помимо занятыхъ въ приказѣ 200,000 р., изъ личныхъ средствъ Репниныхъ израсходовано на постройку 65,000 р. асс. [3])

Въ 1842 г. князь Репнинъ возвратился изъ за границы въ свое имѣніе Яготинъ, гдѣ и скончался 7 января 1845 г. Похороненъ онъ въ Густынскомъ монастырѣ, близъ г. Прилукъ, гдѣ впослѣдствіи погребена и его супруга Варвара Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ 10 октября 1864 г., въ глубокой старости.

---

[1]) Зять непріязненно расположеннаго къ Репнину князя В. П. Кочубея.

[2]) Истор. обзоръ Комитета министровъ, т. 2, 115 и 116 стр.

[3]) Подробнѣе и вѣрнѣе всего исторія о постройкѣ зданія полт. института разсказана въ запискахъ И. Сердюкова, современника и сослуживца кн. Репнина, помѣщенныхъ въ XI кн. „Кіев. Стар.“ за 1896 г.

ГЛАВА II.

Устройство города по плану кн. А. Б. Куракина. Нѣмецкая колонія. Вызовъ фабрикантовъ-колонистовъ изъ-за границы и постройка для нихъ домовъ. Отзывъ кн. Долгорукаго о полт. колоніи. Злоупотребленія губернатора Козачковскаго при устройствѣ колоніи. Внутренній бытъ полтавскихъ колонистовъ.

Еще въ 1805 г. генералъ-губернаторъ кн. А. Б. Куракинъ составилъ планъ устройства города. По этому плану приходилось немало прорѣзывать новыхъ улицъ, нерѣдко черезъ частныя усадьбы, уже застроенныя. Этимъ дѣломъ завѣдывала городская дума; она входила въ сношеніе съ владѣльцами, уплачивала имъ деньги за усадьбы, а чаще всего промѣнивала ихъ на другіе участки, уплачивала и за переноску строеній. При думѣ были оцѣнщики, опредѣлявшіе стоимость построекъ, садовъ и т. под. Платили нерѣдко полною суммою за извѣстный участокъ, но чаще всего отъ квадратнаго сажня.

Замѣчательно, что цѣна на городскую землю не поднялась за весь разсматриваемый періодъ, т. е. съ 1808 по 1834 г., за время управленія краемъ кн. Лобанова-Ростовскаго и Н. Г. Репнина. Дума уплачивала за квадратный сажень по 3 к. за пустопорожнюю землю, да и сами владѣльцы запрашивали такую же цѣну. Чаще всего недоразумѣніе и торгъ съ думой происходили изъ-за построекъ и садовъ. Дѣла по обмѣну и покупкѣ усадебъ тянутся въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода и ими наполнены архивныя связки. Укажемъ для примѣра нѣсколько сдѣлокъ для составленія понятія о тогдашней стоимости земли. Такъ, усадьба Клименка (14 саж. въ длину и 3 въ ширину) съ „садомъ родючаго дерева“, отошедшая подъ монастырскую улицу, была пріобрѣтена за 50 р.[1]) Нѣкто Мамонтовъ уступилъ для выгона 3 дес. 1872 кв. саж. за 400 р.[2]) Супруга генералъ-губернатора В. А. Репнина пріобрѣла возлѣ Николаевской горы 1 дес. 494 кв. саж., а въ другой разъ 1 дес. 111 кв. саж., и за все это уплатила 304 р. 15 к.[3])

Въ 1813 году городская дума пріобрѣла мѣсто у прапорщика Θедора Наливайка для устройства на немъ кладбища (нынѣ Старое кладбище), мѣрою 2310 кв. сажень. Наливайку предложили

---

1) Гор. арх. 1809 г., № 1438.

2) Гор. арх. 1816 г., дѣло № 2367, журн. засѣд. 14 Іюля.

3) Гор. арх. 1819 г., дѣло № 2753, и 1823 г., дѣло № 3475.

мѣсто въ другой части города мѣрою въ 420 кв. саж. и деньгами 110 р., но онъ желалъ получить 290 р. Губернское правленіе, утверждавшее постановленія думы, назначило 150 р.[1]) За переноску простой хаты съ соломенной крышей платили 25 р. асс. (хаты съ „сѣнцами и погребомъ“ [2]). Бѣднымъ жителямъ отводили земли для постройки на нихъ хатъ съ соломенными крышами чаще всего по Гончарной горѣ и около Рогизнянскаго моста.[3]) Для постройки этихъ избъ выдавались ссуды изъ приказа общественнаго призрѣнія.[4]) Дѣла по обмѣну и покупкѣ земель не всегда велись добросовѣстно и тянулись долгое время.

Укажемъ на покупку земли городской думой для нѣмецкихъ колонистовъ. Дума слишкомъ довѣряла секретарю своему Полонцу, за что и поплатилась. Въ 1809 г. дума пріобрѣла у дворянки Гречаниной дворовое мѣсто съ фруктовымъ садомъ за 990 р. съ придачей въ другомъ мѣстѣ усадебнаго участка въ 674 кв. саж. Нѣсколько позже пріобрѣтены были на условіяхъ такого же обмѣна усадьбы Селеховой, Марины Лобинской и прапорщика Детора. Нѣкоторые изъ этихъ владѣльцевъ, получивъ отъ думы формальные акты, построили на новыхъ мѣстахъ дома. Прошло нѣсколько лѣтъ, и оказалось, что дума дала этимъ владѣльцамъ земли, принадлежащія гр. Разумовскому. Поднялось дѣло, тянувшееся нѣсколько лѣтъ. Въ 1814 году дума предписала полиціи отобрать у означенныхъ лицъ акты, выданные думой на владѣніе этими участками, но полиція медлила, да нѣкоторыхъ владѣльцевъ, за выѣздомъ изъ города, не могла и разыскать. Несмотря на многократныя настоянія думы „поспѣшить съ этимъ дѣломъ, отчего легко можетъ разрѣшиться отъ бремени полиція“, документы у владѣльцевъ не были отобраны. Губернское правленіе, куда перешло это дѣло, порѣшило: „чтобы члены, бывшіе въ думѣ, возчувствовали виновность свою въ слабомъ за секретаремъ надзорѣ, взыскать съ нихъ за переносъ строеній, устроенныхъ на незаконной землѣ“. Такъ поплатилась дума за свой недосмотръ. Дѣло это окончилось въ 1827 году; земли были отобраны, инымъ владѣльцамъ уплачены деньги, другимъ даны

---

1) Гор. арх. 1813 г., дѣло № 2051 и 1424.
2) Гор. арх. 1808 г., дѣло № 1223.
3) Гор. арх. 1820 г., дѣло № 2900.
4) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1386.

новые участки[1]), Въ 1821 году, по распоряженію губернскаго правленія, городская дума надѣлила нѣмцевъ-колонистовъ 12 дес. 209 саж., пріобрѣтенными по 100 р. за десятину. Въ 1834 году, когда рѣшено было построить зданіе для кадетскаго корпуса, то земля эта была отобрана подъ устройство на ней кирпичнаго завода для выдѣлки кирпича на постройку корпуснаго зданія, а колонистамъ, помимо ихъ желанія, было отведено въ другомъ мѣстѣ 11 дес. 1995 кв. саж.[2]).

Устройство нѣмецкой колоніи въ Полтавѣ относится къ началу управленія краемъ кн. Лобанова-Ростовскаго. Кромѣ Полтавы, такія колоніи были устроены еще въ Константиноградѣ. Населены онѣ были нѣмцами, суконными фабрикантами, вызванными изъ Богеміи, Саксоніи, Эльзаса. Въ ноябрѣ 1808 года прибыло въ Полтаву 6 семействъ первыхъ колонистовъ, „суконныхъ и шерстяныхъ дѣлъ мастеровъ". Кн. Куракинъ предписалъ занять для колоніи два квартала около кирпичныхъ заводовъ, принадлежащихъ приказу общественнаго призрѣнія,[3]) и приступить къ постройкѣ домовъ. Но Куракинъ скоро оставилъ Полтаву и устройство нѣмецкихъ колоній было дѣломъ его преемниковъ кн. Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Всѣхъ нѣмцевъ прибыло 249 д. обоего пола (54 семьи), въ Константиноградѣ было поселено 41 сем. (218 д. обоего пола). Нѣмцы-колонисты вызваны были на слѣдующихъ условіяхъ, высочайше утвержденныхъ 20 февраля 1804 года: имъ была обѣщана 1) свобода вѣры, 2) свобода отъ платежа податей и всякихъ повинностей въ теченіе 10 лѣтъ, а послѣ этого срока колонисты должны платить поземельную подать въ первые 10 лѣтъ по 15—20 коп. за каждую десятину и затѣмъ они должны быть относительно податей уравнены съ казенными поселянами. „Что же принадлежитъ до прочихъ зем-

---

[1]) Гор. арх. 1814 г., № 2169, 1825 г., № 3776, журн. засѣд. 5 дек. 1817 г., журн. засѣд. 25 марта 1827 г., № 4037.

[2]) Гор. арх. 1821 г. № 3118, 1834 г., № 4851 и 4849, журн. засѣд. 5 сентября. Въ 1820 г., на основаніи указа отъ 27 дек. 1818 г. рѣшено отдать въ собственность колонистовъ казенные дома, присоединивъ часть земли для огорода и сѣнокоса. Гор. арх. 1820 г., дѣло № 2907.

[3]) Одинъ изъ заводовъ прилегалъ къ оврагу. Кн. Куракинъ предполагалъ устроить здѣсь и пруды и другія водохранилища... но не успѣлъ, такъ какъ выѣхалъ на службу въ Петербургъ. Кн. Куракинъ самъ избралъ мѣста для поселенія колонистовъ, предписалъ купить сейчасъ мѣста для нихъ; раньше здѣсь были земли Донца, Кочубея, приказа, Иващенка и др. Гор. арх. 1808. № 1305.

скихъ повинностей, оныя тотчасъ, по истеченіи льготы, колонисты повинны нести наравнѣ съ тѣми россійскими подданными, между которыми водворены будутъ, исключая постоевъ, кромѣ тѣхъ, однако, случаевъ, когда воинскія команды проходить будутъ". 3) „Свобода отъ воинской и гражданской службы. По собственному желанію въ оную всякому дозволяется поступать, однако черезъ то не избавляются они отъ платежа своего долга казнѣ". 4) Уплата ссудныхъ денегъ отъ казны, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, располагается на послѣдующія десять. 5) Всѣмъ колонистамъ дается безденежно земля. 6) Со дня прибытія на границу начинается выдача кормовыхъ денегъ по 10 к. взрослой и по 6 к. малолѣтней душѣ въ сутки, до самаго того времени, пока прибудутъ на поселеніе, и сіи деньги употребляются на счетъ безвозвратныхъ издержекъ; однако, когда кто пожелаетъ выѣхать изъ Россіи, то и оныя возвратить долженъ. 7) По прибытіи на мѣсто поселенія, до первой собственной жатвы, производится отъ 5 до 10 к. каждой душѣ, судя по цѣнѣ жизненныхъ припасовъ, и сія сумма ими должна быть возвращена вмѣстѣ съ общею ссудою. 8) Ссуда на построеніе домовъ, покупку скота и вообще на все обзаведеніе хозяйствомъ простирается до 300 р.; людямъ же, которые пріѣдутъ съ хорошимъ достаткомъ, можетъ быть и увеличена, если для какого-нибудь полезнаго заведенія они того требуютъ. 9) Позволяется ввозить имъ при поселеніи имѣніе свое, въ чемъ бы оно ни состояло, безпошлинно и сверхъ того каждому семейству, разумѣя въ ономъ мужа и жену съ малолѣтними дѣтьми, или двухъ совершенныхъ работниковъ, или же четырехъ женщинъ, одинъ родъ товаровъ для продажи по цѣнѣ до 300 р., только бы товары эти были собственные ихъ, а не отъ посторонаихъ людей имъ порученные или въ долгъ взятые. 10) Ежели кто, когда бы то ни было, пожелаетъ выйти изъ государства, то въ томъ дается ему свобода, но съ тѣмъ, чтобы, сверхъ уплаты всего причитающагося на немъ долга, единовременно внесъ въ казну трехгодичную подать. 11) Позволяется заводить фабрики и другія нужныя ремесла, вступать въ гильдіи и цехи и вездѣ въ имперіи продавать свои издѣлія. Если кто изъ прибывшихъ на поселеніе окажется ослушнымъ и непокорнымъ постановленному начальству или пустится въ развратъ, таковый непремѣнно, по взысканіи съ него должнаго казнѣ, высланъ будетъ за границу.[1]).

[1]) Записки о Полтавѣ—Бучневича 2 изд. 286—287; то же у Арендаренка, ч. II, 75—77 стр.

На постройку домовъ для колонистовъ въ Полтавѣ и Константиноградѣ, на покупку земли, на выдачу ссудъ и т. под. казна истратила до 400 тыс. рублей. Въ Полтавѣ было выстроено 50 такихъ домовъ. Дома были однообразные, построены по одному плану, плетневые, обмазанные навозомъ, какъ строились они въ то время (да и теперь) въ Малороссіи. Путешествовавшій по Малороссіи въ 1810 году владимірскій губернаторъ И. М. Долгорукій посѣтилъ, между прочимъ, Полтаву и заинтересовался ея нѣмецкою колоніей. Она произвела на него крайне дурное впечатлѣніе. Говоря о постройкахъ, Долгорукій пишетъ: „Въ этихъ карточныхъ домикахъ живутъ ткачи и при нихъ поставленъ станъ каждаго. Считаютъ, что какъ постройка сей слободы, такъ и двухъ еще подобныхъ въ Кременчугѣ и Константиноградѣ, т. е. въ полтавской губерніи, обошлась казнѣ въ 400 тыс.; тамъ, однако, домы рубленные изъ дерева, здѣсь иныя связи обратились въ настоящія тюрьмы; окончины (т. е. окна) одинокія и двойныя, обѣ для прочности разъ навсегда вмазаны въ стѣны и не отворяются ни лѣтомъ, ни зимой. Но дышать необходимо: никакая власть въ свѣтѣ лишить сего блага натуры не можетъ ниже въ тягчайшихъ узакъ неволи. Что же дѣлаютъ эти бѣдные нѣмцы? Они выламываютъ рамы, выбиваютъ стекла, чтобъ пустить себѣ воздухъ. Стѣны, въ основаніе домовъ поставленныя, такъ прозрачны, какъ рѣшето и отъ сотрясенія становъ во время работы чувствительно даже, какъ онѣ зыблются и держатся только на угловыхъ столбахъ“.[1]) Почему новые дома выглядѣли такими развалинами—намекъ на причину этого находимъ въ запискахъ того же Долгорукаго. „Къ особенной чести нынѣшняго начальника (т. е. кн. Лобанова)—говоритъ онъ—сказать должно, что онъ съ огорченіемъ смотритъ на расточеніе суммъ казенныхъ и городскихъ, кои послѣдовали до него въ Полтавѣ. Взглядъ его былъ справедливъ, поступки осторожны; онъ отвелъ отъ себя отвѣтственность. Бывшій уже губернаторъ смѣненъ, но еще новаго при насъ не было и никто не смѣлъ войти въ управленіе этой колоніей. Всѣ ея боялись, какъ огня, да и не безъ причины. Жалко, что зло не можетъ такъ легко истребляться, какъ тотъ, кто его сѣмена посѣетъ. Съ человѣкомъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, всегда сладить можно и смѣна одного лица никогда труда не стоитъ. Но вотъ бѣда, что худое учрежденіе не скоро поправ-

---

[1]) Долгорукій „Славны бубны за горами“, стр. 82—83.

ляется, а еще труднѣе искоренить его, когда наипаче становится предметомъ большого денежнаго счета".[1]) Авторъ воспоминаній намекаетъ на бывшія злоупотребленія. Смѣненный губернаторъ былъ Алексѣй Өедоровичъ Козачковскій, занимавшій этотъ постъ съ 14 марта 1808 г. по 17 мая 1810. Въ чемъ собственно состояли злоупотребленія, мы не знаемъ, но намъ извѣстно, что на Козачковскаго, уже послѣ его смерти, былъ сдѣланъ начетъ на сумму 34800 р., передержанныя имъ при постройкѣ домовъ для колонистовъ. При увольненіи въ отставку, Козачковскому была назначена пенсія въ половинномъ размѣрѣ получаемаго жалованья на службѣ. Послѣ кончины его, 20 мая 1820 года, вдова его подала на высочайшее имя прошеніе о назначеніи ей пенсіи за службу мужа. Тутъ то вспомнили о постройкѣ покойнымъ домовъ для колонистовъ, и въ пенсіи было отказано. Министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубей, которому было передано это прошеніе, запросилъ кн. Репнина объ имуществѣ покойнаго Козачковскаго и его долгахъ. Оказалось, что у Козачковскаго былъ домъ въ Кременчугѣ, а въ екатеринославской губерніи въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ 129 душъ крестьянъ и 1800 дес. земли. Казенныхъ долговъ не было, а частный долгъ вдовой былъ уплаченъ. Въ пенсіи было, какъ мы сказали, отказано, и вотъ мотивъ отказа: „прошеніе сіе (т. е. Козачковской), пишетъ В. П. Кочубей, вмѣстѣ съ собранными въ отношеніи Козачковскаго свѣдѣніями, разсматриваемо было въ комитетѣ министровъ. Какъ изъ свѣдѣній сихъ открылось, что г. Козачковскій, по порученію бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Куракина, имѣвъ въ своемъ распоряженіи сумму, назначенную на обзаведеніе выѣхавшихъ изъ Саксоніи и водворенныхъ въ полт. губ. фабрикантовъ, сдѣлалъ изъ оной при постройкѣ ихъ домовъ многія передержки и недостройки противъ смѣты, количество которыхъ простирается на сумму до 34800 р., и какъ, съ другой стороны, оставилъ онъ женѣ своей достаточное имѣніе, состоящее въ Кременчугѣ и екатеринославск. губ., то комитетъ гг. министровъ положилъ: просьбу г-жи Козачковской о производствѣ ей пенсіона оставить безъ уваженія". [2])

Кромѣ отвода земли и постройки домовъ, правительство выдавало колонистамъ инструменты, покупало шерсть. За работу

[1]) Долгорукій, стр. 84.
[2]) Арх. Губ. Пр. 1820 г., № 308.

отъ штуки сукна имъ платили 30 р. асс. Можно было выдѣлывать сукно въ сырцѣ, изъ собственной шерсти; въ этомъ случаѣ платили отъ штуки 20 р. асс. Каждый станъ, по словамъ Долгорукаго, долженъ былъ выработать до 800 арш. въ годъ, что полагалось на семью колониста. Сукно казна принимала по 82 коп. за аршинъ.

„Тутошніе мастера, говоритъ тотъ-же Долгорукій, сами дѣлаютъ корды, на какихъ чешутъ шерсть, и изобрѣли машину (но она еще не выдержала опытовъ), посредствомъ коей 40 веретенъ вдругъ отъ одной руки дѣйствовать могутъ. Одинъ изъ мастеровъ ткалъ при мнѣ сукно безъ товарища за своимъ станомъ и довольно скоро мечется съ конца на другой, но для корпуса это движеніе тяжело и даже насильственно“. Всѣми фабрикантами завѣдывалъ инспекторъ фабрикъ

Несмотря на предоставленныя полтавскимъ колонистамъ льготы, матеріальное положеніе ихъ изъ года въ годъ ухудшалось. Въ 1818 г. правительство констатировало фактъ, что „иностранные суконщики находятся въ разстроенномъ состояніи.“ Въ силу этого, колонистамъ предоставлены были еще бóльшія льготы, состоявшія въ томъ, что 1) повелѣно казеный долгъ съ колонистовъ сложить и не взыскивать; 2) каменные дома, въ коихъ они живутъ, предоставить имъ въ собственность и присоединить къ дому необходимую часть земли для огорода и сѣнокоса; 3) казенные инструменты для суконодѣлія отдать имъ тоже въ собственность; 4) выдать заимообразно изъ казны на каждое семейство по сту рублей на три года, и 5) предоставить колонистамъ свободу заниматься какимъ угодно ремесломъ. Полтавскіе колонисты были поручены попечительству князя Репнина, который составилъ въ 1820 г. особую инструкцію для управленія ими. Былъ учрежденъ приказъ изъ старосты и двухъ бейзицеровъ. Лица эти избирались самими колонистами, срокомъ на три года.[1]) Правительство не жалѣло средствъ на устройство этихъ колоній.

Въ 1842 г., по ходатайству генералъ-губернатора кн. Н. А. Долгорукаго, колонистамъ было выдано заимообразно изъ приказа общественнаго призрѣнія 40 тыс. изъ 6%. При этомъ было предписано фабрикантамъ доставлять выдѣланное ими сукно въ кре-

[1]) Въ 1821 г. Репнинъ назначилъ особое лицо, шт. ротмистра Листовскаго, на обязанности котораго было разбирать дѣла колонистовъ, входить въ ихъ нужду, сноситься съ генералъ-губернаторомъ и т. п. (Гор. арх. 1821. дѣло № 3165.

менчугскую коммиссаріатскую коммиссію для обмундированія рекрутъ полтавской губерніи. Казна платила за выдѣлку штуки сукна въ сырцѣ мѣрою 42 ар. 7 р. 43 к. Въ 1860-хъ годахъ платилось за аршинъ по 75 коп. Слишкомъ малая цѣна, платимая казной, была главною причиной бѣдственнаго положенія колоніи. А колонисты были очень трудолюбивы. Сами они объясняли обѣдненіе свое слѣдующимъ образомъ: 42 аршина, говорили они, выдѣлывается семьей изъ 4 душъ въ 14 дней. Кромѣ труда, колонистъ несетъ расходъ на масло, клей, освѣщеніе, отопленіе, починку инструментовъ, на валку, стирку и отдѣлку сукна. Далѣе, на свой счетъ ему надо доставить сукно въ Кременчугъ, гдѣ ему платили по 75 к. за аршинъ. По разсчету выходитъ суточный заработокъ колониста въ 7—10 к.[1]) Для улучшенія матеріальнаго положенія колонистовъ былъ организованъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя колоній, изъ шести человѣкъ, избираемыхъ обществомъ.

Конецъ существованію полтавской колоніи положилъ высочайшій указъ 1867 года, въ которомъ было сказано: „За вызванными въ 1808 году изъ-за границы и поселенными въ полтавской губерніи суконными фабрикантами укрѣпить права неограниченной собственности, надѣленныя имъ отъ казны; срокъ для обязательной приписки полтавскихъ суконщиковъ къ податнымъ сословіямъ—шестой мѣсяцъ со дня настоящаго высочайшаго повелѣнія“. Многіе изъ колонистовъ приписались къ купеческому обществу, другіе къ мѣщанскому. Такова исторія учрежденія этой колоніи, стоившей многихъ средствъ правительству, но едва ли способствовавшей улучшенію въ Россіи суконнаго производства.

Въ 1832 году, 25 іюня, въ полт. нѣмецкой колоніи была освящена кирха во имя св. Петра. На освященіи ея тремя пасторами: Дитгофомъ, Розенштраухомъ и Штейнманомъ присутствовали кн. Репнинъ, губернаторъ Могилевскій и др. Этой кирхи нынѣ не существуетъ, она снесена послѣ того, какъ построилась нынѣшняя кирха около присутственныхъ мѣстъ (ноября 1881 г.). До 1832 г. колонисты собирались для молитвы въ частныхъ домахъ, гдѣ богослуженіе совершали дивизіонные „проповѣдники“.

Еще при Екатеринѣ II, согласно ея указу отъ 15 ноября 1767 года, въ Россіи было образовано 7 евангелическо-лютеранскихъ должностей „дивизіонныхъ проповѣдниковъ“, между кото-

---

[1]) А. Конисскій, Основа, 1861, 70 стр.

торыми былъ особый дивизіонный проповѣдникъ для Украины. Первымъ такимъ проповѣдникомъ былъ назначенъ 8 марта 1768 года прусскій подданный Христіанъ Веберъ, пробывшій въ этой должности до смерти своей, 9 октября 1809 года. Изъ Полтавы онъ объѣзжалъ Украину для совершенія духовныхъ требъ въ войскахъ. Въ Полтавѣ онъ совершалъ богослуженіе въ своемъ домѣ. Съ прибытіемъ фабрикантовъ-колонистовъ изъ Германіи, былъ нанятъ большой залъ для совершенія богослуженія, а затѣмъ, съ 1811 года, храмомъ служилъ залъ въ домѣ пастора Леммера, пріемника Вебера (нынѣ домъ наслѣдниковъ Фролова-Багрѣева, противъ классической гимназіи). Изъ нѣмецкихъ колонистовъ былъ образованъ церковный совѣтъ. Послѣ выхода въ 1818 г, въ отставку Леммера, богослуженіе совершалось въ домѣ Фаренкруга, но вскорѣ церковный совѣтъ нанялъ большой домъ вдовы Цейшнеръ на колоніи, гдѣ и былъ устроенъ молитвенный залъ. Естественно, частые переходы изъ дома въ домъ должны были навести на мысль устройства постояннаго храма. Къ 1 января 1830 г. нѣмцы-колонисты имѣли капитала, собраннаго на этотъ предметъ въ теченіе многихъ лѣтъ, всего 2610 р. асс., да имѣли еще достаточно матеріала, годнаго для постройки, отъ какого-то магазиннаго зданія, подареннаго колоніи императоромъ Александромъ I. Это и дало имъ возможность построить храмъ, освященный въ 1832 году. Извѣстный украинскій писатель А. Я. Конисскій нерѣдко посѣщалъ въ 1860 годахъ богослуженіе колонистовъ и дѣлаетъ такой отзывъ о нихъ: „О чистотѣ, опрятности и честности нечего и говорить: стоитъ только прійти въ воскресный день въ церковь, чтобы увидѣть, какъ эти бѣдные труженики прилично одѣты. За все существованіе колоній едва ли между колонистами были два, три уголовныхъ преступленія, и наши присутственныя мѣста не могутъ жаловаться на обремененіе ихъ дѣлами отъ колонистовъ или о колонистахъ“.[1]) Для призрѣнія престарѣлыхъ фабрикантовъ, колонисты организовали особый сборъ для образованія капитала. Каждый мастеръ вносилъ ежегодно 10 р., подмастерій—5, а ученикъ —1 р. При удостоеніи званія мастера, при выдачѣ свидѣтельства, взималось единовременно 5 р, асс. Колонисты имѣли у себя школу, гдѣ обучали дѣтей грамотѣ, а затѣмъ нѣкоторые отдавали дѣтей своихъ въ гимназію.

---

[1]) Основа, 1861 г., стр. 71.

ГЛАВА III.

Городская дума. Городскіе головы. Дѣянія Черкасова. Городскіе головы Михайловскій, Прокофьевъ, Зеленскій и Чубенко. Выборныя засѣданія въ 1820 и 1826 г. Гласные думы, ихъ обязанности, непосѣщеніе думы, безграмотность. Секретари думы. Дѣлопроизводство. Бильбасовъ. Ревизія думы и проектъ увеличенія штатовъ ея канцеляріи.

Обратимся теперь къ городской думѣ и прослѣдимъ ея дѣятельность за время управленія краемъ Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Мы уже говорили объ устройствѣ ея на основаніи городоваго положенія 1785 года.[1])

Помимо городского головы, въ составъ думы входило 6 гласныхъ. Избирались они на три года изъ городского общества, въ составъ котораго входили купцы, ремесленники и мѣщане, безъ различія вѣроисповѣданія. Мѣщане дѣлились на собственно мѣщанъ и посадскихъ. Мѣщане, занимавшіеся торговлей, пріобрѣтали право участія въ думскихъ выборахъ.

За время управленія названныхъ двухъ генералъ-губернаторовъ обязанности городского головы несли слѣдующія лица: въ 1808 году заканчивалъ свое трехлѣтіе купецъ Яковъ Локощенковъ, котораго смѣнилъ Илья Прокофьевъ, избранный вторично на эту должность. Это былъ очень состоятельный купецъ 2-й гильдіи, имѣвшій въ Полтавѣ 11 лавокъ; помимо этого, имѣлъ онъ торговлю въ Одессѣ. Пробылъ онъ не долго, его смѣнилъ Николай Черкасовъ (съ 1811—1814 г.). Дѣятельность этого городского головы далеко была не безупречна. Надо, впрочемъ, сказать, что администрація была имъ очень довольна. Губернаторъ М. И. Бровинъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до оставленія своей должности, предписалъ городской думѣ довести до свѣдѣнія гражданъ „объ отличномъ служеніи, замѣченномъ начальствомъ, правящаго должность городского головы Черкасова". Городской голова повѣстками собралъ гражданъ въ думу, гдѣ и прочиталъ лестную аттестацію его собственной дѣятельности[2]).

Но не прошло и года, какъ начали обнаруживаться его далеко не похвальныя дѣянія. Мѣщанинъ Иванъ Михайловскій, бывшій при немъ гласнымъ и всегда исполнявшій въ его отсутствіе должность городского головы, подаетъ заявленіе въ губернское правленіе, что Черкасовъ, безъ участія другихъ гласныхъ

[1]) См. 1-й вып. „Полтава, въ началѣ XIX стол.".

[2]) Гор. арх. 1812 г., дѣло № 1917.

думы, вынималъ самолично деньги изъ сундука, покупалъ матерьялы на устройство моста черезъ рч. Рогизну по высокой цѣнѣ, а также платилъ и рабочимъ дороже существующихъ цѣнъ, и т. п. Губернское правленіе потребовало смѣты и журнальныя постановленія думы.[1]) Заявленіе Михайловскаго послужило какъ бы сигналомъ къ открытію многихъ другихъ погрѣшностей въ дѣятельности Черкасова. На Сампсоніевской площади, въ гостинномъ ряду (около нынѣшняго Спасскаго храма) городомъ была устроена „шофа“ (крытый амбаръ) для продажи печенаго хлѣба. Самъ Черкасовъ получилъ за нее въ 1811 г. 60 р., а въ 1812 г. 63 р., но первую сумму не внесъ въ городскую кассу. Купецъ Трофимъ Ковалевскій занялъ въ городской кассѣ тысячу рублей и когда возвратилъ, то Черкасовъ не внесъ ихъ тотчасъ въ кассу, а пустилъ предварительно ихъ въ оборотъ. У Черкасова черезъ полицію потребовали объясненія[2]). То же самое было и съ деньгами Носова, внесенными за городскія мѣста[3]). Не перечисляя другихъ его злоупотребленій, замѣтимъ, что на Черкасова былъ сдѣланъ начетъ въ 528 р. 66 к. асс. Начетъ этотъ взыскивался губернскимъ правленіемъ черезъ полицію въ теченіе долгаго времени[4]). Въ концѣ концовъ Черкасовъ, какъ и бывшій нѣсколько лѣтъ спустя городскимъ головой А. Зеленскій, вмѣстѣ съ гласными Труновымъ, Штенбергомъ и др., угодилъ подъ судъ и только въ 1826 году, манифестомъ по случаю коронаціи, оба они были освобождены отъ слѣдствія[5]).

Преемникомъ Черкасова, былъ мѣщанинъ Иванъ Михайловскій,—единственный примѣръ избранія въ городскіе головы изъ мѣщанскаго сословія. Онъ, какъ мы видѣли, первый обнаружилъ злоупотребленія Черкасова и этимъ способствовалъ его паденію. Но и самъ онъ былъ неаккуратенъ въ денежныхъ счетахъ. Пробылъ онъ городскимъ головой до 1818 года, когда его смѣнилъ Илья Прокофьевъ, избранный городскимъ головой въ третій разъ. Послужилъ онъ въ этотъ разъ всего два года.

Много лѣтъ спустя, въ 1823 году открылось, что и онъ не вполнѣ добросовѣстно расходовалъ городскія суммы.[6])

---

[1]) Гор. арх. 1814, дѣло № 2169, журн. засѣд. 1 февраля 1814 г.
[2]) Гор. арх. 1814, дѣло № 2197, жур. засѣд. 21 апрѣля 1814.
[3]) Гор. арх. 1814, дѣло № 2218, засѣд. 5 мая.
[4]) Гор. арх. 1814, дѣло № 2446 и 2229, жур. засѣд. 20 мая и др.
[5]) Гор. арх. 1826, дѣло № 3914.
[6]) Гор. арх. 1823, дѣло № 3380, жур. засѣд. 22 марта.

Послѣ него городскимъ головой былъ Авраамъ Моисеевичъ Зеленскій, іудейскаго вѣроисповѣданія („еврейскаго закона“, какъ писали въ то время) и пробылъ въ этой должности три года, до конца 1822 г. Это былъ единственный примѣръ избранія въ городскіе головы лица іудейскаго вѣроисповѣданія не только въ разсматриваемый періодъ, но со времени введенія городового положенія 1785 года. Онъ былъ очень богатый человѣкъ, единственный въ то время купецъ 1-й гильдіи. До избранія въ должность головы Зеленскій служилъ въ квартирной комиссіи, а затѣмъ въ городскомъ магистратѣ бургомистромъ. Купцы въ то время должны были по совѣсти объявить имѣющійся у нихъ капиталъ. Зеленскій объявилъ его въ суммѣ 56 тыс., съ котораго и платилъ 4% пошлины въ казну. Такой капиталъ и далъ ему возможность записаться въ купцы первой гильдіи. Помимо торговли, онъ занимался казенными подрядами, для чего нерѣдко ѣздилъ въ Петербургъ.

Умеръ онъ въ 1854 году. Послѣ Зеленскаго городскимъ головой былъ купецъ Павелъ Артемьевичъ Чубенко. Чубенку было уже за 50 лѣтъ, когда онъ занялъ эту должность. Всю предыдущую службу свою онъ провелъ по выборамъ. Въ 1813 г. купеческое и мѣщанское общество избрали его словеснымъ судьей, а въ 1815 году ратманомъ, въ каковой должности и оставался до избранія городскимъ головой. Просматривая журналы засѣданія думы и вообще дѣла за время его пребыванія въ этой должности, нельзя не видѣть, какъ онъ энергично отстаивалъ права городского головы и вообще права думы, особенно въ сношеніяхъ съ полиціей, о чемъ еще рѣчь будетъ впереди. Администрація цѣнила его. Помимо медали, полученной во время коронаціи императора Николая I, на которой онъ присутствовалъ [1]), какъ представитель города, онъ имѣлъ золотую медаль на аннинской лентѣ и брилліантовый перстень съ „цвѣтнымъ камнемъ“. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1824 г. городская дума, вмѣстѣ съ магистратомъ „свидѣтельствовала передъ губернскимъ правленіемъ о Чубенкѣ, который отправляетъ настоящую должность съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ“, въ доказательство чего было представлено свидѣтельство, выданное изъ магистрата отъ имени обществъ купеческаго и мѣщанскаго. Въ послѣднемъ указывалось,

---

[1]) На издержки по поѣздкѣ его на коронацію въ Москву, все купеческое сословіе было обложено сборомъ, пришлось на каждаго по 5 р. 61 к. Гор. арх. 1826, дѣло № 3888.

что Чубенко „при всякомъ прибѣжищѣ къ нему бѣдныхъ вдовъ и сиротъ былъ ревностнымъ объ нихъ ходатаемъ и оказывалъ имъ пособіе со свойственнымъ ему человѣколюбіемъ и совершенною готовностью“. При постройкахъ, при ремонтахъ соблюдалъ „значительное пониженіе противъ справочныхъ цѣнъ и особливо при покупкѣ пожарнымъ лошадямъ фуража“. Такой отзывъ двухъ обществъ и послужилъ мотивомъ для Репнина къ представленію его къ наградѣ.[1]) Это былъ, несомнѣнно, честный дѣятель. Преемникомъ его былъ Петръ Ворожейкинъ, послѣдній городской голова въ разсматриваемый нами періодъ. Послѣ избранія его въ городскіе головы, кн. Репнинъ потребовалъ формулярный его списокъ. Въ немъ значилось, что служба Ворожейкина „сопровождалась отличными для общаго блага подвигами“: въ 1812 г., въ тяжелую годину войны съ Наполеономъ, Ворожейкинъ былъ избранъ купеческимъ обществомъ казначеемъ по собиранію и храненію пожертвованій на военныя нужды; по выборамъ того же общества служилъ городскимъ старостой и былъ членомъ сиротскаго суда; помимо этого, собиралъ пожертвованія въ пользу пострадавшихъ въ 1824 г. отъ наводненія жителей Петербурга; былъ членомъ по завѣдыванію благотворительной сберегательной кассой, учрежденной приказомъ общественнаго призрѣнія. Будучи городскимъ головой, Ворожейкинъ въ разное время передалъ до 7 тысячъ „на счетъ возврата“ для ремонта городскихъ сооруженій, когда въ кассѣ городской не было наличныхъ средствъ. Не мало онъ потрудился и во время эпидеміи холеры въ 1831 г., и наконецъ, по собственному вызову, оставивъ комерческія дѣла, поѣхалъ въ Москву и другіе города для закупки сукна для армейскихъ полковъ, при чемъ отказался отъ уплаты ему издержекъ по двухмѣсячной его поѣздкѣ.[2]) Таковы были дѣянія Ворожейкина до избранія его городскимъ головой.

Ворожейкинъ пробылъ головой только одно трехлѣтіе, замѣстителемъ его былъ купецъ 3 гильдіи Андрей Панасенко, имѣвшій торговлю желѣзными товарами.

Такимъ образомъ въ первой четверти прошлаго вѣка городскіе головы избирались изъ купеческаго и мѣщанскаго обществъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Изъ этихъ же сословій избирались и гласные думы, въ числѣ 6 человѣкъ. Въ большинствѣ

---

[1]) Гор. арх. 1824, дѣло № 3619.

[2]) Гор. арх. 1832, дѣло № 4587, жур. засѣд. 6 мая.

случаевъ, гласными были мѣщане, избиравшіеся, какъ и городскіе головы, безъ различія вѣроисповѣданія. Выборы производились каждые три года. Они происходили всегда спокойно, за исключеніемъ выборовъ въ 1820 и 1826 годахъ, когда были партіи, преслѣдовавшіе свои интересы. На выборахъ въ 1820 году бургомистръ Подсудевскій, купцы Яковенко и Ворожейкинъ подняли въ собраніи принципіальный вопросъ, возможно ли допустить къ выборамъ купцовъ и мѣщанъ, хотя и уплачивающихъ всѣ подати, но не имѣющихъ недвижимости въ городѣ. Почему былъ поднятъ этотъ вопросъ, трудно сказать. По городовому положенію, не запрещалось такимъ лицамъ участвовать въ выборахъ, при условіи, конечно, если они приписаны къ городу. Большинство въ собраніи находило, что купцы и мѣщане, не имѣющіе собственныхъ домовъ, „яко сочлены общества, имѣютъ неопровергаемое на сіе право", да и въ законѣ нѣтъ прямого указанія, что „на такое удаленіе честныхъ людей не было еще примѣра во всѣ прошедшіе времена". Послѣ долгихъ и шумныхъ преній, партія Подсудевскаго взяла верхъ и принудила болѣе 20 мѣщанъ, имѣвшихъ постоянное жительство въ Полтавѣ, но не имѣвшихъ собственности, оставить собраніе или, какъ читаемъ въ журналѣ засѣданія, „удалиться со стыдомъ изъ среды общества, собравшагося для выборовъ". „Выгнавши такимъ образомъ,—читаемъ въ журналѣ,—мѣщанъ, они настаивали на непремѣнномъ устраненіи отъ выборовъ купца Зульмана Ровенскаго". Этотъ купецъ былъ приписанъ къ гильдіи въ Полтавѣ, занимался откупами и хотя доказывалъ свое право тѣмъ, что имѣетъ дома въ Новомосковскѣ и Константиноградѣ, но долженъ былъ съ крайнимъ огорченіемъ оставить собраніе. При выходѣ изъ собранія онъ заявилъ, что считаетъ для себя „таково удаленіе нестерпимымъ порокомъ и безчестіемъ" и пригрозилъ пожаловаться начальству. Эта угроза подѣйствовала, его поспѣшили вернуть, и онъ былъ допущенъ къ выборамъ. Другая партія, противная Подсудевскому, имѣя во главѣ Зеленскаго, считала, что купцы и мѣщане, на основаніи 52—57 ст. городового положенія, какъ платящіе подати, имѣли право участія въ выборахъ.

Интересно заключеніе думы относительно этихъ выборовъ. „Подсудевскому, какъ бургомистру, знающему, или лучше сказать, долженствующему знать законы, не было никакихъ резоновъ, кромѣ однихъ, повидимому, личностей, ибо, если не хотѣлъ уже Подсудевскій поруководствоваться изъясненными законами,

то оставалось посудить ему здраво".[1]) На выборахъ 1826 г. также образовалась партія, руководимая тѣмъ же Ворожейкинымъ. 18 сентября губернаторъ Тутолминъ предписалъ произвести выборы. Городского головы Чубенка еще не было въ городѣ, онъ не возвратился изъ Москвы, куда ѣздилъ на коронацію. Его замѣнялъ бургомистръ Ковалевскій, назначившій выборы на 27 сентября, чѣмъ остались недовольны многіе торговцы, такъ какъ это былъ будничный день. Выяснилось, что образовавшаяся партія, во главѣ съ Ворожейкинымъ, очень желала воспользоваться отсутствіемъ Чубенка и произвести выборы именно въ этотъ день. Но разсчетъ ихъ не удался. Чубенко пріѣхалъ изъ Москвы 26 сентября и неожиданно для многихъ явился на выборы. Партія Ворожейкина требовала непремѣнно произвести выборы въ этотъ день, притомъ допустить всѣхъ безъ разбора къ присягѣ, а затѣмъ къ выборамъ. Но Чубенко на это не соглашался и предложилъ отложить выборы на 30 сентября. Долгіе споры не привели ни къ чему, и Чубенко оставилъ засѣданіе и уѣхалъ домой. Понятно, что этимъ было прервано засѣданіе. Вечеромъ того же дня, приверженцы Ворожейкина собрались у него на частное совѣщаніе и порѣшили жаловаться губернатору, обвиняя главнымъ образомъ секретаря думы, Бильбасова, считая его главнымъ виновникомъ несостоявшихся выборовъ. Губернаторъ, получивъ эту жалобу, предписалъ думѣ принять мѣры, „дабы секретарь отнюдь не вмѣшивался въ распоряженія городскихъ выборовъ, къ должности его вовсе не относящіяся, и тѣмъ не дѣлалъ бы никакого въ обществѣ разстройства". Чубенко отстоялъ своего секретаря; онъ указалъ губернатору, что Бильбасовъ не вмѣшивался въ выборы, „руководствуясь собственнымъ благоразуміемъ, совершенно былъ и есть чуждъ,—какъ писалъ Чубенко,—всего прошлаго и обжалованъ во всемъ вышеописанномъ напрасно и несправедливо." Поэтому Чубенко просилъ губернатора „не давать вѣры столь низкой, несправедливой и обидной клеветѣ для секретаря, обнесеннаго передъ начальствомъ отъ неблагонамѣренныхъ лицъ по одному личному неодобренію". При этомъ Чубенко писалъ, что Ворожейкинъ и Подсудевскій и при прежнихъ выборахъ были замѣчены въ неосновательныхъ спорахъ". Несомнѣнно, это была партія, желавшая провалить Чубенка, но это

---

[1]) Гор. арх. 1820, дѣло № 2937.

ей не удалось. Чубенко вновь былъ избранъ городскимъ головой[1]).

Городская дума, какъ мы уже сказали, была исполнительнымъ органомъ, лишеннымъ всякой иниціативы. Просматривая журналы засѣданія за данный періодъ, мы видимъ рѣшенія думы по предложеніямъ генералъ-губернатора, губернатора и губернскаго правленія. Начинаются они такъ: „слушали указъ губернскаго правленія" и пр., затѣмъ излагается въ подлинникѣ самый указъ и рѣшеніе думы, въ родѣ: „исполнить", „принять къ свѣдѣнію" и т. под. Заканчивались журналы: „слушали и апробовали". Засѣданія думы начинались въ 8 ч. („по полуночи", какъ писали") и оканчивались въ 1 ч. Въ засѣданіяхъ присутствовалъ городской голова, два, три гласныхъ; остальные были „въ различныхъ командировкахъ" или занимались ремонтомъ, нѣкоторые были командированы на ярмарки, на скотную площадь и т. п. словомъ, исполняли тѣ же функціи, что нынѣ исполняются членами городской управы.

Быть гласнымъ въ то время было не легко, особенно для торговыхъ людей, такъ какъ служба отвлекала отъ своего дѣла. Многіе очень тяготились этою обязанностью. Въ 1809 г. гласный Галабурда, избранный отъ мѣщанскаго общества, въ прошеніи своемъ губернатору Козачковскому жаловался, что обязанности гласнаго отвлекаютъ его отъ его прямыхъ занятій. Губернаторъ согласился его уволить и писалъ думѣ, что „обязанности гласнаго влекутъ по ремеслу его въ совершенное разореніе и тѣмъ съ большею обидою, что по балотировочному списку, онъ состоитъ третьимъ кандидатомъ.[2]) Въ 1817 г. просилъ объ увольненіи отъ званія гласнаго Максимъ Макаренко. „Въ прошломъ 1814 году,— писалъ онъ—полтавское мѣщанское общество, по выбору своему, не уваживъ бѣдственнаго моего состоянія, избрало меня на трехлѣтіе въ должность гласнаго, въ которой и нынѣ состою, а какъ съ сего времени нахожусь я въ крайнемъ изнеможеніи здоровья своего, что не только сей должности несть не могу, но даже не имѣю у себя собственнаго жилища, въ которомъ бы могъ съ женой и семействомъ своимъ прожить, скитаясь по чужимъ домамъ, и даже не могу снискивать для себя, жены и семейства своего дневнаго пропитанія, а поэтому, дабы поддержать семей-

---

[1]) Жур. засѣд. 30 сент. 1826 года.

[2]) Гор. арх. 1809, дѣло № 1453.

ство свое, находящееся въ столь горестномъ положеніи, хотя при истеченіи лѣтъ своихъ, покорнѣйше прошу помянутой думы до выслуги уже настоящаго года избрать на мое мѣсто другого состоятельнаго человѣка".[1])

Въ то время не легко было сложить съ себя званіе гласнаго. Весьма нерѣдко производилось разслѣдованіе о причинахъ неявки или отказа гласныхъ отъ посѣщеній думы. Очень строго слѣдили за непосѣщеніемъ думы, о чемъ увѣдомлялась полиція съ предписаніемъ о „высылкѣ гласнаго въ думу для занятія его поста". Такъ поступила дума въ 1813 году съ гласнымъ отъ рѣзницкаго цеха Яковомъ Шевченкомъ [2]).

Въ 1809 году дума вмѣстѣ съ полиціей производила разслѣдованіе, почему не посѣщаютъ засѣданій думы гласные Кириченко и Вишневецкій. Перваго даже не нашли въ городѣ, а второй былъ тяжко боленъ [3]). Въ 1819 году не посѣщали думы. Ѳедоръ Рѣшетниковъ, еврей Авраамъ Бродскій и Михайловскій. Полиція навела о нихъ справки, и оказалось, что Бродскій былъ тяжко боленъ, вмѣсто него былъ избранъ другой, а остальныхъ двухъ заставили посѣщать собранія. Полиція увѣдомила, что они „отосланы въ думу" [4]). Въ 1821 году не посѣщали думы Иванъ Полтавщенко и Михайло Миняйленко. Городская дума просила полицію выслать ихъ „надлежащимъ порядкомъ къ своимъ должностямъ"; полиція увѣдомила, что „Полтавцевъ висланъ въ думу [5]). Былъ случай, когда дума не повѣрила гласному, еврею Ицкѣ Фуксу, просившему объ увольненіи его „по приключившейся ему въ ногахъ ломотной болѣзни". Дума нашла, что Фуксъ нес раведливо уклоняется отъ возложенной на него обществомъ обязанности, отказала ему въ его просьбѣ и предложила должностъ эту „исправлять, какъ порядокъ службы сего требуетъ" [6]). Въ 1830 году гласный еврей Шлома Коповскій также не посѣщалъ засѣданій думы. Городской голова Ворожейкинъ писалъ по этому случаю полицеймейстеру Манжосу: „Гласный сей думы, еврей Шлома Коповскій, уклоняясь отъ прямой своей обязанности по одному упорству и примѣрной строптивости его характера, не только не хочетъ быть послушнымъ по долгу службы и не яв-

---

[1]) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2441.

[2]) Гор. арх. 1813 г., дѣло № 2012, жур. засѣд. 11 января.

[3]) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1376.

[4]) Гор. арх. дѣло № 2671.

[5]) Гор. арх. 1821 г. дѣло № 3110.

[6]) Гор. арх. 1829 г., № 4242, засѣд. 20 марта.

ляется въ присутствіе думы за многократными призывами через сторожа и за приглашеніями равныхъ ему лицъ, но отвѣчаетъ имъ съ дерзостью и не отдаетъ надлежащаго отчета въ сборѣ суммы при существовавшемъ подъ Полтавою перевозѣ, подъ завѣдываніемъ его бывшемъ". Полицеймейстеръ препроводилъ Коповскаго въ думу при слѣдующей бумагѣ: „Гласный думы Шлема Коповскій, сходно сообщенію оной думы, сего числа съ № 57 полученному, при семъ препровождается".[1]) Былъ случай, когда сама дума, входя въ бѣдственное положеніе гласнаго, ходатайствовала объ его увольненіи. Въ іюнѣ 1830 года гласный Вихтиченко просилъ объ увольненіи его „по одиночеству и по бѣдственному до безконечности разоренію". Не задолго до этого онъ овдовѣлъ и малолѣтнія дѣти оставались безъ присмотра; хотя въ домѣ и жила его мать, но она была въ преклонныхъ лѣтахъ. Дума все это приняла во вниманіе и ходатайствовала „на увольненіе его вовсе отъ настоящей должности".[2])

Среди гласныхъ нерѣдко были неграмотные. Въ 1819 г. такимъ оказался Колодяжный. Городской голова Илья Прокофьевъ просилъ губернское правленіе о назначеніи вмѣсто него купца Недоборскаго. Но губернское правленіе не сочло себя въ правѣ удовлетворить эту просьбу, такъ какъ этимъ нарушалось бы право избирателей. „Поелику, читаемъ въ его указѣ, Колодяжный въ должность гласнаго утвержденъ по большинству шаровъ, отправленіе жъ по думѣ дѣлъ предлежитъ болѣе попеченію и отчетности градскаго головы, то и нѣтъ надобности перемѣнять его другимъ, о чемъ и послать градскому головѣ и въ магистратъ указъ".[3]) Въ 1824 г. изъ 10 избранныхъ гласныхъ въ магистратъ и думу, 8 человѣкъ оказались неграмотными, на что обратилъ вниманіе магистратъ и, находя это неудобнымъ, рѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства. Но выборы не были кассированы и гласные остались.[4])

Списки избранныхъ гласныхъ не всегда внимательно просматривались губернскимъ правленіемъ. Въ 1819 г. вступилъ въ званіе гласнаго Акимъ Михайловскій и послѣ пяти мѣсяцевъ губернское правленіе нашло, что Акимъ Михайловскій неправильно зачисленъ и предписало указомъ думѣ „оставитъ Михай-

---

[1]) Гор. арх. 1830, № 4565.

[2]) Гор. арх. 1830, № 4382, жур. засѣд. 21 іюня.

[3]) Гор. арх. 1819, дѣло № 2792, ук. Губ. Правленія № 35549.

[4]) Гор. арх. 1824, дѣло № 3635, жур. засѣд. 8 февраля.

ловскаго свободнымъ отъ званія гласнаго“ и вмѣсто него назначить Недоборскаго. [1])

Дѣлопроизводство въ думѣ было въ очень дурномъ состояніи, особенно въ первую половину разсматриваемаго періода.

Причиной этому была отчасти малая ассигновка на содержаніе канцеляріи. Всего отпускалось 576 р. 94½ к., изъ которыхъ 300 р. получалъ секретарь, остальные расходовались на наемъ писцовъ, отопленіе, освѣщеніе, канцелярскія принадлежности и т. п. А работы было много, особенно по планировкѣ города, по перепискѣ по этому поводу съ землемѣромъ, губ. правленіемъ и т. п. Немудрено, что дѣлопроизводство велось небрежно, съ крайнимъ опозданіемъ рѣшенія дѣлъ по многимъ вопросамъ, особенно при господствовавшемъ въ то время канцелярскомъ обычаѣ писать цѣликомъ, при рѣшеніи того или другого вопроса, получаемыя бумаги, указы, отношенія и т. п. Первые два секретаря управы Полонецъ и Гавриленко были удалены кн. Лобановымъ-Ростовскимъ отъ должности. Первый изъ нихъ не сдалъ дѣлъ и даже захватилъ ключи отъ шкафовъ, гдѣ они хранились, и думѣ пришлось нѣсколько разъ обращаться къ содѣйствію полиціи, чтобы она, „непріемля отъ него никакихъ изговоровъ, выслала бы его немедленно въ думу для приведенія въ довлѣемый порядокъ оставленныхъ имъ безъ описи дѣлъ.[2]) Полиція много разъ пыталась заставить Полонца отправиться для занятій въ думѣ, но тщетно. Впрочемъ, Полонецъ скоро умеръ. Преемникъ Гавриленка, смѣненнаго Лобановымъ-Ростовскимъ, не былъ удаленъ, а самъ бѣжалъ. Въ 1818 году губернское правленіе оштрафовало его 10-ю рублями за слишкомъ позднее составленіе рапорта, о чемъ опубликовало его по всей губерніи, какъ было въ обычаѣ того времени.[3])

Не мало было заботъ у думы заставить Городниченка, занявшаго мѣсто послѣ Гавриленка, привести дѣла въ лучшій порядокъ. На предписаніе объ этомъ губернскаго правленія Городниченко отвѣтилъ, что онъ „ни почему не имѣетъ обязанности, да и самой возможности не предвидится, по неимѣнію въ думѣ канцелярскихъ служителей“, и обѣщался заняться только въ томъ случаѣ, если городской голова Ив. Ми-

---

[1]) Гор. арх. 1819, дѣло № 2766.

[2]) Гор. арх. 1811, дѣло № 1798.

[3]) Гор. арх. 1818, дѣло № 2670, указъ губ. правл. № 22702.

хайловскій сдержитъ свое обѣщаніе заплатить ему 150 р. А такъ какъ Михайловскій не выполнилъ своего обѣщанія, а „дума не возъимѣла старанія объ исходатайствованіи на отпускъ суммы, то онъ и не приступилъ къ упорядоченію дѣлопроизводства“. Губернское правленіе нашло, что у секретаря достаточно свободнаго времени, и поставило ему на видъ его объясненіе „съ грубыми выраженіями“. Помимо этого, губернское правленіе предписало думѣ: „если Городниченко не обратится съ лучшею дѣятельностью къ отправленію своей должности и къ приведенію въ порядокъ дѣлъ, по замѣченной въ немъ думою лѣности и нерадѣнію, то подвергнетъ себя неминуемому взысканію и отрѣшенію отъ должности“.[1]) Быть можетъ лѣнь, а съ другой стороны и невозможность привести дѣла, за недостаткомъ времени, побудили его сбѣжать съ этой должности. Губернское правленіе послало ему указъ составить отчетъ за 1819 годъ. Въ отвѣтъ Городниченко подалъ слѣдующее, не лишенное интереса, заявленіе: „Признаюсь съ немалымъ прискорбіемъ для себя въ откровенности въ нижеслѣдующемъ, прося на все сіе благоуваженія, что оныхъ отчетовъ сочинить не въ состояніи, не имѣя уже столько знанія, сколько потребно онаго къ соображенію съ тѣми формами, какія существуютъ на правильное сочиненіе сихъ отчетовъ и къ тому, чтобы узнать, изъ какого рода суммы объяснить. Сіи причины не были ни мною, и никѣмъ доведены до свѣдѣнія начальства, почему уповательно и вышеясненный указъ воспослѣдовалъ, однако жъ истинно наиболѣе меня побудили еще въ прошломъ въ 1819 г. подать прошенія: въ іюнѣ въ городскую думу, а въ октябрѣ его сіятельству г. малороссійскому военному губернатору просить самоскорѣйшаго увольненія отъ должности секретаря думы на тотъ конецъ, чтобы тѣмъ недопустить къ сочиненію отчетовъ, какъ до дѣла, къ которому до того еще совершенно на отчеты нашелъ себя не склоннымъ; но причины или винности моей ни малѣйшей нѣтъ тому; за всѣми тѣми тремя прошеніями и даже за воспослѣдованіемъ отъ его сіятельства полтавскому губернскому правленію предложеніемъ, чтобы я былъ въ три дня уволенъ, задержанъ при той моей должности до прошедшаго декабря. Слѣдственнно, по всѣмъ симъ обстоятельствамъ не повиненъ и не въ силахъ я заняться сочиненіемъ отчетовъ, какихъ сдѣлать совершенно такъ не въ состояніи, что всякое за-

---

[1]) Гор. арх. 1816, дѣло № 2138, указъ губ. правл. № 3162.

нятіе оными останется тщетнымъ и напрасно отвлечетъ меня отъ издачи дѣлъ, которыя я обязанъ издать въ скоромъ времени и которые черезъ такову неиздачу секретарю думы могутъ растратиться, а черезъ все то воспослѣдуетъ напрасное задержаніе меня въ Полтавѣ, могущее привесть меня съ семействомъ, при моемъ недостаточномъ состояніи, къ совершенному разоренію". Въ заключеніе, онъ привелъ указъ императрицы Екатерины II, гдѣ сказано: „а Ея Императорское Величество не взыскиваетъ ни отъ кого, сверхъ его возможности, но желаетъ, чтобы каждый трудился по собственной силѣ и способности, а ежели кто найдетъ себя не склоннымъ къ возложеннымъ на него дѣламъ, то всякому всемилостивѣйшее Ея Величества снисхожденіе неотъемлемо и каждый можетъ просить къ службѣ такого мѣста, къ которому находитъ силы уравнены". Это откровенное признаніе не удовлетворило думу, она нашла въ этомъ объясненіи „недѣльныя изговорки" и предписала Городниченку сдать всѣ дѣла въ недѣльный срокъ, о чемъ извѣстила и полицію. „Ежели окажется, писала дума полиціи, самомалѣйшая уклонность, то, по извѣщеніи сей думы, обязана оная полиція употребить всю законную строгость, чтобы онъ не занимался ничѣмъ другимъ, какъ отчетами". Рѣшено было запретить ему выѣзжать изъ города, но все напрасно!.. Такъ Городниченко и не сдалъ дѣлъ и не представилъ отчета, что уже было поручено замѣстителю его, А. А. Бильбасову. При немъ дѣлопроизводство значительно улучшилось. Бильбасовъ началъ службу въ 1810 году въ Константиноградской полиціи, откуда въ 1813 году перешелъ на службу въ канцелярію „по части водворенія въ Константиноградѣ иностранныхъ фабрикантовъ". Съ февраля 1820 года, по предложенію кн. Рѣпнина, занялъ мѣсто секретаря полт. думы. Онъ вскорѣ хотѣлъ оставить эту должность, въ силу большой переписки и недостатка писцовъ, но городской голова Зеленскій упросилъ его остаться, обязуясь платить ему 300 р., да нанять еще трехъ писцовъ по 250 р. и 300 р. То же самое дѣлалъ и преемникъ Зеленскаго, Чубенко. Бильбасовъ былъ, несомнѣнно, большой труженикъ, относившійся къ дѣлу „по душѣ", какъ писали въ то время. Его цѣнили въ думѣ, цѣнилъ его и Репнинъ. На сколько довѣрялъ ему князь, видно изъ того, что онъ назначилъ его въ помощь магистру при разборѣ дѣла объ убійствѣ евреями подъ Гадячемъ 5 человѣкъ „молочанскихъ менонитовъ". Онъ сохранилъ за собой и секретарство въ думѣ, но черезъ годъ долженъ былъ на время отказаться, такъ какъ слиш-

комъ много было занятій при разслѣдованіи этого убійства; дѣло заключало въ себѣ слишкомъ 8 тысячъ листовъ.[1]) Въ 1829 г. онъ задумалъ выйти въ отставку по болѣзни, но губернское правленіе не согласилось на его увольненіе впредь до исправленія имъ неточностей въ означенномъ слѣдствіи, замѣченныхъ генеральнымъ судомъ.[2]) Въ 1831 г. Бильбасовъ получилъ мѣсячный отпускъ, но, пробывъ въ отпускѣ двѣ недѣли и узнавъ о развивающейся эпидеміи холеры въ Полтавѣ и о смерти отъ нея магистратскаго секретаря Булановскаго, явился на службу. „За таковое усердіе къ службѣ“ дума изъявила ему совершенную признательность.[3]) Въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года Репнинъ назначилъ его секретаремъ совѣстнаго суда. По просьбѣ думы, онъ оставилъ за собой секретарство, впредь до пріисканія ему замѣстителя, которымъ былъ С. Бильбасовъ, вѣроятно, его братъ.[4]) Послѣдній пробылъ до осени 1833 года, когда его смѣнилъ Педченко-Андреенко.

Губернское правленіе не находило нужнымъ увеличить штатъ служащихъ въ городской управѣ, хотя назначило ревизію ея. Ревизоромъ былъ совѣтникъ перваго департамента генеральнаго суда Никифоровъ. Результатомъ ревизіи было прикомандированіе трехъ чиновниковъ изъ другихъ повѣтовыхъ присутственныхъ мѣстъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ, запущенныхъ до вступленія въ должность Бильбасова [5]). Городская дума согласилась съ ревизоромъ о необходимости увеличенія штата служащихъ и прибавки имъ содержанія. Всего по разсчету необходимо было 2940 р. Въ частности, секретарю прибавлено 500 р., двумъ повытчикамъ—600 р., писцу—400 р., архиваріусу, онъ же журналистъ—400 р.[6]) Всѣ эти соображенія о расширеніи канцеляріи дума порѣшила представить начальству. Надо замѣтить, что прибавка исчислена въ той суммѣ, какая была проектирована при Лобановѣ-Ростовскомъ. Тогда эту прибавочную сумму предполагалось раздѣлить по числу купеческихъ капиталовъ и мѣщанскихъ ревизскихъ душъ; но этотъ способъ изысканія средствъ не былъ одобренъ начальствомъ и потому прибавка не состоялась. Но и

---

1) Гор. арх. 1829, дѣло № 4240 и 4247.
2) Гор. арх. 1829, дѣло № 4299.
3) Гор. арх. 1831, дѣло № 4603, жур. засѣд. 1 іюля.
4) Гор. арх. 1831, № 4502, жур. засѣд. 1 іюля.
5) Гор. арх. 1826, № 3906. журн. засѣд. 1 іюля.
6) Гор. арх. 1827, дѣло № 4076, журн. засѣд. 1 сент. и 22 декабря.

теперь проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ 1834 г. дума ходатайствовала о прикомандированіи чиновника для занятій въ думѣ, но губернское правленіе отказало. „При усердномъ занятіи секретаря, писало губернское правленіе, можно привесть дѣла въ порядокъ безъ постороннихъ, къ тому, по особой и излишней переписки, навлекающей только затрудненія начальству". Такъ губернское правленіе даже обидѣлось, что его дума затрудняетъ своей просьбой.[1]).

ГЛАВА IV.

Бюджетъ города—приходъ. Расходъ городскихъ суммъ на нужды, чуждыя городу. Винный откупъ, число шинковъ, цѣна за вино. Скатная бочковая площадь. Постройки и пріемъ ихъ думой. Герберги. Домогательства мясниковъ повысить цѣны на мясо. Ярмарки и эксплоатація площадей. Неопредѣленные городскіе доходы. Правила торговли 1812 и 1824 гг. Статистика купцовъ. Жалоба ихъ. Торговая депутація. Воспрещеніе торговать въ городѣ захожимъ венгерцамъ.

Бюджетъ города въ разсматриваемый періодъ, начиная съ 1808 года, постепенно возрасталъ, что было естественно въ виду роста населенія города и развивающихся потребностей. Въ 1808 году онъ достигалъ всего 40407 р. 90 к. асс., а въ послѣдній годъ генералъ-губернаторства Репнина, въ 1834 году, онъ возросъ до 75 тысячъ. Прежде чѣмъ коснуться подробностей городского бюджета, замѣтимъ, что весьма нерѣдко, по приказанію администраціи, городскія средства расходовались на нужды, ничего общаго не имѣвшія съ интересами города. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Во время эпидеміи холеры въ 1831 году былъ приглашенъ для борьбы съ нею въ золотоношскомъ уѣздѣ врачъ Коляда изъ слободско-украинской губерніи (съ 1837 г. харьковская) съ платою по 3 р. въ сутки, и деньги были уплачены изъ городскихъ средствъ.[2]) Кобелякскому землемѣру нужно было исправить астролябію, и губернское правленіе предписало полтавской думѣ уплатить за починку 25 р.[3]) Въ мѣстечкѣ Опошнѣ была учреждена должность смотрителя съ жалованьемъ 350 р., и деньги на это уплачивались изъ тѣхъ же городскихъ средствъ.[4]) Въ тюремномъ

[1]) Гор. арх. 1834, дѣло № 4841, жур. засѣд. 1 августа.
[2]) Гор. арх. 1831, № 4512, жур. засѣд. 1 октября.
[3]) Гор. арх. 1830, дѣло № 4389, жур. засѣд. 25 августа 1890.
[4]) Гор. арх. 1830, дѣло № 4396.

замкѣ въ 1830 г. была устроена церковь и первому священнику ея, Андрею Смородскому, Репнинъ назначилъ жалованье 150 р. изъ городскихъ средствъ[1]), а спустя годъ было назначено изъ городскихъ доходовъ жалованье причту, дьячку 100 р., пономарю 50 р., и въ томъ же году для этого храма были пріобрѣтены думой два колокола. [2]) Въ Срѣтенскомъ храмѣ образовалась трещина; дума получила предписаніе исправить ее, на что издержано 96 р. 40 к.[3]) Въ 1822 году губернаторъ предписалъ думѣ уплатить 300 р. за взятые имъ въ лавкѣ бумагу, сургучъ.[4]) Въ 1833 году Репнинъ предписалъ выдать на канцелярію губернатора 1000 р.[5]) Такихъ примѣровъ можно представить очень много. Но все это были, сравнительно, мелкіе расходы, а случались и очень крупныя траты. Такова, наприм., была уплата за деньги, взятые изъ заемнаго банка, въ суммѣ 150000 р., съ расплатою на 20 лѣтъ, изъ 6°/о годовыхъ. Изъ этого капитала было издержано на постановку памятника въ Александровскомъ саду 35087 р., а остальныя истрачены на устройство мостовой въ Нѣжинѣ и прорытіе русла рѣки Остра, въ черниговской губерніи.[6]) По приказанію губернскаго правленія, городъ часто ассигновывалъ суммы на правительственныя учрежденія, получавшія на свое содержаніе средства отъ казны. Такъ, еще кн. Куракинымъ была учреждена при губернскомъ правленіи экспедиція для завѣдыванія постройками. Дума уплачивала ей сначала по 666 р., затѣмъ сумма эта была увеличена до 1000 р., а послѣ закрытія этой экспедиціи дума вносила на содержаніе губернскаго правленія, съ 11 ноября 1817 года, по 3655 р. 45 к. въ годъ.[7]) Въ 1814 году было предписано думѣ вносить на канцелярію губернскаго прокурора по 374 р. 15 к., а затѣмъ сумма эта была увеличена до 500 р. Былъ случай, когда на нужды города Полтавы расходовались суммы, высланныя ратушами и городскими думами уѣздныхъ городовъ полтавской губерніи. Это было въ 1818 году, когда изъ уѣздовъ было получено 12200 р. Эти средства Репнинъ употребилъ на устройство городского сада, расширеніе его черты,

---

[1]) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4396.
[2]) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4482.
[3]) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1468.
[4]) Гор. арх. 1822 г., дѣло № 3325.
[5]) Гор. арх. 1833 г., дѣло № 4670, жур. засѣд. 4 февраля.
[6]) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1441.
[7]) Гор. арх. 1817, ук. губ. правл. № 9497.

вырытіе въ немъ пруда, превратившагося нынѣ въ болото, расчищеніе бугровъ и насыпей, быть можетъ, остатковъ укрѣпленій послѣ осады Полтавы шведами въ 1709 году[1]). Эти данныя указываютъ, что администрація вполнѣ распоряжалась суммами городскихъ думъ и употребляла ихъ на нужды, не связанныя въ большинствѣ случаевъ съ интересами города.

Обратимся теперь къ самому бюджету. Въ числѣ неизмѣнныхъ приходныхъ статей было полученіе отъ казны за владѣніе крестьянами деревень, нѣкогда принадлежавшихъ Полтавѣ; по этой статьѣ городъ получалъ 2294 р. ежегодно. Самой выгодной статьей дохода былъ винный откупъ, приносившій съ 1808 года по 1813 годъ ежегодно около 20000 р., а иногда немного болѣе; но съ 1813 г., когда откупъ перешелъ во владѣніе казны, городъ получалъ изъ мѣстнаго казначейства 52 тыс. съ небольшимъ, а съ 1823 года до 55 тыс., съ небольшими колебаніями. Эта статья прихода равнялась большей половинѣ городского бюджета; она носила названіе: „за винную, пивную и медовую продажу". Шинковъ въ городѣ было достаточно, даже, пожалуй, больше, чѣмъ нужно, если принять во вниманіе количество населенія въ первое десятилѣтіе прошлаго вѣка. Въ 1810 г. ихъ было 58, выпито въ нихъ 11589 вед. водки, всего на сумму 46882 р.[3]).

Имѣются данныя, дающія возможность судить о томъ, какія напитки были употребляемы сто лѣтъ назадъ. Въ 1807 году было продано горячаго вина 9857 в. 5 кв., водки передвоенной на разныя специи 187 в. 3 кв., сладкой сахарной разныхъ сортовъ—37 в. 1 кв., наливки на травы (Ерофѣичъ)—63 в. 5 кв., наливки на разныя ягоды—78 в. 1 кв. Напитки холодные: меду питнаго—1150 в., пива кабацкаго—400 в., полпива—700 в., пива на манеръ аглицкаго—30 кв. и портеру—35 кв.[4]). Въ 1810 г. за 9 мѣсяцевъ было выпито: 7470 в. вина, ординарной водки—118 в., полынной—56 в., сладкой—27 в., наливки—67 в.,пива 670 в., полпива—715 в. и меду—715 в.[5]). Цѣны водкамъ и др. напиткамъ были слѣдующія: орди-

---

[1]) Гор. арх. 1818, дѣло № 2634. Константиноградская ратуша выслала 213 р., лохвицкая дума 2000 р,, пирятинская 500 р., золотоношская 787 р., зѣньковская 1905 р., гадячская 2295 р., миргородская 1590 р. и т. под.

[2]) См. объ этомъ I вып. „Полтава въ началѣ XIX ст.", стр. 44—45.

[3]) Гор. арх. 1810 г., дѣло № 1575.

[4]) Гор. арх. 1808, дѣло № 1196.

[5]) Гор. арх. 1810, дѣло № 1575.

нарная—8 р. асс. ведро, Ерофѣичъ—6 р., пиво—1 р. 20 к., медъ—1 р., сладкая водка—12 р., наливки—6 р., полпива ведро—1 р. 20 к.[1]).

Другой крупной статьей городского бюджета былъ доходъ отъ такъ называемой „скатной площади", иначе называемой „винной бочковой площадью". Она помѣщалась на нынѣшнемъ Новоселовскомъ базарѣ. Называлась она такъ потому, что здѣсь былъ складъ бочекъ съ водкой, откуда ее продавали для трактировъ, шинковъ. Питейная контора (нынѣшнее акцизное вѣдомство) взимала въ казну по 1 р. съ бочки, такую же цѣну взималъ и городъ. Чаще всего эта площадь отдавалась на откупъ, если же эксплоатировала ее сама дума, то доходъ былъ незначителенъ. Въ 1808 г. площадь, отданная „въ откупъ", дала доходъ городу въ 3503 р., но съ 1812 г. охотниковъ арендовать ее не было, и городъ получалъ всего нѣсколько сотъ рублей. Почему такъ понизилась арендная плата, мы не знаемъ; быть можетъ, недобросовѣстное или небрежное веденіе дѣла было тому причиной. Съ 1824 года возстановляется почти прежняя арендная плата за скатную площадь—2200 р. Въ 1811 году дума получила ничтожный доходъ, чему причиной было вымогательство чиновъ питейной конторы. Въ мартѣ мѣсяцѣ, къ удивленію гласныхъ, на площади не оказалось однажды ни одной бочки вина. По разслѣдованіи дѣла выяснилось, что питейная контора, взимавшая въ казну по 1 р. налога, столько же требовала и въ свою пользу. Это вымогательство повело къ тому, что владѣльцы бочекъ съ виномъ вывезли ихъ за городъ и близъ с. Супруновки образовали „скотную площадь". Дума объ этомъ довела до свѣдѣнія губернатора, которымъ были приняты мѣры къ искоренію этого взяточничества[2]).

Кн. А. Б. Куракинъ, какъ мы знаемъ, много заботился о благоустройствѣ города. Онъ изыскивалъ доходныя статьи и съ этою цѣлью были, по его приказанію, устроены кузницы, 10 каменныхъ будокъ, съѣзжія избы и трактиръ. Устроены были эти зданія экспедиціей при губернскомъ правленіи на счетъ комитета въ 400 тыс. р., отпущеннаго по высочайшему повѣленію кн. Куракину для устройства присутственныхъ мѣстъ, богоугодныхъ заведеній и др. какъ въ Полтавѣ, такъ и въ губерніи. Израсходованныя суммы городъ долженъ былъ уплатить съ разсрочкою въ нѣсколько лѣтъ. Кузница обошлась въ 10182 р. 88 к., двѣ хар-

---

1) Гор. арх. 1809, дѣло № 1412.

2) Гор. арх. 1811 г., дѣло № 1766.

чевни въ 9600 р. 60 к., съѣзжія избы—7967 р. 15 к., станціонный дворъ—6886 р. 34 к., трактиръ—12182 р. и 10 каменныхъ будокъ въ 2183 р. Сохранились данныя, какъ строились эти зданія. Въ 1810 г. губернское правленіе предписало думѣ назначить кого-либо изъ гласныхъ для пріема 10-ти каменныхъ будокъ. Губернское правленіе командировало чиновника Байкова для сдачи ихъ городу, а дума назначила гласнаго Ивана Михайловскаго. При осмотрѣ этихъ будокъ, не оказалось стеколъ въ рамахъ, запоровъ, заслонокъ у печей; наружныя двери были очень коротки, всѣ будки, притомъ, не были оштукатурены, какъ это слѣдовало по смѣтѣ. Михайловкій отказался подписать актъ о пріемѣ ихъ, а составивъ подробное описаніе сдѣланнаго осмотра, донесъ объ этомъ думѣ. Интересенъ отвѣтъ губернскаго правленія. Оно нашло, что опись по пріему подписана только однимъ гласнымъ Михайловскимъ и описаніе неисправностей сдѣлано „нерезонно, потому что описаніе и пріемъ нужно было сдѣлать вмѣстѣ съ чиновникомъ экспедиціи, при соблюденіи чего и не нашлось бы неисправностей, ибо упоминаемыя думою вещи не наличными, какъ то: дверки, полудверки и проч. имѣются въ готовности, но только не приправлены для того, что при караульняхъ нѣтъ сторожей, а черезъ то и не было бы кѣмъ похищено; приправить все въ то время, когда дѣйствительный пріемъ оныхъ со стороны думы будетъ, дано приказаніе отъ экспедиціи смотрителю Клименкову. Но губернское правленіе скрыло отсутствіе штукатурки, короткія двери и др. недостатки, а предписало думѣ принять эти будки въ свое вѣдѣніе. Но дума отвѣтила, что она готова это сдѣлать при условіи приведенія этихъ будокъ „въ исправный видъ“. Губернское правленіе вторично предписало думѣ принять ихъ, что ей и осталось исполнить, какъ учрежденію вполнѣ подчиненному губернскому правленію[1]).

Годомъ раньше, тотъ же гласный Ив. Михайловскій осматривалъ построенный той же экспедиціей каменный трактиръ и также не принялъ его, такъ какъ нашелъ течь въ крышѣ. Губернское правленіе предписало принять, исправивъ замѣченныя дефекты въ постройкѣ. По смѣтѣ на постройку трактира ассигновано было 11802 р., но на дѣлѣ стоимость его, какъ это часто бываетъ съ архитекторскими смѣтами, возросла до 12182 р. 37 к.[2]) Одинъ изъ трактировъ, построенныхъ экспедиціей, былъ на отку-

[1]) Гор. арх. 1810, дѣло № 1563.

[2]) Гор. арх. 1809, дѣло № 1387.

пѣ у князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Встрѣтить арендаторомъ трактира человѣка съ княжескимъ титуломъ было большою рѣдкостью, особенно для того времени[1]). Помимо трактировъ были еще герберги, замѣнявшіе нынѣшнія гостиницы. Городъ имѣлъ 9 герберговъ; это число для Полтавы было велико, чѣмъ и возможно объяснить, что не всегда они были отдаваемы на откупъ. Въ 1814 году не нашлось ни одного арендатора[2]). Въ 1808 г. за всѣ 9 герберговъ дума получила 810 р. асс.[3]), Въ этомъ году содержателями ихъ были Иващенко и Пономаревъ. Купцы Деторъ и Кобзаревъ открыли у себя тайную продажу виноградныхъ винъ „мелочною роспивочною продажею". Это было подрывомъ для содержателей герберговъ и они подали въ думу жалобу. Иващенко писалъ, что нанялъ 11 служителей, купилъ на „знатную сумму напитки, посуды и билліарды" и просилъ „по неустоемому отъ думы контракту освободить его отъ платежа, и по законному порядку увольнить его, дабы черезъ сіе не прійтить мнѣ въ крайнее разореніе". Дума черезъ полицію запретила Детору и Кобзареву продажу виноградныхъ винъ[4]). Арендная плата за герберги постоянно колебалась, да и не всѣ они, несмотря на постоянную публикацію по всей губерніи, были на откупѣ. Въ 1819 г. были наняты только три герберга, за 250 р. Выше арендной цѣны въ 810 р. въ разсматриваемый періодъ не было. Въ 1816 году думой были изданы правила содержанія этихъ герберговъ. „Покои въ оныхъ гербергахъ—читаемъ въ этихъ правилахъ—имѣть въ порядкѣ, полы должны быть устланы пескомъ или травой, и притомъ службы необходимыя были бы безъ недостатка; имѣть въ услугахъ мужчинъ и женщинъ добраго поведенія". Въ гербергахъ разрѣшалась продажа винъ виноградныхъ, французскихъ, аглицкихъ, полпива, а также имѣть чай, кофе, шеколадъ и курительный табакъ[5]). За продажу въ гербергахъ, а также и въ трактирахъ, спиртныхъ напитковъ, городъ уплачивалъ въ казну 68 р. 66 к. въ годъ[6]). Съ арендаторами герберговъ дума всегда заключала условія, за которыя была отвѣтственна передъ

---

1) Гор. арх. 1814, дѣло № 2179.
2) Гор. арх. 1814, дѣло № 1957.
3) Гор. арх. 1809, дѣло № 1231.
4) Гор. арх. 1808, дѣло № 1239.
5) Гор. арх. 1816 г., дѣло № 2288. журн. засѣд. 22 января.
6) Гор. арх. 1814 г., дѣло № 2223. Весь налогъ на полтав. губернію былъ 840 р., наиболѣе платили Ромны—133 р. 60 к., Кременчугъ—127—33, наименѣе Миргородъ—9 р. 12 к.

губернскимъ правленіемъ. Былъ случай, когда ей пришлось отвѣтить по суду. Генеральный судъ второго департамента въ 1827 г. присудилъ съ бывшаго городскимъ головою Ильи Прокофьева и съ гласныхъ Янченка, Соколова и Соловья за одинъ гербергъ, отданный въ 1819 г. Ивану Лубенскому, 282 р. 19 к. Въ чемъ состояла вина ихъ, къ сожалѣнію, изъ журнала засѣданія не видно[1]).

Въ 1821 году, 14 марта, было издано высочайшее повелѣніе о взиманіи съ учреждаемыхъ гостиницъ 100 р. акциза въ годъ, съ рестораціӣ и харчевень—75 р., съ кофейныхъ домовъ—50 р. Доходъ этотъ шелъ въ пользу города[2]).

Помимо герберговъ, городъ имѣлъ двѣ харчевни, за которыя получалъ 600 р., а въ 1830-хъ годахъ цѣна на нихъ пала, что можно объяснить появленіемъ въ городѣ лучшихъ трактировъ и гостиницъ. (Герберговъ уже не было).

Постояннымъ доходомъ, притомъ неизмѣннымъ, былъ доходъ съ „мясныхъ, соляныхъ, рыбныхъ лавокъ и скотобойни“. Въ 1808 году этотъ доходъ составлялъ 422 р., а затѣмъ 542 р. и эта цифра остается неизмѣнной въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода. Лавки эти помѣщались на „гостинномъ дворѣ“, около нынѣшней Спасской церкви. Построенъ онъ былъ, по мысли Куракина, въ 1807 году. Администрація особенно внимательно слѣдила за продажею мяса и не позволяла мясникамъ продавать выше положенной таксы, а между тѣмъ, по мнѣнію мясниковъ, такса эта была низка и они то и дѣло просили о ея повышеніи. Въ 1808 г. такса на мясо была: фунтъ 1-го сорта—5 к. асс., 2-го сорта—$4^1/_2$ к. асс.[3]). Затѣмъ цѣны на мясо постепенно повышаются и въ 1816 году фунтъ 1-го сорта стоилъ 12 к., второго—8, третьяго—4 к. Но продажа по этой таксѣ, въ виду дороговизны скота, была для мясниковъ убыточна, и мясники въ томъ же году подали отъ всего мясницкаго цеха просьбу объ увольненіи ихъ „навсегда отъ занятія мясницкимъ промысломъ“, въ виду его убыточности.

Дума просила ихъ не оставлять столь нужнаго промысла и воспретила продажу мяса въ другихъ мѣстахъ, кромѣ городскихъ лавокъ[4]). Губернское правленіе, куда перешло это дѣло,

---

1) Гор. арх. 1827 г., дѣло № 4070, журн. засѣд. 10 августа.
2) Гор. арх. 1822 г., дѣло № 3357.
3) Гор. арх. 1808, дѣло № 1300.
4) Гор. арх. 1816, дѣло № 2326, журн. сасѣд. 19 марта.

стало на формальную точку зрѣнія и подтвердило думѣ, что торгъ мясомъ и другими предметами первой необходимости по закону долженъ производиться такъ, „дабы корысть въ торговлѣ никакого мѣста не имѣла, о чемъ полиція должна слѣдить всемѣрно"[1]). Кн. Репнинъ, заинтересованный этимъ дѣломъ и не желавшій допустить увеличенія таксы, захотѣлъ на опытѣ убѣдиться, насколько были правы мясники въ своей жалобѣ. Онъ предписалъ совѣтнику губернскаго правленія и члену приказа общественнаго призрѣнія, вмѣстѣ съ думой, заняться нѣкоторое время продажею мяса, имѣя цѣлью удешевить его. Были созваны члены мясницкаго цеха, которымъ и былъ представленъ этотъ указъ генералъ-губернатора. Отъ цеха было избрано три лица, которыя вмѣстѣ съ избраннымъ думой полтавскимъ обывателемъ Павломъ Заболотькомъ, „яко опытнымъ въ знаніи скотины жирной отъ худой", были командированы въ кобелякскій уѣздъ для покупки скота. Скотъ былъ купленъ, сдѣлали пробу продажи мяса по существующей таксѣ, и оказался въ итогѣ убытокъ. Тѣмъ не менѣе кн. Репнинъ предписалъ думѣ озаботиться пониженіемъ таксы на мясо. Дума пригласила мясниковъ и, соединивъ ихъ „въ совмѣстную торговлю", назначила слѣдующую таксу: 1 сортъ—12 к., второй—7 к. Дума дала въ займы рѣзникамъ 4000 р. срокомъ на два мѣсяца. Кн. Репнинъ утвердилъ это постановленіе думы[2]).

Эта субсидія не удовлетворила цеха и онъ вскорѣ же опять просилъ думу о повышеніи таксы, но теперь дума послала указъ мясникамъ, „чтобы съ недѣльными прошеніями воздержались затруднять начальство"[3]). Прошло три года, и мясники въ 1820 году опять жалуются на низкую таксу, отъ которой они будтобы потерпѣли разорительные убытки, и просятъ о повышеніи перваго сорта до 14 к. за фунтъ. Но губернское правленіе предписало, въ видахъ провѣрки, купить двухъ быковъ и сдѣлать пробу, что и было исполнено думой. Такса осталась прежняя[4]). Черезъ годъ опять жалоба. Дума пригласила мясниковъ въ засѣданіе, гдѣ имъ были прочитаны 235 и 272 пункты „устава благочинія" и обѣщано было вызвать на мѣсто ихъ мясниковъ изъ другихъ го-

1) Гор. арх. 1816, дѣло № 2342.

2) Гор. арх. 1817, дѣло № 2445.

3) Гор. арх. 1817, дѣло № 2477, жур. засѣд. 29 августа.

4) Гор. арх. 1820, дѣло № 2285.

родовъ[1]). Въ 1822 г. мясники вновь жалуются на свое разореніе, но и теперь въ ихъ просьбѣ о повышеніи таксы было отказано. Губернское правленіе не нашло таксу низкой и предписало впредь торговать по установленнымъ цѣнамъ; въ случаѣ же упорства и несогласія кого-либо продавать по этимъ цѣнамъ и „не по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, а по однимъ корыстолюбивымъ видамъ, то, удаливъ таковыхъ отъ дѣла навсегда, яко вредныхъ общей пользѣ и выгодѣ корыстолюбивцевъ, поступить съ ними по 235 и 272 пунк. устава благочинія и вызвать путемъ публикаціи на мѣсто ихъ другихъ“[2]). Такимъ образомъ, несмотря на домогательства мясниковъ, прежняя такса оставалась неизмѣнной до 1825 года, когда она была понижена: 1 сортъ 9 к., второй—6 к. и третій—4 к., что объясняется дешевизной скота; за пару быковъ въ томъ году платили 90 р.[3]). Въ 1834 г. цѣна на мясо понизилась до 8 к.[4]). Это пониженіе цѣнъ объясняется недородомъ въ полтавской губерніи; начался онъ въ 1825 году, а въ 1833 г. былъ страшный голодъ; а при неурожаяхъ вообще скотъ бываетъ очень дешевъ.

Всѣ мясники, принадлежавшіе къ цеху, вносили въ ремесленную управу отъ 8 до 10 р. ежегодно. Въ 1829 г. введенъ былъ налогъ и для мясниковъ-евреевъ,—по 10 р. въ годъ[5]).

Въ гостинномъ дворѣ, помимо мясныхъ, рыбныхъ и соляныхъ лавокъ, были и другія, принадлежавшія городу и отдаваемыя имъ на откупъ. Площадь для гостиннаго двора была выравнена еще въ 1808 г., когда и приступили къ постройкѣ лавокъ. Устройство этой площади, по вычисленію землемѣра Акимова, обошлось въ 112 р. 80 к. Необходимо было очистить ее отъ пней, вырубить деревья, что указываетъ на существованіе здѣсь лѣса. Площадь эта простиралась отъ нынѣшней Спасской церкви церкви до собора и называлась Сампсоніевской [6]). На этой площади экспедиція построила въ 1808 г. „шахвы“ для продажи печенаго хлѣба и въ этомъ же году передала ихъ въ вѣдѣніе города. Въ 1808 г. на этой площади помѣщались 52 торговки, платившія за мѣста по 1 р. и по 2 р. Дума однажды хотѣла повы-

1) Гор. арх. 1821, дѣло № 3087, жур. засѣд. 25 іюня.
2) Гор. арх. 1822, дѣло № 3285.
3) Гор. арх. 1825, дѣло № 3691.
4) Гор. арх. 1831, дѣло № 4490.
5) Гор. ара. 1829, дѣло № 4247, жур. засѣд. 21 іюня.
6) Гор. арх. 1808, дѣло № 1135.

сить плату за эти мѣста, но торговки рѣшительно этому воспротивилось, и дума увѣдомила губернское правленіе, что „по всѣмъ склоненіямъ думою означенныхъ промышленниковъ, они платить больше не согласились“. Шахвы эти давали небольшой доходъ, 60 р. слишкомъ [1]). Въ гостинномъ ряду торговали и черными товарами: дегтемъ, саломъ, мыломъ и др. На это дума обратила вниманіе и въ 1828 гоцу уничтожила эту торговлю. Видимо, присмотра за торговлей не было никагого. Дума замѣтила, что „разнаго рода званія, дворяне, мѣщане и разночинцы, постепенно одинъ за другимъ, располагаясь съ продажею дегтя, соли, свѣчей и т. п. на самомъ средоточіи городской площади и, выстроивши деревянныя гарбы, крайне безобразныя для вида, заняли подъ оные самые наилучшіе мѣста по собственному произволу, гдѣ кому вздумалось, и размножились въ количествѣ до того, что сближаются съ красными и бакалейными лавками и во время торговыхъ дней все подвигаются впередъ и самыя дороги со всѣхъ сторонъ стѣсняютъ до невозможности имѣть свободнаго проѣзда; сверхъ того отъ дегтя, во множественномъ числѣ сосудовъ разставленнаго, и отъ подобныхъ ему вешей происходитъ несносное зловоніе и тѣмъ стѣсняется и заряжается воздухъ“. Дума признала эти дѣйствія промышленниковъ „постыднымъ самовластіемъ“ и порѣшила перенести торговлю чернымъ товаромъ за городъ, на ярмарочную площадь,—вѣроятно, на нынѣшнюю Сѣнную, бывшую въ то время за городомъ [2]).

Помимо Сампсоніевской, были въ Полтавѣ еще площади: Петровская, Преображенская и Полтавская [3]). На этихъ площадяхъ были ярмарки, четыре раза въ годъ. Ярмарки приносили въ то время городу доходъ. Взымалось за мѣста, отдаваемыя подъ постройку лавокъ, а также взымался сборъ съ возовъ съ товарами, привозимыми на эти ярмарки. Доходъ былъ не всегда одинаковъ. Съ 1808 по 1817 г. доходъ колебался между 400 и 700 р., а въ 1818 году возросъ до 1400 р. Въ 1832—1834 г. около 1380 р. Интересенъ размѣръ обложенія на этихъ ярмаркахъ. Вотъ такса, утвержденная въ 1818 году для городовъ полтавской губерніи. За сажень земли, отдаваемый для постройки небольшой лавки, взымалось 2 р. 50 к., для торговли посудой, бакалейнымъ товаромъ—7 р., желѣзнымъ товаромъ—6 р., за продажу сбитня, квасу—

---

1) Гор. арх. 1808, дѣло № 1282.

2) Гор. арх. 1822, дѣло № 3208, жур. засѣд. 26 окт.

3) Гор. арх. 1808, дѣло № 1286.

10 р., съ шалаша для закупки хлѣба—15 р., съ воза съ красной рыбой и икрой— 5 р., съ малыхъ возовъ съ тѣмъ же товаромъ—2 р. 50 к., а затѣмъ цѣны были отъ 50 к. до 1 р. за торговлю другими продуктами; съ бочки хлѣбнаго вина, скатываемаго на площадь—1 р., съ бочки дегтя—3 р., съ загоновъ для продажи лошадей—10 р. [1]) Въ 1829 г. такса эта была нѣсколько измѣнена; такъ за возы съ деревянной посудой взымалось по 1 р., за продажу соли и мелкой рыбы также 1 р., съ возовъ черепяной посуды взымалось 2 р. 50 к., за многіе продукты цѣны вообще были понижены [2]).

Въ первые годы разсматриваемой нами эпохи сборами на ярмаркахъ завѣдывала дума, но губернское правленіе всегда предпочитало отдавать эти сборы на откупъ, т. е. въ арендное содержаніе. Самъ городской голова Черкасовъ взялъ эти площади въ аренду. Это было въ 1819 году. Въ то время было въ обычаѣ, что городскіе головы и гласные занимались городскими подрядами, всякаго рода доставками матерьяловъ для городскихъ построекъ, которыми сами и завѣдывали. Если не было желающихъ взять на откупъ извѣстное городское предпріятіе, то дума сама его эсплоатировала, и это называлось—„на вѣрѣ у самой думы". Отдача на откупъ ярмарочныхъ площадей не встрѣчала сочувствія среди купеческаго и мѣщанскаго обществъ, въ рукахъ которыхъ была торговля въ городѣ. Въ мартѣ 1814 г. губернское правленіе предписало думѣ вызвать путемъ публикаціи желающихъ взять на откупъ эти площади. Находились желающіе въ самой думѣ, городской голова Черкасовъ и гласные Чернявскій, Московченко и Недоборскій, Узнавъ объ этомъ, купеческое, мѣщанское и козачье общества обратились съ коллективнымъ прошеніемъ въ думу не отдавать этихъ площадей, а также вѣсовъ, сѣнокосную луку на откупъ, а оставить ихъ „на вѣрѣ въ думѣ". Мотивъ былъ слѣдующій: „черезъ излишніе наборы откупщиковъ можетъ быть стѣсненіе и ярмарки разстроены, между тѣмъ какъ дума помѣрно съ нихъ собирала деньги и можетъ получить свои выгоды, а ярмарки останутся увеличенными на всегда и городъ не можетъ терпѣть никакихъ нуждъ къ прокормливанію и содержанію жителей". Дума раздѣляла этотъ взглядъ, что и понятно, такъ какъ многіе изъ гласныхъ всегда готовы были взять на

---

[1]) Гор. арх. 1818, дѣло № 2520.

[2]) Гор. арх. 1829, дѣло № 4240, жур. засѣд. 1 февраля.

откупъ эти площади; но губернское правленіе предписало все-таки отдать ихъ на откупъ [1]).

Помимо указанныхъ главныхъ статей, городъ получалъ еще доходъ,—правда, незначительный,—и отъ другихъ статей. Такъ за городскіе вѣсы получалось дохода отъ 85 до 180 р. въ годъ, отъ найма город. домовъ генеральному суду, приказу общественнаго призрѣнія тоже поступалъ небольшой доходъ. Были и неопредѣленные доходы, такъ называемыя „печатныя пошлины“, т. е. пошлины, взымаемыя за совершеніе думою актовъ объ обмѣнѣ земель, о передачѣ ихъ другимъ владѣльцамъ и т. п. Пошлина эта взымалась отъ 50 к. до 1 р. Всѣ пріѣзжающіе въ городъ должны были заявлять о своемъ пріѣздѣ; не заявившій подвергался штрафу. Хозяинъ, нанявшій прислугу безъ паспорта, платилъ 2 р. Всѣ эти штрафы также поступали въ городскую кассу [2]). Въ 1831 г. полиція оштрафовала Кельмана Зеленскаго, сына бывшаго городского головы, человѣка хорошо извѣстнаго, за то, что не далъ знать полиціи о своемъ пріѣздѣ, а остановился онъ у губернскаго предводителя дворянства [3]).

Въ числѣ доходныхъ статей былъ штрафъ за бродячихъ собакъ, поступавшій въ городскую кассу. Всѣ обыватели, согласно распоряженію, должны были собакъ держать на цѣпи, въ противномъ случаѣ платили штрафъ. Но штрафы эти давали незначительный доходъ. Въ 1820 г. получено было всего 3 р. [4]), въ 1819 г.—39 р. [5]) Это распоряженіе, направленное къ уничтоженію бродячихъ собакъ, не дало желаемаго результата; бродячихъ собакъ было не мало и съ цѣлью ихъ уничтоженія, полицеймейстеръ подполковникъ Стоцкій внесъ въ думу просьбу о покупкѣ для него пороха и дроби, при чемъ обѣщался вносить получаемый штрафъ за собакъ въ городскую кассу, но дума отклонила эту просьбу „по неимѣнію предписанія отъ начальства“ [6]). Но полицеймейстеръ все таки достигъ своей цѣли. Ему было разрѣшено нанять особаго „гицеля“ за 240 р. въ годъ, на обязанности котораго было истреблять по городу собакъ „черезъ огнестрѣль-

[1]) Гор. арх. 1814 г. дѣло № 2127, жур. засѣд. 8 апрѣля и дѣло № 2223.

[2]) Гор. арх. 1814 г. дѣло № 2154.

[3]) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4157, жур. засѣд. 25 ноября.

[4]) Гор. арх. 1820 г. дѣло № 2807.

[5]) Гор. арх. 1819 г. дѣло № 2800, жур. засѣд. 12 декабря.

[6]) Гор. арх. 1824 г. дѣло № 3575.

ное оружіе“ [1]). Въ 1831 г. предписано было думѣ выдавать ежегодно по 50 р. на покупку пороха и дроби [2]).

Неопредѣленнымъ доходомъ была плата за перевозъ черезъ рѣку Ворсклу. Плата эта была установлена кн. Репнинымъ въ 1820 году. Плата была установлена высокая; такъ, за переправу экипажа съ одною лошадью взымалось 1 р., съ двумя—2 р. 50 к., съ тремя—3 р., съ пѣшаго—20 к. Воинскія команды, курьеры, проѣзжавшіе по казенной надобности, были освобождены отъ платы. Нѣсколько позже, въ 1830 году была установлена плата за перевозъ черезъ р. Рогизную (Рогизна), о которой нынѣ осталось одно только воспоминаніе. Здѣсь взымали согласно высочайшему повелѣнію 1824 г. о сборѣ за переправу въ Кременчугѣ: съ лошади въ коляскѣ и каретѣ—32 к., съ лошади въ бричкѣ и др. экипажѣ—20 к., съ верховой лошади и въ упряжи въ повозку, безъ клади—12 к., съ пары воловъ—32 к., съ бочки вина—40 к. и др.

Таковъ былъ доходъ города въ описываемую эпоху. Постараемся сдѣлать выводы на основаніи изложеннаго матерьяла. Доходъ города составлялся изъ оброчныхъ статей, изъ отдачи на откупъ торговыхъ помѣщеній, герберговъ, харчевень и т. п. Главной статьей дохода былъ винный откупъ, составлявшій во вторую половину описываемой эпохи большую половину городского бюджета. Откупъ отдавали обыкновенно на 3—4 года, а на большее число лѣтъ очень рѣдко. Сами городскіе обыватели, домовладѣльцы, не несли никакихъ налоговъ, имущественнаго обложенія не было. Сама дума весьма нерѣдко брала на откупъ многія статьи дохода, брала подряды по доставкѣ фуража для пожарныхъ лошадей, матерьяловъ для построекъ и т. под. Торговля, какъ мы сказали, была въ рукахъ купцовъ и мѣщанъ. Въ 1812 году, 29 декабря, были изданы новыя правила о торговлѣ. По этимъ правиламъ разрѣшалось крестьянскому сословію, не говоря о купцахъ, мѣщанахъ, содержать почтовыя станціи, харчевни и „упражненіе во всякихъ ремеслахъ рукодѣлья и работа—развозка дровъ, матерьяловъ, предметовъ огородничества и т. п.“. Имъ предоставлено право нанимать во время ярмарокъ лавки. Продажа же произведеній не своего издѣлія, пріобрѣтеннаго притомъ изъ другихъ рукъ на сумму свыше 2 тыс. р., составляли

1) Гор. арх. 1828 г. дѣло № 4107.

2) Гор. арх. 1832 г. дѣло № 4574, жур. засѣд. 4 марта.

промыселъ мѣщанскій и купеческій. Для торга выдавались свидѣтельства, которыя были 4 родовъ: 1) на сумму 50 тыс., за что взымалось въ казну 2500 р.; 2) на 25 тыс., взымалось 1000 р.; 3) на капиталъ 8000 р. и болѣе, со взносомъ въ казну 400 р. и наконецъ на сумму 2000 р. и болѣе, за что взымалось 2% съ объявленнаго капитала. Предписано было помѣщикамъ „наблюдать и вразумлять крестьянъ, чтобы они не производили торговли, присущей мѣщанскому и купеческому сословіямъ". Надзоръ за этимъ былъ порученъ и городскимъ думамъ. Крестьяне, поступавшіе приказчиками или коммиссіонерами, обязаны были брать свидѣтельства съ уплатою 100 р., сидѣльцы и артельщики платили 40 р. Если купецъ во избѣжаніе платежа пошлинъ „употребитъ подлогъ и будетъ у него торговать крестьянинъ подъ именемъ купца, то, по изобличеніи въ подлогѣ, сверхъ пени или штрафа, взыскивается двойная годовая подать; во второй разъ пеня удваивается, въ третій разъ, сверхъ удвоенной пени, купецъ лишается „добраго имени" [1]). Вотъ статистическія данныя за нѣкоторые годы о купцахъ и мѣщанахъ въ Полтавѣ:

Годы.	Купцы-христ.	Купцы-евреи.	Мѣщ.-христ.	Мѣщ.-евреи.
1814	25	2	43	
1815	19	3	45	
1816	20	4	43	3
1818	30		26	2
1819	31		26	2
1820	18	7	51	2
1821	23	7	18	2
1822	24	6	20	2

Число купцовъ увеличилось съ изданіемъ закона 14 ноября 1824 года. Этимъ закономъ купеческое общество дѣлилось на три гильдіи. Купцы первой гильдіи имѣли право вести оптовую внутреннюю и заграничную торговлю всякими товарами, имѣть фабрики и заводы (кромѣ винокуренныхъ), имѣть страховыя конторы, брать казенные подряды, заключать контракты и маклерскія условія на всякую сумму. Интересно, что вести розничную торговлю дозволялось купцамъ этой гильъіи только въ томъ городѣ, гдѣ они прописаны, въ противномъ случаѣ купецъ долженъ взять

---

[1]) Гор. арх. 1813, дѣло № 2030.

свидѣтельство 3 гильдіи по окладу того города. Это сдѣлано, несомнѣнно, въ виду полученія большихъ средствъ. Сумма объявленнаго капитала этой гильдіи была 50 тыс., за что вносилось гильдейскихъ пошлинъ 2200 р., да еще платили за „особый билетъ" на лавку, въ столицахъ 100 р., а въ остальныхъ городахъ—75 р. Купцы второй гильдіи пользовались почти тѣми же правами, какъ и купцы первой гильдіи, но не могли имѣть банкирскихъ и страховыхъ конторъ и торговать болѣе какъ на 50 тыс. и на эту только сумму брать казенные подряды. Купцы третьей гильдіи вели розничный торгъ, могли содержать харчевни, питейные дома, портерныя лавочки, заводы, въ которыхъ должно быть не болѣе 32 человѣкъ рабочихъ, въ противномъ случаѣ должны перейти въ высшую гильдію. Купцы второй гильдіи платили пошлинъ 880 р., а третьей — 320 р.

Правила эти коснулись и мѣщанъ, занимавшихся торговлей. Торгующій мѣщанинъ (не торгующій назывался „посадскимъ") долженъ получить свидѣтельство на право торговли. Онъ имѣлъ право имѣть одну лавку въ гостинномъ дворѣ или другомъ публичномъ зданіи или частномъ помѣщеніи, имѣлъ право содержать гостиницы, кофейные дома (такихъ въ Полтавѣ не было), харчевни, бани и т. п. Имѣть фабрики и заводы запрещалось, а если мѣщанинъ занимался какимъ-либо ремесломъ, то могъ имѣть не болѣе 8 чел. рабочихъ или соразмѣрное число мальчиковъ, полагая двухъ мальчиковъ не моложе 15 лѣтъ за одного работника. Если же желалъ имѣть болѣе работниковъ, но во всякомъ случаѣ не болѣе 16 человѣкъ, то долженъ взять другое свидѣтельство торгующаго мѣщанина, а если болѣе 16 человѣкъ, то необходимо приписаться къ гильдіи. Частныя сдѣлки не должны превышать 4 тыс. Плата за свидѣтельство въ столицахъ 120 р. и за лавку 50 р., въ остальныхъ городахъ отъ 40 до 80 р., а за лавки отъ 15 до 30 р. Правила эти были очень подробны; мы коснулись только главныхъ, существенныхъ положеній. [1])

Эти правила, при надзорѣ со стороны думы и другихъ казенныхъ учрежденій, увеличили число купцовъ и торгующихъ. Вотъ статистич. данныя о купцахъ послѣ изданія этихъ правилъ: въ 1826 году ихъ было 44, въ 1834 г.—50. До 1832 года купцомъ первой гильдіи былъ только Зеленскій, въ 1832 году записался Авр. Португаловъ, а годомъ позже П. Ворожейкинъ. Дума слѣ-

---

[1]) Гор. арх. 1824 г., дѣло № 3943.

дила очень внимательно за соблюденіемъ этихъ правилъ. Руководствуясь ими, она замѣтила, что на Всеѣдной ярмаркѣ не всѣ торгующіе брали свидѣтельства на торговлю, о чемъ и заявила полиціи, съ предписаніемъ строго слѣдить за этимъ. Полицеймейстеръ Стоцкій командировалъ на ярмарку квартальнаго надзирателя. Дума въ своемъ донесеніи губернскому правленію указывала, что 31 человѣкъ мѣщанъ и козаковъ, „возчувствовавъ всю важность монаршаго благоволенія, видя явную отъ онаго себѣ пользу, передавая мнѣнія свои одинъ другому, по собственной волѣ, желанію и состоянію подали въ думу о причисленіи въ купцы 3-й гильдіи, что давало казнѣ дохода 8460 р.“ Дума заставляла всѣхъ лицъ, замѣченныхъ въ незаконной торговлѣ, брать свидѣтельства. Полицеймейстеръ Стоцкій, враждуя съ городскимъ головой Чубенкомъ (о чемъ мы будемъ еще говорить), черезъ десятниковъ собиралъ торговцевъ въ съѣзжія избы и убѣждалъ ихъ жаловаться на незаконныя дѣйствія думы. Дума, конечно, не могла оставить безъ вниманія эти дѣянія полиціи и порѣшила въ засѣданіи 12 марта 1825 г. принести жалобу на препятствія, устраиваемыя „по торговлѣ, яко важной вѣтви государственной силы и благосостоянія“, генералъ-губернатору, губернатору, казенной палатѣ и губернскому правленію. [1])

Съ цѣлью поддержки и расширенія торговли въ городахъ, указомъ сената отъ 5 апрѣля 1809 года повелѣно взымать съ купеческихъ капиталовъ $^{1}/_{4}$% и вносить его въ приказъ общественнаго призрѣнія для выдачи ссудъ купеческому сословію „съ надежнымъ залогомъ или поручательствомъ.“ Цѣлость этого капитала была на отвѣтственности городскихъ думъ. Этими ссудами прежде всего воспользовалась городская дума и магистратъ. Отъ думы зависѣла выдача, и она сочла за лучшее прежде всего воспользоваться самой этими ссудами. Въ 1810 году этого капитала было 3659 р. 36$^{1}/_{4}$ к., которые и были позаимствованы городскимъ головой Ильей Прокофьевымъ подъ залогъ дома, бывшаго около Воскресенской церкви. [2]) Нѣсколько позже взялъ ссуду Трофимъ Ковалевскій, служившій бургомистромъ, а затѣмъ и преемникъ Ильи Прокофьева, Николай Черкасовъ. [3]) Ссуды эти практиковались до 9 іюня 1813 года, когда онѣ были воспрещены. Прокофьевъ и Черкасовъ не внесли взятую ссуду въ срокъ,

1) Гор. арх. 1825 г., дѣло № 3682, жур. засѣд. 13 марта.
2) Гор. арх. 1810, дѣло № 1415.
3) Гор. арх. 1813, дѣло № 2082.

за что на основаніи „вексельнаго устава“ съ нихъ взыскано было 8% штрафа. [1])

Для правильнаго производства торговли, согласно правиламъ 14 ноября, 1824 года, при думѣ была учреждена торговая депутація, въ составъ которой должны быть избраны лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ общества. Такими были избраны: купецъ первой гильдіи Авраамъ Зеленскій и купцы третьей гильдіи Андрей Панасенко, Стѣпанъ Подсудевскій и Логинъ Труновъ. Они должны были завести книги и записывать въ нихъ о количествѣ объявленныхъ купцами капиталовъ для взыманія съ нихъ процентовъ, а также наблюдать за исполненіемъ правилъ 1824 года[2]).

Достойно вниманія, что полтавская дума предупредила законъ 1824 года и въ 1820 году избрала два лица изъ купеческаго сословія, возложивъ на нихъ наблюденіе за правильностью торговли, на что натолкнула сама жизнь. Въ 1820 г. купцы 3 гильдіи Подсудевскій, Чубенко, Труновъ, Шатуновъ, Панасенко, Носовъ, Недоборскій и Калобуховъ[3]) подали въ думу заявленіе, что въ городѣ, по ихъ наблюденію, незаконно занимаются торговлей два дворянина, 6 мѣщанъ и 3 козака; помимо этихъ много есть еще заѣзжихъ или гостей, венгерцевъ и евреевъ, которые также ведутъ незаконно торговлю. Дума, выслушавъ это заявленіе, предложила съ своей стороны двумъ купцамъ, Ефиму Недоборскому и Моисею Островскому взять на себя трудъ наблюденія за торговлей и не допускать къ торговлѣ лицъ, не имѣющихъ на то права. Кн. Репнинъ одобрилъ эту мѣру, но предложилъ думѣ собрать всѣхъ купцовъ и предоставить имъ самимъ избрать изъ своей среды двухъ лицъ. Это былъ первый примѣръ, когда цѣлой корпораціи было предоставлено право выбора въ дѣлѣ, затрагивающемъ ея интересы [4]). Собраніе избрало того же Ефима Недоборскаго, а вмѣсто Островскаго, Василія Недоборскаго, „яко благонадежныхъ и добросовѣстныхъ“. И въ то время, какъ и нынѣ, можно было встрѣтить торгующихъ венгерцевъ, переходящихъ изъ одного города въ другой. Въ 1821 году появились въ Полтавѣ два венгерца, Якубъ Янощинъ и

---

[1]) Гор. арх. 1814 г., дѣло № 2719.

[2]) Гор. арх. 1824, дѣло № 3651.

[3]) Изъ потомковъ этихъ купцовъ одинъ Недоборскій продолжаетъ торговлю, внуки Панасенка недавно прекратили, а остальные роды не существуютъ.

[4]) Гор. арх. 1820, дѣло № 2903.

Матвѣй Филліо. Избранные для надзора за торговлей, братья Недоборскіе запретили имъ торгъ, на что венгерцы принесли жалобу кн. Репнину, запросившему объ этомъ думу. Основываясь на городовомъ положеніи 1785 года, гдѣ сказано: „само собою разумѣется, что иностранецъ, гость или заѣзжій, чуждый правъ гильдіи, ничѣмъ не торгуетъ въ розницу въ домѣ своемъ или квартирѣ или въ гостинномъ дворѣ и не открываетъ ни лавки, ни магазина или подобнаго заведенія",—дума, состоявшая изъ торговыхъ людей, соблюдала свой интересъ и настаивала, что допущеніе такихъ торговцевъ поведетъ къ упадку торговли въ Полтавѣ и уменьшенію числа купцовъ. Губернское правленіе нашло объясненіе думы „съ законами согласнымъ" [1]).

ГЛАВА V.

Расходъ.

(1808—1834).

Ассигнованіе на богоугодное заведеніе. Содержаніе полиціи. Отношенія полиціи къ думѣ, вражда городского головы съ полицеймейстеромъ Стоцкимъ. Заботы о благоустройствѣ города. Городской садъ. Начетъ на городского голову Прокофьева. Военный постой. Пособіе школамъ. Смѣта на „исправленіе и экстраординарные расходы". Холерная эпидемія въ Полтавѣ.

Наиболѣе крупнымъ городскимъ расходомъ было ассигнованіе на содержаніе богоугоднаго заведенія, учрежденнаго первымъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи кн. А. Б. Куракинымъ. Въ началѣ разсматриваемаго періода, городъ вносилъ на содержаніе главной больницы—6151 р. 27 к. и на устройство трехъ частныхъ больницъ, которыя никогда не были открыты—1983 р. 90 к., всего 8135 р. 17 к. Больница была въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія. Попечителями ея были: Остроградскій, Левенецъ и поэтъ И. П. Котляревскій. Съ 1813 года взносъ города увеличился. Еще князь А. Б. Куракинъ устроилъ въ Пол-

[1]) Гор. арх. 1821 г., дѣло № 3039 и дѣло № 3202, жур. засѣданія 25 марта и 4 мая. Въ архивѣ не мало встрѣчается донесеній этихъ двухъ купцовъ о многихъ лицахъ, незаконно торгующихъ, и дума черезъ полицію запрещала эту торговлю.

тавѣ первую аптеку, которой завѣдывалъ Иванъ Сессъ [1]). Въ 1813 году она была отдана ему въ арендное содержаніе, а деньги, въ суммѣ 4421 р. 18 к., вносимыя прежде на содержаніе аптеки, по предписанію губернатора Тутолмина, вносились на медикаменты больницы. Такимъ образомъ на богоугодное заведеніе городъ вносилъ ежегодно 12556 р. 35 к. [2]).

Полиція въ то время также содержалась на городскія средства, на нее ежегодно расходовалось 6257 р. Отношенія полиціи къ городу не были урегулированы закономъ: то дума „предписываетъ“ полиціи, то обратно, полиція считаетъ думу учрежденіемъ ей подчиненнымъ. Въ силу этого нерѣдки были недоразумѣнія, что, впрочемъ, зависѣло чаще всего отъ характера лицъ, находившихся во главѣ полиціи. Въ 1820-хъ годахъ полтавскимъ полицеймейстеромъ былъ подполковникъ Стоцкій, любившій, при удобномъ случаѣ, напоминать, что онъ былъ на войнѣ, дрался не одинъ разъ съ непріятелемъ и проливалъ кровь свою за отечество. Этотъ храбрый подполковникъ, въ теченіе своего пребыванія въ этой должности, велъ борьбу съ городскимъ головой Чубенкомъ, который, впрочемъ, энергично отстаивалъ свои и думскія права. Полицеймейстеръ и городской голова впервые столкнулись на ярмаркѣ, въ февралѣ 1824 года. Стоцкій хотѣлъ распоряжаться, но забылъ, что хозяиномъ ярмарокъ является дума. Пререканія между нимъ и городскимъ головой кончились тѣмъ, что полицеймейстеръ, въ присутствіи многочисленной публики, пригрозилъ городскому головѣ связать его и отправить въ острогъ. Это и было началомъ дурныхъ отношеній. Чубенко о такомъ поступкѣ донесъ по начальству. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года городской голова Чубенко, вмѣстѣ съ секретаремъ Бильбасовымъ, отправились въ полицейскія части, быть можетъ, съ цѣлью ихъ осмотра. Полицеймейстера не было, но о посѣщеніи головы тотчасъ же донесъ ему частный приставъ. „Не имѣя никакого начальственнаго предписанія,—пишетъ въ думу полицеймейстеръ,—на счетъ учиненія головою Чубенкомъ и секретаремъ Бильбасовымъ такого обревизованія, не былъ даже отъ думы о томъ извѣщенъ и заключая изъ сего, что глава Чубенко принялъ на себя должность гораздо выше ему предоставленной, прошу оную думу, дабы благоволила объяснить, съ какого поводу

---

[1]) См. 1 выпускъ „Полтава въ началѣ XIX стол.“

[2]) Гор. арх. 1813, дѣло № 2094.

глава Чубенко съ секретаремъ Бильбасовымъ вчерашняго числа ревизовали полицейскія части“. При этомъ полицеймейстеръ предупреждалъ, что „если и впредь подобные обревизованія сами собою будутъ производить, то члены, приступающіе къ такому обревизованію, будутъ взяты подъ стражу“. Дума нашла, что „угрозы взять подъ стражу невмѣстны и для членовъ думы, въ казенныхъ должностяхъ находящихся, одинаково, какъ и онъ, на вѣрность службы присягу учинившихъ, обидны“, поэтому она объявила Стоцкому, что будетъ жаловаться высшему начальству и просить его „оградить думу отъ подобныхъ господина полтавскаго полицiймейстера оскорбительныхъ угрозовъ, и оные, какъ присвоенные имъ свыше всякой власти, на будущее время воспретить“. Стоцкій написалъ еще болѣе колкій отвѣтъ на эту бумагу. Не отказываясь отъ своихъ угрозъ, онъ писалъ: „Людей своевольныхъ, дѣйствующихъ не по прямой своей обязанности, можно оставить подъ стражею до разрѣшенія начальства. Въ разумѣ сего нѣтъ угрозъ, которые не позволены бываютъ иногда въ личности; сказавъ сіе, прошу думу въ отзывахъ ко мнѣ изъясняться правильнѣе и знать, что члены оной не внѣ закона; хотя дума изъяснила, что для нихъ сіе несовмѣстимо и обидно, потому что онѣ состоятъ въ дѣйствительныхъ казенныхъ должностяхъ, одинаково, какъ и я, на вѣрность присягу учинившихъ, но къ чему сіе сказано?.. Оставляю разсуждать о семъ самой думѣ“. Дума, не входя въ дальнѣйшія препирательства съ полицеймейстеромъ, велѣла его увѣдомить, что она „по означенному предмету сказала все, что сказать слѣдовало“.

У Стоцкаго правой рукой былъ частныйириставъ Вареницынъ, которому онъ особенно покровительствовалъ. Вскорѣ открылось, что у Вареницына полиція нанимала помѣщеніе для „съѣзжихъ избъ“, при чемъ показала больше комнатъ („покоевъ“, какъ писали въ то время), чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, а между тѣмъ Вареницынъ плату и отопленіе получалъ отъ города. Выяснилось, что вторая съѣзжая изба помѣщалась въ кухнѣ, значитъ второго дома не было нанято, а плата получалась. Чубенко обратилъ на это вниманіе, и дѣло было передано въ повѣтовый судъ для разслѣдованія, а полицеймейстеру было предписано на будущее время „быть осмотрительнѣе“. По этому дѣлу секретарь думы былъ вызванъ въ Черниговъ кн. Репнинымъ для личнаго доклада [1]).

[1]) Гор. арх. 1824 г., дѣло № 3550 и № 3637 и жур. засѣд. 7 и 21 марта.

Фуражъ для лошадей пожарной команды поставлялся самой думой по справочнымъ цѣнамъ, утвержденнымъ губернскимъ правленіемъ. Справочная цѣна на овесъ въ 1824 г. была 6 р. за четверть, а сѣна—40 к. за пудъ. Стоцкій не увѣдомилъ думу о необходимости доставить фуражъ, а распорядился купить этотъ фуражъ, при чемъ увѣдомилъ думу, что присылка фуража натурой „излишня“, а просилъ отпускать ему деньги. Дума съ этимъ не согласилась и порѣшила просить губернское правленіе запретить на будущее время чиновникамъ полиціи покупать фуражъ на счетъ думы.[1]) Полицеймейстеръ Стоцкій самъ желалъ покупать не только фуражъ, но и дрова, что дѣлалъ изъ-за личнаго интереса. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался дѣлать непріятности думѣ. Опоздаетъ ли дума доставкою дровъ на отопленіе полиціи и острога или уплатою жалованья десятскимъ, онъ тотчасъ же пишетъ въ думу бумагу, очень рѣзкую, нисколько не стѣсняясь въ рѣзкихъ выраженіяхъ по ея адресу. Смотрителемъ острога былъ нѣкто Лукьяненко, безропотно исполнявшій всѣ распоряженія полицеймейстера. Онъ донесъ послѣднему, что дума доставляетъ въ острогъ дрова не сажнями, а возами, почему трудно провѣрить ихъ количество; самъ же Лукьяненко, видимо, не пожелалъ сложить привезенныя дрова въ сажени. Дума донесла объ этомъ губернскому правленію, при чемъ сообщила о распоряженіи полицеймейстера брать дрова для острога у подрядчика Пиндруса, на что, конечно, онъ не имѣлъ права. Губернское правленіе, разобравъ дѣло, такъ оцѣнило поведеніе полицеймейстера: „Достойно примѣчанія начальственнаго то главное обстоятельство, что сія о дровахъ и разные другіе невмѣстные и несправедливые господина полиціймейстера Стоцкаго къ думѣ претензіи и переписка заведены по личнымъ его къ градскому головѣ Чубенкову неудовольствіямъ, извѣстнымъ уже начальству изъ того происшествія, которое дѣлалъ онъ, Стоцкій, 13 сего февраля, во время всеядной ярмарки въ гостинномъ ряду, при многочисленной публикѣ, съ крайнею неблагопристойностью и съ дерзкими похвалками связать градскаго голову и въ острогъ отправить“. Губернское правленіе поставило на видъ Стоцкому его незаконное отношеніе къ думѣ, но Стоцкій мало обращалъ вниманія на замѣчанія губернскаго правленія. Послѣ полученія этой бумаги, полицеймейстеръ предписываетъ думѣ доставлять

---

[1]) Гор. арх. 1824 г, дѣло № 3637.

слѣдуемыя для острога дрова на полицейскій дворъ, для освидѣтельствованія. Дума, конечно, не согласилась на это и сообщила полицеймейстеру о своемъ отказѣ уплатить деньги за дрова, взятыя у Пиндруса. Эти дѣйствія полицеймейстера губернское правленіе нашло притѣснительными и замѣтило, что „полиційместеръ хотѣлъ показать неограниченность власти, самимъ собою присвоенной“. Дума указала на неправильность дѣйствій смотрителя острога, при чемъ объяснила дѣйствія его желаніемъ „приласкаться къ своему начальству“. Послѣдняя фраза вызвала очень рѣзкую бумагу со стороны Стоцкаго. Онъ писалъ: „Лукьяненко болѣе разумѣетъ долгъ службы, болѣе каждаго изъ членовъ думы и секретаря оной“. О секретарѣ Бильбасовѣ онъ выразился такъ: „дума положилась на логику своего секретаря, а сей не зналъ, какова есть кубична сажень“. Упоминая о членахъ думы, онъ счелъ нужнымъ сказать для характеристики ихъ, что гласные Гальченко и Зборовскій были подъ арестомъ на съѣзжей. И эта бумага дошла до свѣдѣнія губернскаго правленія. Очень интересенъ отвѣтъ послѣдняго. Губернское правленіе взяло подъ свою защиту обиженныхъ гласныхъ. „Они, писало губернское правленіе, люди честные, трезвые, ни въ какихъ неблагопріятныхъ поступкахъ не замѣченные. А на съѣзжей они побывали по волѣ полиціи, и это сдѣлано было безъ вины, не по суду, а по власти полицейской. Ибо, когда полицеймейстеръ однимъ своимъ лицемъ, безъ всякой причины, на присуственное мѣсто, на думу, желая притѣснить и очернить всѣхъ членовъ, иногда съ азартомъ среди ярмарки, передъ многочисленной публикой осмѣлился грозить связать и въ острогъ отправить самого градскаго голову, предводителя обоихъ обществъ купеческого и мѣщанскаго, то чего уже не можетъ сдѣлать съ людьми простыми, мѣщанами, коихъ гласъ самый справедливейшій и невинный, изъ одной боязни сугубѣйшихъ притѣсненій, до свѣдѣнія начальства не доходитъ“ [1]). Для того времени это очень выразительная характеристика представителя полиціи, сдѣланная притомъ административнымъ учрежденіемъ, которое, впрочемъ, ничего не предприняло для обузданія храбраго подполковника. Дѣло съ поставкой дровъ окончилось тѣмъ, что дума вычла изъ жалованья смотрителя острога 52 р. за взятыя имъ у Пиндруса дрова, а послѣднему уплатила [2]). Полицейместеръ

[1]) Гор. арх. 1824 г., жур. засѣд. 3 августа

[2]) Гор. арх. 1824 г., дѣло №. 3651. жур. засѣд. 14 декабря.

все-таки, несмотря на получаемыя замѣчанія, продолжалъ дѣлать непріятности думѣ. Требованія послѣдней онъ или вовсе не исполнялъ, или очень медлилъ съ исполненіемъ, что, понятно, дѣлалъ съ умысломъ. Въ ноябрѣ 1824 года дума въ пятый разъ просила его о вызовѣ желающихъ купить старые тулупы, но онъ все-таки медлилъ [1]). Губернское правленіе обратило вниманіе на поведеніе полицеймейстера, хотя и по другому поводу, и сдѣлало ему замѣчаніе „о непомѣрной медлительности въ выполненіи требованія сей думы“. Въ данномъ случаѣ дѣло шло о пожарныхъ лошадяхъ. Дума запросила о количествѣ старыхъ, негодныхъ лошадей на пожарной командѣ.[2]) Во время ярмарокъ Стоцкій желалъ быть полнымъ хозяиномъ, самъ желалъ отдавать мѣста для торгующихъ. Но дума жаловалась губернскому правленію, которое ставило на видъ полицеймейстеру, что это дѣло не его, а думы; оно нашло „все дѣлаемое полиціей неразумнымъ и клонящимся къ одному только стѣсненію торговцевъ и промышленниковъ“ [3]). Подобныя замѣчанія не обуздывали Стоцкаго и онъ все изыскивалъ поводъ дѣлать непріятное думѣ, не разбирая при томъ средствъ. Въ январѣ 1827 г. городской голова былъ въ полицейскомъ управленіи, о чемъ зналъ Стоцкій. Изъ полицейскаго управленія городской голова, вмѣстѣ съ секретаремъ Бильбасовымъ, отправился въ казначейство. Тогда Стоцкій отправился въ думу, гдѣ, конечно, ихъ не видѣлъ, и донесъ губернатору о томъ, что, посѣтивъ присутствіе думы, онъ никого тамъ не видѣлъ изъ гласныхъ, не было и городского головы. Надо сказать, что это было спустя нѣсколько дней послѣ выборовъ и новые гласные не вступили еще въ должность, такъ какъ не приведены были къ присягѣ [4]). Иногда, желая сдѣлать думѣ непріятность, полицеймейстеръ попадалъ впросакъ. Въ 1825 году онъ донесъ о необходимости исправленія пожарныхъ инструментовъ. Наряженная для освидѣтельствованія ихъ комиссія признала инструменты всѣ въ полной исправности. Стоцкій за это получилъ замѣчаніе отъ кн. Репнина „за неосмотрительное донесеніе“ [5]). Стоцкій пробылъ полицеймейстеромъ въ Полтавѣ около 8 лѣтъ, до конца 1830 г., когда былъ переведенъ на ту же

---

[1]) Гор. арх. 1824 г., дѣло №. 3650, жур. засѣд. 18 ноября.

[2]) Гор. арх. 1825, дѣло № 3776, жур. засѣд. 11 декабря.

[3]) Гор. арх. 1826, дѣло № 3883, жур. засѣд. 4 мая.

[4]) Гор. арх. 1827, дѣло № 3970, жур. засѣд. 11 января.

[5]) Гор. арх. 1825, дѣло № 370, жур. засѣд. 20 мая.

должность въ Нѣжинъ; его преемникомъ былъ зѣньковскій городничій Манжосъ [1]) Не понятно, какъ могли его держать такъ долго въ должности полицеймейстера, когда онъ на каждомъ шагу обнаруживалъ не только полную безтактность, но и недобросовѣстность. Остается предположить, что онъ получилъ это мѣсто въ силу протекціи и пользовался защитою кого-либо изъ высокопоставленныхъ лицъ. Видимо, ему покровительствовалъ самъ Репнинъ.

А между тѣмъ тотъ же князь Репнинъ относился строго въ той же думѣ. Въ 1819 году полицеймейстеръ Кищенко жаловался, что дума опаздываетъ присылкою денегъ для уплаты 16 десятскимъ и требуетъ отъ полиціи расписокъ въ полученіи ихъ. Репнинъ предписалъ думѣ выдавать полиціи деньги въ срокъ, „не требуя никакихъ о употребленіи тѣхъ денегъ отчетовъ; естли же, писалъ Репнинъ, впредь замѣчу я подобные отъ сей думы непорядки, то члены ея подвержены будутъ строжайшему взысканію“ [2]). Служащіе по полиціи были единственными, которымъ дума назначала пенсіи; такъ въ 1833 году была назначена пенсія двумъ частнымъ приставамъ [3]). Еще былъ, впрочемъ, примѣръ назначенія пенсіи секретарю магистрата Булановскому, умершему отъ холеры въ 1831 году [4]).

Все, что ни дѣлалось думою для благоустройства города, дѣлалось не по ея иниціативѣ, а по распоряженію начальства. Въ архивѣ мы постоянно встрѣчаемъ приказаніе генералъ-губернатора или губернатора исправить мостики, выравнять улицы, спустить съ нихъ воду, прорыть канавы и т. под. Дума по предписанію администраціи занималась устройствомъ бульваровъ и посадкою на нихъ деревьевъ. Въ 1808 г. было посажено 550 деревьевъ, чѣмъ, по распоряженію генералъ-губернатора, занимался одинъ изъ гласныхъ, но непремѣнно „обще съ членомъ полиціи, съ прежней бережливостью отъ излишней издержки“ [5]). Въ 1818 году на посадки издержано 1350 р.“ [6])

Городской садъ былъ всегда предметомъ заботъ обоихъ генералъ-губернаторовъ, кн. Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Они

---

[1]) Гор. арх. 1830 г., дѣло № 4222.
[2]) Гор. арх. 1819 г., № 2715, цир. № 2601.
[3]) Гор. арх 1833 г., дѣло № 4375, жур. засѣд. 26 окт. и 1833 № 4722.
[4]) Гор. арх. 1833 г., дѣло № 4715.
[5]) Гор. арх. 1808 г., № 1281.
[6]) Гор. арх. 1808 г. № 1281.

заботились и объ увеличеніи его. При первомъ была пріобрѣтена земля у дворянки Анны Самарской за 500 руб.; при немъ дума ассигновала въ 1808 году 700 руб. на обдѣлку сада, въ слѣдующемъ 1809 г. столько же на устройство бесѣдки, посадку деревьевъ и на соединеніе аллей съ существующимъ садомъ. [1]). И почти ежегодно дума тратила нѣсколько сотъ рублей на этотъ садъ. Кн. Лобановъ-Ростовскій очень любилъ заниматься садоводствомъ. Вотъ что пишетъ о немъ И. М. Долгорукій, посѣтившій Полтаву въ 1810 году: „Далъ Богъ Полтавѣ на этомъ безлѣсномъ мѣстѣ рощу, натура обогатила ее плодоносными растеніями и деревьями, не вездѣ общими; предмѣстникъ кн. Лобанова велѣлъ исчертить дорожками, обвесть каменной оградой, вычистить и разсыпать по мѣстамъ бесѣдки, примѣчательнѣйшая изъ коихъ сдѣлана на подобіе ветхаго шалаша; она довольно просторна. Тутъ, какъ и во всѣхъ публичныхъ садахъ, пунктъ привлеченія всего общества кн. Лобановъ, охотникъ до садовъ, и это гулянье есть очевиднымъ того доказательствомъ, потому что по всѣмъ путямъ и тропкамъ большой приборъ и чистота. Гуляя съ нимъ по саду, я любовался, видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ; всякое ему знакомо, онъ не однократно его осмотрѣлъ. Виды отсюда не восхитительны, но изрядны. Мы проходили до сумерекъ. Собраніе было не велико: можно было счесть не болѣе 50 прогульщиковъ“ [2]). Кн. Репнинъ также заботился о городскомъ садѣ. При немъ была также расширена черта его, было прикуплено у сосѣдей, козаковъ, земли на сумму 2900 р. Помимо этого Репнинъ устроилъ въ 1819 г. прудъ, что обошлось въ 2624 р. 55 к. (вырыто 948 кв. саж,); устроены были теплицы, стоимостью въ 2624 р. 55 к. А средства на это Репнинъ предписалъ выслать думамъ другихъ городовъ полтавской губерніи, о чемъ мы уже говорили. [3]) Всѣ бугры въ саду Репнинъ приказалъ уничтожить, при чемъ были уничтожены и оставшіяся укрѣпленія послѣ осады Полтавы въ 1709 г. Куракинъ началъ ихъ уничтожать, а Репнинъ закончилъ.

Репнинъ лично наблюдалъ иногда за работами въ городсконъ саду. Въ 1818 г. онъ посѣтилъ городской садъ нѣсколько разъ во время работъ и замѣтилъ, что поденные рабочіе плохо работаютъ. „Усматривая,—писалъ онъ въ думу,—лично много

---

[1]) Гор. арх. 1808 г., дѣло № 1208, 1809 г., дѣло № 1384 и 1245.

[2]) „Славны бубны за горами,“ стр. 86.

[3]) Гор. арх. 1818 г., дѣло №—2634, и 1819 г. дѣло №—2790.

разъ, что нанимаемые отъ сей думы поденно къ отдѣлкѣ городскаго сада люди не занимались, какъ должно, порученною имъ работою, частью просиживали праздно и работа ихъ оставалась не значущею, о чемъ хотя и былъ, по приказанію моему, отъ г. прокурора извѣщаемъ городской голова, но содѣйствіемъ къ лучшему успѣху не занялся, черезъ что тѣ наемные люди получили въ протекшія до нынѣшняго числа пять дней заплату напрасно; почему, дабы побудить градскаго голову къ должному вниманію къ его обязанности и къ сбереженію казеннаго интереса, предписывается думѣ отпущенныя за означенные пять дней рабочимъ людямъ деньги обратить на счетъ городскаго головы Прокофьева и изъ городской суммы не показывать, не записывать, о исполненіи по сему мнѣ донести". Прокофьеву не хотѣлось платить. Въ засѣданіи 9 сентября онъ заявилъ, что виновнымъ себя въ этомъ онъ признать не можетъ, тѣмъ болѣе, что эти дни объ былъ занятъ въ думѣ, надзоръ же за работами въ саду имъ былъ порученъ гласному Кравченку, который, по словамъ его, не исполнилъ приказанія, да и „до того неоднократно ослушивался внушеніямъ его." Въ такомъ родѣ и было отправлено донесеніе кн. Репнину, который, однако, не только не отмѣнилъ прежняго распоряженія, но еще сдѣлалъ думѣ внушеніе, зачѣмъ она входила „съ таковымъ недѣльнымъ ко мнѣ представленіемъ." [1]) Любопытно, что наблюденіе за работами въ городскомъ саду кн. Репнинъ поручилъ не кому-либо, а губернскому прокурору Гербовскому. [2]) Надо думать, самъ прокуроръ пожелалъ взять на себя эти хлопоты, будучи, быть можетъ, любителемъ садоводства, но возможно, что его назначилъ самъ Репнинъ, нисколько не стѣснявшійся навязывать подчиненнымъ обязанности, ничего общаго неимѣющія съ ихъ прямыми занятіями. Черниговскій прокуроръ, передъ открытіемъ въ Черниговѣ дворянскихъ выборовъ, по предложенію Репнина, устраивалъ сцену и наблюдалъ за труппой, дававшей спектакли во время съѣзда дворянъ.

Кн. Репнину хотѣлось привлечь жителей Полтавы къ устройству около домовъ своихъ тротуаровъ и бульваровъ. Выработана была смѣта ихъ стоимости: за погонный сажень бульвара 5 р.; тротуара 4 р., о чемъ и было объявлено жителямъ.

---

[1]) Гор. арх. 1818 г., дѣло № 2669, журн. засѣд. 9 сентября, и 1818 г., № 2679, журн, засѣд. 5 октября.

[1]) Былъ прокуроромъ до 1829 г., когда вышелъ въ отставку.

Желающихъ оказалось много, они охотно вносили въ думу причитающіяся съ нихъ деньги; но завѣдываніе устройствомъ бульваровъ и тротуаровъ кн. Репнинъ поручилъ не думѣ, какъ бы это слѣдовало, а штабсъ-капитану Амантову, не принадлежавшему къ ея составу. [1])

Заботились и объ освѣщеніи улицъ, на что городъ тратилъ всего 300 р. въ годъ. Освѣщали по вечерамъ только въ праздничные и торжественные дни. Полицеймейстеръ Стоцкій въ 1823 г. внесъ въ думу предложеніе, „что къ удобнѣйшему дѣйствію городской полиціи въ ночныя времена, въ искорененіи могущихъ происходить разныхъ злоупотребленій", слѣдуетъ освѣщать городъ до 11 ч. вечера, на что просилъ ассигновать по 1200 р. въ годъ. Дума отказала, такъ какъ не имѣла отъ начальства предписанія, но донесла объ этомъ губернскому правленію, изъявляя свое согласіе, если будетъ получено предписаніе. [2]) Но губернское правленіе отклонило предложеніе полицеймейстера, „такъ какъ по извѣстному недостатку въ Полтавѣ городскихъ доходовъ оно можетъ быть затруднительно и почти неудобно" [3]).

Военный постой, составляющій теперь главную статью расхода городовъ, въ то время не обременялъ исключительно городское населеніе. Помимо натуральнаго постоя, содержаніе войскъ относилось на счетъ общихъ земскихъ повинностей. Въ 1817 году изъ бюджета о земскихъ повинностяхъ было ассигновано на отопленіе и освѣщеніе воинскихъ зданій въ полтавской губерніи 68948 р. 15 к. и на „починку и избереженіе" тѣхъ зданій въ Полтавѣ 1225 р., а въ Кременчугѣ—1940 р. [4]) Но полтавская дума все-таки несла расходы на воинскія части. Забота о расквартированіи войскъ лежала на попеченіи квартирной комиссіи. Законъ того времени позволялъ откупаться обывателямъ отъ военнаго постоя. Въ архивѣ есть даннныя за 1817 годъ о внесенныхъ обывателями суммахъ съ цѣлью освобожденія отъ постоя. Такъ купецъ Илья Прокофьевъ согласился ежегодно вносить 300 р., Черкасовъ и Португаловъ столько же трое, изъ гражданъ вносили по 200 р., 5 человѣкъ по 150 р., 7 человѣкъ по 100 р., 5 ч. по 125, 2 по 75 р. и 8 человѣкъ по 50 р. Какъ видно, вносились не малыя

---

[1]) Гор. арх. 1819 г., дѣло № 2742.

[2]) Гор. арх. 1823 г., дѣло № 3392, жур. засѣд. 25 ноября.

[3]) Гор. арх. 1823 г., дѣло № 3393, журн. засѣд. 23 декаб.

[4]) Двор. арх, 1817 г., № 3.

суммы. Въ Полтавѣ въ то время квартировалъ 42 егерскій полкъ [1]). Въ 1825 г. отъ постоя были освобождены дома учителей приходскихъ училищъ, а также учителей и наставницъ „дѣвичьихъ училищъ" [2]). Городскіе расходы по воинской повинности не были постоянными; на драгунскую команду въ теченіе 1810—1816 годовъ дума израсходовала всего 1508 р. 30 к. [3]). Въ 1817 г. квартирная коммиссія требовала отъ думы 6046 р. 97½ к. на разныя нужды по расквартированію войскъ, на устройство гауптвахты (2053 р. 32½, к.), на ея отопленіе 500 руб., на разные надобности 700 р. и т. п. Дума отвѣтила, что безъ разрѣшенія начальства она расходовать ничего не можетъ, а потому „въ деньгахъ вспомоществовать не можетъ." Были ли выданы эти деньги, изъ дѣлъ не видно. Очень можетъ быть, что расходъ этотъ былъ отнесенъ на общеземскія повинности [4]). Въ 1826 г. понадобились исправленія въ лазаретѣ новгородскаго кирасирскаго полка, и думѣ было предписано выдать 94 р. 20 к. [5]). При рекрутскомъ наборѣ дума выдавала по 30 коп. въ сутки на каждаго рекрута [6]). Такимъ образомъ, по содержанію воинскихъ частей дума не несла опредѣленныхъ расходовъ; чаще всего это были случайныя ассигнованія, не ложившіяся тяжело на городскую кассу.

Обратимся теперь къ расходамъ думы по народному образованію. Въ то время дѣятельность ея въ этомъ отношеніи ограничивалась лишь пособіемъ на нужды школъ. Въ 1808 году былъ открытъ въ Полтавѣ, по мысли кн. А. Б. Куракина, пансіонъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ. Заведеніе это было сословное, но по распоряженію генералъ-губернатора дума вносила на его содержаніе ежегодно въ теченіе всего разсматриваемаго періода по 5551 р. 34 к. Деньги эти получалъ извѣстный малорусскій писатель И. П. Котляревскій. Нося скромный титулъ „надзирателя дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ", онъ на самомъ дѣлѣ стоялъ во главѣ этого заведенія. Увѣдомляя думу о полученіи денегъ, онъ всегда писалъ: „для ввѣреннаго мнѣ заведенія", что опредѣленно указываетъ на то, что роль его въ пансіонѣ вовсе не была подчиненною.

---

[1]) Гор. арх. 1817 г.. дѣло № 2474.
[2]) Гор. арх. 1825 г., дѣло № 3801., журн. засѣд. 8 августа.
[3]) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2433.
[4]) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2451.
[5]) Гор арх, 1826 г., дѣло № 3835.
[6]) Гор. арх. 1828. дѣло № 4875, жур. засѣд. 14 ноября.

Съ 1822 года дума выдавала пособіе мужской гимназіи 1930 р. и смотрителю повѣтоваго училища на содержаніе его 540 руб. [1]). Съ 1825 г. пособіе гимназіи было увеличено: предписано было выдавать на квартиру директору 150 р. и учителямъ 990 руб., всего такимъ образомъ гимназія получала отъ города субсидіи 3070 р. Директоръ гимназіи Огневъ, съ введеніемъ новыхъ штатовъ въ 1828 году, просилъ еще думу о выдачѣ квартирныхъ 3 учителямъ, но изъ дѣла не видно, было ли удовлетворено это ходатайство [2]). При гимназіи въ то время устраивались публичные экзамены, на которые всегда приглашались голова и гласные думы. Экзамены эти начинались въ 4 часа дня. [3]).

Съ разрѣшенія начальства дума выписывала газеты, о чемъ всегда напоминалъ ей магистратъ, и дума пользовалась газетами „обще съ нимъ", т. е. съ магистратомъ. Въ 1813 году разрѣшено было выписать „Московскія Вѣдомости", за что платили 40 р. ас. (газета съ объявленіями [4]). Въ 1832 году дума выписывала газетъ на 125 р., считая въ этой суммѣ и пересылку ихъ (страховыя и вѣсовыя). Цѣны на газеты были слѣдующія: С.-Петербургскія Вѣдомости—50 р., Сенатскія прибавленія 25 руб., Московскія Вѣдомости 27 р., Сенатскія при нихъ прибавленія 20 р. [5]).

Въ смѣту городского бюджета ежегодно вносилось 5000 р., „на городскія исправленія и экстраординарные расходы." Изъ этой суммы расходовалось на устройство мостовъ, перевозовъ и дубовъ на Ворсклѣ и Рогизнѣ, ремонтъ зданій, уплачивалось за промѣнъ земли для устройства города и т. п. Этой суммой распоряжалась и администрація для своихъ нуждъ. Въ 1811 г. при полтавскомъ гарнизонѣ содержалось на эти суммы нѣсколько лошадей „для посылокъ," а также три лошади для генералъ-губернатора, 2 для губернатора и 1 для полицеймейстера, и это дѣлалось по предписанію кн. Лобанова-Ростовскаго [6]). Для работъ по городу привлекали заключенныхъ въ острогѣ („колодниковъ") и уплачивали имъ по 5 к. въ день; такъ было въ 1808 году [7]). Поденная рабочая плата въ началѣ прошлаго вѣка была 30 коп.

---

[1]) Гор. арх. 1822 г., журн. засѣд. 22 апрѣля.

[2]) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4523, журн. засѣд. 30 декабря; 1825 г., № 3776, журн. засѣд. 24 декабря.

[3]) Гор. арх, 1822 г., дѣло № 3204.

[4]) Гор. арх. 1813 г., № 2020.

[5]) Гор. арх. 1832 г., дѣло № 4529.

[6]) Гор. арх. 1817 г., № 2461.

[7]) Гор. арх. 1808 г., № 1249.

Въ 1809 г. по этой цѣнѣ были наняты рабочіе для устройства мостовыхъ, но поработавъ нѣкоторое время, заявили просьбу объ уплатѣ имъ по 35 к. въ день, и губернаторъ Козачковскій предписалъ думѣ уплатить по этой цѣнѣ. [1]). Для работъ по городу еще кн. Куракинъ привлекалъ осужденныхъ воровъ съ тѣмъ, чтобы заработаными ими деньгами вознаграждать потерпѣвшихъ. То же дѣлалъ и кн. Репнинъ. Въ 1830 г. крестьянинъ Таборовскій укралъ у лубенскаго еврея корову и нѣсколько гусей, всего на сумму 51 р, 60 к. Кн. Репнинъ предписалъ привлечь его на городскія работы въ Полтаву, впредь пока не отработаетъ эту сумму [2]). Поденная работа на паромахъ, перевозахъ всегда была выше; платили по 80 коп., а иногда и больше.

На тѣ же смѣтные „экстраордин. расходы“ содержались еще жандармскія конюшни, артель трубочистовъ, за услуги коихъ управа взимала съ обывателей по 10 коп. отъ трубы, покупался порохъ и дробь для истребленія бродячихъ собакъ, платилось жалованье „гицелю“, занимавшемуся ихъ истребленіемъ, и т. под. Но расходы съ годами увеличивались, и въ 1825 г. дума ходатайствовала передъ губ. правленіемъ объ увеличеніи смѣты „на городскія исправленія и экстраординарные расходы“ до 10000 р., но губернское правленіе не изъявило на это своего согласія [3]).

Заканчивая обозрѣніе городского бюджета за время генералъ-губернаторства князей Лобанова-Ростовскаго и Репнина, мы приходимъ, на основаніи архивныхъ данныхъ, къ слѣдующимъ выводамъ: 1) тогдашняя полтавская дума состояла изъ торгующаго класса, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, которые, согласно положенію 1785 г., и составляли собственно городское общество; 2) изъ этого общества, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія, избирались городской голова и гласные; 3) дума была лишена самодѣятельности, она была исполнительнымъ органомъ администраціи, дѣйствовавшей на нее черезъ губернское правленіе, въ которомъ сосредоточивались дѣла по управленію учрежденіями въ губерніи; 4) городской голова и гласные нерѣдко сами брали городскіе подряды и пользовались ссудами изъ городскихъ суммъ.

---

[1]) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1422.
[2]) Гор. арх. 1830 г., дѣло — 4383.
[3]) Гор. арх. 1825 г., дѣло—3776., журн. засѣд. 5 декабря.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ эпидеміи холеры, бывшей въ Полтавѣ въ 1831 году. Это была одна изъ самыхъ сильныхъ эпидемій, охватившая большой районъ Россіи. Въ Полтавѣ, какъ и въ другихъ городахъ, губернаторомъ былъ образованъ особый комитетъ, на обязанности котораго было оборудовать больницы. Помимо главной больницы (богоугоднаго заведенія), были наняты дома въ Яковцахъ, у помѣщика Чарныша и купца Зевѣрняева, предназначенные спеціально для холерныхъ больныхъ. Весь городъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одной завѣдывалъ врачебный инспекторъ Нейгеборнъ, а другой—отставной врачъ Павловскій. Подъ ихъ начальствомъ были еще врачи: Дыздаревъ, Штернъ, Добышевскій и приглашенный изъ слободско-украинской губерніи врачъ Волковъ. Послѣдній получалъ 3 р. въ сутки, а первые три по 1 р. Въ помощь имъ были избраны отъ купеческаго и мѣщанскаго обществъ „нѣсколько благонадежныхъ гражданъ" въ качествѣ холерныхъ попечителей. Такими были избраны маіоръ Могилянскій и аптекарь Ив. Сессъ. Большое затрудненіе было вь пріисканіи прислуги: многіе изъ боязни заразиться не хотѣли идти „въ гардіены". Тогда было сдѣлано распоряженіе набирать прислугу изъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Прислуги было нанято 34 ч. съ платою въ сутки по 50 к. На заставахъ задерживали всѣхъ пріѣзжающихъ; неимущихъ прокармливалъ городъ на свой счетъ. Какъ сильна была эпидемія холеры, данныхъ объ этомъ мы не нашли въ дѣлахъ архива. Въ августѣ 1831 года эпидемія настолько ослабѣла, что въ больницѣ богоугоднаго заведенія оставалось всего двое больныхъ, да „на фабрикахъ", т. е. на нѣмецкой колоніи, былъ одинъ больной; поэтому губернаторъ предписалъ думѣ прекратить наемъ „дрожекъ" (дума нанимала ихъ для врачебнаго инспектора) и всѣ вещи, находившіяся въ больницахъ, сдать въ вѣдѣніе думы для „цѣлостнаго храненія". Въ то время еще не сознавали необходимости уничтоженія такихъ вещей, какъ источника заразы. А въ 1833 году приказано было ихъ продать, за что дума выручила 159 р. 25 к. [1]). На борьбу съ холерой 1831 г. полтавской думой было издержано 4967 р.—53 к. Членамъ губернскаго комитета Волковицкому и Мицу, по предписанію губернатора, было выдано наградныхъ за ихъ труды, первому 150 р., второму—100 р. [2]).

---

[1]) Гор. арх. 1833 г., дѣло № 4720.

[1]) Гор. арх. 1831 г. дѣло № 4501.

ГЛАВА VI.

Мысль увѣковѣчить мѣсто Полтавскаго боя какимъ-либо памятникомъ. Желаніе кн. Лобанова Р. построить здѣсь храмъ. Пожертвованіе на это Судіенкомъ 100 т. р. Проекты кн. Репнина дать другое назначеніе этому капиталу. Сооруженіе обелиска на мѣстѣ отдыха Петра В. послѣ полтавскаго боя. Почему былъ уничтоженъ памятникъ, устроенный Руденкомъ. Срытіе укрѣпленій, остававшихся послѣ полтавской осады. Посѣщеніе Полтавы Александромъ I.

Кн. А. Б. Куракинъ первый обратилъ вниманіе на „Шведскую могилу", какъ на памятникъ, связанный съ полтавскою битвою, имѣвшею столь важныя послѣдствія для России; во вниманіе къ этой битвѣ и Полтава сдѣлалась губернскимъ городомъ. Преемникъ его, кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій желалъ устроить храмъ на „Шведской могилѣ", и въ 1809 году обратился съ представленіемъ по этому предмету въ министерство вн. дѣлъ, но получилъ оттуда отвѣтъ, что государю императору угодно на мѣстѣ „знаменитаго сраженія устроеніе для инвалидовъ большаго помѣщенія". Такіе инвалидные дома раньше предполагалось устроить въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ и Курскѣ, но императоръ Александръ I, вмѣсто ихъ, выразилъ пожеланіе устроить одинъ большой инвалидный домъ на мѣстѣ полтавскаго сраженія. Были уже составлены планы, но дѣло было отложено, „пока финансы то дозволить могутъ". Такимъ образомъ намѣреніе кн. Лобанова не могло осуществиться, между прочимъ, и по отсутствію средствъ для постройки храма; но здѣсь пожелалъ прійти на помощь князю его пріятель, богатый помѣщикъ черниг. губерніи, Осипъ Степановичъ Судіенко, пожертвовавшій крупную сумму на сооруженіе храма на Шведской могилѣ.

О. С. Судіенко принадлежалъ къ малороссійскому старшинскому роду. Онъ былъ правнукомъ Андрея Ивановича, бывшаго въ концѣ XVII ст. судьей въ стародубскомъ полку, по должности котораго получили фамильное прозвище его потомки. Служилъ онъ по почтовому вѣдомству и завѣдывалъ имѣніями и частными дѣлами гр. Безбородька, которому былъ обязанъ чиномъ тайнаго совѣтника и пожалованіемъ многочисленными имѣніями въ черниг. губ. Владѣя громадными богатствами и не зная, кому передать ихъ, Судіенко, не безъ вліянія, конечно, кн. Лобанова, выразилъ готовность пожертвовать 50,000 р. на сооруженіе на Шведской могилѣ церкви „съ пристойною утварью и колокольней, а также и нѣкотораго прибѣжища для тѣхъ, кои охранять бу-

дутъ то построеніе“. Увѣдомляя объ этомъ министра вн. дѣлъ, кн. Лобановъ выразилъ мнѣніе, что постройка предположеннаго храма „не будетъ препятствіемъ предположенію, при лучшей удобности, помѣщенія инвалидовъ, а созидатель удовлетворится въ благомъ намѣреніи общественнаго дѣла. Въ воздаяніе чего,

О. С. Судіенко.

если удостоится онъ получить единую строку, изъявляющую монаршее ему благоволеніе, почтетъ себя счастливымъ“. Желаніе кн. Лобанова и Судіенка, который объ этомъ самъ намекнулъ князю, исполнилось: въ августѣ 1811 года Судіенко былъ удостоенъ высочайшаго рескрипта, въ коемъ императоръ, одобряя

его намѣреніе устроить „памятникъ съ церковью“, объявлялъ ему за это свое благоволеніе. Рескриптъ этотъ очень обрадовалъ Судіенка; онъ получилъ его, лежа на смертномъ одрѣ. незадолго до кончины своей, послѣдовавшей 4 декабря 1811 года. Несомнѣнно, что подъ впечатлѣніемъ царскаго вниманія Судіенко пожертвовалъ на то же дѣло еще 50 тысячъ р., внесенныя послѣ смерти его душеприказчикомъ, графомъ И. В. Завадовскимъ. Такъ образовался капиталъ въ 100 тыс. р. на сооруженіе храма и памятника на „Шведской могилѣ“. Съ такими средствами можно

Шведская могила въ началѣ XIX столѣтія.

было немедленно приступить къ дѣлу. Въ 1812 г. кн. Лобанову-Ростовскому былъ присланъ планъ храма, составленный въ Петербургѣ, архитекторомъ, впослѣдствіи академикомъ В. П. Стасовымъ [1]). Но этотъ планъ для своего осуществленія требовалъ большихъ средствъ, чѣмъ тѣ, какія имѣлись на лице, поэтому кн. Лобановъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе передать этотъ планъ другому архитектору для сокращенія. Но пока вырабатывался въ Петербургѣ планъ храма, кн. Лобановъ-Ростовскій оставилъ постъ малор. генералъ-губернатора, а преемникъ его кн. Н. Г. Репнинъ не обнаружилъ никакого сочувствія къ идеѣ сво-

[1]) В. П. Стасовъ былъ придворный архитекторъ (1769+1848), за планъ и фасады этого храма получилъ званіе академика. Планъ въ архивѣ не сохранился.

его предмѣстника, и дѣло затормозилось. У князя Репнина была своя идея. Надо сказать, что въ это время правительствомъ вырабатывался планъ устройства въ Имперіи кадетскихъ корпусовъ. Въ 1829 г. былъ выработанъ особой коммиссіей „планъ военнаго воспитанія“ и намѣчены были города, гдѣ должны быть, при матерьяльной поддержкѣ дворянства, устроены эти заведенія. Кн. Репнинъ, будучи въ Петербургѣ, подалъ мысль устроить такой корпусъ въ Полтавѣ, что и было одобрено. Осуществленіемъ этого проекта Репнинъ былъ очень озабоченъ. Средства нужны были большія; помимо ежегоднаго ассигнованія на содержаніе корпуса, необходимы были большія суммы на постройку зданія. Кн. Репнину и пришла мысль употребить капиталъ Судіенка на сооруженіе кадетскаго корпуса. Въ этомъ смыслѣ имъ сдѣлано было всеподданнѣйшее представленіе; но Николай I, зная о цѣли пожертвованія Судіенкомъ капитала, находилъ, что употребленіе его на сооруженіе кадетскаго корпуса „будетъ несправедливо“. Послѣ этого кн. Репнину не оставалось, повидимому, ничего другого, какъ приступить къ постройкѣ храма на Шведской могилѣ, благо для этого уже была избрана строительная коммиссія; но въ слѣдующемъ, 1832 г. Репнинъ вноситъ новый проектъ. „На постройку храма,—писалъ онъ,—потребуется 500 тыс. р., да еще на покупку земли около могилы, чтобы образовать площадь“, слѣдовательно, „безъ пособія правительства приступить къ постройкѣ храма нельзя, да и храмъ этотъ, какъ отстоящій отъ Полтавы въ пяти верстахъ, при нахожденіи церквей въ ближайшихъ къ оному селеніяхъ, не только не можетъ имѣть прихода, но едва ли найдутся и молебщики, развѣ въ храмовой праздникъ; слѣдовательно для содержанія какъ храма, такъ и церковно-служителей для онаго, должно внести также капиталъ въ государственныя учрежденія. По всѣмъ симъ уваженіямъ, полагаю я невозможнымъ привесть нынѣ въ исполненіе завѣщаніе тайнаго совѣтника Судіенка и составить смѣту на будущее время было бы совершенно безполезно, ибо цѣны на все необходимо измѣнятся“. Въ силу этихъ соображеній кн. Репнинъ предложилъ новый проектъ, въ такой же степени нарушавшій волю завѣщателя, какъ и первый. Припоминая указъ Петра Великаго объ устройствѣ на Шведской могилѣ „въ память викторіи мужескаго монастыря“ кн. Репнинъ полагалъ, что завѣтъ Петра будетъ исполненъ, если употребить капиталъ Судіенка на расширеніе существующаго въ Полтавѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, пристроивъ къ нему два придѣла, одинъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, а другой во

имя преподобнаго Сампсонія Страннопріимца, а на Шведской могилѣ устроить чугунную ограду, обсадивъ ее тополями, и часовню отъ монастыря. Этимъ проектомъ князь нарушалъ разомъ и завѣтъ Петра В., желавшаго построить монастырь на полѣ битвы, и волю Судіенка, завѣщавшаго построить храмъ на Шведской могилѣ. Но съ проектомъ Репнина не согласился тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Блудовъ. „При всей удобности, писалъ онъ, устройства часовни и приличіи, сіе не можетъ быть приведено въ дѣйствіе“, а слѣдуетъ, сокративъ смѣту, приступить къ постройкѣ храма. Но тутъ возникло новое обстоятельство, задержавшее постройку храма. Нѣкто Лантуховъ, служившій чиновникомъ въ канцеляріи генералъ-губернатора, подалъ заявленіе, что ему достовѣрно извѣстно, будто бы покойный О. С. Судіенко, сверхъ пожертвованныхъ 100 тыс., еще завѣщалъ сто тысячъ „на Шведскую могилу“. Началось слѣдствіе, продолжалось оно очень долго и притомъ безъ результата. Тѣмъ временемъ сынъ жертвователя, Мих. Осиповичъ Судіенко [1]) вошелъ къ кн. Репнину съ ходатайствомъ обратить капиталъ его отца на воспитаніе дворянъ черниговской и полтавской губерніи въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, назвавъ ихъ „воспитанниками тайнаго совѣтника Судіенка“. При всемъ сочувствіи этой мысли, кн. Репнинъ не могъ дать ей ходъ, помня, какое рѣшеніе государя послѣдовало на его представленіе употребить Судіенковскій капиталъ на постройку кадетскаго корпуса. Между тѣмъ кн. Репнинъ оставилъ генералъ-губернаторскій постъ, и дѣло о постройкѣ храма на Шведской могилѣ, тянувшееся такъ долго, окончилось ничѣмъ; храмъ былъ здѣсь устроенъ уже впослѣдствіи, въ 1850-хъ годахъ [2]).

Вмѣсто храма на полѣ Полт. битвы, при князѣ Репнинѣ въ 1817 г. былъ устроенъ въ Полтавѣ памятникъ на мѣстѣ отдыха Петра В. послѣ полтавскаго сраженія. Незадолго передъ тѣмъ на этомъ мѣстѣ стоялъ тотъ самый ветхій деревянный домикъ, въ которомъ отдыхалъ Петръ I 27 іюня, 1709 г., но его сломала усердная не по разуму полиція, приводившая въ надлежащій видъ Полтаву для встрѣчи князя Репнина, назначеннаго малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. По свидѣтельству путешественника А. Глаголева, посѣтившаго Полтаву въ 1823 г., князь

---

[1]) Точнѣе говоря, онъ былъ лишь усыновленъ О. С. С—комъ, не имѣвшимъ родныхъ дѣтей.

[2]) Подробнѣе объ этомъ въ нашей брошюрѣ: „Къ исторіи Шведской могилы“.

былъ очень недоволенъ, узнавши о такомъ неблагоразумномъ распоряженіи полицейскихъ чиновниковъ, а они простодушно оправдывались: „его сіятельство думаетъ, что этотъ домъ былъ какъ обыкновенный домъ, а въ немъ ничего не было и похожаго!“ [1]). Чтобы не забыто было, по крайней мѣрѣ, мѣсто, гдѣ

Обелискъ, сооруженный въ 1817 г.

стоялъ этотъ домикъ, кн. Репнинъ велѣлъ поставить здѣсь сложеный изъ кирпича обелискъ, на которомъ была слѣдующая надпись: „Здѣсь Петръ I покоился послѣ трудовъ своихъ“. Ниже ея, внутри свернувшейся въ кольцо змѣи, годъ и день полтавскаго сраженія, а еще ниже слова: „благоговѣй, мѣсто свято

1) Кіевская Стар., 1892 года, т. I, стр. 246.

есть". Памятникъ былъ сооруженъ подъ наблюденіемъ городского головы Ивана Михайловскаго по рисунку, данному Репнинымъ [1].

Это былъ второй памятникъ полтавской битвы (колонна въ саду—первый памятникъ). Созданный же Руденкомъ [2]) уже не существовалъ въ то время. Дополняемъ наши свѣдѣнія о памятникѣ Руденка на основаніи архивныхъ данныхъ, добытыхъ нами. До послѣдняго времени полагали, что этотъ памятникъ былъ уничтоженъ, потому что психически больной разрубилъ топоромъ картину полтавской битвы, вставленную внизу этого памятника; но архивныя данныя показываютъ иное. Прихожанинъ воскресенскаго храма Иванъ Марченко завѣщалъ своему сыну Авраму Марченку построить возлѣ этой церкви колокольню. Послѣдній, исполняя волю отца, просилъ у кн. Лобанова-Ростовскаго разрѣшенія сломать поставленный Руденкомъ памятникъ, такъ какъ, по его словамъ, „устраиваемая имъ колокольня весьма много потеряетъ своего достоинства отъ близкаго положенія памятника, предположеннаго по высочайше одобренному плану къ уничтоженію". О какомъ планѣ здѣсь говорится, трудно сказать, но едва ли возможно допустить, чтобы по плану кн. Куракина для устройства города могъ быть уничтоженъ этотъ памятникъ. Памятникъ уничтожили, но и колокольня „по домашнимъ обстоятельствамъ" Марченкомъ не была построена. Много лѣтъ спустя, былъ сдѣланъ запросъ губернскому землемѣру Тарасову о статуяхъ, бывшихъ на Руденковскомъ памятникѣ; онъ отвѣтилъ, что „не собиралъ свѣдѣній, по неимѣнію на сіе предписанія". По разсказу священника воскресенской церкви Николая Колосовскаго, статуи были алебастровыя, числомъ 4 и каждая въ ростъ человѣка. Фундаментъ памятника былъ гранитный. Картина полтавскаго боя, вставленная въ этотъ памятникъ, нѣкоторое время хранилась въ полицейскомъ управленіи, и только послѣ 1812 г. года ее помѣстили въ воскресенской церкви. Тотъ же священникъ удостовѣряетъ, что наверху памятника была корона и звѣзда, но не было „никакихъ металлическихъ статуй".

Такъ относились къ памятникамъ въ прежнее время. Въ такомъ

---

[1]) Арх. городской 1817 г., журн. засѣданія 12 и 22 августа, 21 и 25 сентября. Стоимость его была слѣдующая: кладка пирамиды—250 р., 14 тыс. кирпича по 30 р. асс.—420 р., бронзовая отливка надписей на Луганскомъ заводѣ—580 р. 93 к., штукатурка и покрытіе желѣзомъ 79 р. 5 к., перевозка бронзовыхъ вещей 148 р. 38 к., всего 1478 р. 36 к.

[2]) См. о немъ 1 вып. „Полтава въ 19 столѣтіи".

отношеніи заслуживаетъ упрека и кн. Репнинъ, приказавшій срыть укрѣпленія, остававшіяся послѣ осады Полтавы; это было сдѣлано къ пріѣзду императора Александра I въ Полтаву. Александръ I пріѣхалъ въ Полтаву 14 сентября 1817 г., вечеромъ, и направился въ каѳедральный соборъ, гдѣ его встрѣтилъ епископъ полтавскій Меѳодій. Останавливался имераторъ въ домѣ С. М. Кочубея, гдѣ нынѣ институтъ. Прибылъ онъ вмѣстѣ съ Барклаемъ де-Толли и министромъ двора кн. Волконскимъ. На другой день Александръ I посѣтилъ шведскую могилу, вблизи которой былъ расположенъ 3 пѣхотный корпусъ, въ составѣ 13 тысячъ. Послѣ смотра, императоръ возвратился въ городъ. Вечеромъ былъ на балу, данномъ ему полтавскимъ дворянствомъ. На другой день вторично посѣтилъ Александръ I Шведскую могилу, гдѣ послѣ литургіи, отслуженной въ полковой церкви, смотрѣлъ войска, представлявшія, по диспозиціи Петра I, полтавское сраженіе. Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный историкъ Михайловскій - Данилевскій: „Сентября 16. Поутру мы отправились на поле безсмертнаго полтавскаго сраженія, на которомъ былъ выстроенъ третій пѣхотный корпусъ съ движеніями войскъ Петра Великаго и Карла XII. Намъ благопріятствовала прекраснѣйшая погода, и государь былъ чрезвычайно веселъ, любезенъ; да и можно ли было не радоваться, находившися посреди войскъ, незадолго торжествовавшихъ надъ всею Европою и въ тотъ же день являвшихся передъ нимъ на поляхъ, на которыхъ за сто лѣтъ спасена имперія, и положено настоящее основаніе ея величію! Во время маневровъ, государь нѣсколько разъ со мною разговаривалъ и, принимая меня, вѣроятно, за знатока нашей старины, предлагалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ касательно расположенія войскъ великаго прадѣда своего. Послѣ маневровъ былъ у императора большой обѣденный столъ, вечеромъ государь занимался бумагами, а я былъ въ театрѣ, гдѣ играли „Козака-стихотворца“. Довольно странно, что въ столицѣ Украины представляли сію пьесу, которая, нѣкоторымъ образомъ, есть сатира на малороссіянъ“ [1]). По случаю посѣщенія Полтавы императоромъ, городъ приводился въ порядокъ, ремонтировался каѳедральный соборъ и притомъ на счетъ городскихъ суммъ. Староста собора, гласный думы Тро-

---

[1]) Подробности путешествія см. газету „Сынъ Отечества“, 1817 г., ч. 41 и 42 стр. 154—156 (приведено цѣликомъ у Бучневича—Записки о Полтавѣ). Воспоминанія Данилевскаго— Рус. Старина 1897, т. ХС. іюнь.

фимъ Ковалевскій представилъ Репнину счетъ стоимости ремонта собора въ 315 р. 95 к. Репнинъ приказалъ думѣ уплатить изъ городскихъ суммъ [1]) По случаю царскаго пребыванія была устроена иллюминація, для чего квартальный надзиратель ѣздилъ въ Харьковъ, гдѣ покупалъ шкалики, стаканчики, такъ какъ у мѣстнаго торговца Лѣснокоженка не нашлось требуемаго количества. Лѣснокоженко далъ на прокатъ 3000 стаканчиковъ, но не получилъ ихъ обратно. Полиція увѣдомила, что всѣ шкалики потрескались отъ огня. Этому не повѣрилъ Репнинъ. „Невѣроятно, писалъ онъ въ думу, чтобы въ такомъ количествѣ растрескались оные отъ огня!“ и предписалъ думѣ вознаградить Лѣснокоженка, что дума и исполнила, уплативъ ему 740 р. Переписка объ этомъ тянулась довольно долго [2]). Городской садъ иллюминованъ былъ бумажными фонарями, чѣмъ завѣдывалъ учитель рисованія въ гимназіи Сплитетесеръ [3]). Въ 1820 году Александръ I вторично посѣтилъ Полтаву. Иллюминація и вообще приготовленія къ его пріѣзду стоили городу 39456 р. $57^1/_4$ к. [4]).

ГЛАВА VII.

Школа чистописцевъ въ Полтавѣ. Заведеніе для спасенія утопающихъ; число спасенныхъ въ 1829 и 1830 годахъ. Отказъ И. П. Котляревскаго платить жалованье фельдшеру этого заведенія. Неостоявшійся проектъ устройства въ Полтавѣ фельдшерской школы. Основаніе института благородныхъ дѣвицъ и кадетскаго корпуса. Открытіе духовнаго училища. Неудавшаяся попытка устроить въ Полтавѣ общественную библіотеку съ читальней. Открытіе здѣсь отдѣленія библейскаго общества.

Въ первой четверти прошлаго столѣтія въ Полтавѣ было открыто весьма рѣдкое учебное заведеніе — такъ называемая „школа чистописцевъ“. Такихъ школъ было всего двѣ въ цѣлой Имперіи: въ Полтавѣ и въ Ярославлѣ. Онѣ были учреждены по мысли министра внутр. дѣлъ графа В. П. Кочубея, который въ своемъ докладѣ комитету министровъ такъ мотивировалъ пользу ихъ учрежденія: „Въ домахъ воспитательныхъ призрѣваются незаконорожденные (подкидыши), которые тожъ воспитываются или

---

1) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2493.

2) Гор. арх. 1818 г. дѣло № 2683 и 2677.

3) Гор. арх. дѣло № 2422, 2486.

4) Гор. арх. 1820 г., дѣло № 3027, журн. засѣд. 6 февр. 1820.

въ домахъ сихъ, или внѣ оныхъ; воспитанники таковые увольняемы были изъ вѣдомства приказовъ по собственному ихъ распоряженію и терялись изъ виду, такъ что ни правительство за попеченіе свое о призрѣніи ихъ никѣмъ не вознаграждалось, ни общество не получало никакой пользы. Въ семъ уваженіи государь императоръ, въ 1820 году, обративъ вниманіе на участь воспитанниковъ, приказомъ призрѣваемыхъ, высочайше утвердить соизволилъ представленіе мое объ опредѣленіи ихъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы воспитанники уволняемы были изъ приказа съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по засвидѣтельствеціи мѣстнаго начальства о соотвѣтственномъ устроеніи ихъ участи, и 2) чтобы воспитанники обращаемы были въ общеполезныя заведенія по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ". Этихъ воспитанниковъ по окончаніи обученія министерство отправляло въ петербургскую аптекарскую школу, въ школы садоводства, существовавшія въ полтавской и пензенской губерніяхъ, въ наборщики казенныхъ типографій, и т. п. Изъ этихъ же питомцевъ должны были состоять и школы чистописцевъ, цѣль которыхъ — „приготовить молодыхъ людей на службу для тѣхъ губерній, кои по отдаленности или другимъ причинамъ имѣютъ въ канцелярскихъ служителяхъ большой недостатокъ". Школы эти находились въ вѣдѣніи приказовъ общественн. призрѣнія, на средства коихъ онѣ и содержались. Въ эти школы принимались дѣти не моложе 10 лѣтъ. Они ходили учиться въ гимназію или уѣздное училище (другихъ школъ въ Полтавѣ въ то время не было). Для уроковъ же чистописанія были положены особые часы, такъ какъ воспитанники должны были писать „хорошимъ почеркомъ, правильно и скоро". Болѣе способные изъ воспитанниковъ, проходившіе гимназическій курсъ, могли получить мѣсто помощника столоначальника. Смотря по успѣхамъ, окончившіе курсъ получали званіе старшихъ и младшихъ писцовъ. Образцы письма окончившихъ представлялись въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое и опредѣляло ихъ на службу. За полученное образованіе надо было прослужить отъ 8 до 10 лѣтъ, а по выслугѣ можно было получить оберъ-офицерскій чинъ. Если позволялъ возрастъ, то разрѣшалось опредѣлять воспитанниковъ на службу и до окончанія курса ученія. Неуспѣвающихъ учениковъ или дурного поведенія обращали въ ремесленниковъ, работниковъ въ заведенія, содержимыя приказомъ общественнаго призрѣнія. Опредѣленные же на службу писцами, въ случаѣ дурного поведенія или неспособности къ службѣ, обращаемы были въ податное сословіе.

На такихъ основаніяхъ была открыта и полтавская „школа чистописцевъ“. По штату въ ней положено было 50 воспитанниковъ. Первоначальное обзаведніе ея обошлось приказу въ 9996 р. 55 к. а ежегодное содержаніе стоило 12136 р. $3^1/_2$ к. Для помѣщенія ея былъ нанятъ домъ Руденка, гдѣ раньше помѣщался „Домъ воспитанія для бѣдныхъ дворянъ“ (нынѣ губернская земская управа). Приспособленіе этого дома обошлось приказу въ 16683 р. 90 к.

Первые питомцы этой школы были присланы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ воспитательныхъ домовъ смоленскаго, тульскаго, калужскаго и воронежскаго. Первымъ завѣдующимъ этой школой былъ депутатъ полтавскаго генеральнаго суда перваго департамента Ѳедоръ Константиновичъ. Въ школу эту принимались и безграмотные, которыхъ и обучали здѣсь; иные учились ариѳметикѣ и грамматикѣ, но всѣ безъ исключенія обучались чистописанію. Въ 1825 г. было введено рисованіе. Директоръ гимназіи Огневъ разрѣшилъ воспитанникамъ школы не ходить въ уѣздное училище по средамъ и субботамъ, чтобы заниматься рисованіемъ. Школа эта просуществовала до открытія земскихъ учрежденій, когда приказъ общественнаго призрѣнія былъ закрытъ. При ней существовалъ въ 1850-хъ годахъ прекрасный церковный хоръ, пѣвшій въ церкви богоугоднаго заведенія, бывшаго тоже въ вѣдѣніи приказа [1]).

По иниціативѣ кн. Репнина, въ 1829 году было учреждено въ Полтавѣ „заведеніе для спасенія утопающихъ.“ Устроено оно было при р. Рогизнѣ (нынѣ не существующій рукавъ р. Ворсклы). По плану архитектора Карташевскаго, служившаго въ губернскомъ правленіи, былъ устроенъ домъ „о четырехъ комнатахъ“, стоимостью въ 1376 р. 50 к. Въ немъ была квартира „цирюльника“, подававшаго первую помощь утопленникамъ. Это заведеніе состояло въ вѣдѣніи врачебнаго инспектора. Здѣсь была устроена ванна и шкафъ, гдѣ хранились слѣдующіе предметы, необходимые для оказанія помощи: двѣ щетки, перья для „произведенія щекотанья“, листовой табакъ, промывательная трубка, 10 арш. толстаго сукна и кровопускательные инструменты — шнипперъ и ланцетъ. Надворный совѣтникъ Иванъ Сессъ, выписанный еще княземъ Куракинымъ на должность завѣдующаго первой аптекой

[1]) Арх. П. губ. Земства, дѣла Приказа по описи № 317.

въ Полтавѣ, отпускалъ безвозмездно лѣкарства въ заведеніе для утопающихъ. На должность цирюльника былъ приглашенъ отставной юнкеръ Лабезниковъ, бывшій до этого времени штабъ-лѣкарскимъ помощникомъ. Этотъ Лабезниковъ очень усердно занимался оспопрививаніемъ въ Полтавѣ, за что былъ награжденъ, по высочайшему повелѣнію, книгой [1]). Врачебный инспекторъ Нейгеборнъ составилъ очень подробную инструкцію или „наставленіе", какъ спасать утопающихъ.

При „заведеніи" всегда находился лоцманъ и два водолаза. Какъ только окажется утопленникъ, то Лабезниковъ обязанъ былъ увѣдомить объ этомъ всѣхъ городскихъ врачей, которые, по инструкціи, обязывались явиться какъ „по долгу христіанскому, такъ и по самому требованію экстреннѣйшаго случая". Кровопускательные инструменты стоили не дешево: шнипперъ 10 р., а ланцетъ — 6 р. Лабезниковъ получалъ жалованья 450 р. асс. Въ первый же годъ по основаніи этого заведенія изъ 5 утопавшихъ было возвращено къ жизни 4, а въ 1830 г. изъ 4 утопавшихъ только 2. Когда купальный сезонъ прекращался, то Лабезниковъ обязанъ былъ посѣщать богоугодное заведеніе для усовершенствованія въ лѣченіи больныхъ, но онъ посѣщалъ очень рѣдко, а если и бывалъ, то не занимался дѣломъ, а жалованье все-таки просилъ выдать; но противъ этого возсталъ поэтъ И. П. Котляревскій, занимавшій въ то время должность попечителя богоугодныхъ заведеній. „Почитаю,—писалъ онъ въ приказъ общественнаго призрѣнія,—что отставной юнкеръ Лабезниковъ не имѣлъ права требовать отъ меня жалованья и я нахожу себя не обязаннымъ выдавать деньги такимъ людямъ, кои къ заведенію не принадлежатъ и для пользы онаго не трудились" [2]).

Въ томъ же 1829 году министерство внутреннихъ дѣлъ предложило полтавскому приказу учредить фельдшерскую школу. Надо сказать, что незадолго предъ тѣмъ московскій военный губернаторъ обратился въ министерство внутр. дѣлъ съ представленіемъ объ основаніи въ Москвѣ, при Екатерининской больницѣ, особой фельдшерской школы. Это подало мысль министерству устроить такія школы и въ другихъ городахъ. 6 апр. 1829 г. утверждены были руководящія правила о фельдшерскихъ школахъ. Этими правилами, между прочимъ, запрещалось принимать

---

[1]) Арх. П. губ. правленія 1837 года, по описи № 420.

[2]) Архивъ Полт. губ. земства. Дѣла приказа, по описи № 270.

въ такія школы дѣтей казенныхъ крестьянъ, „дабы не отнимать рукъ отъ земледѣлія и отъ упражненій свойственныхъ крестьянскому быту.“ Полтавскій приказъ разсчиталъ, что для больницъ полтавской губерніи нужно всего 20 фельдшеровъ, и поэтому призналъ болѣе выгоднымъ держать 20 пансіонеровъ въ харьковской фельдшерской школѣ, чѣмъ учредить такую школу въ Полтавѣ. Видно, доводъ этотъ былъ найденъ основательнымъ, если министерство не сочло нужнымъ настоять на своемъ предложеніи [1]).

Благодаря заботамъ того же кн. Репнина, основанъ былъ въ Полтавѣ институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Въ то время такіе институты находились лишь въ столицахъ. Въ другихъ провинціальныхъ городахъ существовали по крайней мѣрѣ частные женскіе пансіоны, но въ Полтавѣ въ началѣ прошлаго вѣка и такого пансіона не было. Впрочемъ, еще до открытія здѣсь института супруга С. М. Кочубея (†1815 г.) открыла у себя въ домѣ школу, гдѣ обучала безвозмездно грамотѣ дѣтей бѣдныхъ дворянъ. То же самое дѣлала и княгиня Варвара Алексѣевна Репнина (урожденная графиня Разумовская), супруга генералъ-губернатора. Будучи дочерью министра народнаго просвѣщенія, она сочувственно относилась къ идеѣ женскаго образованія и, живя еще въ Петербургѣ, основала тамъ женское благотворительное общество, содѣйствовала устройству Елисаветинскаго и Павловскаго институтовъ и пожертвовала въ ихъ пользу значительныя средства [2]). Поселившись въ Полтавѣ, княгиня В. А. Репнина, какъ и Прасковья Васильевна Кочубей, открыла у себя въ квартирѣ родъ пансіона для обученія бѣдныхъ дѣвочекъ дворянскаго званія. Отсюда ей было естественно прійти къ мысли о необходимости основанія въ Полтавѣ женскаго учебнаго заведенія. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе со стороны ея мужа, и въ первый же годъ своего генералъ-губернаторства Репнинъ предложилъ дворянству полтавской губерніи для разсмотрѣнія записку объ учрежденіи „дворянскаго благотворительнаго для дѣвицъ института.“ Дворянское собраніе, разсмотрѣвъ эту записку въ засѣданіи 17 января 1817 года и „видя въ предметѣ семъ существенную и явно ощутительную пользу для края сего, сред-

---

[1]) Арх. П. Губ. Земства 1831 № 397.

[2]) О ней см. Лихачева—Матерьялы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, вып. II.

ствами образованія женскаго юношества вообще весьма скуднаго, опредѣлило: на устроеніе его и содержаніе полагаетъ пожертвовать сумму отъ стяжанія каждаго владѣльца по 50 коп. въ двухгодичный срокъ, въ неусыпномъ упованіи, что ни одинъ изъ сочленовъ его, чувствомъ отца семейства и вообще рвеніемъ къ назиданію нравственности и просвѣщенія оживленный, не отречется участвовать въ столь благотворительномъ подвигѣ". Тотчасъ нашлись и щедрые жертвователи: извѣстный благотворитель, оказавшій такъ много услугъ Полтавѣ, С. М. Кочубей предложилъ для помѣщенія института свою усадьбу, впредь до покупки мѣста и постройки зданія. Въ 1819 г. усадьба эта была куплена дворянствомъ. Всей земли подъ ней было 72 десятины и усадьба съ постройками оцѣнена была въ 100000 р. С. М. Кочубей уступилъ ее за половинную цѣну и изъ этихъ денегъ согласился получить только 30000 р., а 20000 р. жертвовалъ на учрежденіе стипендіи имени его покойной жены. Институтъ былъ открытъ 12 декабря 1818 года, въ день рожденія императора Александра I. По штату въ немъ учреждено было 15 стипендій, по одной на каждый изъ повѣтовъ въ губерніи. Замѣщеніе ихъ дѣвицами дворянками зависѣло отъ уѣздныхъ предводителей. Для завѣдыванія дѣлами института учредился Совѣтъ, гдѣ засѣдали предсѣдатель, два члена отъ дворянъ, казначей и письмоводитель. Дворянство создало институтъ, давало средства на его содержаніе, и потому считало себя вправѣ слѣдить за созданнымъ на его средства заведеніемъ. Ходатайствуя о высочайшемъ покровительствѣ институту, полтавское дворянство такъ мотивировало свое ходатайство: „Независимость сего совѣта и ввѣряемаго управленію его института отъ властей гражданскихъ есть непосредственное и справедливое, на коемъ основываясь, общество предполагаетъ таковое благотворительное учрежденіе, какъ истинное дѣйствіе патріотическихъ чувствъ его, повергнуть подъ покровительство всемилостивѣйшей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, для чего и осмѣлится просить Ея Величество удостоить обращеніемъ на него Монаршаго ея вниманія и присоединить къ тому патріотическому учрежденію, которое осчастливлено ея августѣйшимъ покровомъ." Дворянствомъ были составлены правила пріема и вообще организація этой школы. Въ Институтъ принимались дѣти отъ 8 до 10 лѣтъ. Принимались и пансіонерки не моложе 9 и не старше 12 лѣтъ, съ платою по 500 р. асс. въ годъ. Въ числѣ пансіонерокъ могли быть и дочери купцовъ, но только первыхъ двухъ гильдій. На обученье

рукодѣлью въ институтѣ дворянство особенно настаивало: „Рукодѣлія женскія и часть домоваго хозяйства будутъ однимъ изъ уважительныхъ предметовъ, преподаваемыхъ при воспитаніи дѣвицъ [1]).

Въ совѣтъ дворянское собраніе избирало изъ своей среды выдающихся лицъ. Въ началѣ были: В. И. Чернышъ, губ. предводитель дворянства, С. Ѳ. Левенецъ, уѣздный предводитель двор., В. В. Капнистъ (поэтъ), М. Н. Новиковъ, С. М. Кочубей, Д. П. Бѣлуха-Кохановскій. В. Ѳ. Яновичъ, А. И. Ротмистровъ и др., Въ 1822 году, по просьбѣ многихъ родителей, въ составъ совѣта вошелъ и кн. Н. Г. Репнинъ, не какъ начальникъ края, а какъ дворянинъ полтавской губерніи. Княгиня В. А. Репнина принимала въ этомъ совѣтѣ, какъ попечительница, самое дѣятельное участіе. Дворянство справедливо оцѣнило ея заслуги въ созданіи института и на другой же день послѣ его открытія поднесло ей благодарственный адресъ. Въ состоявшемся по этому поводу постановленіи дворянскаго собранія читаемъ: „Видѣли мы съ восхищеннымъ чувствомъ радости и признательности, что предположенное ея сіятельствомъ благотвореніе краю сему къ основанію таковаго института приведено къ окончанію и что неутомимое ея сіятельства попеченіе къ устроенію общеполезнаго заведенія сего преодолѣло всѣ трудности, въ предначинаніи его предстоящія, къ чему одна скороисполнительность сословія нашего во взнесеніи потребной суммы была бы недостаточна, ибо къ благоуспѣшному исполненію нужны были дѣятельныя мѣры, принятыя ея сіятельствомъ, и необходимо было пламеннаго ревнія къ совершенію добра, свойственнаго только благороднѣйшей душѣ, а посему положили: принести отъ лица всего дворянства полтавской губерніи чувствительнѣйшую за то къ ея сіятельству благодарность, съ засвидѣтельствованіемъ. что она не изгладится въ сердцахъ дворянства и перейдетъ къ позднѣйшему потомству, ибо вѣчно обновляющійся памятникъ благотворенія будетъ напоминать вѣчно о благотворительницѣ“ [2]). Къ чести кн. Варвары Алексѣевны надо сказать, что она не даромъ носила званіе попечительницы института. Въ 1827 году, получивъ наслѣдство послѣ отца своего, она внесла въ пользу института 6000 р. асс. [3]). Не упоминаемъ о дру-

---

[1]) Двор. архивъ, положенія маршаловъ 1806—1820., № 225—230 и 1818 № 11, 27—31 стр.

[2]) Двор. арх. 1806—1820 гг.

[3]) Двор. арх. 1826 № 34., л. 82.

гихъ ея жертвованіяхъ. Въ 1820 г. дворянство вторично поднесло ей адресъ съ благодарностію за ея попеченіе объ институтѣ [1]). Такой же адресъ былъ поднесенъ и князю Репнину.

Но высокіе гражданскіе порывы, по временамъ обуревающіе наше дворянство, обыкновенно бываютъ не особенно продолжительны. Наговоривъ массу громкихъ фразъ, гг. дворяне разъѣзжаются по деревнямъ и основательно забываютъ о томъ, что такъ сильно ихъ волновало на губернскомъ съѣздѣ. Такъ случилось и съ полтавскимъ институтомъ или, точнѣе, съ его бюджетомъ, всецѣло зависѣвшимъ отъ дворянскаго великодушія. Неаккуратные взносы обѣщанныхъ дворянствомъ на его содержаніе суммъ побудили кн. Репнина ходатайствовать предъ императоромъ Николаемъ I о принятіи института въ вѣдѣніе казны, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе 17 сентября 1827 года.

О постройкѣ нынѣшняго институтскаго зданія и о возникшихъ отсюда непріятностяхъ для кн. Репнина было уже упомянуто при изложеніи его біографіи, подробности же этого дѣла изложены весьма обстоятельно въ автобіографической запискѣ И. И. Сердюкова [2]). Путешествовавшій въ 1823 г. А. Глаголевъ посѣтилъ полтавскій институтъ и съ восторгомъ говоритъ „объ его устройствѣ, объ успѣхахъ дѣвицъ въ наукахъ и искусствахъ и рукодѣльяхъ и въ особенности о способахъ нравственнаго ихъ образованія, которое должно утѣшать всякаго благонамѣреннаго гражданина“ [3]).

Другимъ учебнымъ заведеніемъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ кн. Репнину, является полтавскій кадетскій корпусъ. Въ царствованіе императора Николая I больше всего заботились о военномъ образованіи. Въ 1826 году былъ составленъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-инженера Опермана, для обсужденія вопроса объ устройствѣ въ Россіи кадетскихъ корпусовъ. До этого времени въ Россіи ихъ было шесть, а къ концу царствованія Николая I число ихъ возросло до 23. Четыре года длились занятія этого комитета. Въ 1830 г. былъ изданъ уставъ военно-учебныхъ заведеній. „Заведенія сіи, читаемъ въ уставѣ, учреждаются съ тою цѣлью, чтобы юному россійскому дворянству дать приличное званію воспитаніе въ томъ направленіи, какъ ему быть должно, дабы укоре-

---

[1]) ibidem л. 3 и 4. Объ Институтѣ см. работу протоіерея П. Мазанова: Полтав. Инст. Архивныя справки.

[2]) Кіевск. Старина, 1896 г., XI, 195—197.

[3]) Кіевск. Старина 1892 г. т. I, стр. 246.

нить въ воспитанникахъ сихъ правила благочестія и чистой нравственности и обучивъ ихъ всему, что въ предопредѣленномъ для нихъ военномъ званіи необходимо нужно, сдѣлать ихъ способными съ пользою и честью служить Государю и благосостояніе всей жизни основать на непоколебимой приверженности къ Престолу“. Комитетъ намѣтилъ открытіе корпусовъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ, чтобы дать возможность малолѣтнимъ „воспитываться для военной службы вблизи ихъ семействъ“. По ходатайству кн. Репнина, въ число такихъ городовъ включена была и Полтава, причемъ въ этомъ случаѣ имѣлись въ виду особыя историко-политическія соображенія. „Назначивъ учредить въ Полтавѣ кадетскій корпусъ, читаемъ въ высочайшемъ указѣ военному министру графу Чернышеву,—и желая, чтобы и сіе полезное учрежденіе служило памятникомъ знаменитой побѣды, одержанной подъ Полтавою Петромъ I, повелѣваю корпусъ сей именовать Петровско-Полтавскимъ и день учрежденія онаго праздновать въ день побѣды, 27 іюня, дабы и воспитывающіеся въ семъ зданіи молодые дворяне, готовясь также на поприще военное, вспоминали болѣе и болѣе о той славѣ, какую стяжали нѣкогда ихъ предки на поляхъ полтавскихъ и, одушевляясь ихъ подвигами, стремились и сами сдѣлаться сынами отечества и достойными слугами Престола.“ Въ 1829 г. Репнинъ внесъ на обсужденіе дворянскаго собранія вопросъ объ учрежденіи въ Полтавѣ кадетскаго корпуса. Надо сказать, что къ учрежденію кадетскихъ корпусовъ привлечено было дворянское сословіе Имперіи. Къ корпусу, учрежденному въ томъ или другомъ городѣ, были приписаны четыре или пять сосѣднихъ губерній, дворянству которыхъ и предлагалось внести матеріальное пожертвованіе. Къ полтавскому корпусу были приписаны четыре губерніи: полтавская, харьковская, екатеринославская и черниговская. Дворянство поднесло кн. Репнину адресъ, въ которомъ такъ благодарило его за заботы о просвѣщеніи края: „Образованіе юношества есть единственный и необходимый путь къ достиженію общественнаго благосостоянія, оно рождаетъ счастье семействъ, полезныхъ гражданъ, ревностныхъ сыновъ отечества и твердый оплотъ престола. Въ семъ отношеніи Малороссія, по отдаленію своему отъ столицъ, болѣе другихъ губерній ощущала невыгоду своего мѣстнаго положенія. Вы, сіятельнѣйшій князь, въ теченіе четырнадцати лѣтъ слѣдуя благодѣтельной цѣли, не переставали съ отеческою заботливостью пещись о пользѣ краю, управленію вашему ввѣренному. Въ теченіи четырнадцати лѣтъ всѣ сословія Малороссіи, а въ особенности дво-

рянство, не переставали ощущать пользу благотворительнаго попеченія вашего. Слѣдствіемъ онаго, по соизволенію августѣйшаго монарха нашего, въ серединѣ Малороссіи полагается основаніе кадетскаго корпуса. Нужно ли исчислять всѣ выгоды общественнаго учрежденія сего! Каждый отецъ семейства, каждый добрый гражданинъ, съ чувствами живѣйшей признательности, видятъ въ семъ случаѣ новое неопровержимое доказательство любви вашей къ Малороссіи. Вы, сіятельнѣйшій князь, воздвигли себѣ вѣчный памятникъ въ каждомъ благодарномъ сердцѣ малороссіянина. Юноша, протекая съ пользою поприще государственной службы, съ признательностью воспомянетъ виновника своего образованія; старецъ, указавъ внуку своему сіе благодѣтельное заведеніе, со слезами умиленія благословитъ имя ваше и запечатлѣетъ въ юномъ сердцѣ своего потомка память благотворителя Малороссіи, и доблестное имя ваше перейдетъ къ позднѣйшему потомству нашему и преимущественно поставится впереди всѣхъ благодѣтельныхъ начальниковъ сего края". [1]).

Отбросивъ обычную въ такихъ панегирикахъ реторику, слѣдуетъ признать, что учрежденіемъ въ Полтавѣ кад. корпуса кн. Репнинъ оказалъ несомнѣнную пользу краю. Не забудемъ, что въ то время во всей полтавской губерніи имѣлась единственная средняя школа—гимназія въ Полтавѣ, слишкомъ недостаточная даже для того времени, когда потребность въ образованіи еще не всѣми была сознаваема. Корпусъ былъ учрежденъ на 100 воспитанниковъ. Открытіе его послѣдовало долго спустя послѣ отставки кн. Репнина, 6 дек. 1840 года.

Во время управленія кн. Репнина, 16 января 1818 года открыто было, по иниціативѣ преосвященнаго Меѳодія, полтавское духовное училище. Помѣщалось оно въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, въ зданіяхъ, уступленныхъ монастыремъ для этой цѣли. Въ началѣ оно состояло изъ двухъ училищъ: уѣзднаго и приходскаго. Училища эти находились подъ вѣдѣніемъ ректора и инспектора училища. Первымъ ректоромъ былъ архимандритъ Крестовоздвиженскаго монастыря Іосифъ. Всѣхъ классовъ было 4, два въ приходскомъ и два въ уѣздномъ училищѣ. Классы были двухгодичные. Уроки длились по 2 часа и раздѣлялись на утренніе и послѣобѣденные. Испытанія учениковъ производились три раза въ годъ: передъ рождественскими

[1]) Двор. архивъ, Положенія дворянъ 1829, № 3.

праздниками, передъ Пасхой и въ концѣ учебнаго года. Черезъ два года были курсовыя испытанія. Отмѣтокъ не было, а успѣхи учениковъ аттестовали словами: „успѣховъ слабыхъ, малыхъ, преизрядныхъ, средственныхъ“ и т. п. Также словами аттестовали и поведеніе: „хорошаго, добраго, добронравенъ, благонравенъ, порядочнаго, добропорядочнаго, честнаго, похвальнаго, худаго“ и т. д. Ректоромъ титуловался только первый начальникъ училища, архимандритъ Іосифъ, его преемники именовались уже смотрителями. Училище было подчинено правленію семинаріи, находившейся въ то время въ Переяславѣ. Въ первый же годъ въ полт. уѣздн. училищѣ было: въ высшемъ отдѣленіи 23 ученика, въ низшемъ—81. Эти ученики были переведены изъ Переяславскаго духовнаго училища. Чины училища получали крайне скудное жалованье: смотритель 150 р. 15 к. и столько же за преподаваніе, инспекторъ—57 р. 20 к. и 150 р. 15 к. за преподаваніе, два учителя низшаго отдѣленія получали каждый по 128 р. 70 к., учитель 2 класса приходскаго училища 85 р. 80 к. и учитель 1 класса того же училища 71 р. 50 к. Ученики дѣлились на своекоштныхъ, содержимыхъ родителями на частныхъ квартирахъ, и на „бурсаковъ“, бывшихъ на казенномъ содержаніи. Въ „бурсѣ“ могли жить и своекоштные, за что платили 70 р. асс. или же доставляли провизіи на 45 р., а остальные 25 р. доплачивали деньгами. На полное содержаніе бурсака отпускалось всего 56 р. въ годъ, и потому не удивительно, что они во всемъ терпѣли крайнюю нужду.

Объемъ преподаванія былъ слѣдующій: въ 1 классѣ приходскаго училища учили только читать и писать; во 2—преподавали начальныя правила ариѳметики и грамматики, сокращенный катехизисъ, нотное церковное пѣніе, чтеніе книгъ церковной и гражданской печати. Въ низшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища: латинскій языкъ, греческій, русскую и славянскую грамматику, нотное пѣніе, церковный уставъ, ариѳметику—именованныя числа и простыя дроби. Въ высшемъ отдѣленіи: катехизисъ, священную исторію, исторію церкви, латинскую и греческую грамматики, географію (части свѣта), ариѳметику (2-ю часть) и нотный обиходъ.

Таковъ былъ строй и программа дух. училищъ до реформы ихъ въ 1854 году [1]).

---

[1]) Подробнѣе см. „Историч. записка о полтав. дух. училищѣ за послѣдніе 25 лѣтъ“ и прот. Г. А. Лисовскаго—„Историческій обзоръ средствъ содержанія бѣднѣйшихъ учениковъ Полт. дух. училища“.

Въ послѣдніе годы управленія кн. Репнина была сдѣлана попытка завести въ Полтавѣ общественную библіотеку. До того времени здѣсь не было и книжнаго магазина, появившагося только въ сороковыхъ годахъ. Иниціатива въ дѣлѣ устройства общественныхъ библіотекъ въ губернскихъ городахъ принадлежала извѣстному государственному дѣятелю Н. С. Мордвинову. Между прочимъ, онъ обратился и къ кн. Репнину съ просьбой содѣйствовать учрежденію въ Полтавѣ такой библіотеки „для чтенія книгъ всѣми сословіями", при чемъ обѣщалъ прислать въ эту библіотеку, въ случаѣ она будетъ открыта, всѣ изданія Вольно-экономическаго общества и Академіи Наукъ. По ходатайству того же Мордвинова, министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно обратился ко всѣмъ губ. предводителямъ съ предложеніемъ содѣйствовать учрежденію такихъ библіотекъ „въ видахъ народнаго просвѣщенія". Библіотека была наконецъ открыта и въ Полтавѣ, въ дворянскомъ домѣ, и за время съ 1830 по 1842 г. для нея поступило въ даръ 310 названій, въ 416 томахъ. Завѣдующимъ этой библіотекой былъ назначенъ И. Зозулинъ, смотритель полтавскаго уѣзднаго училища и преподаватель института. Но полтавцы не интересовались чтеніемъ и не посѣщали библіотеки. Средствъ у нея не было никакихъ. Въ 1842 г. Зозулинъ просилъ ассигнованія 450 р. на приведеніе этой библіотеки въ порядокъ и на переплетъ книгъ, такъ какъ (писалъ онъ) „многія книги въ листахъ и сложены въ кипы". Денегъ не было дано; губернскій предводитель просилъ уѣздныхъ ассигновать на это дѣло всего по 15 р. отъ уѣзда, но дворяне не дали и этой грошевой суммы. Такъ библіотека и зачахла. Жалкіе остатки ея существовали еще въ 1866 году. Когда въ этомъ году возникла среди полтавцевъ мысль открыть общественную библіотеку съ читальней, то губернскій предводитель, отнесшійся къ этому сочувственно, обѣщалъ отдать имѣвшіяся въ дворянской библіотекѣ книги; но библіотека въ то время не была открыта. Въ настоящее время остатки старой общественной библіотеки хранятся въ дворянской богадѣльнѣ въ с. Рибцахъ [1]).

---

[1]) Двор. арх. 1842 г., № 39, и 1866 г., № 13.

Столь же слабо привилось на полтавской почвѣ и другое просвѣтительное начинаніе, которому князь Репнинъ оказывалъ энергическое содѣйствіе: разумѣемъ мѣстное отдѣленіе Библейскаго общества. Въ 1804 г. въ Англіи было основано методистами, квакерами и другими сектами мистическаго характера Библейское общество, поставившее своею цѣлью распространеніе св. Писанія на разныхъ языкахъ среди народовъ всего міра. Такое общество, въ подражаніе англійскому, было основано и въ Россіи въ 1813 г. Самъ императоръ Александръ I очень сочувственно отнесся къ учрежденію этого общества и записался въ его члены съ ежегоднымъ взносомъ по 10 тыс. р. и единовременнымъ въ 25 тысячъ. Предсѣдателемъ библ. общества былъ избранъ извѣстный дѣятель того времени, министръ кн. Голицынъ. Въ первое время дѣла общества пошли очень успѣшно. Въ 1825 году общая цифра его изданій, болѣе чѣмъ на 40 языкахъ и нарѣчіяхъ, дошла до 876000 экземпляровъ цѣлой библіи и разныхъ ея частей; одной славянской библіи въ 1823 году было семь изданій. Общество заботилось объ открытіи своихъ отдѣленій въ провинціальныхъ городахъ. Въ октябрѣ 1818 г. первоприсутствующій въ св. Синодѣ митрополитъ Михаилъ (по фамиліи Десницкій, изъ черниговскихъ архіепископовъ) обратился съ предложеніемъ къ своему преемнику, епископу черниговскому Симеону открыть отдѣленіе библейскаго общества въ Черниговѣ. Епископъ Симеонъ просилъ содѣйствія въ этомъ дѣлѣ кн. Репнина, который въ свою очередь получилъ такую же просьбу со стороны предсѣдателя общества кн. Голицына. Благодаря стараніямъ Репнина, отдѣленіе библ. общества было открыто въ Полтавѣ въ 1818 году, 27 іюня, въ день, избранный самимъ кн. Репнинымъ, какъ „день торжественный для Россіи и достопамятный для Полтавы“. Самъ князь принималъ всѣ мѣры, чтобы разъяснить мѣстному дворянству пользу и значеніе библейскихъ обществъ и расположить его оказать имъ усердное содѣйствіе. Своими циркулярами онъ энергично побуждалъ предводителей дворянства вербовать членовъ и собирать пожертвованія. Получивъ первое донесеніе отъ маршала Стаховича о пожертвованіи тремя лицами 155 р., князь Р. былъ крайне недоволенъ такимъ малымъ сборомъ и положилъ резолюцію: „написать маршалу, что для меня весьма прискорбенъ сей поступокъ дворянъ, для такого богоугоднаго дѣла не усердствующихъ“. Къ сожалѣнію, въ архивныхъ дѣлахъ мы не нашли никакихъ свѣдѣній о дѣятельности полтавскаго отдѣленія библейскаго общества и не можемъ

судить, насколько сочувственно отнеслось къ нему мѣстное дворянство. Есть только данныя о черниговской губ., гдѣ 114 лицъ пожертвовали въ пользу мѣстнаго отдѣленія библ. общества 4326 р. Кажется, полтавскіе дворяне не собрались и на эту сумму [1].

Съ восшествіемъ на престолъ Николая I, какъ извѣстно, Библейское общество подверглось закрытію и его изданія велѣно было отбирать. Во исполненіе этого указа въ 1830 г. архимандритъ полтавскаго монастыря Гавріилъ отобралъ у извѣстнаго поэта И. П. Котляревскаго, бывшаго библіотекаремъ полт. отдѣленія общества, 717 экз. священнаго писанія. Книги эти хранились въ каѳедральномъ соборѣ [2]). Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1833 году отобрано было у члена золотоношскаго духовнаго правленія, протоіерея Даніила Думитрашка книгъ на сумму 56 р. 70 к. [3]). На этомъ и прекращаются наши свѣдѣнія о полтавскомъ отдѣленіи библейскаго общества.

Заканчивая обзоръ разныхъ учрежденій, возникшихъ въ Полтавѣ въ управленіе Репнина, упомянемъ объ открытіи имъ въ 1818 г. при богоугодномъ заведеніи „смирительнаго дома“ на 10 человѣкъ, „къ исправленію худыхъ нравовъ и тѣмъ къ сохраненію благочинія“. Содержаніе его обходилось въ 200 р. асс., каковыя деньги ежегодно были отпускаемы приказомъ общественнаго призрѣнія. Первыми попали сюда военные [4]).

ГЛАВА VIII.

Полтавскіе массоны. Арестъ С. М. Кочубея, Лукашевича, Алексѣева и др. и отправленіе ихъ въ Петербургъ. Ссыльные въ Полтавѣ: архимандритъ Викторъ Черняевъ, камергеръ Ал. Раевскій, генералъ-майоръ Орловъ и студентъ Лисянскій. Комитетъ для сужденія о дѣлахъ, заключающихъ измѣну или нарушеніе общаго спокойствія. Дѣла такого рода въ Полт. губ. Ложный доносъ Черняева. Общественная жизнь въ Полтавѣ; карточная игра. Театръ въ Полтавѣ; заботы о немъ Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Заведеніе въ Полтавѣ перваго церковнаго хора. Вербовка пѣвчихъ. Посѣщеніе Полтавы Глинкой. Полтавскіе архіереи и губернаторы со времени учрежденія губерніи по 1834 годъ. Дворянскіе балы и обѣды; тогдашнія цѣны на продукты.

Въ первой четверти прошлаго столѣтія въ Полтавѣ и уѣздѣ полтавскомъ существовали двѣ массонскихъ ложи, одна въ

---

[1]) Арх. Губ. Пр. 1818 г., по оп. № 107. Въ I вып. „Трудовъ Полт. Архивной Комиссіи“ помѣщенъ нами циркуляръ кн. Репнина дворянамъ по поводу библ. общества.

[2]) Терещенко. И. П. Котляревскій, Основа, 1861 г., февраль.

[3]) Арх. п. губ. правл. 1833 г., по описи № 47.

[4]) Арх. п. губ. земства, дѣло приказа общест. призрѣнія, № 265.

уѣздѣ—въ имѣніи Новикова Тагамлыкѣ, другая въ предмѣстьи Полтавы—Тернавщинѣ (между Яковцами и Павленками), принадлежавшей нѣкоему Тарновскому, служившему въ генеральномъ судѣ. Къ сожалѣнію, въ архивахъ мы не нашли подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности полтавскихъ массоновъ и объ ихъ собраніяхъ. Когда, по вступленіи на престолъ Николая I, массонскія общества подверглись преслѣдованію, то въ Петербургѣ какимъ-то путемъ узнали и о полтавскихъ массонахъ. И вотъ въ 1826 г. военный министръ Татищевъ сообщилъ кн. Репнину высочайшее повелѣніе арестовать помѣщика переяславскаго уѣзда Лукашевича, Тарновскаго, бывшаго губернскаго предводителя С. М. Кочубея и Алексѣева. Предписывалось произвести арестъ со всѣми предосторожностями, чтобы не дать возможности арестуемымъ уничтожить имѣющіеся у нихъ бумаги и документы. Лукашевича велѣно было доставить въ Петербургъ немедленно съ присланнымъ оттуда фельдъегеромъ, а остальныхъ прислать порознь, препроводивъ туда же и отобранныя у нихъ при обыскѣ бумаги.

Получивъ такое предписаніе, кн. Репнинъ разослалъ чиновниковъ для ареста названныхъ лицъ и снарядилъ особаго чиновника для производства обыска въ деревнѣ Писаревкѣ. Разслѣдованіе выяснило слѣдующія обстоятельства. Въ этой деревнѣ проживалъ надворный совѣтникъ Новиковъ. Кто онъ былъ и гдѣ служилъ,—изъ дѣла не видно. Небольшое его имѣніе было назначено въ продажу за долги. Желая сохранить отъ продажи что-либо изъ движимости, онъ просилъ свою сосѣдку, помѣщицу Анну Михайловну Велецкую позволить ему перевести къ ней въ домъ кое-какія вещи. Получивъ согласіе, Новиковъ и перевезъ туда почти всю свою движимость, благо сама Велецкая жила больше въ Полтавѣ, гдѣ имѣла свой домъ. Тѣмъ временемъ имѣніе Новикова было продано, а спустя двѣ недѣли послѣ продажи скончался и самъ Новиковъ. Не скоро послѣ этого сыновья покойнаго явились вмѣстѣ съ Григорьевымъ, довѣреннымъ лицомъ С. М. Кочубея, и какимъ-то Сахаровымъ въ деревню Велецкой, отперли бюро и вынули находившіяся тамъ бумаги покойнаго Новикова, которыя Григорьевъ долженъ былъ передать Кочубею, но разсмотрѣвъ эти бумаги, Григорьевъ тутъ же ихъ сжегъ. Такъ и не удалось слѣдователю добыть бумаги Новикова, о которомъ ходили слухи, что у него происходили тайныя собранія членовъ массонской ложи.

За то у другихъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ массонству, добыты были цѣлые тюки бумагъ, которые въ опэчатанномъ видѣ отправлены въ Петербургъ. Изъ числа этихъ лицъ Лукашевичъ былъ богатый помѣщикъ переяславскаго уѣзда и состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. С. М. Кочубей занималъ еще болѣе видное положеніе въ самой Полтавѣ; онъ состоялъ тогда въ чинѣ дѣйствит. ст. совѣтника, что было рѣдкостью въ то время. Одно время онъ былъ полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Это былъ очень щедрый жертвователь, оказавшій не мало услугъ Полтавѣ. Онъ подарилъ городу кирпичный заводъ, городской садъ, прилегающій къ нынѣшней новополтавской улицѣ, уступилъ за полъ-цѣны усадьбу для института и т. под. Арестъ произвелъ на него удручающее впечатлѣніе, что онъ и выразилъ въ письмѣ къ кн. Репнину. Въ немъ онъ указывалъ на милости, получаемыя отъ правительства, на то уваженіе, какимъ онъ пользуется въ обществѣ, на свои общественныя заслуги, и просилъ покровительства князя. С. Л. Алексѣевъ былъ хорольскій уѣздный предводитель (1826—1829). Къ той же ложѣ принадлежалъ и Дм. Алексѣевъ, губернскій предводитель екатеринославской губерніи. О немъ кн. Репнинъ увѣдомилъ графа Воронцова. Изъ числа этихъ четырехъ лицъ не былъ отправленъ въ Петербургъ только В. В. Тарновскій, въ то время дряхлый старикъ, удрученный болѣзнями.

Въ концѣ концовъ дѣло о полтавскихъ массонахъ окончилось ничѣмъ; прокатились они зимой въ Петербургъ и благополучно возвратились оттуда. Только Лукашевичу предписано было безвыѣздно жить въ своемъ имѣніи, м. Бориспольѣ, и отъ него отобрана подписка, что „онъ будетъ заниматься единственно хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дѣтей“. О поведеніи его переяславскій комиссаръ еженедѣльно доносилъ кн. Репнину. Всѣ его донесенія были въ такомъ родѣ: „Лукашевичъ ведетъ жизнь всходственно приличную благородному его званію“. А князь Репнинъ ежемѣсячно доносилъ о немъ то же императору, который только въ ноябрѣ 1828 г. приказалъ оставить Лукашевича подъ наблюденіемъ и больше не доносить о его поведеніи [1]).

Въ первые годы царствованія Николая I мирная Полтава почему-то сдѣлалась мѣстомъ ссылки опальныхъ лицъ; сюда вы-

---

[1]) Арх. губ. Правленія 1826 г., № 19, и 1828 г., № 221.

сылали на жительство за всякаго рода провинности. Въ 1827 г. въ Крестовоздвиженскій монастырь былъ присланъ бывшій архимандритъ нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря Викторъ Черняевъ „за неповиновеніе и дерзость“. Высланъ онъ былъ сюда изъ Суздальскаго Ефимьева монастыря, служившаго съ давнихъ поръ мѣстомъ заточенія духовныхъ лицъ. Архимандритъ Викторъ не долго пробылъ въ Полтавѣ и сталъ проситься на родину, въ Грецію. Ему это разрѣшили, и до границы онъ былъ отправленъ подъ надзоромъ полиціи [1]). Въ чемъ состояли его „неповиновеніе и дерзость“, за которыя онъ подвергся ссылкѣ,—неизвѣстно. Нѣкоторый намекъ на это находимъ въ письмѣ черниговскаго архимандрита Іеронима Визерскаго къ ректору воронежской семинаріи Филадельфу Пузынѣ, отъ 28 генв. 1827 г. „Вашъ нынѣ полтавскій Викторъ или Виктусъ,—пишетъ онъ,—изъ досады на правленіе, удалившее его туда изъ Нѣжина на покой, отказался отъ пенсіона, называя себя чужестранцемъ. Чѣмъ это кончится, легко знать“ [2]).

Годъ спустя присланъ былъ въ Полтаву отставной камергеръ Александръ Раевскій, какъ сказано въ бумагѣ министра императорскаго двора кн. Волконскаго, „за дурные разговоры, неприличные для образованнаго человѣка“. Онъ лишенъ былъ права выѣзда изъ города [3]), такъ что, когда его отецъ, жившій въ Елисаветградѣ, тяжко заболѣлъ, то лишь по особому ходатайству разрѣшено было ему навѣстить больного, но съ обязательствомъ вернуться въ Полтаву черезъ три дня [4]). Черезъ годъ было предписано потребовать отъ Раевскаго объясненія „о дерзостяхъ сдѣланныхъ графинѣ Воронцовой“. Послѣ подачи имъ объясненія, не сохранившагося въ архивѣ, Раевскому дозволено было жить, гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ [5]). Въ слѣдующемъ, 1829 г. былъ присланъ въ Полтаву генералъ-маіоръ Орловъ, принадлежавшій, какъ сказано въ бумагѣ, „къ злоумышленному обществу“ (вѣроятно, замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ). Ему дозволено было жить въ семьѣ Раевскаго [6]). Въ 1837 г. сюда же былъ присланъ подъ надзоръ полиціи студентъ М. Х. Академіи

---

1) Арх. Губ. Правл. 1827 г. № 132.
2) Кіев. Старина, 1904 г., дек., стр. 388.
3) Арх. Губ. Правл. 1828 г. № 289.
4) Арх. Губ. Правл. 1829 г., по описи № 485.
5) Арх. Губ. Правленія 1830 г., № 664.
6) Арх. Губ. Правленія 1829 г., № 54.

Іосифъ Лисянскій [1]). Всѣмъ ссылаемымъ, если у нихъ и не было личныхъ средствъ, не выдавалось въ то время содержанія отъ правительства. Въ 1825 году былъ сосланъ изъ полт. губ. отставной поручикъ Королько за „богохульство и ругательство надъ св. иконами" въ Спасо-Ефимьевъ монастырь, гдѣ онъ пробылъ до 1832 года, когда былъ поселенъ въ Роменскомъ уѣздѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ средствъ, просилъ о пособіи, но получилъ отказъ и предложеніе самому изыскивать средства къ жизни [2]).

Въ то время для разслѣдованія дѣлъ политическихъ не существовало еще корпуса жандармовъ, а былъ учрежденъ въ Петербургѣ „Особый комитетъ для дѣлъ, заключающихъ измѣну или нарушеніе общаго спокойствія". О мотивахъ, побудившихъ учредить его, вотъ что мы читаемъ въ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату: „Обращая вниманіе на способы, которыми коварное правительство Франціи, достигая пагубной цѣли своей разрушенія всеобщаго спокойствія, не переставало дѣйствовать во всѣхъ европейскихъ государствахъ черезъ тайныхъ и явныхъ своихъ сообщниковъ, предписали мы указомъ нашимъ отъ 28 ноября, прошлаго 1806 года, мѣры предосторожности въ разсужденіе проживающихъ въ Россіи французскихъ подданныхъ. Хотя симъ способомъ пресѣчена удобность къ совершенію замысловъ внѣшнихъ враговъ государства черезъ зловредныя переписки, подсматриванія (шпіонства) и разглашенія, но при всемъ томъ неможно вовсе обезпечиться съ сей стороны, и бдительность полиціи должна продолжать неослабное свое наблюденіе. Желая по сему преподать ей правила, настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ наиболѣе соотвѣтствующія, а съ другой стороны, при самомъ открытіи злаго намѣреніи или измѣны сохранить строжайшій порядокъ и благоразумную осторожность въ производствѣ слѣдствія по сему роду дѣлъ, гдѣ малѣйшая погрѣшность обратиться можетъ или къ притѣсненію невинности, или къ закрытію преступника, признали нужнымь учредить при таковыхъ обстоятельствахъ Особый Комитетъ". Въ составъ его входили: министръ юстиціи кн. Лопухинъ, сенаторы Макаровъ и Новосильцевъ, командующій въ столицѣ и военный министръ или, какъ назывался онъ тогда, министръ военныхъ сухопутныхъ дѣлъ, и графъ (впослѣдствіи князь) В. П. Кочубей, министръ внутрен-

---

[1]) Арх. Губ. Правленія 1837 г., № 340.

[2]) Арх. Губ. Правленія 1832 г., № 148.

нихъ дѣлъ. Были изданы правила, по которымъ всѣ дѣла по важнымъ преступленіямъ, „въ коихъ подозрѣваются люди зловредные или измѣна противу общаго спокойствія и безопасности", должны быть немедленно отсылаемы въ комитетъ, который и намѣчалъ, сообразно обстоятельствамъ, самый порядокъ слѣдствія. Не лишнее ознакомиться, какого рода дѣла въ началѣ прошлаго столѣтія (до учрежденія корпуса жандармовъ въ 1826 г,) подлежали вѣдѣнію этого комитета. Предварительно такія дѣла разбирались въ Полтавѣ и затѣмъ самое слѣдствіе отсылалось „на ревизію" въ комитетъ. Первымъ оказалось дѣло дворянина Якова Мочуговскаго, жившаго въ Константиноградѣ. Онъ оказался неумѣреннымъ поклонникомъ Наполеона и проявилъ злорадство по поводу его похода въ Россію. „Радуется онъ, — доносилъ о немъ губернаторъ, — желая, дабы Бонапартъ разорилъ Россію, и если бы онъ его здѣсь увидѣлъ, то какъ бы на крыльяхъ къ нему полетѣлъ". Въ переяславскомъ уѣздѣ отставной солдатъ Федоръ Гуцанъ, на приглашеніе земскаго комисара явиться для выслушанія предписанія губернатора о зачисленіи его въ штатныя команды, сказалъ: „если ему теперь на службу идти, то онъ не обратится на непріятеля, но на москаля, и начнетъ рѣзать до послѣдня". Въ томъ же уѣздѣ дворянинъ Лукашевичъ „за столомъ пилъ за здоровье Бонопарте". Нѣкто Леонтій Щербань, родомъ изъ новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, разсказывалъ о себѣ, что „ежели бы онъ пошелъ къ войнѣ, то побѣдилъ бы вдругъ непріятеля, а что есть у него такое деревцо, которымъ можетъ его одолѣть". Переяславская полиція его задержала и препроводила въ Полтаву. Его допросилъ совѣстный судъ и постановилъ такое рѣшеніе; „не находя въ суевѣріи его такового преступленія, которымъ бы онъ учинялъ кому-либо вредъ, обозначенному Щербаневу, за выговоренные имъ нелѣпіе изрѣченія вмѣнивъ въ наказаніе бытіе его подъ судомъ, отъ дальнѣйшаго истязанія оставить свободнымъ". Его обязали подпискою „въ прекращеніи суевѣрнаго разглашенія". Найденный у него бумажникъ съ палочкой называемаго имъ „чернаго глода" велѣно было сжечь. Объ этомъ дѣлѣ А. Б. Куракинъ не счелъ даже нужнымъ доносить въ комитетъ. Но дѣло казеннаго крестьянина Василія Гмири „по поводу выговоренныхъ имъ противу высочайшей особѣ государя дерзостныхъ и безумныхъ словъ" кн. Куракинъ препроводилъ въ комитетъ. Послѣдній довелъ до свѣдѣнія императора Александра I, который простилъ Гмирю „по снисхожденію къ его глупости" и повелѣлъ только „подтвердить

Гмирѣ, дабы впредь воздержался отъ продерзскихъ поступковъ, въ которыхъ онъ по повальному обыску обвинялся". [1])

Много лѣтъ спустя въ Полтавѣ произвело большую сенсацію дѣло чиновника казенной палаты Черняева, выдавшаго себя за бывшаго студента. Этотъ чиновникъ задалъ не малую работу чинамъ полиціи и администраціи сообщеніемъ, что въ Харьковѣ существуетъ тайное общество, злоумышляющее на царствующій домъ. Начались допросы; Черняевъ замѣшалъ въ это дѣло одного изъ профессоровъ харьковскаго университета. Слѣдствіе выяснило, что все это была ложь. Донесли объ этомъ императору Николаю I, который написалъ на дѣлѣ: „да въ здравомъ ли онъ умѣ?..." Послѣ этого только Черняевъ попалъ подъ надзоръ врачебнаго отдѣленія, которое нашло, что доносъ онъ сдѣлалъ „въ припадкѣ умопомѣшательства." Дальнѣйшее слѣдствіе выяснило, что это былъ человѣкъ исключенный изъ службы и побывавшій уже въ острогѣ [2]).

Общественная жизнь въ Полтавѣ была слабо развита въ разсматриваемый нами періодъ. За отсутствіемъ въ тогдашнемъ малокультурномъ обществѣ чиновниковъ и помѣщиковъ какихъ-либо высшихъ—научныхъ или художественныхъ интересовъ, единственными развлеченіями для „благородной публики" служили балы, вечера, карточная игра и театръ, заведенный въ полтавѣ при кн. Лобановѣ-Ростовскомъ. Высшей интенсивности эта праздничная сторона жизни достигала во время дворянскихъ выборовъ, когда въ Полтаву съѣзжалась масса помѣщиковъ съ семьями. Въ такую именно пору посѣтилъ Полтаву (въ 1804 г.) извѣстный князь К. Шаликовъ, успѣвшій въ теченіе одной недѣли побывать на 4-хъ балахъ и наплясаться подъ звуки „магическаго екосеза и увлекательнаго вальса" [3]). Но въ обыкновенное время скромный провинціальный городъ погружался въ обычную сонливость, и другой путешественникъ, И. М. Долгорукій, бывшій здѣсь въ 1810 г., замѣчаетъ, что „Полтава не щеголяетъ удовольствіями". Игра въ карты, конечно, не прекращалась и въ періоды затишья. Клубовъ въ то время не было еще въ Полтавѣ, играли въ карты по домамъ. Карточными играми были: бостонъ,

---

[1]) Арх. Губ. Правленія 1807 г., № 346.

[2]) Арх. Губ. Пр. 1831 г., № 35.

[3]) Кіевск. Старина, 1892 г. II, 244.

вистъ и банкъ, который поэтъ Котляревскій назвалъ „курочкой“, очевидно по мѣстному наименованію. Продажею картъ въ то время въ Россіи завѣдывалъ петербургскій Опекунскій совѣтъ „по экспедиціи карточнаго сбора“, имѣвшій своихъ агентовъ въ провинціи. Городскія думы, путемъ публикацій, вызывали желающихъ взять на себя продажу картъ по казеннымъ цѣнамъ, съ правомъ удержать въ свою пользу 10% съ вырученной суммы. Кромѣ этихъ лицъ, никто другой не имѣлъ права торговать картами. Взявшій на себя такую монопольную продажу подвергался штрафу въ 48 р. и болѣе, если продавалъ игранныя или иностранныя карты. Продавцы монополисты имѣли своихъ агентовъ по уѣздамъ, посѣщали ярмарки, гдѣ и продавали карты или раздавали ихъ для продажи по лавкамъ и магазинамъ. Карты въ первую четверть прошлаго столѣтія были дороги. Дюжина колодъ перваго разбора стоила 10 р. асс., игра 83½ коп., второго—дюжина 8 р., игра—66½ коп. и 3-го 5 р., а игра 41½ к. [1]). Въ 1840-хъ годахъ карты были разнообразныхъ сортовъ. Найлучшія по качеству были глазетовыя, игра которыхъ стоила 60 к. сер., затѣмъ атласныя—45 к., золотообрѣзныя—40 к., отборныя—35 к., а затѣмъ были еще карты попроще—въ 30, 25 и 15 копѣекъ [2]).

Съ какихъ именно поръ появились въ Полтавѣ театральныя представленія, мы не знаемъ. Первое зданіе театра было построено при кн. Лобановѣ-Ростовскомъ и находилось за нынѣшнимъ епархіальнымъ женскимъ училищемъ. Это было трехъэтажное каменное зданіе, стоившее городу около 20 тысячъ р. Существовало оно до 1852 года, когда за ветхостью было разобрано. О полтавскомъ театрѣ во время Лобанова-Ростовскаго мы не имѣемъ свѣдѣній. Игру тогдашней полтавской труппы видѣлъ въ 1810 г. И. М. Долгорукій, но не въ Полтавѣ, а въ Кременчугѣ, куда она на время ярмарокъ наѣзжала для гастролей, и вотъ какъ отзывается объ ея искусствѣ: „Мы взяли билеты и отправились. Сегодня для издыхающей ярмарки давали „Мѣщанина въ дворянствѣ“—превосходная и всѣмъ извѣстная фарса. Жалость!.. Двухъ актеровъ нѣтъ, которые бы однимъ нарѣчіемъ говорили: кто по-русски, кто по-черкаски, кто по-малороссійски, иной по-польски—смѣшеніе языковъ! Никакой взаимности въ общихъ вниманіяхъ: одинъ говоритъ, другой отворачиваясь шепчетъ про себя свою

1] Гор. арх. 1820 г., дѣло № 2819.

2) Полтав. губ. Вѣдомости, 1840 года.

ролю, чтобы не забыть того, что слѣдуетъ. Что за актрисы!.. Какое платьешко!.. Куклы на ниткѣ не надоѣдятъ, какъ эти живыя машины!.. Сперва я досадовалъ, тужилъ, негодовалъ, наконецъ разсудилъ хохотать и умеръ было со смѣха. Говорятъ, что гдѣ-то актеры подобные имъ берутъ со зрителей не за входъ, а за выходъ; не худо бы имъ перенять этотъ обрядъ контрибуціи: они бы вѣрно большій доходъ получили, потому что въ сарай къ нимъ набилось пропасть народу" [1]). Суровый отзывъ этотъ едвали справедливъ. Долгорукій часто проживалъ въ столицахъ, видѣлъ хорошія труппы, и, понятно, провинціальные артисты не могли удовлетворить его. Вообще въ его воспоминаніяхъ проглядываетъ какое-то насмѣшливое пренебреженіе ко всему, что ему приходилось видѣть.—О театрѣ много заботился кн. Репнинъ, большой любитель сцены и музыки. Въ 1818 году онъ пригласилъ въ Полтаву изъ Харькова труппу Штейна. Въ Полтавѣ началъ при немъ свою артистическую дѣятельность знаменитый впослѣдствіи артистъ М. С. Щепкинъ (1788—1863 г.). По преданію, онъ особенно былъ хорошъ въ роли еврея въ пьесѣ „Жидовская корчма." Въ этой роли онъ копировалъ тогдашняго городского голову А. Зеленскаго, который будто-бы обѣщалъ платить ежегодно труппѣ 2 тыс. р., если только пьеса будетъ снята съ репертуара, на что артисты согласились; но кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ возможно чаще играть эту пьесу. Зеленскій, чтобы не навлечь на себя гнѣва начальника края, долженъ былъ посѣщать театръ. Репертуаръ въ это время былъ слѣдующій: „Рекрутскій наборъ", „Несчастные", „Подводный камень", „Военная тюрьма", „Побѣгъ отъ долговъ", „Примиреніе двухъ братьевъ", „Русскій солдатъ", „Наталья, боярская дочь", „Попугай", „Клеветники", „Дуракъ и шуты", „Женихъ", „Уѣздный городокъ", „Любовная ссора", „Серебряная свадьба", „Недоросль" Фонвизина, „Ябеда" Капниста и др. Кромѣ того И. П. Котляревскій, состоявшій однимъ изъ директоровъ театра, написалъ для него двѣ малороссійскія пьесы, имѣвшія очень большой успѣхъ. Лучшими актерами въ то время, кромѣ Щепкина, были Барсовъ и Угаровъ, изъ актрисъ—Пряженковская и Медвѣдева. По временамъ полтавская труппа ѣздила въ другіе города: Харьковъ, Кременчугъ и Ромны, на время ярмарокъ, при чемъ членамъ труппы выдавались казенныя подорожныя. Вообще Репнинъ былъ по-

---

[1]) Долгорукій, „Славны бубны за горами". стр. 96.

кровителемъ артистовъ. Въ 1825 г. посѣтила Полтаву извѣстная въ то время балерина Баньковская, воспитанница танцмейстера Виріанда. Она очень понравилась полтавской публикѣ. Изъ Полтавы она отправилась въ Кіевъ, и кн. Репнинъ послалъ въ Кіевъ И. Г. Ковалеву письмо съ просьбой оказать ей содѣйствіе [1]). Фактовъ подобной предупредительности Репнина не мало встрѣчается въ архивныхъ данныхъ.

При полтавскомъ театрѣ былъ свой оркестръ, изъ 23 человѣкъ. Это были крѣпостные помѣщика Райковича (вѣроятно, Раковича, богатаго помѣщика прилукскаго уѣзда). Въ то время подобные оркестры, или „капелліи“, существовали у многихъ полтавскихъ помѣщиковъ. Оркестръ былъ на жалованьи у дирекціи. Директорами полтавскаго театра при Репнинѣ были И. П. Котляревскій и А. О. Имберхъ, служившій правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора. Многіе изъ музыкантовъ были женаты, и семьи ихъ жили въ деревнѣ. Случилось такъ, что когда умеръ Раковичъ, то его наслѣдники лишили эти семьи содержанія, но кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ, принялъ мѣры къ обезпеченію ихъ положенія [2]). Сборы по театру были плохи; приходилось нерѣдко отмѣнять спектакли за малолюдствомъ зрителей. Вотъ что однажды писалъ объ этомъ Котляревскій кн. Репнину: „Зборы по театру такъ малы, что жалованье за сентябрь не всѣмъ еще актерамъ выдано. Въ одинъ вечеръ въ театръ пришли только четыре зрителя, взносу сдѣлали 14 р., и я принужденнымъ нашелся отказать въ спектаклѣ. Теперь у насъ и погода прекрасная, хотя съ холоднымъ вѣтромъ: что же будетъ съ нашимъ театромъ, когда сдѣлается ненастье?..“ [3]) Цѣны мѣстамъ въ театрѣ были: кресло 4 р., партеръ 2 р., галлерея 1 р., табуретъ 5 р., ложи нижнія (нынѣшній бенуаръ) 16 р., верхнія (бельэтажъ) 12 руб. Въ афишахъ не указывали номеровъ мѣстъ [4]). Интересно, что спектакли въ то время начинались въ 6 часовъ вечера и потому не затягивались за полночь, какъ это бываетъ въ настоящее время.

---

[1]) Арх. Губ. Правленія 1825 г., № 675, л. 105.

[2]) Арх. Губ. Правл. 1819 г., по описи № 59.

[3]) О полтавскомъ театрѣ см. нашу статью въ „Кіев. Старинѣ“ 1904 года,— № 11. Заботы Репнина о полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина“. Въ ней приведена переписка о выкупѣ послѣдняго.

[4]) Образецъ тогдашней афиши приведенъ въ кн. Бучневича „Записки о Полтавѣ“.

Кромѣ любви къ театру, кн. Репнинъ обнаруживалъ такую же любовь и къ церковному пѣнію. Въ то время полтавскіе епископы жили въ Переяславѣ, и потому въ Полтавѣ не было даже архіерейскаго хора; во всѣхъ городскихъ церквяхъ пѣли дьячки. Репнину очень хотѣлось устроить въ Полтавѣ приличный хоръ, но здѣсь не нашлось знающаго человѣка, способнаго руководить имъ. По этому поводу онъ обратился къ управляющему Батуринской экономіей гр. Разумовскихъ съ такимъ письмомъ: „Всякій разъ, когда бываю въ обѣдни, я досадую на несогласное пѣніе церковнаго хора, и чтобы впредь избавиться отъ сего безпокойства, рѣшилъ поручить одному изъ губернскихъ чиновниковъ Полтавы сформировать вокальную музыку. Къ дѣлу сему начальный приступъ сдѣланъ, но теперь встрѣтились затрудненія въ регентѣ, котораго отыскать во всей полтавской губерніи нѣтъ надежды. Извѣстенъ я, что у васъ въ Батуринѣ есть регентъ, по моему замѣчанію, знающій музыку очень хорошо, почему обращаюсь къ вамъ—отпустить въ Полтаву на нѣкоторое время, т. е. пока онъ образуетъ пѣвческій хоръ какъ слѣдуетъ. Онъ будетъ на всемъ моемъ содержаніи съ приличнымъ жалованьемъ; я постараюсь доставить всѣ выгоды, дабы онъ не имѣлъ причины сѣтовать, что труды его не вознаграждены“. Просьба князя была исполнена, и изъ Батурина прислали ему регента Чухнова, который завелъ хорошій хоръ. Репнинъ былъ имъ очень доволенъ и въ апрѣлѣ 1817 г. благодарилъ письмомъ Батуринскаго управляющаго. Изъ Батуринской же „капелліи“ князь выписалъ для своего хора альта, дисканта и тенора.

Малороссія съ давнихъ поръ славится хорошими голосами. И въ настоящее время ее посѣщаютъ регенты изъ придворной капеллы и вербуютъ здѣсь пѣвцовъ; то же было и въ прежнее время. Въ 1820 г. знаменитый духовный композиторъ Бортнянскій писалъ Репнину и просилъ помочь ему въ пріисканіи альтовъ и дискантовъ для придворной каппелы. Было взято въ пѣвчіе 8 мальчиковъ [1]). Въ 1836 году съ тою же цѣлью Полтаву посѣтилъ другой извѣстный композиторъ, М. И. Глинка, служившій тогда капельмейстеромъ въ придворной капеллѣ. Онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ помощникомъ учителя пѣнія Палагинымъ. Въ Полтавѣ и другихъ мѣстахъ они набрали 20 мальчиковъ. На поѣздку ихъ ассигновано было 7 тысячъ р. [2]). Отправившись да-

---

1) Арх. Губ. Прав. 1820 г., дѣло № 334.

2) Арх. Губ. Прав. 1836 г., дѣло № 166.

лѣе съ тою же цѣлью въ черниговскую губ., М. И. Глинка временно поселился въ имѣніи Г. С. Тарновскаго, Качановкѣ и оттуда ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ Малороссіи. Поѣздки эти совершались съ извѣстными предосторожностями, такъ какъ придворные вербовщики пѣвчихъ по опыту знали, что отъ нихъ скрывали пѣвцовъ съ хорошими голосами, какъ это дѣлается и теперь. Въ то время славился хоръ преосвященнаго полтавскаго Гедеона, жившаго въ Переяславѣ. Пріѣхавъ въ Переяславъ, помощники Глинки переодѣлись купцами и отправились на архіерейское служеніе. Намѣтивъ лучшихъ пѣвцовъ изъ архіерейскаго хора, они записали ихъ фамиліи, и прежде чѣмъ архіерей спохватился, пѣвчіе были завербованы [1]).

Архіерейскій хоръ полтавской публикѣ приходилось слышать разъ въ три года, когда епископы полтавскіе пріѣзжали въ Полтаву ко времени дворянскихъ выборовъ. „Обряды" дворянскихъ выборовъ требовали приглашать для приведенія дворянъ къ присягѣ „первенствующую духовную особу". Архипастырями полтавскими со времени основанія полтавской губерніи (1802 г.) до 1834 года, когда Репнинъ оставилъ свой постъ, были слѣдующія лица:

1. *Сильвестръ* (*Лебединскій.*) Былъ онъ раньше ректоромъ астраханской семинаріи, затѣмъ ректоромъ казанской духовной академіи. Въ 1799 г. былъ хиротонисанъ въ Москвѣ во „епископы малороссійскіе." 17 декабря 1803 г. ему велѣно именоваться епископомъ полтавскимъ и переяславскимъ. Пробылъ онъ на каѳедрѣ полтавской до 25 января 1807 г., когда былъ переведенъ въ Астрахань архіепископомъ. Годъ спустя онъ былъ уволенъ на покой въ Глуховскій петропавловскій монастырь, но на пути скончался въ острогожскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ровенькахъ, гдѣ и погребенъ. Кн. Куракинъ, горячо взявшійся за насажденіе школъ въ Малороссіи, хотѣлъ привлечь къ этому дѣлу епископа Сильвестра, но встрѣтилъ въ немъ мало сочувствія [2]).

2. *Ѳеофанъ* (*Шіяновъ-Чернявскій*). Родился въ Китайгородѣ, кобелякскаго уѣзда; воспитывался въ Кіевской академіи. Былъ архимандритомъ нѣжинскаго и новгородъ-сѣверскаго монастырей, а въ 1798 г. былъ назначенъ ректоромъ черниговской семинаріи, откуда черезъ два года опредѣленъ викаріемъ кіевской митрополіи. Съ 25 января 1807 г.—епископъ полтавскій. Какъ мѣстный

---

[1]) Біографія Глинки, Базунова, 49—50, изданія Павленкова.

[2]). См. нашу работу: „Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія." Кіев. Старина, 1904,. № 1, и отдѣльные оттиски.

уроженецъ, любилъ говорить помалорусски. По отзывамъ современниковъ, это былъ простосердечный, добродушный пастырь, относившійся ко всѣмъ благосклонно. Скончался отъ паралича 12 января 1812 года и погребенъ въ Переяславскомъ вознесенскомъ монастырѣ.

3. *Анатолій* (*Андрей Максимовичъ*), также мѣстный уроженецъ, изъ с. Усовки, переяславскаго уѣзда. Обучался онъ въ переяславской семинаріи, а затѣмъ въ петербургской семинаріи (на правахъ академіи), гдѣ съ 1790 года былъ учителемъ поэзіи и греческаго языка. Затѣмъ былъ ректоромъ семинаріи въ Петербургѣ, откуда и назначенъ на полтавскую каѳедру. Въ февралѣ 1816 г. переведенъ въ Минскъ архіепископомъ, а затѣмъ 10 февраля 1832 г. въ Симбирскъ, но въ августѣ того же года увольнился на покой въ Сызранскій вознесенскій монастырь, гдѣ и скончался 14 февраля 1844 года.

4. *Меѳодій* (*Писнячевскій*), также родомъ изъ переяславскаго уѣзда (село Остролучье, или Сулимовка). Это былъ всесторонне образованный человѣкъ. По окончаніи кіевской академіи, онъ былъ отправленъ въ московскій университетъ для приготовленія къ профессорскому званію. По окончаніи университета, онъ возвратился въ академію, гдѣ съ 1806 г. занялъ каѳедру; здѣсь же затѣмъ былъ префектомъ. Отсюда его перевели въ петербургскую дух. академію на должность бакалавра, а затѣмъ ординарнаго профессора. Былъ затѣмъ ректоромъ петербургской семинаріи, откуда назначенъ на полтавскую каѳедру. Это былъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Изъ устъ его, говоритъ современникъ, „лилися перлы и алмазы". По его мысли, въ Полтавѣ, при Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, основано 7 января 1818 года духовное уѣздное и приходское училище. Управлялъ онъ полтавской епархіей по 1824 годъ, когда былъ переведенъ архіепископомъ въ Астрахань, а оттуда вскорѣ въ Псковъ. 10 мая 1834 г. былъ онъ уволенъ на покой въ Псковской спасомирожскій монастырь, но его тянуло на родину и онъ перепросился въ Лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 10 іюля 1845 года.

5. *Георгій* (*Ящуржинскій*), родомъ изъ подольской губерніи. Управлялъ полтавской епархіей съ 24 апрѣля 1824 года по 16 августа 1830 года, когда переведенъ былъ въ Архангельскъ, а оттуда въ 1845 г. архіепископомъ въ Тобольскъ, гдѣ и скончался 1 апрѣля 1832 г. Онъ былъ далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ съ кн. Репнинымъ, поводомъ къ чему послужило слѣдующее. Экономія кн. Репнина прирѣзала ружную землю одной

церкви къ господской полосѣ, а взамѣнъ ея отвела для руги въ отдаленномъ мѣстѣ такое же количество десятинъ, но худшаго качества. Епископъ Георгій просилъ губернское правленіе оказать законное содѣйствіе къ возвращенію прежняго участка ружной земли. Губернское правленіе, всецѣло зависимое отъ генералъ-губернатора, имѣло мужество стать на сторону преосвященнаго. Репнинъ, крайне недовольный этимъ исходомъ дѣла, хотѣлъ путемъ личныхъ переговоровъ уладить недоразумѣніе и самъ отправился къ еп. Георгію, съ которымъ имѣлъ жаркій споръ, но преосвященный настоялъ на своемъ.

6. *Наѳанаилъ I* (*Василій Павловскій)*, уроженецъ архангельской губерніи и воспитанникъ петербургской дух. академіи. Былъ ректоромъ ярославской и затѣмъ петербургской семинаріи, отсюда назначенъ 8 сентября 1830 г. на полтавскую каѳедру, гдѣ пробылъ до 12 мая 1834 года, когда былъ переведенъ въ Псковъ, гдѣ и скончался въ санѣ архіепископа 28 іюля 1849 года. Время его управленія полт. епархіей совпало съ эпидеміей холеры 1831 года и страшнымъ голодомъ, бывшимъ въ Малороссіи въ 1833 году. Епископъ Наѳанаилъ въ эти тяжелые годы оказался достойнымъ пастыремъ; онъ много заботился о голодающихъ и собиралъ для нихъ большія пожертвованія.

Послѣ Наѳанаила, въ годъ оставленія Репнинымъ Малороссіи, полтавскимъ епископомъ былъ назначенъ *Гедеонъ* (въ мірѣ Вишневскій), скончавшійся въ санѣ архіепископа въ 1849 году [1]).

Въ pendant къ архіереямъ перечислимъ и губернаторовъ, служившихъ въ Полтавѣ во время управленія Малороссіей кн. Лобановымъ-Ростовскимъ и Репнинымъ.

1. Первымъ губернаторомъ новооткрытой полтавской губерніи былъ *А. Б. Сонцевъ* (8 окт. 1801 г.—22 апрѣля 1805 г.); изъ Полтавы онъ былъ возвращенъ на ту же должность въ Воронежъ.

2) *Мухановъ Александръ Ильичъ*, д. с. с. Управлялъ губерніей съ 6 мая 1805 г. по 17 мая 1806 г., когда былъ назначенъ губернаторомъ въ Рязань.

3) *Брусиловъ Николай Ивановичъ*, д. с. с. Управлялъ съ 17 мая 1806 г. по 10 марта 1808 года, когда былъ переведенъ на ту же должность въ Вильну.

---

[1]) Мы не касались дѣятельности названныхъ епископовъ по управленію епархіей, что внѣ нашей темы. См. объ этомъ брошюру В. Н. Терлецкаго: Столѣтній юбилей полтавской епархіи. (Полт. Епарх. Вѣд. 1904 г. и отдѣльно).

4. *Козачковскій Алексѣй Ѳедоровичъ,* д. с. с., былъ съ 14 марта 1808 года по 17 мая 1810 г. Скончался въ маѣ 1820 года.

5. *Бровинъ Михаилъ Ивановичъ,* д. с. с., съ 17 сентября 1810 г. по 17 іюля 1812 года.

6. *Тутолминъ Иванъ Васильевичъ,* т. с. Былъ губернаторомъ съ ноября 1812 года по 22 апрѣля 1828 года.

7. *Могилевскій Павелъ Ивановичъ.* Родился въ Кіевѣ въ 1780 г., учился въ московскомъ университетѣ, служилъ первоначально на Кавказѣ, при Ермоловѣ, затѣмъ былъ черниговскимъ губернаторомъ, а съ 1828 г. полтавскимъ. Скончался въ Полтавѣ 22 авг. 1840 г. и погребенъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Епископъ полтавскій Гедеонъ такъ характеризовалъ его въ проповѣди при его погребеніи: „Что сказать вамъ, христіане, объ умершемъ? Онъ оставилъ церкви свою вѣру, царю свою преданность, отечеству труды, семейству родительскую любовь, намъ всѣмъ добрую память“ [1]). На могильномъ памятникѣ его сохранилась отчетливо до сей поры слѣдующая надпись:

Здѣсь прахъ того, кто съ юныхъ дней
Служа отечеству съ любовью,
Жрецъ правды былъ и другъ людей,
Сынъ преданный престолу кровью;
Кто показалъ людямъ во всемъ
Примѣръ въ величіи смиренья
И въ гробъ сошелъ съ святымъ крестомъ
Надежды, вѣры и терпѣнья.

Въ большіе праздники и въ высокоторжественные дни у генералъ-губернатора, а если его не было въ городѣ, то у губернатора бывали пріемы, на которые приглашались высшіе чины города, начальники отдѣльныхъ частей и именитые граждане. По окончаніи дворянскихъ выборовъ, дворянство обыкновенно давало „всему губернскому начальству и всей благородной публикѣ отъ лица всего дворянства балъ и ужинъ“, или же „балъ и фейерверкъ“. На расходы по устройству этихъ „баловъ“ вносили уѣздные предводители по 200 или 250 р. каждый; они же и распоряжались ихъ устройствомъ; такими распорядителями

[1]) Полтав. губ. Вѣдомостей 1840, № 36.

чаще другихъ бывали: В. Яновичъ, Левенецъ, Селецкій, Левченко, Магденко и др. Залъ дворянскаго собранія освѣщался восковыми свѣчами (1 пудъ—80 р. асс.) и только съ 1840 г. стеариновыми (1 п.—50 р.). Полъ натирали лакомъ. Найти хорошаго полотера въ то время въ Полтавѣ нельзя было, его выписывали почему-то изъ с. Циглеровки, константиногр. у., и платили 80 р., а въ 1835 г. было уплачено 135 р. Передъ началомъ бала помѣщеніе обязательно окуривали курительными бумажками, пачка которыхъ стоила 3 р. асс., а впослѣдствіи одеколономъ (баночка въ 1841 г, стоила 3 р. 60 к. асс.). Достать музыку стоило немало хлопотъ. Въ то время въ рѣдкихъ воинскихъ частяхъ имѣлись оркестры, за то они были у богатыхъ помѣщиковъ (т. наз. „капелліи"). Такимъ оркестрамъ за игру на дворянскихъ балахъ платили по 200 р. асс. Въ 1840 г., когда дворяне давали обѣдъ генералъ-губернатору кн. Долгорукому, то выписали оркестръ изъ зѣньковскаго уѣзда, при чемъ уплачено было за эстафету 15 р. 40 к. Въ началѣ бала подавали гостямъ чай и къ нему варенье, лимонъ и ромъ. Цвѣточный чай былъ очень дорогъ, за него въ 1820-хъ годахъ платили 16 р. асс. за фунтъ, послѣ онъ былъ нѣсколько дешевле. Особенно дороги были лимоны, такъ какъ это былъ продуктъ привозной. Въ 1829 г. за два десятка лимоновъ было уплачено 6 р. асс., а въ 1840 г. еще дороже — по 30 коп. за штуку. Не дешевъ былъ и сахаръ: пудъ рафинада въ 1826 г. стоилъ 44 р., болѣе чѣмъ по 1 р. за фунтъ; въ 1840 г. цѣна его пала до 90 к. за фунтъ. Благодаря дороговизнѣ сахара дорого было и варенье; для обѣда даннаго дворянствомъ въ 1826 г., было куплено 1 пудъ варенья цѣною въ 60 р. асс. Дессертъ состоялъ изъ конфектъ и фруктовъ; иногда въ качествѣ дессерта подавались и арбузы. Стоимость фруктовъ и арбузовъ (конечно, не въ сезонъ мѣстнаго ихъ созрѣванья) достигала баснословныхъ цѣнъ: за 25 арбузовъ въ 1825 г. было уплачено 5 р. асс., а въ 1829 году за 15 штукъ — 4 р.; за 200 яблокъ въ 1829 г. платили 8 р., за 200 грушъ — 5 р., за 600 сливъ — 4 р. 50 к. Обращаясь къ закускамъ, мы не встрѣтили въ счетахъ большого разнообразія ихъ, какъ нѣтъ разнообразія водокъ. Водка, помимо ординарной, была сладкая, ведро которой стоило 8 р. Изъ закусокъ упоминается паюсная икра, стоимость которой была 1 р. 20 к. фунтъ, и эта цѣна остается постоянной съ 1820 и до 1840 г. Швейцарскаго сыра фунтъ стоилъ 7 р. 50 к., а въ послѣдующіе годы цѣна его понизилась; сельдь голландская — штука 30 к., 1 ф. колбасы (1840 г.) — 60 к.; ящикъ сардинокъ — 10 р. Вина, употребляемыя

въ то время, были слѣдующія: хересъ (лучшій 8 р. бутылка), мадера 3 р., малага 2 р. 50 к. (въ 1840 г. — 4 р.), бургонское— бѣлое и красное — 8 р., шато-лафитъ 8 р., рейнвейнъ 8 р., жульенъ 2 р., заграничный сотернъ 8 р., го-сотернъ 12 р., медокъ 2 р. англійскій портеръ 1 р. 75 коп., остъ-индская мадера 4 р. Что касается съѣстныхъ продуктовъ, то для ознакомленія съ ними приведемъ счетъ обѣда, даннаго въ 1842 г. губернскому предводителю дворянства И. В. Капнисту: палочка ванили 10 р., 5 ф. зеленаго гороха 12 р. 50 к., 3 б. трюфелей 13 р. 50 к., 200 лимоновъ 24 р., 7 пуд. говядины 39 р. 20 к., 60 куръ 23 р., 600 яицъ 60 р., 80 цыплятъ 28 р., 8 ф. миндалю 10 р. 40 к., два мушкатныхъ орѣха 40 к., 3 бут. ямайскаго рома 16 р. 50 к., 1/4 ф. лавроваго листа 30 к., 1 пудъ крупичатой муки 12 р., 1 барашекъ 1 р., возъ льду 2 р. 60 к., 3 кварты молока 2 р. 50 к. (sic), 4 пуда соли 7 р. 20 к., 4 п. ветчины 72 р., 4 бут. прованскаго масла (лучшаго) 12 р., 8 ф. кофе — по 1 р. 50 к. Для изготовленія этого обѣда сожжено 2 костра дровъ (22 р.) Еще небольшое извлеченіе изъ счета обѣда, даннаго кн. Долгорукому въ 1840 году: теленокъ 12 р., дрофа 2 р., пара утокъ 60 к., 1 ф. миндалю 1 р. 20 к., кварта лимоннаго сока 1 р. 20 к., 1 б. уксусу 1 р. 50 к., 1 ф. перцу 1 р., мороженное, шеколадъ и аршадъ стоили 190 р. Стоимость ужина въ 1835 году на 200 персонъ 840 р. асс. Когда устраивали фейерверкъ (или „фейфаркъ“, какъ писали въ то время), то иллюминовали весь дворъ, „въ которомъ публика приниматься будетъ“.

ГЛАВА IX.

И. П. Котляревскій. Обученіе въ семинаріи. Военная служба. К. на службѣ въ Полтавѣ. Отношеніе къ нему Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Забота К. о театрѣ. Его домикъ, обстановка, образъ жизни. Посѣщеніе его И. И. Срезневскимъ. Кончина поэта. Памятникъ на могилѣ и послѣдующія его исправленія. Памятникъ поэту въ Полтавѣ. Литературныя произведенія поэта и его значеніе.

Наши очерки о давней Полтавѣ и жизни полтавской были бы не полны, если бы мы обошли молчаніемъ личность знаменитаго полтавца, жившаго и дѣйствовавшаго какъ-разъ въ разсматриваемый нами періодъ. Его имя не разъ мелькало на предыдущихъ страницахъ, но въ роли очень скромнаго общественнаго дѣятеля; между тѣмъ уже и въ то время это была крупная знаменитость, пользовавшаяся широкою извѣстностью не только

въ родной Малороссіи, но и далеко за ея предѣлами и привлекавшая въ Полтаву туристовъ-почитателей почти въ такомъ же числѣ, какъ Шведская могила привлекала путешественниковъ-патріотовъ. Когда въ 1837 г. прибылъ сюда харьковскій профессоръ (впослѣдствіи извѣстный академикъ) Изм. Ив. Срезневскій, онъ задалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ я въ Полтавѣ?" и тотчасъ отвѣтилъ: „Могила (т. е. Шведская) и *Котляревскій*—ничто другое не могло меня привлечь въ эту беззаботно-скучную, простодушно-пустынную, хоть и милую Полтаву" [1]). Это было сказано 70 лѣтъ назадъ, еще при жизни поэта. Теперь, когда историческое значеніи Котляревскаго, какъ родоначальника новой украинской литературы, признано всѣми, его литературныя заслуги оцѣнены по достоинству и въ центрѣ Полтавы красуется его монументъ,—теперь еще съ большимъ основаніемъ можно сказать: „Могила и Котляревскій"—вотъ главныя достопримѣчательности Полтавы, дѣлающія имя ея извѣстнымъ и дорогимъ во всѣхъ концахъ русскаго міра. И разъ мы говорили (что нашли въ архивныхъ данныхъ) о первой, скажемъ и о второмъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій по происхожденію былъ коренной полтавецъ; его отецъ служилъ канцеляристомъ въ полтавскомъ магистратѣ, а дѣдъ былъ дьякономъ въ соборѣ. Родился онъ въ Полтавѣ же, 29 августа, 1769 г. Гдѣ онъ получилъ начальное образованіе—въ точности неизвѣстно; можно полагать, что первоначально онъ учился въ соборной приходской школѣ, существовавшей еще въ XVII ст. Въ 1779 г., при архіепископѣ словенскомъ Никифорѣ Ѳеотоки, поселившемся въ Полтавѣ и отсюда управлявшемъ Словенскою епархіею. основана была здѣсь семинарія, именовавшаяся по мѣсту нахожденія *полтавскою*, по имени епархіи, для которой была предназначена—*словенскою*, а затѣмъ, когда въ 1786 г. словенская епархія была переименована въ „екатеринославскую и Херсонеса Таврическаго", то и семинарію стали называть *екатеринославскою*. Въ 1793 г. семинарія эта, вмѣстѣ съ архіерейскою каѳедрою, была перенесена въ Новомиргородъ, а оттуда въ Екатеринославъ. Вотъ въ эту семинарію, на одиннадцатомъ году своего возраста, и былъ помѣщенъ Котляревскій и пробылъ въ ней девять съ лишнимъ лѣтъ (съ 13 февраля 1780 г. до лѣтнихъ каникулъ 1789 г.) [2]) Хотя

---

[1]) Записки Срезневскаго—„Кіев. Стар." 1899 г., январь.

[2]) Кіев. Старина, 1905 г., іюль-августъ, стр. 46—47. Здѣсь же перечислены лица, бывшія преподавателями Котляревскаго.

большинство преподавателей полтавской семинаріи были мѣстные уроженцы, воспитанники кіевской академіи и харьковскаго коллегіума, но такъ какъ основатель ея Ѳеотоки, молдаванинъ по происхожденію, получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ, то можно предположить, что учебный строй ея былъ нѣсколько иной и учебныя программы нѣсколько шире, чѣмъ въ другихъ тогдашнихъ семинаріяхъ; кромѣ древнихъ языковъ, преподававшихся весьма основательно, здѣсь обучали и новымъ языкамъ, французскому и нѣмецкому, и основательно проходили философскія науки [1]). Здѣсь нашъ поэтъ имѣлъ возможность хорошо изучить Виргилія и его Энеиду, отсюда же онъ вынесъ и знаніе французскаго языка. По свидѣтельству школьныхъ товарищей по семинаріи, здѣсь же у него проявился стихотворческій талантъ, за что товарищи прозвали его „риѳмачемъ“. Не чувствуя призванія къ духовной профессіи, Котляревскій не окончилъ полнаго курса семинаріи и выбылъ изъ богословскаго класса лѣтомъ 1789 года. Очевидно, двадцатилѣтній юноша еще не рѣшилъ, куда опредѣлить себя, и нуждаясь въ заработкѣ, поступилъ такъ, какъ поступали въ то время сотни бѣдняковъ по выходѣ изъ школы: сталъ служить въ домахъ разныхъ помѣщиковъ въ должности домашняго учителя. Живя въ деревнѣ, онъ съ интересомъ присматривался къ народнымъ обычаямъ, участвовалъ въ играхъ молодежи, вслушивался въ народный говоръ, записывалъ слова, пѣсни, что дало ему возможность въ совершенствѣ изучить народный бытъ и языкъ. Такъ провелъ онъ около семи лѣтъ. Неудачная любовь и отказъ помѣщика выдать за него свою дочь заставили поэта искать другой службы, и по обычаю молодыхъ людей того времени, онъ рѣшился поступить въ военную службу. Ему было тогда 27 лѣтъ. Поступилъ онъ въ сѣверскій карабинерный полкъ (бывшій затѣмъ драгунскій, а впослѣдствіи конно-егерскій), въ рядахъ котораго ему пришлось совершить въ 1806 г. походъ въ Турцію. По порученію генерала Мейндорфа, очень его цѣнившаго, К. велъ журналъ военныхъ дѣйствій. Знавшій лично поэта С. П. Стеблинъ-Каминскій [2]) передаетъ очень характерный эпизодъ, слышан-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ этой же семинаріи получилъ начальное образованіе и другой знаменитый полтавецъ, Николай Ив. Гнѣдичъ, перешедшій, послѣ ея перевода изъ Полтавы, въ Харьковскій коллегіумъ, а съ 1800 года въ Московскій Университетъ.

[2]) Старожилъ полтавскій, б. учитель во многихъ школахъ, скончался въ 1886 году.

ный имъ отъ самого поэта. Переправляя его однажды лодкой через Дунай, гребцы-запорожцы признали въ немъ малоросса и спросили его, кто онъ. Котляревскій назвалъ себя. Гребцы переглянулись и спросили его: „Чи не той, шо скомпонувавъ Энеиду?“—„Той самый“, отвѣтилъ Котляревскій.—„Такъ це ты, батьку нашъ“! вскрикнули гребцы и бросились къ его ногамъ, цѣлуя его руки.—„Иды, батьку, до насъ, мы тебе зробымъ старшимъ“. Тѣмъ же Мейндорфомъ Котляревскій былъ отправленъ къ буджакскимъ татарамъ склонить ихъ на сторону Россіи, что онъ и исполнилъ удачно. Наградой ему за это былъ орденъ Анны 4 степени.

Въ военной службѣ Котляревскій пробылъ до 23 января 1808 года и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана. Послѣ этого онъ отправился въ Петербургъ для пріисканія мѣста по гражданской службѣ. Не имѣя связей, протекціи, трудно было малороссу устроиться въ столицѣ, и нашему поэту приходилось сильно нуждаться, спать въ сырой холодной комнатѣ; фризовая шинель служила ему одеждой, постелью и одѣяломъ. Не предвидя успѣха въ своихъ хожденіяхъ по пріемнымъ высокопоставленныхъ лицъ и затосковавъ по родинѣ, онъ оставилъ столицу и вернулся въ Полтаву, гдѣ проживала его мать. Здѣсь онъ получилъ мѣсто смотрителя „дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ“, незадолго до того основаннаго кн. А. Б. Куракинымъ. Не смотря на незначительность этой должности, оплачиваемой всего 300 р. асс. въ годъ, Котляревскій искренно полюбилъ свою новую службу и много заботился объ улучшеніи быта порученныхъ ему дѣтей. По его иниціативѣ, воспитанники были одѣты по формѣ, въ свободное время занимались военными упражненіями, ситуаціей, черченіемъ, танцами, устроена была для нихъ больница. Тогдашній генералъ-губернаторъ кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій очень уважалъ К., какъ образованнаго, даровитаго человѣка, и высоко цѣнилъ его службу. Вотъ что онъ писалъ ему изъ Петербурга 24 апрѣля, 1815 года: „Милостивый государь мой Иванъ Петровичъ! Похваляя печность (попеченіе) вашу о порученномъ вамъ дѣлѣ, не имѣю я еще удобности похвалиться, чтобы успѣхи мои о положеніи дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ были значительны; но ручаться могу, что безъ должнаго вниманія не могутъ они остаться. Медленность возвращенія государя императора паче всего сію вещь, какъ и прочіе, обременяетъ, но нѣтъ резону отчаяваться, чтобы доброе попеченіе мое не исправило нужду и не послужило бы

и къ удовлетворенію лицъ, подобно вамъ званіе свое отправляющихъ. Такое удостовѣреніе пріймите, пожалуйста, въ знакъ усерднѣйшаго почтенія, съ коимъ быть не престану. Вашъ вѣрнѣйшій слуга, кн. Яковъ Лобановъ-Ростовскій".—Не чѣмъ инымъ, какъ особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ къ Котляревскому, слѣдуетъ объяснить и то, что кн. Лобановъ въ маѣ 1813 г. отправилъ его съ депешами „въ главную Его Величества квартиру" [1]). Въ 1812 году формировалось въ Малороссіи козацкое ополченіе. И. П. Котляревскому кн. Лобановъ поручилъ формированіе 5-го козачьяго полка. Онъ успѣшно выполнилъ это порученіе и только опасался, какъ бы ему самому не пришлось вести сформированный полкъ на театръ военныхъ дѣйствій. „Твердо уповаю на увѣреніе вашего сіятельства,—писалъ поэтъ въ августѣ 1812 г., что я только употребленъ вами для сформированія полка, а не для служенія въ ономъ. Я и по бѣдности моей, и по старости матери моей, которую поддерживать есть мой долгъ, никакой службы несть внѣ Полтавы не могу. Сверхъ того, что я не имѣю никакого приготовленія ни на службу, ни къ походу, воспитанники остаются до сего времени безъ зимняго платья; по множеству заботъ вашему сіятельству невозможно вспомнить объ нихъ, полтавскій же приказъ очень безпеченъ... А помощники мои—исполнители только. И такъ бѣдные дѣти, до сего пользовавшіяся отеческими вашими попеченіями, теперь оставленныя безъ должнаго призрѣнія, потерпѣть могутъ. Сжальтесь надъ сими сиротами, ваше сіятельство, и удостойте ихъ и меня взаимно вашего вниманія и благоволенія" [2]). Желаніе поэта было исполнено, и онъ возвратился въ Полтаву. Такъ поэтъ любилъ свою родину, любилъ и „домъ воспитанія" и много заботился о немъ. А помощники у него, о которыхъ онъ упоминаетъ, точно были люди мало надежные. Въ числѣ ихъ былъ, напр., Козловъ, служившій раньше квартальнымъ надзирателемъ; въ 1831 г. былъ прикомандированъ „къ дому воспитанія" и другой квартальный надзиратель Зайченко-Жадько [3]).

Цѣнилъ поэта и преемникъ кн. Лобанова-Ростовскаго, кн. Н. Г. Репнинъ. 5 октября 1817 г., по ходатайству Репнина, Котляревскій былъ награжденъ за труды „по улучшенію дома дво-

---

1) Гор. арх. 1813., № 2077.

2) О сформированіи поэтомъ козачьяго полка см. нашу статью въ Кіев. Старинѣ, 1905, іюнь.

3) Гор. арх. 1831 г. дѣло № 4511, журн. засѣд. 12 сентября.

рянъ“ чиномъ маіора, бриллiантовымъ перстнемъ и пенсіей въ 500 р. асс. Это было во время посѣщенія Полтавы императоромъ Александромъ I. Есть извѣстіе, что императоръ хотѣлъ наградить его чиномъ коллежскаго ассесора, но К. заявилъ, что лучше выйдетъ въ отставку, чѣмъ разстанется съ военнымъ чиномъ. Александръ I добродушно улыбнулся и сдѣлалъ ему угодное. А годомъ раньше Полтаву посѣтилъ вел. князь Николай Павловичъ и, вѣроятно, по указанію кн. Репнина, осыпалъ знаками вниманія Котляревскаго, какъ извѣстнаго уже въ то время писателя, и пожелалъ имѣть у себя два экземпляра его „Энеиды“[1])

Какъ мы уже упоминали, въ 1818 г. кн. Репнинъ вызвалъ въ Полтаву труппу Штейна, въ которой находился и знаменитый Щепкинъ, и назначилъ Котляревскаго однимъ изъ директоровъ полтавскаго театра. Котляревскій съ любовью отдавался заботамъ о театрѣ и въ слѣдующемъ же году написалъ для мѣстной сцены двѣ малор. пьесы: „Наталку Полтавку“ и „Москаля Чаривныка“.

Кромѣ должности смотрителя дворянскаго пансіона, Котляревскій съ 1827 года состоялъ также попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія[2]). Эту должность онъ занималъ до 1835 г., когда вышелъ въ отставку по болѣзни. Уже въ то время онъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ и жаловался на онѣмѣніе правой руки и ноги.

Не задолго до кончины своей онъ отпустилъ нѣсколькихъ крестьянъ своихъ на волю. Въ теченіе послѣдняго года жизни своей онъ заперся въ своемъ домѣ, нигдѣ не бывалъ. Скончался 29 октября, 1838 года, на 70-мъ году своей жизни. Кончина его, по словамъ современника, вызвала искренніе слезы у друзей и всѣхъ, кто зналъ его. Хоронили его торжественно, съ музыкой; на похоронахъ была вся Полтава, искренно его любившая.

Котляревскій жилъ въ своемъ небольшомъ домикѣ, на краю Соборной или такъ наз. Подольской горы, на гласисѣ бывшихъ укрѣпленій. Въ 1821 году Котляревскій увеличилъ свою усадьбу, прикупивъ къ ней землю. По плану, высочайше утвержденному еще въ 1805 году, многія городскія усадьбы должны были отойти подъ улицы и площади. Эта планировка города коснулась и

[1]) „Украинскій Вѣстникъ“, 1816 г., № 7.

[2]) Репнинъ, желая оказать вниманіе Котляревскому, назначилъ его въ 1829 г. церемоніймейстеромъ во время дворянскихъ выборовъ. Дворянск. арх. 1829 г., № 4132.

усадьбы поэта. 23 августа 1821 г. губернскій землемѣръ Мордвинкинъ писалъ въ думу, что „по плану должно загородить маіору Котляревскому, близь левады его, 305 кв. саженей, а городской выгонной земли 2340 кв. саж., тамъ должно кварталу быть“. Дума, основываясь на завѣреніи губернскаго землемѣра, „что у маіора Котляревскаго отходитъ въ городскую надобность 305 кв. саж., что остающаяся его левада загородитъ ему городской земли одну десятину и 245 кв. саж.,—рѣшила отдать ему 305 саж. въ замѣнъ отходящей, его собственной, а за остальныя взять съ него деньги, по 3 к. за квад. сажень“. Котляревскій заплатилъ въ городскую кассу 70 р. 20 к. и пріобрѣлъ 2340 кв. саж. [1]). Домикъ Котляревскаго былъ старый. Во время войны со шведами

Видъ бывшаго дома И. П. Котляревскаго (въ 1855 г.).

онъ принадлежалъ купцу Панченку, потомъ Куровой, отъ которой и достался дѣду поэта. Послѣ смерти Котляревскаго домикъ этотъ, по духовному завѣщанію, перешелъ къ экономкѣ его, устроившей здѣсь трактиръ, затѣмъ былъ пріобрѣтенъ Педченковой, также обратившей его въ 1856 г. въ трактиръ.

Въ началѣ 1860-хъ годовъ домикъ этотъ сталъ разрушаться, дымовыя трубы стали угрожать паденіемъ, потолокъ готовъ былъ рухнуть; требовался уже капитальный ремонтъ, но некому было позаботиться о сохраненіи этого историческаго памятника. Въ настоящее время бывшая усадьба поэта раздѣлена между двумя владѣльцами. Въ одномъ изъ этихъ участковъ, въ кухнѣ фли-

---

[1]) Гор. арх. 1821 г., дѣла № 3118 и 3165, журн. засѣд. 22 авг. и 22 декабря.

геля, сохранился отъ стараго домика Котляревскаго урѣзанный кусокъ „сволока", на которомъ осталась часть вырѣзанной надписи. По разсказамъ лицъ, посѣщавшихъ поэта, въ его домѣ было 5 комнатъ вмѣстѣ съ кухней. Изъ передней налѣво вела дверь въ небольшой кабинетъ, который былъ и спальней хозяина. На поперечной балкѣ потолка этой комнаты была надпись, вырѣзанная церковными буквами: „Создася домъ сей во имя Отца и Сына и Св. Духа, року 1703". Обстановка въ домѣ была простая. Въ небольшомъ кабинетѣ стояла кровать, подлѣ нея небольшой письменный столъ и шкафъ съ книгами. Въ библіотекѣ поэта, по разсказу современника, были латинскія и французскія книги, изъ русскихъ—переводные романы: Лафонтена, Дюкро—Дюмониля, Жанлисъ, В. Скотта, Купера и др. Изъ періодическихъ изданій: „Сѣверная пчела", „Сынъ Отечества" съ Сѣвернымъ архивомъ, „Вѣстникъ Европы", „Благонамѣренный". Лучшей комнатой, наиболѣе просторной и свѣтлой, была гостинная, изъ которой былъ выходъ на крыльцо съ балкономъ, откуда открывался чудный видъ на окрестности города. Здѣсь любилъ просиживать поэтъ часами съ зрительной трубой. Весной, при разлитіи Ворсклы, особенно очаровательны были виды на эти окрестности; къ поэту нарочно собирались въ это время пріятели и знакомые полюбоваться этими видами съ его балкона. Обстановка гостинной была очень проста: канапе, обитое кожей съ мѣдными гвоздиками, нѣсколько такихъ же стульевъ, да три ломберныхъ столика—вотъ и вся мебель. Стѣны были украшены портретами императора Александра I и самого поэта, а также картинами фламандской школы. Одна изъ картинъ изображала испанца, держащаго въ рукѣ рака, другая—торговку живностью. Были еще портреты кн. Репнина и В. П. Кочубея, лично ими подаренные поэту. На одной изъ стѣнъ, между фламандскими картинами, висѣли часы, на циферблатѣ которыхъ было изображеніе Адама и Евы подлѣ дерева познанія добра и зла; змѣй искуситель вертѣлся на деревѣ по качанью маятника. Вмѣсто иконы въ углу была копія картины „Марія Магдалина надъ черепомъ". Такова была обстановка поэта, какъ описываетъ ее лично знавшій поэта С. П. Стеблинъ-Каминскій.

Такъ же скромна была и жизнь поэта. Любилъ онъ иногда бывать въ гостяхъ и у себя принять хорошихъ знакомыхъ и пріятелей. Вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Его разсказы, пересыпанные юморомъ и остроуміемъ, привлекали къ нему общество. Мастеръ онъ былъ разсказывать анекдоты, изъ которыхъ

многіе касались малороссійскаго быта. Любимыми домами, гдѣ онъ чаще бывалъ, были: графа Ламберта[1]), А. Ѳ. Лукьяновича, П. Д. Бѣлухи-Кохановскаго[2]) и П. С. Стеблина Каминскаго[3]). Съ семействомъ послѣдняго поэтъ былъ очень друженъ и часто просиживалъ у нихъ цѣлые вечера. Здѣсь онъ иногда читалъ свою „Энеиду", но только послѣ долгихъ, настойчивыхъ просьбъ. Читалъ поэтъ превосходно. Любилъ поэтъ принимать и у себя, особенно близкихъ ему лицъ. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста у него всегда былъ обѣдъ для пріятелей, на который онъ приглашалъ „полоскать зубы", какъ онъ выражался. Подавались постныя малороссійскія блюда, запиваемыя наливками и венгерскимъ, замѣнявшимъ въ то время шампанское. Пріятели его нерѣдко игрывали у него въ карты; самъ поэтъ любилъ это развлеченіе. Играли въ бостонъ и вистъ. Послѣ ужина поэтъ не прочь былъ поиграть въ „маленькій банчикъ", рублей въ 5 асс. Обхожденіе поэта было просто, привѣтливо. Любилъ онъ посѣщать и простыхъ людей, козаковъ, мѣщанъ; въ Полтавѣ его всѣ знали и уважали.

— „Здоровъ бувъ, пане Иване Петровичу!" говорили ему при встрѣчѣ на улицѣ. Поэтъ непремѣнно останавливался и бесѣдовалъ съ каждымъ. А многія изъ простыхъ женщинъ, при встрѣчѣ съ поэтомъ, кланяясь, говорили: „Здоровеньки булы, добродію, куме!"—„Здоровеньки и вы, кумо!". отвѣчалъ онъ.

Раньше, въ молодые годы, а главное—пока въ Россіи возможны были хоть какіе-нибудь прогрессивно-общественныя начинанія, увлекавшія лучшіе умы и въ отдаленной отъ столицъ глуши, И. П. Котляревскій всегда отзывался на нихъ съ горячимъ сочувствіемъ. Такъ мы видѣли, что онъ былъ дѣятельнымъ членомъ полтавскаго отдѣленія Библейскаго общества и до конца его существованія оставался его библіотекаремъ. Есть извѣстіе, что онъ принадлежалъ и къ масонской ложѣ подъ титуломъ „Любовь къ истинѣ", дѣйствовавшей въ Полтавѣ около 1820-хъ годовъ[4]). Но въ суровую эпоху Николая I отъ этихъ начинаній не осталось и слѣда; да и годы и здоровье поэта были уже не

---

[1]) Гр. Ламбертъ, полный генералъ, помѣщикъ Константиногр. уѣзда.

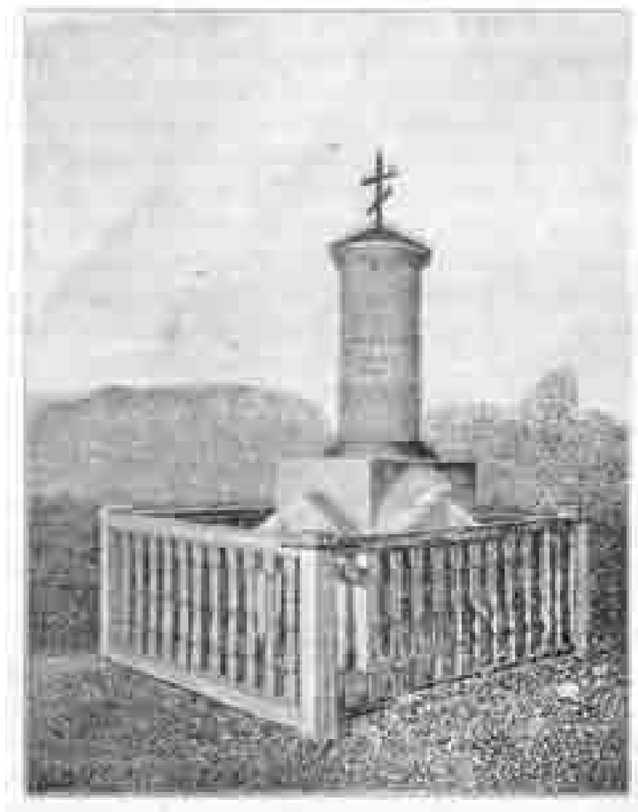
[2]) П. Д. Бѣлуха-Кохановскій, бывшій съ 1826—29 гг. губ. предводителемъ дворянства,—помѣщикъ Золотоношскаго уѣзда.

[3]) П. С. Стеблинъ-Каминскій служилъ въ приказѣ общ. призрѣнія, былъ правой рукой Репнина. Скончался въ 1856 году.

[4]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Пыпина, 321.

тѣ. Тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ онъ сохранилъ способность съ живѣйшимъ сочувствіемъ откликаться на такія всегда ему близкія темы, какъ вопросы о научной разработкѣ исторіи Малороссіи, о собираніи памятниковъ народной украинской поэзіи и т. под. Съ особенною яркостью эта благородная способность сказалась при посѣщеніи поэта Изм. Ив. Срезневскимъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Харькова въ Полтаву, чтобы познакомиться съ авторомъ Энеиды. Это было въ іюлѣ 1837 г., съ небольшимъ за годъ до смерти Котляревскаго, когда онъ, больной и слабый, жилъ затворникомъ. Отправляясь къ нему вечеромъ, Срезневскій думалъ: „О, если бы онъ меня принялъ хорошо, радушно, хоть съ тысячной долей того чувства, которое влечетъ меня къ нему!“ Описывая далѣе обстановку поэта, Срезневскій говоритъ: „Едва я успѣлъ окончить мой tour вокругъ комнаты, какъ въ комнату вошелъ довольно высокаго роста старикъ, въ кашемировомъ халатѣ. Это онъ. Пріятная улыбка на лицѣ и рука протянута ко мнѣ. „Извините, Иванъ Петровичъ, если я васъ обезпокоилъ. Быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ лично то глубокое, душевное уваженіе, которое издавна питаю къ вамъ,— вотъ одна изъ немногихъ причинъ, которыя заставили меня воспользоваться нѣсколькими днями досуга и поѣхать въ Полтаву. Позвольте мнѣ представить вамъ первый опытъ моихъ трудовъ объ Украинѣ, странѣ, хотя и не родной мнѣ, но тѣмъ не менѣе любимой“. Я подалъ ему мою „Запорожскую Старину“.—„А, очень радъ, Измаилъ Ивановичъ, знакомству съ вами. Я давно знаю васъ и жалѣлъ, что до сихъ поръ мнѣ удалось читать только одну изъ книжекъ вашего прекраснаго труда“. Онъ поцѣловалъ меня, дружески пожалъ руку и повелъ къ дивану. Мы сѣли. Разговоръ завязался. Иванъ Петровичъ говорилъ мало, и все порусски; но говорилъ умно, отчетливо, просто. Мнѣ очень пріятно было сойтись съ нимъ въ мысли, что исторія Украины или, какъ я зову, Малороссіи, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Россіи и что этотъ эпизодъ долженъ быть обработанъ съ особеннымъ тщаніемъ, потому что Украинѣ принадлежитъ слава разрѣшенія судьбы и Польши и Россіи. „Когда то мы дождемся историческаго описанія Малороссіи, ея достойнаго!“—„Когда желаніе понять ее будетъ замѣнять желаніе ее описать“, отвѣчалъ я.—„Ваша правда; теперь она невозможна“. И Иванъ Петровичъ, припоминая о томъ, что сдѣлано, прекрасно высказалъ, чего еще не достаетъ въ массѣ матерьяловъ. Видно было, что онъ слѣдилъ зорко за движеніемъ разработки матерья-

ловъ. Потомъ у насъ завязался маленькій споръ о важности памятниковъ народной словесности: онъ отчасти отрицалъ эту важность, называлъ современную любовь къ собиранію народной поэзіи порожденіемъ моды, ведущимъ къ немногому, и собирателей винилъ въ недальнозоркости, въ неумѣньи пользоваться сокровищами: „А сокровища все болѣе пропадаютъ и скоро не надъ чѣмъ будетъ и потрудиться; бывало десятками, сотнями слы-



Прежній памятникъ на могилѣ Котляревскаго.

шишь старинныя пѣсни и думы, а теперь разъ въ годъ прійдется услышать одну. Пусть бы эти сокровица остались не болѣе, какъ тѣмъ, чѣмъ остались пирамиды для Египта, все жъ бы остались памятникомъ народа, стоющимъ памяти". Я разсказалъ ему свои попытки къ собиранію памятниковъ народности, свои предположенія, свои надежды, говорилъ, какъ думалъ, какъ чувствовалъ.

— „Коли бъ то такъ уси за дило прыймались!“

Не знаю, что я отвѣчалъ на это, но съ этихъ поръ Иванъ Петровичъ, позволяя мнѣ мѣшать русскія фразы съ украинскими, самъ говорилъ почти все поукраински. Взоръ его, до того направленный на меня какъ-то недовѣрчиво, какъ-то холодно, оживился, слова полились рѣкою, и нѣсколько разъ почтенный старикъ откашливалъ свой смѣхъ, свои краснорѣчивые періоды“ [1]).

Котляревскій, согласно его желанію, былъ погребенъ на южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, вблизи дороги, ведущей на Кобеляки, подъ тѣнью вѣтвистаго тополя. Другъ поэта П. Стеблинъ-Каминскій въ 1839 году устроилъ на свои средства на его могилѣ небольшой кирпичный памятникъ, въ родѣ низкой колонны, на четыреугольномъ пьедесталѣ. Наверху колонны былъ небольшой позолоченный крестъ. На одной сторонѣ пьедестала была вдѣлана мѣдная доска съ надписью: „Маіоръ И. П. Котляревскій, сочинитель Энеиды на малороссійскомъ нарѣчіи, род. 1769 г., августа 29, скончался 1838 года, 29 октября“. Въ столѣтіе рожденія поэта почитателями его была собрана небольшая сумма, на счетъ которой былъ исправленъ памятникъ и сдѣлана вокругъ него рѣшетка. На памятникѣ, вмѣсто украденной въ 1863 году прежней доски, была прибита новая мѣдная доска съ надписью: „Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ „Энеиды“, „Наталки-Полтавки“ и „Москаля-Чаривныка“ на малороссійскомъ нарѣчіи; родился 29 августа 1769 года, скончался 29 октября 1838 г.“. Сверху доски, въ лавровомъ вѣнкѣ „1869 годъ“—годъ столѣтняго юбилея, а внизу—изображеніе лиры. Въ 1881 г. памятникъ этотъ былъ вновь исправленъ на средства полт. гор. думы, и вокругъ него вновь была сдѣлана ограда. Въ 1885 г. мѣдная доска съ надписью вторично была украдена. Въ 1891 г. почитатели поэта въ Одессѣ прислали черезъ П. Т. Климовича 80 р. для обновленія памятника, затѣмъ начали поступать пожертвованія изъ другихъ мѣстъ. Всего поступило съ 1881 по 1893 годъ 465 р. 11 к. сер. Въ 1893 г. полтавское губернское земское собраніе ассигновало 1000 р. Столь щедрое пожертвованіе дало возможность соорудить роскошный памятникъ на могилѣ поэта, съ изображеніемъ его бюста и четверостишіемъ Шевченка.

---

[1]) Кіевская Старина, 1899 г., январь.

Новый памятникъ на могилѣ Котляревскаго.

„Будешъ, батьку, панувати,
Поки живуть люде,
Поки сонце зъ неба сяе,
Тебе не забудуть“.

Тѣмъ временемъ росла и ширилась въ обществѣ идея постановки поэту памятника въ самомъ городѣ Полтавѣ. Въ мартѣ 1894 года полтавская дума постановила возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи подписки на сооруженіе памятника Котляревскому, если не повсемѣстно, то въ предѣлахъ черниговской и полтавской губерній. Въ концѣ 1895 года разрѣшена была подписка, но только въ предѣлахъ одной полтавской губерніи. Тѣмъ не менѣе добровольныя пожертвованія поступали изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Всего собрано 11798 р. 67 к., а съ процентами по 1 января 1903 года—14107 р. 1 коп. Въ частности, въ предѣлахъ полтавской губерніи собрано 7558 р. 39 к., остальные получены изъ разныхъ мѣстъ. Пьедесталъ сдѣланъ по рисунку архитектора А. И. Шершова, бюстъ поэта и барельефы сдѣланы по проекту художника-скульптора Л. В. Позена. Открытіе памятника очень торжественно было совершено 30 августа 1903 года. На памятникѣ слѣдующія надписи:

Рідний край своему першому поэтові
Іванові Котляревскому.
1798—1898 г.г.

И далѣе цитаты: 1) изъ „Наталки-Полтавки:“

„Де згода в семействі, де мир і тишина,
Счастливі тамъ люде, блаженна сторона“,

и 2) изъ посвященія Шевченка „На вічну память Котляревському:“

„Слава
Сонцемъ засіяла:
Не вмре кобзарь, бо навіки
Його привітала“ [1]).

Котляревскій писалъ мало. Вотъ его литературныя произведенія: Энеида, оперетта „Наталка-Полтавка“, водевиль „Мо-

[1]) Подробности о сооруженіи памятника—см. брошюру, изданную полтавской городской думой: „Отчетъ о сооруженіи памятника И. П. Котляревскому“ и статьи въ Кіев. Старинѣ 1903 года за октябрь: „Къ исторіи открытія памятника“ Н. Дмитріева и „Праздникъ украинской интеллигенціи“ С. Ефремова. Въ послѣдней приведены привѣтственные адресы, читанные въ торжеств. засѣданіи думы.

скаль-Чарывникъ" и шутливая ода кн. Куракину; имъ же написаны по-русски: журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса 1806 г. и „Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. Евангеліи Луки", переводъ съ французскаго, сдѣланный по порученію В. А. Репниной.

Со времени перваго изданія „Энеиды" (1798 г.) прошло слишкомъ сто лѣтъ и около 90 лѣтъ со времени составленія „Наталки Полтавки" и „Москаля-Чаривныка". Первая до сей поры читается, а послѣднія также до сей поры не сходятъ со сцены. Это лучшее свидѣтельство жизненности этихъ произведеній. Въ „Энеидѣ" въ первый разъ живой народный языкъ Украины сдѣлался языкомъ художественно-литературнаго произведенія, затмившаго собою все, что было писано южно-русскими писателями предшествовавшаго времени. Котляревскій понялъ, что духъ народа можетъ найти полное для себя выраженіе единственно въ живой, народной рѣчи. Выясненію значенія произведеній Котляревскаго посвящены ученыя изслѣдованія П. И. Житецкаго, проф. Н. П. Дашкевича, Сумцова и мн. другихъ.

И. Фр Павловскій.

Конецъ старой Малороссіи.

(1733—1786 годы въ исторіи лѣвобережной Украины).

Послѣ „руины" стало надвигаться „начало конца" старой Малороссіи. Цѣлое столѣтіе—съ конца 17 до конца 18 вѣка—шелъ процессъ постепеннаго упраздненія исторической Малороссіи. Сто лѣтъ шла борьба, пока подъ напоромъ внѣшней силы не стушевались выработанныя исторіей формы козацкой жизни.

Борьба шла diminuendo. Первое полустолѣтіе—постепенное подавленіе автономіи, во второе—автономія лишь мечта, почти неуловимая, звукъ пустой: борьба идетъ уже партизанская—за каждую пядь старины, стараго уклада. Второе полустолѣтіе, 1730-ые—1780-ые годы,—интереснѣйшая эпоха въ исторіи Малороссіи, когда послѣдняя пережила капитальнѣйшую передѣлку не столько внѣшняго, сколько внутренняго бытія своего. Это полустолѣтіе въ собственномъ и ближайшемъ смыслѣ—конецъ старой Малороссіи, потому что именно въ это время совершилась ломка старыхъ историческихъ формъ и условій жизни Малороссіи, созданныхъ вѣками. Если нужно данную эпоху заключить въ строго датированныя рамки, то начало ея мы укажемъ въ 1733—34 г.г., конецъ—въ 1783—86 г.г.

Въ дѣлѣ разрушенія стараго уклада жизни Малороссіи главную роль сыграли два фактора: умѣлое и энергичное воздѣйствіе внѣшней силы и соціально-экономическое положеніе украинскаго народа.

Во главѣ Россіи въ началѣ эпохи стояло правительство императрицы Анны Ивановны. Будучи для Россіи чужеземнымъ, оно обладало однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ—опредѣле-

ностью своей программы и систематичностью въ осуществленіи ея въ жизни. Въ отношеніи къ Малороссіи оно поставило себѣ цѣль—прибрать ее къ рукамъ,—какую ставилъ еще Петръ Первый. Рядъ мѣръ, умѣло и энергично веденныхъ, направленъ былъ къ тому, чтобы „малороссійскій народъ пріобыкалъ къ великороссійскому правленію“ [1]. Съ одной стороны старались въ малороссійскомъ обществѣ заглушить самую память о „древнихъ правахъ“ [2], съ другой стороны—малороссовъ „къ исполненію россійскихъ регуловъ и указовъ помалу привлекали“, политично наблюдая при этомъ, „чтобъ они не дознались“ о томъ [3]. И прежде всего воспользовались кончиною гетмана Даніила Павловича Апостола (послѣдовавшею въ пятомъ часу пополудни 17 января 1734 г.), чтобы фактически упразднить гетманство, не объявляя объ этомъ оффиціально.

Дѣйствуя, по удачному выраженію г. Джиджоры, „без галасу і шуму“, правительство императрицы Анны успѣшно добивалось того, что „Украіна поволі засипляла“ [4]. Но умерла Анна Ивановна, и вскорѣ на престолъ русскій вступила дочь Петра—Елизавета, которая въ малороссійскомъ вопросѣ по чисто случайнымъ побужденіямъ измѣнила политикѣ своего отца и правительства Анны Ивановны, вслѣдствіе чего на два десятилѣтія задержался процессъ постепеннаго разрушенія стараго уклада малороссійской жизни. Елизавета возстановила въ Малороссіи упраздненное Анною гетманство и облекла этимъ званіемъ брата своего фаворита—юношу графа Кир. Гр. Разумовскаго. Но гетманство Разумовскаго, обязанное своимъ происхожденіемъ прихоти императрицы, было прежде всего одною изъ тѣхъ обстановочныхъ феерій, которыя такъ любилъ тогдашній веселый и роскошный дворъ, и потому народу малороссійскому принесло мало пользы. Малороссъ по происхожденію, Разумовскій былъ рано оторванъ отъ своей родной почвы и потому плохо зналъ нужды своихъ

---

[1] См. Сборн. Р. И. О., Т. 108, стр. 24.

[2] Любопытенъ въ этомъ отношеніи выговоръ кіевскому, черниговскому и переяславскому архіереямъ за ихъ коллективную просьбу о правѣ духовенства на грунты, содержавшую въ себѣ ссылку на „древнія права“, каковая ссылка была названа правительствомъ „грубыми и предосудительными словами“. См Сб. Р. И О., т. 114 стр. 84—85.

[3] Сб. Р. И, О., т. 117, стр. 567.

[4] См. въ 61 т. „Зап. наукoв. Товар. ім. Шевченка“ интересную статью г. Івана Джиджоры—„Нові причинки до історії відносин російського правительства до Украіни в 1720-х и 1730-х р.р.“.

земляковъ, да и мало занимался дѣлами края, доставшагося ему въ управленіе; все вниманіе гетмана было приковано къ блеску и интригамъ двора Елизаветы. И потому, хотя въ царствованіе императрицы Елизаветы въ Петербургѣ до нѣкоторой степени и имѣли въ виду то, чтобы „народъ малороссійскій лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ радѣніемъ былъ управляемъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше сохраненъ и содержанъ“ былъ [1]),—однако пользу изъ этого извлекала главнымъ и существеннымъ образомъ лишь козацкая старшина, стремившаяся попасть въ дворянство и захватить себѣ побольше земель (по части безцеремоннаго захвата чужихъ земель весьма грѣшенъ былъ и самъ гетманъ) [2]).

Но вотъ 25 декабря 1761 г. умерла Елизавета. Послѣ безслѣдно промелькнувшаго въ исторіи полугодичнаго царствованія дурно воспитаннаго, нетактичнаго и простодушнаго племянника Елизаветы, тронъ русскій надолго заняла Екатерина Вторая, прозванная Великой. Свыше 34-лѣтнее царствованіе этой замѣчательной женщины, оставившее весьма замѣтный слѣдъ въ исторіи Россіи, останется навсегда памятнымъ и въ исторіи Малороссіи. Личность этой императрицы, нанесшей рѣшительный ударъ историческимъ формамъ жизни Малороссіи, заслуживаетъ особеннаго къ себѣ вниманія.

Эта прилежная, старательная и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразительная и находчивая нѣмка, еще въ дѣтствѣ имѣвшая „склонность слушать одно, а разумѣть другое“ [3]), и прошедшая затѣмъ съ отличіемъ трудную школу интригъ и лавированія между разными партіями при дворѣ Елизаветы, вступила на престолъ 33-лѣтней, ловкой, чрезвычайно тактичной и хорошо приспособленной къ жизненной борьбѣ женщиной. Огромное честолюбіе и жажда славы—были главными кумирами, которымъ она служила. По словамъ знаменитаго А. И. Герцена, „Екатерина хотѣла царить не только властью, но всѣмъ на свѣтѣ—геніемъ, красотой; она хотѣла обращать вниманіе всѣхъ, у ней была ненасытимая

---

[1]) См. жалованую грамоту гетману К. Г. Разумовскому отъ 22 мая 1751 г. у А. А. Васильчикова въ его соч. „Семейство Разумовскихъ“, СПБ., 1880 г., т. I стр. 145.

[2]) См. массу дѣлъ о захватѣ земель въ Моск Архивѣ Мин. Юст., дѣла 3-го департамента Сената за 2-ю половину XVIII ст.

[3]) См. стр. 9 въ I т. „Исторіи Екатерины Второй“ В. А. Бильбасова, Берлинъ, 1890 г.

жажда нравиться" [1]). Это, кажется, была главная пружина всѣхъ ея дѣйствій. Лучшимъ средствомъ къ достиженію этого всеобщаго предъ нею поклоненія было умѣнье Екатерины „стать на уровень каждаго" [2]). „Не стѣсненная узами, налагаемыми чуткой совѣстливостью и тонкимъ нравственнымъ чутьемъ, совершенно чуждая добродѣтели, Екатерина была щедро одарена талантами государственнаго человѣка" [3]). Но, не будучи отъ природы геніальной, лишенная „безумства храбрыхъ", слишкомъ чутко прислушивавшаяся къ тому, что говорили о ней при дворѣ, въ народѣ, въ Европѣ,—Екатерина не могла явиться новаторомъ, начинающимъ собою новую эпоху въ исторіи; она была по справедливому утвержденію проф. С. Ѳ. Платонова, „традиціоннымъ дѣятелемъ", при которомъ и благодаря которому „были подведены итоги предыдущей исторіи, завершились историческіе процессы, раньше развивавшіеся" [4]).

Такимъ „традиціоннымъ дѣятелемъ" явилась Екатерина и въ исторіи Малороссіи. По отношенію къ послѣдней она рѣшительно и энергично покончила съ тѣмъ дѣломъ упраздненія стараго строя Малороссіи, которое задумано и начато было еще Алексѣемъ Михайловичемъ и къ которому стремились—Петръ Первый и правительство императрицы Анны.

Къ малороссіи и Малороссамъ Екатерина была явно нерасположена. Причинъ къ тому было достаточно. Знаменитый митрополитъ Ростовскій Арсеній Маціевичъ, испортившій Екатеринѣ немало крови своимъ смѣлымъ протестомъ, былъ родомъ малороссъ; уже онъ внушилъ императрицѣ недовѣріе къ малороссамъ и подозрѣніе ихъ въ зараженности „многими ненасытнаго властолюбія началами". Случай столкновеній съ нѣкоторыми другими малороссами только усиливалъ предубѣжденіе противъ нихъ императрицы. Къ тому же честолюбивой, болѣзненно ревнивой къ своей власти, императрицѣ чрезвычайно не нравилось самое званіе гетмана и тѣ „конфирмованныя привилегіи", которыми пользовались малороссы. Ее безпокоила привязанность малороссій-

---

[1]) Цит. по рукоп. Имп. Публ. Библ., О. IV. № 53, л. 60.

[2]) Se mettre a la porfée de chacun —„выраженіе по адресу Екатерины матери ея первой невѣстки.

[3]) Вольный переводъ выраженій Leroy—Beaulieu—см. стр. 252 въ I т. его „L'Empire des tzars et les russes", Paris, 1881 г.

[4]) См. Лекціи проф. С. Ѳ. Платонова по русской исторіи, СПБ., 1904 г. стр. 559—560.

скаго народа къ своимъ старымъ порядкамъ и вольностямъ, его отчужденность отъ великороссовъ. Вообще малороссы въ ея глазахъ—не „добрые подданные, благоденствующіе подъ ея державой, а люди недовольные правительственной опекой, желающіе себѣ автономіи, способные къ протесту и отпору—они „какъ волкъ къ лѣсу“ глядятъ [1]). Неудивительно поэтому, что еще въ самомъ началѣ своего царствованія Екатерина задалась цѣлью Малороссію „легчайшими способами привести къ тому, чтобы она *обруспьла*“ [2]). Воспользовавшись первымъ удобнымъ поводомъ, она 10 ноября 1764 г. упразднила гетманство, а затѣмъ пошелъ рядъ рѣшительныхъ реформъ, направленныхъ къ полной отмѣнѣ стараго строя Малороссіи и введенію въ дѣйствіе здѣсь общеимперскихъ порядковъ.

Въ 20 лѣтъ ломка эта была произведена.

Какъ-же отнесся къ этому малороссійскій народъ?

При передѣлкѣ строя малороссійской жизни умѣлому и рѣшительному воздѣйствію сверху гармонировала слабость протеста снизу, обусловленная тогдашнимъ соціально-экономическимъ положеніемъ народа малороссійскаго.

Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей, юность съ ея лучезарными снами и весенними порывами бываетъ лишь разъ. Эту пору юности—эпоху героическую—украинскій народъ пережилъ въ 16—17 в.в., когда, полный свѣтлыхъ грезъ и мечтаній, бодрый, трепещущій избыткомъ жизненныхъ силъ, онъ горячо ратовалъ за свои идеалы, беззавѣтно служилъ имъ. Эпоха „руины“ ослабила и утомила народъ и физически, и нравственно; юношеское воодушевленіе, пролившись въ цѣлыхъ потокахъ козацкой крови, стало изсякать. А вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ рушиться и отживать свой вѣкъ украинскій демократическій строй „безъ хлопа и пана“: „можнійши“, забывъ свои „младенческіе сны“, заразились микробами удушливой, но соблазнительно-головокружительной атмосферы панской Польшѣ. На Украинѣ разомъ стали вырисовываться два новыхъ соціальныхъ типа—пана и холопа, и соціально-экономическій принципъ восторжествовалъ надъ національно-автономистическими тенденціями. Погоня малороссійской старшины за привилегированнымъ соціальнымъ положеніемъ—„благороднымъ“ россійскимъ дворян-

---

1) См. Сб. Р. И. О., т. 7, стр. 348, 376, 378 и др.

2) Ibidem, стр. 348.

ствомъ—была той чечевичной похлебкой, цѣной которой въ последнюю минуту проданъ былъ ею старый укладъ украинской жизни; овладѣвшая-же старшиной жажда къ обогащенію еще нѣсколько ранѣе разобщила ее съ народомъ и привела народныя массы къ нищетѣ, рабству и невѣжеству, вслѣдствіе чего старшина, еслибы и захотѣла, не могла-бъ уже опереться на народъ въ борьбѣ за свои національныя права. Въ теченіе полустолѣтія, отъ смерти гетмана Д. П. Апостола (въ 1734 г.) до введенія въ Малороссіи дворянскихъ учрежденій (въ 1785 г.), Малороссія обзавелась своимъ доморощеннымъ „благороднымъ шляхетствомъ". Но за него она заплатила дорого. Въ это полустолѣтіе украинскій народъ окончательно разслоился на сословія, началась въ немъ форменная классовая борьба. Въ Петербургѣ всячески содѣйствовали этому, старались разжигать аппетиты старшины,—тамъ прекрасно понимали, что „царство раздѣльшееся на ся не устоитъ", и спѣшили пользоваться удобнымъ моментомъ для проведенія мѣръ, нужныхъ для „обрусѣнія" края. Въ то же полустолѣтіе—къ концу его,—Малороссія преобразилась: козацкое управленіе и полки были упразднены, память объ автономіи стерта, введены великороссійскіе порядки, вступило въ свои права крѣпостное право, выборное духовенство превратилось въ правительственныхъ чиновниковъ, разобщенныхъ съ паствой[1]), просвѣщеніе народа пало и т. д. Возьмите одну сторону дѣла—просвѣщеніе народныхъ массъ. Если вы заглянете, напримѣръ, въ вѣдомости объ ученикахъ одного изъ крупнѣйшихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Украинѣ—Черниговскаго коллегіума, вы увидите тутъ такія краснорѣчивыя цифры: въ началѣ даннаго полустолѣтія, въ 1730-хъ и 1740-хъ годахъ, около $^2/_3$ всего состава учащихся составляли дѣти разночинцевъ—разнаго ранга козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ или поселянъ [2]); не то—по истеченіи этого полустолѣтія: въ 1790 г., напримѣръ, изъ 426 учащихся коллегіума свѣтскаго элемента лишь 40 человѣкъ (т. е. менѣе 10% [3]).

---

[1]) Въ дѣлѣ разрушенія стараго уклада церковной жизни Малороссіи большую роль сыграли указы: 1765 г., установившій таксу за требы и упразднившій договоръ священника съ приходомъ, 1778 г., преобразовавшій приходскіе штаты, и 10 апрѣля 1786 г., о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и о штатахъ для монастырей лѣвобережной Украины; изъ лицъ много поработали надъ этимъ митроп. Кіевскіе 70 и 80 г.г.—Гавріилъ и Самуилъ.

[2]) См. въ д. арх св. синода 1737 г. № 380, выдержки см. въ сент. кн. „Кіев Ст" 1905 г. въ нашей статьѣ „Изъ исторіи образованія въ Украинѣ".

[3]) См. въ арх. св. синода д. 1791 г. № 361.

То же замѣчается и въ другихъ украинскихъ семинаріяхъ и въ кіевской академіи. Въ то же время, въ послѣдней четверти 18 вѣка, вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ народныхъ массъ и преобразованіемъ института „дяковъ“ (на основаніи указа 1778 г. о приходскихъ штатахъ), какъ слѣдствіе того и другого, вымираютъ въ Малороссіи приходскія школы, раньше числившіяся въ полкахъ десятками и сотнями [1]) и бывшія источникомъ грамоты для народа. Для раба школа оказалась излишней роскошью, да и некому было просвѣщать его: „дякъ-бакаляръ“ былъ упраздненъ и „школяры“ разогнаны; новая-же система свѣтскихъ школъ, задуманная правительствомъ, нескоро захватила народныя массы.

Но съ упраздненіемъ старого украинскаго строя и съ поднявшимся вмѣстѣ съ тѣмъ гоненіемъ на все украинское и принятіемъ радикальныхъ „обрусительныхъ“ мѣръ, національная идея въ украинскомъ народѣ не умерла. Эпохой Екатерины Второй закончилась не вся исторія украинскаго народа, а лишь одна изъ ея эпохъ,—на смѣну ей наступила новая, тоже исполненная большихъ аномалій.

Вл. П—ко.

---

[1]) См. въ статьѣ А. Лазаревскаго—въ майск. кн. „Основы“ 1862 г.

Памяти Вл. В. Лесевича.

Смерть жатву жизни коситъ... Подъ громъ и грохотъ выстрѣловъ на Дальнемъ Востокѣ, подъ шумъ отчаянной борьбы старой и новой жизни внутри Россіи сходятъ въ могилу одинъ за другимъ самоотверженные борцы за лучшее будущее изстрадавшагося народа. Умеръ Михайловскій, проводили въ могилу Чехова, недавно похоронили Куперника, Сѣченова и кн. Трубецкого,—и вотъ опять свѣжая могила, заставляющая оглянуться на пройденный путь, подвести итоги потерямъ и сосчитать остающихся борцовъ. Въ пылу борьбы смерть даже тѣхъ людей, имена которыхъ извѣстны каждому образованному человѣку, не производитъ того потрясающаго впечатлѣнія, какое несомнѣнно получилось бы въ иное, болѣе спокойное время: война вѣдь пріучаетъ къ потерямъ,—и хотя больно становится при мысли, что ряды борцовъ рѣдѣютъ, но какъ то невольно мысль переносится къ другимъ впечатлѣніямъ и злобамъ дня, которыя заслоняютъ собою и сглаживаютъ тяжесть утраты. Быть можетъ, пройдетъ, много времени прежде чѣмъ наступитъ возможность спокойной созидательной работы, и тогда только общество будетъ въ состояніи произвести надлежащую оцѣнку тѣмъ людямъ, которыхъ лишилось въ настоящую трудную минуту.

13 ноября скончался въ Кіевѣ одинъ изъ заслуженныхъ борцовъ на поприщѣ русской общественности—Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ. Кипучая жизнь и общественно-литературная дѣятельность покойнаго охватываетъ не только всю Россію, какъ цѣлое, но нѣкоторыми своими сторонами принадлежитъ также и Украинѣ, тѣсно соприкасаясь съ нашими спеціальными дѣлами и заботами. Не касаясь общей характеристики почившаго писа-

теля, заслуги котораго будутъ по достоинству оцѣнены въ общей же прессѣ, отмѣтимъ на страницахъ „Кіевской Старины“ тѣ черты изъ дѣятельности В. В-ча, которыя ставятъ его въ ряду дѣятелей Украины.

В. В-чъ родился въ 1837 г. въ селѣ Денисовкѣ лубенскаго уѣзда полтавской губ.; первоначальное образованіе получилъ въ одной изъ кіевскихъ гимназій, но пробылъ въ ней только два года и въ 1850 г. долженъ былъ надолго разстаться съ Украиной, будучи опредѣленъ родными въ инженерное военное училище въ Петербургѣ. Здѣсь В. В. проживалъ безвыѣздно до окончанія курса, такъ какъ ни отца, ни матери его къ тому времени уже не было въ живыхъ, а опекуны Горбаневскіе почему то не брали его домой даже на каникулы. Окончивъ училище и прослушавъ въ теченіе года лекціи въ инженерной академіи, В. В. служилъ нѣкоторое время на Кавказѣ (1856—1859 г.г.), а затѣмъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба. Время академической жизни В. В—ча совпало съ знаменательной эпохой пробужденія общественныхъ силъ; освободительныя вѣянія проникли даже въ военную среду и нашли здѣсь, какъ извѣстно, горячихъ послѣдователей въ отдѣльныхъ личностяхъ. Такъ такъ военная обстановка въ общемъ все-таки весьма мало гармонировала съ убѣжденіями этихъ отдѣльныхъ личностей, тѣмъ болѣе что въ воздухѣ уже чувствовалась надвигавшаяся гроза польскаго возстанія, то В. В—чъ по окончаніи академіи предпочелъ оставить военную службу, посвятивъ себя всецѣло литературѣ и избравъ своей спеціальностью философію. Въ печати В. В. дебютировалъ еще во время своей кавказской жизни, а затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, примкнулъ къ прогресивному лагерю, участвуя разновременно въ такихъ изданіяхъ этого направленія, какъ „Современное Обозрѣніе“, „Отечественныя Записки“, „Знаніе“, „Дѣло“, „Недѣля“, „Сѣверный Вѣстникъ“ (первой редакціи), „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Сынъ Отечества“ (ред. Шеллера и послѣдней) и друг. Въ 1879 г., по распоряженію с.-петербургскаго генералъ-губернатора Гурко, В. В. былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь, откуда возвратился въ 1881 г., получивъ право въѣзда въ Петербургъ лишь въ 1888 г. Въ 1901 г., послѣ звѣрскаго избіенія учащейся молодежи на Казанской площади, В. В., подписавшій извѣстный протестъ литераторовъ, вторично былъ высланъ изъ столицы и послѣдніе годы своей жизни проводилъ большею частью на родинѣ, въ полтавской губерніи.

Оторванный по условіямъ личной жизни и общественной дѣятельности отъ родной почвы съ дѣтскаго возраста, В. В. тѣмъ не менѣе не превратился въ „общеросса" того весьма, къ сожалѣнію, распространеннаго между нашими земляками типа, который характеризуется совершеннымъ игнорированіемъ спеціальныхъ нуждъ Украины и холоднымъ равнодушіемъ къ участи ея народа. Впечатлѣнія дѣтства, проведеннаго В. В. среди родной обстановки, на всю жизнь остались для него той путеводной звѣздой, которая манила его къ себѣ и заставляла время отъ времени откликаться на спеціально украинскіе вопросы жизни. Эта сторона дѣятельности почившаго философа, можетъ быть, мало извѣстная публикѣ, составляетъ тѣмъ не менѣе любопытныя страницы въ его біографіи,—тѣ интимныя страницы, на которыхъ онъ отдыхалъ душею и на которыхъ особенно любилъ останавливаться въ своихъ воспоминаніяхъ. Съ годами эта привязанность В. В—ча къ родной странѣ не только не проходила, но все усиливалась, дойдя, наконецъ, до того, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ уже прямо и непосредственно примкнулъ къ украинскому движенію.

Первымъ обнаруженіемъ украинскихъ симпатій В. В-ча была основанная имъ въ 1864 г. въ Денисовкѣ народная школа, обезпеченная покойнымъ съ матеріальной стороны и прекрасно обставленная въ чисто педагогическомъ отношеніи. Исходя между прочимъ изъ той педагогической аксіомы, что предлагать учащимся знанія возможно только въ понятной формѣ и родственной обстановкѣ, В. В. практически разрѣшилъ тотъ вопросъ, который и до нынѣ пугаетъ любителей умственнаго равненія и приведенія къ одному знаменателю. Руководствуясь въ педагогическомъ дѣлѣ однимъ стремленіемъ—идти на встрѣчу запросамъ народа, В. В. какъ въ личномъ преподаваніи, такъ и при подборѣ учителей для своей школы, пользовался украинскимъ языкомъ, единственно понятнымъ для того населенія, которое обслуживала его школа. Къ сожалѣнію, этотъ починъ, поддерживавшій лучшія традиціи воскресныхъ школъ (къ тому времени уже сметенныхъ реакціей) въ нашемъ краѣ, обратилъ на себя неблагосклонное вниманіе мѣстныхъ Мымрецовыхъ, зорко слѣдившихъ, не появится ли гдѣ подлежащая немедленному искорененію „крамола". Отъ одного изъ такихъ добровольныхъ будочниковъ, священника Михайловскаго, послѣдовалъ доносъ на денисовскую школу, результатомъ котораго было любопытное „дѣло", занесенное на страницы современной прессы и породившее цѣлую ли-

тературу [1]). Желая напомнить читателю подробности этого забытаго „дѣла“, и теперь еще интереснаго не только какъ историческій матеріалъ, я приведу тѣ свѣдѣнія о немъ, которыя сообщалъ въ свое время Драгомановъ, тѣмъ болѣе, что статья послѣдняго едва ли извѣстна въ широкой публикѣ.

Д. Лесевич, сотрудник петербур. журналів „Русское Слово“, „Знаніе“, „Отечеств. Записки“,— недавно видавший книгу про „Позітивну Філософію“—ще за часи, як заводилась воля крепаків, зрікся взяти з викупноі плати за землю, що одійшла в його селі до крестян, 4000 рублів, обернувши іх по умові з крестянами на позичкову кассу, щоб з процентів од іх содержалась школа. Крестяне вибрали д. Лесевича попечителем школи. Учителя взяли в 1864 р. з київськоі педагогичноі школи. Як водиться, до вчителя став чіплятись піп,—а ще гірше, що піп і благочинний задумали, як би захопити гроші в своі руки, як би підвести, щоб школу закрили, а гроші обернули на поміч школам по всьому повіту; тоді б попи поділили гроші між собою. Піп і благочинний завели такий спор з учителем, громадою і д. Лесевичем. Тим часом, в 1866 р., після нашоі (Драгоманова С. Е.) статі в 93 № СП. В(ѣдомостей) піднялося знов полювання на українство. Як ми згадували, земець д. Ігн. Закревський, підпіраючи наші думки, написав, що ось мов єсть добра школа в Полтавщині, що мирить науку на мові українській і на казенній і далі на церковній. З Києва од князя Ш(иринського)-Шихм(атова) [2]) пішов у Полтавщину приказ—знайти ту школу. Не знаємо допевне, чи про школу д. Лесевича чи про иншу писав д. З—ий, (але) ієреі лубенські одписали в полтавський училищний совіт, в котрому усердствовали директор Кульжинський, губернатор Мартинов і архієрей Іван, а виборні земські (хто?) мовчали і підписували бумаги,—одписали, що ось мовляв, денисівська школа д. Лесевича і єсть та школа, на котру вказують „поклонники кулішовки“ (??!), як писав опісля Кульжинський в газетах. Лубенський повітовий училищний совіт не знайшов, щоб в школі тій справді вчили по українському і не схотів закривати школу, але губернський совіт заборонив учителеві, д. Безуглому, бути

---

[1]) См. у Я. Колубовскаго—„Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи“, Вопросы философіи и психологіи, 1891 г., кн. 8, стр. 134, приложеніе. Кстати, цитируемая мною ниже статья Драгоманова у г. Колубовскаго пропущена.

[2]) Попечитель кіевскаго учебнаго округа въ то время.

де-небудь учителем. Крестяне з д. Лесевичем заявили, що вони не хотять зовсім школи і гроші обернуть на що инше, як не вернуть їм учителя. Попи тоді виступили з тим, що гроші, данні раз на „народное образованіе“, вже не гроші тільки денисовськоі громади і д. Лесевича, а мусять бути поділені на повіт. Губерньский уч. совіт закрив школу. Однако д. Лесевич подав жалобу в сенат, котрий мусів рішати спор з земськими урядами, якими вважались тоді училищні совіти. Сенат згодивсь з лубенським повітовим уч. совітом проти губерньского і звернув школі й уч. Безуглому іх права, про що сам совіт полтавський мусів звістити лубенський. Полтавський совіт, щоб таки його було зверху, написав тільки, що лубенський совіт мусить доглядати, щоб у школі не читались украінські книжки і щоб іх не було в книгарні шкільній. Дуже жаль, що в свій час д. Лесевич не пожалівся в сенат і на цей останній вчинок полтавського совіту, бо уставом шкільним 1864 р. було звелено тільки, щоб учили в школі мовою казенною, але ніде не було заборонено давати ученикам читати по-за школою і книги украінські, ні шкільним книгарням держати іх, як поміч і як книги для читання, а міністерського списка книг, що тільки й можна держати при школах, тоді ще не було. В той час д. Лесевичь певно виграв би і на цьому ділі. Та такий вже звичай в украінців - не доводити діла до кінця! [1])

Изъ приведенной выдержки видно, среди какой обстановки пришлось дѣйствовать В. В—чу и съ какими трудностями бороться при попыткѣ стать на почву практическаго дѣла на пользу народа. Не смотря на то, что отъ того времени, къ которому это дѣло относится, насъ отдѣляетъ промежутокъ въ сорокъ лѣтъ, приведенная картинка дышетъ современностью. Добавимъ еще, что едва ли основательно Драгомановъ возлагалъ надежду на безпристрастіе сената: вѣдь именно около этого времени на украинское слово обрушились Валуевскія гоненія, которыя изгнали его не только изъ школы, но даже изъ популярной литературы. Представляется поэтому весьма сомнительнымъ, чтобы сенатъ пошелъ противъ ясно выраженной въ правительственныхъ кругахъ тенденціи, направленной къ умерщвленію украинскаго слова. Во всякомъ случаѣ В. В—чу принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ немаловажная заслуга, какъ одному изъ піонеровъ истинно-педагогическихъ пріемовъ на украинской почвѣ.

---

[1]) Громада, українська збірка, впорядкована Драгомановим, № 2. Женева 1878, стор. 209—210

Жизнь вдали отъ Украины—въ Петербургѣ и Сибири—надолго оторвала В. В—ча отъ родины и непосредственныхъ сно-сношеній съ нею. Вторая половина 60-хъ и 70-е годы были временемъ, когда общество вело напряженную борьбу за новыя формы общественной жизни, выдвинутыя молодой Россіей. Въ сравненіи съ этой борьбой остальные вопросы казались второстепенными и мало занимали общественное вниманіе. В. В. вполнѣ опредѣленнымъ образомъ примкнулъ къ лѣвому крылу русской интеллигенціи, именно къ тому направленію, которое представлялось „Отечественными Записками“, и въ своихъ литературныхъ и философскихъ трудахъ отстаивалъ и развивалъ общую для этого направленія точку зрѣнія, за что въ свое время претерпѣлъ бичи административныхъ преслѣдованій и скорпіоны ссылки. Нужно думать, что все это вмѣстѣ взятое отразилось и на литературныхъ отношеніяхъ В. В—ча къ украинскому вопросу: при своей довольно значительной литературной плодовитости, въ это время онъ почти ничего не писалъ на украинскія темы,—по крайней мѣрѣ, кромѣ четырехъ писемъ о Шевченкѣ въ испанской Jlustracion Espanola (1877 г.), мы не встрѣчаемъ другихъ его работъ въ этой области. Правда, къ этому именно времени относятся его сношенія съ Драгомановымъ, которому В. В—чъ оказывалъ нѣкоторую помощь; есть также несомнѣнныя указанія на сношенія и съ другими украинскими политическими дѣятелями однороднаго направленія, напр. съ Малеванымъ. Раздѣляя въ общемъ политическую программу Дрогоманова, В. В. популяризировалъ ее въ тѣхъ литературныхъ кружкахъ Петербурга, въ которыхъ пользовался авторитетомъ, выступая всегда защитникомъ идеи федераціи[1]) и права украинскаго народа на самостоятельное развитіе. Не задолго до ссылки В. В. задумалъ было одно литературное изданіе, которое въ случаѣ осуществленія несомнѣнно могло дать знательные результаты для изученія Украины. Организовавъ въ Петербургѣ изъ учащейся молодежи украинское землячество, В. В. подалъ мысль издать рядъ сборниковъ, посвященныхъ всестороннему описанію различныхъ мѣстностей Украины и выясненію ея особенностей въ этнографическомъ, экономическомъ, культурномъ и т. п. отношеніяхъ. Первый выпускъ этой коллективной работы, обнимавшій Полтавщину и содержавшій между прочимъ и статью В. В—ча, былъ уже почти готовъ къ печати; но

---

[1]) Работа В. В—ча въ защиту принципа федераціи (по поводу сочиненій Пія Маргаля), къ сожалѣнію, не могла появиться по цензурнымъ условіямъ.

арестъ и ссылка В. В—ча лишила изданіе иниціатора и главнаго сотрудника, сведя вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣтъ и все предпріятіе. На сколько извѣстно, сборникъ въ печати не появился вовсе.

Возвратившись изъ ссылки въ началѣ 80-хъ годовъ, рядомъ со своими спеціальными работами по философіи, публицистическими и литературными трудами по общимъ вопросамъ, В. В. все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться вопросами изъ области украинской этнографіи, культуры и языка. Послѣдній вопросъ въ его общей формѣ—о народныхъ языкахъ въ литературѣ вообще—онъ поставилъ и въ печати, впервые разработавъ его въ извѣстной своей работѣ о Данте; тому же вопросу посвящены и другія журнальныя статьи В. В—ча, а спеціально объ украинскомъ языкѣ онъ далъ рядъ газетныхъ замѣтокъ въ „Сынѣ Отечества“ (редакціи Шеллера и послѣдней), „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Новостяхъ“ и другихъ изданіяхъ. Еще раньше матеріалъ о народномъ языкѣ былъ разработанъ В. В—чемъ въ его публичныхъ лекціяхъ о провансальской литературѣ, прочитанныхъ въ концѣ 90-хъ годовъ въ многихъ городахъ Украины и возбудившихъ въ публикѣ большой интересъ къ предмету чтеній. Своеобразную оцѣнку этихъ чтеній сдѣлала администрація, воспретивъ лекціи и прекративъ, такимъ образомъ, то живое общеніе, которое начало устанавливаться между В. В—чемъ и его слушателями.

Въ области украинской этнографіи, помимо ссылокъ на украинскій этнографическій матеріалъ въ работахъ общаго характера, Вл. В—чу принадлежитъ интересный трудъ, изданный въ 1903 г. въ Львовѣ Науковим Товариством імени Шевченка—„Оповідання Р. Ф. Чмихала“ („Етнографічний Збірник“, т. XIV). Сборникъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ собою исчерпывающую запись этнографическаго матеріала отъ одного лица; здѣсь собранъ весь репертуаръ, какимъ только обладалъ данный разсказчикъ, и потому книга является показателемъ того, что можетъ вмѣстить репертуаръ народнаго разсказчика. Къ сборнику приложена статья о Чмыхалѣ самого Вл. В—ча—первый опытъ покойнаго на украинскомъ языкѣ[1]). Второй и послѣдней работой Вл. В—ча по украински

1) Еще раньше Вл. В—чемъ была напечатана статья о Чмыхалѣ на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Денисовскій козакъ Чмыхало, его сказки и присказки“. („Міръ Божій“, 1895 г., апрѣль).

была статья для „Наукового Збірника“, предпринятаго учениками и почитателями проф. Грушевскаго. Эта статья, озаглавленая „Помпеянське Ізіюм, памятка боротьби східніх культів за переваѓу в греко-римськім сьвіті“, представляетъ набросокъ изъ исторіи религіозныхъ воззрѣній, въ высокой степени интересовавшихъ В. В—ча въ послѣднее время.

Къ сказанному прибавлю еще, что Вл. В—чу принадлежитъ идея извѣстнаго каждому украинцу Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Послѣ одного изъ Шевченковскихъ вечеровъ въ Петербургѣ г. Федоровскій, выступившій впослѣдствіи иниціаторомъ общества, пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ земляковъ, въ томъ числѣ и Вл. В—ча, съ цѣлью обсудить тѣ способы, какими можно было бы помочь духовному развитію украинскаго народа. При этомъ г. Федоровскій опредѣленнаго плана не имѣлъ въ виду и при обмѣнѣ мнѣній В. В—чемъ была подана идея общества, которое занялось бы издательской и вообще просвѣтительной дѣятельностью среди украинскаго народа съ цѣлью популяризаціи въ народной средѣ научныхъ знаній въ доступной формѣ—на народномъ языкѣ. Мысль эта была принята присутствовавшими и затѣмъ осуществлена, благодаря энергіи г. Федоровскаго. Впрочемъ, непосредственнаго участія въ дѣятельности общества В. В. не принялъ въ виду несогласія съ первоначальнымъ его направленіемъ, особенно рѣзко выразившимся въ рѣчи г. Федоровскаго при открытіи общества. Когда же общество вступило на новый путь, вполнѣ отвѣчавшій взглядамъ В. В—ча, послѣдній былъ уже далеко отъ Петербурга.

Пересматривая наслѣдіе покойнаго и оцѣнивая его дѣятельность, необходимо замѣтить, что въ одной области талантъ его, по условіямъ русской жизни, остался совершенно неиспользованнымъ; мало того—даже попыткамъ въ этомъ направленіи была поставлена непреодолимая преграда. В. В. обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова — именно въ устной бесѣдѣ. Настоящимъ мѣстомъ для него была кафедра, съ которой онъ могъ бы развернуть предъ слушателями весь свой богатый жизненный опытъ и громадную эрудицію, вліяя настоящимъ живымъ словомъ и непосредственнымъ общеніемъ. Нѣсколько сухой тонъ его научныхъ работъ совершенно исчезалъ при устномъ изложеніи; рѣчь пересыпалась блестящими образами и сравненіями, остроумными сближеніями, ѣдкимъ юморомъ; самая отвлеченная мысль, подтверждаемая иллюстраціями изъ жизни и литературы, цитатами изъ любимыхъ авторовъ, пріобрѣтала особенную выпуклость

и безъ труда усваивалась слушателями. Память у Вл. В—ча была замѣчательная и его богатѣйшія воспоминанія о пережитомъ, о лицахъ и событіяхъ прошедшаго и давно прошедшаго времени были блестящими характеристиками эпохи, мѣтко воспроизводившими особенности послѣдней. Но охотно дѣлясь своими воспоминаніями съ слушателями, Вл. В., къ сожалѣнію, не фиксировалъ ихъ на письмѣ, и общество безвозвратно лишилось весьма цѣнныхъ данныхъ о своемъ прошломъ въ оригинальномъ освѣщеніи Вл. В—ча.

Точно также не использованъ покойный и въ качествѣ украинскаго дѣятеля, какимъ онъ всегда оставался по своимъ наклонностямъ и симпатіямъ. Вовлеченный въ шумный водоворотъ общерусской жизни, туда онъ отдавалъ по преимуществу свои силы, свой талантъ и знанія, удѣляя украинской жизни лишь слабое сравнительно вниманіе. Впрочемъ, чисто украинская дѣятельность Вл. В—ча отмѣчена одной весьма характерной чертой: будучи оторванъ въ раннемъ возрастѣ отъ родной обстановки, онъ не удалился отъ родины совершенно, но, пройдя, если можно такъ выразиться, цѣлый кругъ отдаленія, въ преклонныхъ лѣтахъ возвратился къ той же отправной точкѣ, съ которой началъ свою жизнь; сталъ лицемъ къ лицу съ тѣмъ же вопросомъ о просвѣщеніи родной земли, который такъ занималъ его въ юности, выразившись въ педагогической дѣятельности. Свое чисто литературное творчество Вл. В. завершилъ работами на родномъ языкѣ, въ тоже время посвящая свои замѣтки въ русскихъ изданіяхъ наболѣвшимъ вопросамъ о свободѣ украинскаго слова, о просвѣщеніи родного народа и т. п. (см. рядъ замѣтокъ покойнаго въ „Сынѣ Отечества" за послѣдній годъ). Можно думать, что въ нарождающейся украинской печати В. В. принялъ бы дѣятельное участіе, что вполнѣ совпадало съ его горячимъ желаніемъ, не разъ высказываемымъ въ послѣднее время.

Но смерть не ждетъ. Наканунѣ долгожданнаго возрожденія украинскаго слова, при первыхъ проблескахъ начинающейся и для него свободы—и въ этомъ, можетъ быть, высшій трагизмъ оборвавшейся жизни—Владиміра Викторовича не стало...

С. Ефремовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Въ 1803 г. первымъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. А. Б. Куракинымъ былъ составленъ планъ Полтавы, согласно которому въ теченіе очень многихъ лѣтъ устраивался городъ. Необходимо было произвести отчужденіе многихъ усадьбъ, отходившихъ подъ улицы или площади. Эти усадьбы оцѣнивались; за нихъ платили деньги, но чаще взамѣнъ ихъ выдавались участки въ другихъ частяхъ города. Коснулась эта планировка города и усадьбы поэта. Онъ, какъ извѣстно, жилъ въ своемъ небольшомъ домикѣ около собора, на склонѣ большой горы, но какихъ размѣровъ была эта усадьба—данныхъ не было. Въ архивѣ городской думы, за 1821 годъ, мы нашли эти данныя. Въ этомъ году 23 августа дума заслушала слѣдующее заявленіе губернскаго землемѣра Мордвинкина, который писалъ: „что по плану должно загородить маіору Котляревскому близъ левады его городской выгонной земли, за исключеніемъ отходящей его Котляревскаго левады 305 квад. саженей на планъ № 1 (плана мы не нашли), а во 2-хъ городской выгонной земли 2340 квад. сажень, такъ должно кварталу быть и назначенное мѣсто подъ застроеніе неудобное; которой земли сочиненные три плана препровождая въ сію думу, требуетъ: представить начальству на утвержденіе. Приказали: основываясь на завѣреніи г. губернскаго землемѣра, что у г. маіора Котляревскаго отходитъ въ городскую надобность левады 305 квад. саженъ и что близь остающейся его левады, загородитъ ему городской выгонной земли одну десятину и 245 квад. саженей, слѣдуетъ по плану, ибо, по его землемѣра сообщенію, такъ должно кварталу быть, и мѣсто есть низменное подъ застроеніе неудобное; городская дума по вниманію къ тѣмъ обстоятельствамъ, мнѣніемъ полагаетъ: помянутую городскую землю въ количествѣ одной

десятины и 245 кв. саж., согласно назначенію г. землемѣра, позволить г. маіору Котляревскому загородить. Изъ коей 305 саженей отдать ему въ замѣнъ отходящей его собственности, а за послѣдніе двѣ тысячи триста сорокъ саженей съ него въ городской доходъ деньги, за каждый сажень по 3 к., всего семдесятъ рублей двадцать копѣекъ, за полученіемъ которыхъ денегъ, выдать ему г. маіору Котляревскому на спокойное владѣніе помянутою землею узаконенную данную со взысканіемъ печатнопошлинныхъ денегъ и о томъ, съ приложеніемъ въ двойнѣ плановъ, представить малороссійскому полтавскому губернскому правленію рапортомъ и просить въ резолюцію указа“.

Губернское правленіе, указомъ 18 октября, вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ думы. И. П. Котляревскій въ декабрѣ мѣсяцѣ внесъ 70 р. 20 к. за землю и 52½ к. печатнопошлинныхъ денегъ. Такимъ образомъ, усадьба поэта заключала въ себѣ 2645 квадр. саженей. Нужно полагать, что эта неудобная земля, о которой говорится въ журналѣ думы, что „мѣсто есть низменное подъ застроеніе неудобное“, и есть та гора, идущая къ подольской горѣ, на которой нынѣ оканчивается постройка школы имени поэта. (Архивъ гор. думы 1821 г. № 3118, журналъ засѣданія 23 августа и № 3165, журналъ засѣданія 22 декабря).

Сообщилъ **И. Фр. Павловскій.**

Заговоръ отъ рожистаго воспаленія (бышыхы). Ты бышыха бышыце, ты нежить нежитыще, ты подумана, ты погадана, ты помыслына прыслана, спрацьована, стурбована, ты хлопяча, ты дивчача, турецька, нимецька, лядська, прапцузська. Я буду тебе вызывать, вышиптувать, буду вымовлять; тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ломыть и щырого твого серця не нудыть; изъ твоихъ очей, изъ твоихъ плычей, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажыливъ, изъ твоихъ пальцивъ, изъ твоихъ суставцивъ, изъ твоихъ семыдесяты суставивъ раба Божого нарожденного (йменя хворого). Не я помагаю, Господь помага своимъ духомъ подыха (дмухае трычи надъ болячымъ мисцемъ навхрестъ и трычи плюе). Поможы мени Маты Божа другымъ разомъ иншымъ часомъ, иншои годыны, иншои часыны сю бышыху шептать и Господа Бога на помичъ прохать и вси святи ликари допомочи взывать.

Цей проклынъ проказуеця трычи; якъ же шептуха бачыть, що дохидъ буде велыкый, то шепче до 9-ты разъ; кримъ того кладе въ покрышку жару, а на жаръ зъ-пидъ лавъ павутыны, жытнього борошна, всього свяченого, та кусочокъ рызы старои, що дистае видъ церковного старосты, и колы розжевріется—держыть надъ дымомъ боляче мисце“.

Этотъ заговоръ противъ „бышыхы“ (воспаленіе кожи съ подкожной клѣтчаткой) записанъ фельдшеромъ Е. Коцаремъ отъ бабъ шептухъ въ Черкасскомъ уѣздѣ. Записанъ дословно. Вѣроятно употребляютъ это заклинаніе шептухи и при другихъ болѣзняхъ (здѣсь, напримѣръ, есть слово „нѐжыть“—насморкъ).

Сообщилъ врачъ **Туркевичъ**.

Дѣло объ избраніи войта въ Кіевѣ въ 1734 году. Въ 1734 г. Кіевскими мѣщанами избранъ былъ въ войты Козьма Кричевецъ. Избраніе это должна была утвердить императрица. Императрица Анна отнеслась къ этому избранію подозрительно: народнаго избранника не утвердила; въ указѣ сенату по этому поводу она рекомендовала постараться объ избраніи въ войты „доброго і неподозрительного человѣка, а при томъ особливо къ тамошнему губернатору послать секретной указъ, дабы онъ того ихъ выбору подъ рукою смотрѣлъ і какъ возможно старался, чтобъ они въ тотъ войтской чинъ выбрали і атестовали *ізъ природныхъ великороссійскихъ людей*, которые нынѣ въ Кіевѣ мѣщанами состоятъ, самого доброго і *вѣрного* і *безподозрительного* человѣка“. Въ силу этого указа императрицы отъ 5 сентября 1734 г., произведены были вторичные выборы въ Кіевѣ. При выборахъ присутствовали—Кіевскій губернаторъ Шереметевъ и представитель Кіевскаго генералъ-губернатора Вейдбаха—полковникъ Шиповъ; оба они „подъ закрытіемъ провѣдывали, чтоб кто мог сыскатца из русских (т. е. великороссовъ) способенъ“ къ несенію должности войта, но безуспѣшно: „нимало кого способных из русских к тому не нашлось“; пришлось остановиться на малороссѣ Павлѣ Войничѣ, дѣло объ избраніи котораго послано было въ сенатъ. Сенатъ однако остался неудовлетвореннымъ представленіями Кіевскаго генералъ-губернатора и губернатора и послалъ за справками къ князю Шаховскому. И только тогда, когда пришлось окончательно убѣдиться въ невозможности пріискать изъ кіевскихъ мѣщанъ войта—великоросса, императрица 11 марта 1735 г. согласилась утвердить въ должности кіевскаго войта Павла Войнича. (Моск. Арх. М-ства Юстиціи, № 6—116.

Вл. П-ко.

Текущія извѣстія.

Украинскіе переводы манифестовъ 17 октября и 3 ноября. Одинъ переводъ манифеста 17 окт. изданъ въ Лубнахъ, съ прибавленіемъ къ нему доклада гр. С. Ю. Витте, а другой переводъ того-же манифеста, равно какъ и манифеста 3-го ноября, изданъ Полтавской Губерн. Земской Управой, съ приложеніемъ къ нимъ пояснительной записки для сельскаго населенія. Ввиду исторической важности этихъ документовъ, приводимъ ихъ цѣликомъ, оставляя до другого времени оцѣнку текстовъ этихъ переводовъ со стороны языка.

ЦАРСЬКИЙ МАНІФЕСТ.

З ласки Божоі, Ми, НИКОЛАЙ Вторий, Імператор і Самодержець Всеросийський, Царь Польський, Великий Князь Финляндський, і иньше, і иньше, і иньше.

Ознаймуемо усім вірним підданцям Нашим, що неспокій та колотнечи по столицях і по багатьох місцевостях Держави Нашоі великого жалю й смутку завдають сердцеві Нашому. Щастя Царя Росийського нерозлучне зв'язане із щастям народнім і скорботи народні — Його скорботи.

Через розрухи, що тепер почалися, може зчинитись глибоке безладдя народне та небезпека за-для суцільности і едности Держави Нашоі.

Великий зарік слугування Царського наказуе Нам усіма силами розуму і влади Нашоі пильнувати, аби найшвидче перепинити тую небезпешну за-для Держави колотнечу.

Наказавши приналежним начальствам пильнувати, аби не чинилося справдішнього безладдя, бешкету й надсильства, щоб оберегти людей мирних, які бажають спокійне одбувати належні до кожного обов'язки, Ми, аби успішне виконати загальні діла, призначені Нами задля заспокойіння життя державного, визнали неминуче потрібним з'еднати діяльність вищого уряду (правительства).

На обов'язки уряду покладаемо Ми зповнити *непохитну волю Нашу.*

I. Дарувати людність незламними підвалинами громадянськоі свободи на підставах справдішньоі недоторканности особи, свободи віри, слова, зборів та спілок.

II. Не зупиняючи призначених до Думи Державноі виборів і маючи на увазі короткий час, що зоставсь до зкликання Думи, дати по змозі, право виборів до Думи тим частинам людности, які тепер тих прав зовсім позбавлені, з тим, щоб дальша зміна загального права виборчого переводилась новим порядком законодавчим.

III, Постановити таке незламне правило, щоб ніякий закон не міг бути заведений без ухвали Думи Державноі та щоб виборним від народу забезпечена була можливість справдішньоі участи у догляді за тим, щоб начальства, від Нас наставлені, діяли по закону.

Кличемо усіх вірних синів Росиі згадати обов'язок свій перед рідним краем, допомогти перепинити цей нечуваний заколот і укупі з Нами напружити усі сили, щоб завести спокій та мир на рідній землі.

Даний у Петергофі падолиста у 17 день.

Року Божого 1905, Царювання-ж Нашого літа одинадцятого.

На правдивому власною Його Царського Величества рукою підписано

„НИКОЛАЙ"

Докладъ Графа. С. Ю. Вітте.

Року Божого 1905 подолиста у день 17-й ЙОГО ІМПЕРАТОРСЬКЕ ВЕЛИЧЕСТВО зволили власною рукою написати: *„Принять къ руководству Всеподданѣйшій докладъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте"*.

Доклад Вітте такий: „Ваше Імператорське Величество зволили переказати мені думку Вашого Величества про те, у якім напрямку повинен іти уряд, маючи на оці сучасний стан Росиі, і загадати мені відповідно до цього зробити Всепідданійший доклад. Через це вважаю обовязком своім Всепідданійше подати доручене.

Неспокій, що обгорнув ріжні стани суспільства росийського, не можна вважати наслідком безладдя державного й громадсько-господарського (соціального) або хоч тільки наслідком діяльности крайніх партий.

Коріння неспокою того треба шукати геть глибше,—саме поміж ідейними домаганнями мислячого суспільства росийського і околишніми формами життя його. Росию вже не задовольняють форми теперішнього ладу державного; вона домагається ладу правного на підвалинах громадянськоі свободи. Околишні форми життя росийського треба неодмінне погодити із тими гадками, які панують поміж розсудливою більшостю суспільства. Перш над усе уряд повинен дбати про те, щоб зараз же, не ждучи, поки ухвалить Дума Державна, видати закони про те, без чого не може бути ніякого ладу правного (законного), саме—закони про свободу друкувати, вірувати, збіратись, зав'язувати товариства і про недоторканність особи. Потім і ці найважніші умовини політичного життя народнього повинні бути зміцнені звичайним законодайним шляхом поруч із законами про рівні права усіх підданців Вашого Царського Величества, якоі б віри і націі вони не були. Розу-

міється, що даруючи людности права громадянськоі свободи, треба разом із тим самим законом і оберегти людей, спокій і захистити державу. Удруге, уряд повинен завести такий лад громадській та таке законодавство, які відповідалиб гадкам більшости российського суспільства про державний устрій і навсправжки забезпечували, щоб дарована громадянська воля була сталою. Це значить, щ новий правний лад повинен допомогти завести у державі спокій та безпечніть. Економична політика уряду повинна дбати про вигоди широких народніх мас, оберегаючи маєткові та громадянські права, що забезпечні по усіх культурних краінах. Згадані тут коротко початки урядовоі діяльности для повного свого виконання вимагають великоі законодавчоі роботи і зміни ладу админістраційного. Потрібний деякий час, щоб перевести ті принціпи по законах, а також, щоб суспільство могло почати йіми користуватись, а агенти урядові йіх пильнувати. Принціпи правного ладу переходять в життя о стільки, о скільки людність призвичаюеться до йіх.

Державу, що має 135 міліонів усяких народів, силу великого та малого начальства, яке звикло до старих порядків, враз переробити і навчити пильно додержуватись нових законів—цього ніякому урядові не сила зробити. Ось через що за-мало було б урядові виступити з гаслом „свободи", аби завести усюди повний лад і спокій: для цього потрібне, щоб усяке начальство тримало себе твердо, справедливо і однаково, а цього можна осягнути тільки тоді, коли весь уряд буде однаковий, одніх думок, однакових бажань. Треба щоб усі міністри мали однакові політичні погляди, та щоб ціми поглядами перенялось все останнє начальство, як мале, так і велике, а для цього потрібно багато ще працювати. Уряд мусить пильнувати, аби перевести в життя усі головні правила громадянськоі свободи. Загальне становище справ потрібує, аби уряд показав свою щирість і правдивість своіх замірів, а для цього усяке начальство мусить неодмінне тримати себе так, щоб не втручатись у справу виборів до Державноі Думи, а також показати своє щире бажання здійснити усе те, що виголошено наказом 12 студня.

Відносно будучоі Державноі Думи уряд повинен дбати, аби підтримати повагу і віру до роботи Думи та забезпечити йій потрібне значіння. Уряд повинен триматись думки, висловленоі Вашим Імператорським Величесьтвом у маніфесті про заведення Державноі Думи, а саме: що закон про Думу належить змінити після того, як видко стане, чим він недобрий і як його покращати. Уряд має довідатысь, що і як треба змінити, кермуючись, звісне, думками, які панують у більшости суспільства, а не настроями, хоча-б й різко виявленими, через те, що ці настроі раз-у-раз міняються. Все-ж дуже потрібне задоволь-

нити бажання поступових частин суспільства, аби таким, чи инщим законом був забезпечений громадівський справедливий лад.

Дуже потрібне, приміром, так змінити „Государственный Совѣтъ“, щоб у йому брали участь виборні люди, бо тільки в такому разі можна сподіватись, що відносини між Державною Думою і „Государственнымъ Совѣтомъ“ будуть нормальні.

Не подаючи дальших заходів, які повинні виходити з обставин, я гадаю, що правдива влада по усіх статтях повинна триматися ось яких принціпів:

1. Щоб подаровані людности громадянські свободи одверте і щире були заведені і забезпечені по усіх царинах життя громадського.

2. Щоб скасовані були виключні закони.

3. Щоб погодити діяльність усіх частин уряду.

4. Щоб скасовати примусові постанови проти вчинків, які не загрожують суспільству і державі і оператись, на закони та на порозуміння з розсудливою більшостью суспільства. Звісне, що зповнити усе те можливо тільки при великій та діяльній запомозі суспільства та при потрібному спокою, що допоможе виповнити тую пожиточну працю. Треба сподіватись, що Росийське суспільство має політичний такт.

Неймовірне, щоб Росийське суспільство бажало безладдя та розгардіяшу, що загрожує, крім всяких страховищ боротьби, ще розкладом державним“.

Царьскый манифест.

З Божойи ласкы Мы, НИКОЛАЙ Вторый, Император и Самодержавець Всероссійскый, Царь Польскый, Велыкый Князь Финлядськый, и ынче, и ынче, и ынче.

Ознаймуемо усим Нашым пидданцям вирным. Розрух и колотнеча по столыцях и по ынчых сторонах Царства Нашого велыкою и тяжкою журбою обнялы серце Наше. Щастя Цареве мицно звязане з щастям народним, а горе народне—Его горе. Вид заколоту, що тепер выявывся, може вынyкты страшне безладдя помиж людьми й лыха погроза сущильности и едности Держави Наший.

Велыкый зарик Царьскойи службы наказуе Нам усимы сыламы розуму и власти Нашойи пыльнуваты, абы найшвыдче прыпыныты отой шкодлывый за-для Царства розрух. Наказавшы начальныкам,—до кого то йдетця,—добраты способу, як утыхомырыты выдыми проявы заколоту, бешкету и насыльства, за-для обороны людей мырных, що мусять спокійно видбуваты лежачый на кожному обовьязок,—Мы, за

для того, щоб як-найкраще справыты зазначени Намы до втыхомырювання жыття в держави заходы,—прызнаемо потрибным зъеднаты діяльнисть выщого Начальства.

В обовьязок Начальству покладаемо Мы вчыныты неодступну Нашу волю:

1. Одарыты людей непохыбнымы правамы громадськойи воли на пидстави правдывойи незалежносты особы, воли виры, слова, зибрань и спилок.

2, Не впыняючы зазначенных уже выборив до Державнои Думы, даты зараз же спромогу прыняты участь у Думи, наскилько се можлыво, завважуючы короткый час, що зостався за для зибрання Думы,—тым становыщам людей, що до сего часу зовсим булы позбавлени выборных прав, доручывшы писля сего дальше впорядкування почат ив вселюдного выборчого права заново наставленному за-для видання законив ладу.

и 3. Установыты за непохыбне правыло, щоб ниякый закон не миг здобуты сылы, докы его не ухвалыть Державна Дума и щоб выборным вид народу була забезпечена справжня можлывисть доглядаты за тым, щоб зазначени Намы начальныкы робылы все по закону.

Заклыкаемо всих вирных сынив Росийи памьятаты свій обовьязок перед ридною Землею, даты помочи до втыхомырювання сего нечуваного розруху и разом з Намы напружыты усю сылу, щоб залучыты спокій и мыр на ридну землю.

Даный в Петергофи, в 17 день октября, в лито вид Риздва Хрыстового 1905, а Царювання Нашого одынадцяте.

На подлынному власною Его Царського Велычества рукою напысано: „НИКОЛАЙ“.

Яки прызнани права за росийським народом Царським манифестомъ 17 октября.

17-те октября до вику буде жыты в спомынци людей. У цей день зазначено, що теперешни порядкы нашы недоладни и треба настановыты нови. Руське Царство таке велыке, що бильшого вид его не мае, а людей у ему наличуется 135 милліонив. Бильше всего у нас селян; на кожну сотню чоловика выпада 75 хлиборобив, через це Россию по правди называють „селянським царством“. Одного нам не ставало—не було у нас порядку. Всякойи грозы було багато, та правды не легко було доступатысь, через це в народи и поговирка склалася: „до Бога высоко, до Царя—далеко“.

Найпаче недобре жылось селянам. Земли омаль и заарендуваты у кого часом недостача. В инчого села земли так трохы, що й куркы

никуды выпустыты. Выселытыся б куды—прыпыняють, та й саме переселення недоладу впорядковане, а через темноту та недосвид и та земля, що йе у людей, негаразд ными обробляетця. Хвабрык и заводив мало, заробыты на сторони—сутужно. Як запомогты лыхови; до кого вдарытысь, де знайты правду,—нихто про це не миг даты доброи рады. Подати велыки, заробиткы мали, а зборщыкови у свій час виддай, що зазначено.

За-для селян заведени окремни волосни суды, де не легко знайты правды. Велыкого треба щастя, щоб хлопець з сéла вывчывся як слид; кожный селянын, як скинчыв выщу школу, повынный по закону выпысатыся з хлиборобського становыща, и свій чоловик робытця чужым за-для ридного села. Ученых людей не допускалы доступытыся до села, боялыся, що селяне багато де-чого вывидають вид их и перестануть корытыся своій тяжкій доли.

У нас не про всячыну можна було пысаты въ кныжках та газетах, а тильки про те, чого не заборонять окремни чыновныкы (цензора), котори переглядалы кныжкы; а за-для селян булы заведени окремни порядкы. Одного дозволу вид цензора було мало, кныжка за-для народу посылалась на розгляд ще другым чыновныкам и тоди тилько мусыла попасты въ народни безплатни кныгарни та чытальни. Тры лыха шкодылы добробыту селян: биднота, темнота та йих безправья.

Вид оцього всього почався миж людьмы велыкый розрух и не тильки серед селян, а и помиж другымы людьмы—робочымы въ городах, бо всим гирко жыветця. Не зналы селяне, якъ дійты правды, та й сами почалы робыты не те, що треба: почалы грабуваты и палыты чуже добро и думалы, що такъ йимъ буде краще. От же з того не буде добра, хиба ще гирше буде.

Писля Царського манифесту вид 17 Октября селяне мають ынчи шляхы, щоб полипшаты свое жыття и розвязаты нужду про землю.

Усією Руською землею заправля и буде заправляты Царь. Звисно, що потребы всього шырокого царства и его, бильше чим на сотню милліонив, народу розсудыты Цареви не можна и Вин повынный був здаватысь на выщых чыновныкив, що зовутця министрамы. Воны пысалы законы и пидносылы Цареви, щоб ствердыв йих. Всяки бувають министры, бдже не багато було такых, що дбалы про нужду людську. Як люде мовчалы, воны доводылы, що все гаразд и ниякои нужды немае, а як почыналы гвалтуваты, то воны казалы: „тепер не той час, щоб про нужду дбаты, треба спершу втыхомыриты народъ". Булы и таки министры, що ростягалы та переводылы народне добро. Говорыты и пысаты про це неможна було, бо в йих руках була вся сыла; и тых,

хто правду казав, завдавалы въ тюрмы, або засылалы у далеку Сибирь. У насъ не було воли за-для слова и печатання, через те мы и не зналы, хто з чыновныкив неправдыво доводывъ Цареви, бо пысаты про це не дозволялы. Добре жылося пры такых порядках тилько тому, хто грив рукы биля казны та брав хабари, та ще тым, хто, маючи сылу, роскрадав людське добро. Розрух та колотнеча выявылы, що порядки таки—никчемни.

Цареве сердце повылося велыкою и тяжкою журбою. „Щастя Цареве мицно звязане з щастям людей, а горе народне—Его горе". „Велыкый зарик царськойи службы наказуе нам,- каже Царь,—усимы сыламы розуму и власти нашои пыльнуваты, абы найшвыдче зупыныты отой шкодлывый за-для Царства розрух".

Царь вырішыв склыкаты выборных вид народу, щоб укупи з нымы, а не з чыновныкамы—министрамы, выдаваты законы и настановыты нови порядкы у руській земли.

Ще в Августи Царь ствердыв „Статут до Державнои Думы (Положеніе о Государственной Думѣ"), де выбрани вид народу повынни булы миркуваты про законы; одже ніякых прав тій Думи не було удилено, бо чыновныкы, що пысалы про неи закон, клопоталысь бильш усього про те, щоб не була поменьшена их сыла. Царськый манифест вид 17 Октября наддае велыке право; ниякый закон не мусе здобуты сылы, докы его не ухвалыть Державна Дума.

Нашы выборни вид народу будуть наглядаты за тым, щоб начальныкы робылы все по правди, що велыть закон.

За-для того, щоб выбраты догепных людей до Державнои Думы, треба збиратыся усим гуртом и добре порадытысь, якый чоловик буде до того здатный. Ранише зибрання заборонялысь; ще не боронылы зійтыся на сход, а щоб зійтыся прочытаты, що пышуть в газетах, або порадытысь про свои потребы, то цего робыты не можна було. Тепер же збиратысь можна, бо манифестом зазначается **воля зибрання**, абы тилько те, за-для чого збираются, не було заборонено законом про кары, напрыклад: крадижка, палійство, душегубство. За таки дила и тепер, каратымуть однаково, як и попереду.

Багато е доброго дила, що не пид сылу его одному зробыты, а зибравшысь гуртом и заложывшы за-для цього спилку, можна зробыты чимало добра и соби, и другим. У нас и на це не було права. Право це зоветця **волею спилокъ.** Тепер селянам можна заводыты хлиборобськи спилкы, щоб на их радытысь про свои потребы, а найголовнише побалакаты про земельну нужду, бо це дило велыке, цю нужду полагодыть нелегко и треба добре подуматы, як найкраще зробыты, щоб никому не було шкоды. Нужды всякои у селян багато, мирку-

ваты про це треба вильно, щоб нихто не посмив за правдыве слово караты. И таке право наддаетця царським манифестом. Правду тепер можна казаты вильно, хоч бы вона була и не довподобы начальству, або кому инчому. Це право зовется **волею слова**. Не можна тильки заклыкаты до розбою, грабижкы та одбирання сылою земли и ынчого добра, бо за всяке насыльство будуть тягты до суду.

У нас дуже часто засылалы людей без усякого суду в Сибирь и накладалы ынчи кары. Тепер буде выданый закон, щоб ніяке начальство не мало права заслаты, або забраты в тюрму чоловика, або як ынче покараты без суду. Це зоветця **незалежнистю особы** (личности).

За виру у нас багато людей гонылы, видбиралы навик дитей вид батькив та матерок, не вдаючы на те, що наша чыста хрыстіянська вира навчае буты добрым, любыты и всякого прощаты. Начальство часто без всякого мылосердя робыло цьому навпакы. Хрыстос заповидав нам любыты блыжнего свого и своею смертю доказав, до чого повынна доводыты любов до людей. Мы повынни слухатысь заповиту Хрыстового и любыты усих людей, а не мучыты и гоныты йих, а бильше всього за виру, бо вира належе до Царства Божого, а одын Богъ знае, що Ему угоднише. **Воля совисти** в тим и вызначается, щоб кожный мусыв вирыть в Бога по своему и щоб никого за виру не гонылы.

От же бачыте, Царськый манифест прызнав за намы великы и добри права.

Треба нам потурбоватыся, щоб нови порядкы ввійшлы въ жыття и набралысь сылы, а це все можлыво тильки тоди, як мы добре зрозуміемо, що таке **воля**, и напередъ будемо добуваты правды тымы шляхамы, що зазначае закон.

Царь клыче всих вирных сынив Россіи, щоб помогалы завесты добрый лад, мыр и згоду у ридній земли.

Багато треба поклопотатыся над цим, а через те грих буде перед Богом и вына перед ридною землею збываты бучы та колотнечы. Треба збиратысь и радытысь по своій потреби, щоб нашы повномочни выборни вид народу—зналы, що потрибно народови, яки законы треба уводыты. Найголовнише жъ треба обмиркуваты нужду земельну. За-для цього можна збиратысь и гуртом вырobляты заявы про свои потребы. Теж треба обмиркуваты закон про Державну Думу. Треба тильки памятаты, що тепер самый уже народ через своих выборных до Державнои Думы буде выробляты законы и заводыты нови порядкы, и як законы будуть недоладни, то це вызначатыме, що мы не вмилы выбраты дотепныхъ до цього людей; може це ще не бида, бо выборни будуть выбиратысь на зазначеный строк и колы выявытця, що чоловик до цього не здатный, то выберемо другого.

Йе багато супротывныкив новым порядкам; це все люде, що йим добре жылось и пры старых порядках, а найголовнише не люби тым, хто, не боячысь Бога, ростягав народне добро. Цим людям бажалося б, щоб нови порядкы не прыжылыся и булы зминени, и за для цього пидбывають темных людей до заколоту и розруху. Тоди воны скажуть: „Хыба слид отакым недолюдкам даваты волю; воны не розбырають добре, що таке воля, и думають, що волю дано за-для того, щоб быты та грабуваты одын одного; йим потрибна не воля, а добрячый вид начальства кулак, ризка та нагайка“.

Щоб нови порядкы вбралысь в сылу, треба разом усим стояты за йих, добуватыся права не грабижкою та гвалтом, а спокійнымы заявамы про свои потребы. Теперъ знайты правду буде не трудно. Пры новых порядках и жыття буде ынче. Наши выборни выроблять нови законы и всим буде краще жыты. Вси люде в Россіи будуть ривни перед законом, вси ввійдуть въ одну симью, кожный буде громадяныном у своему краи, за для усих будуть однакови суды и права.

Тоди кожный з нас с погордою мусе сказаты: „Я громадянын велыкои руськои державы, де усим добре жыветця“.

Спысане выще цього пояснення Царського манифесту вид 17 Октября було обмирковане и ухвалене в засиданни экономычного совиту Полтавського губерського земства, 10 ноября 1905 р., що складався з ныже зазначенных особ: пред. губ. уп. А. Ф. Лизогуба, членив управы: П. М. Бровка, В. Я. Головни, Е. Е. Саранчова и А. И. Смагина, гласн. управы—и прыдставытелив вид повитив—*Гадячского*: И. О. Бобка, В. С. Кіяницина, Ф. И. Мельныкова, В. Ф. Стогнія; *Золотоношского:* Н. Г. Барчана, И. В. Велецкого, П. Ѳ. Гармаша, С. В. Лукашевича; *Зиньковского:* С. Е. Бразоля, П. Л. Галая, П. С. Жука; *Кобелякского*: В. В. Бокія, М. П. Бутовского, А. Ф. Гапона, Н. В. Ольхового; *Константиногр.*: А. И. Бакала, М. К. Бобрицкого, С. И. Гриневича, Е. М. Шейдемана; *Кременчугского:* В. И. Булюбаша, Д. Н. Милорадовича, М. Т. Пенчука, Д. Т. Первака; *Лохвицкого:* Ф. Н. Василенка, Л. Н. Шупты, Г. Е. Одаренка, М. И. Туганъ-Барановскаго, А. Н. Ходолея; *Лубенского*: Д. Р. Бальвы, Н. Ф. Коршуна, В. Н. Леонтовича, проф. А. Е. Зайкевича; *Миргородского*: С. В. Вакулы, Я. С. Дорошенко, К. Б. Лукьяновича, А. А. Малинки, П. А. Малинки, М. Ѳ. Мошуры, А. П. Негеевича, С. И. Смагина; *Переяславского*: В. В. Гамалѣи, А. М. Гопкала, Б. Ѳ. Гудимы; *Пирятинского*; С. С. Иваненко, М. К. Катеринича, А. А. Малафіенка, С. Ф. Фрулевского; *Полтавского*: М. П. Ганька, П. П. Ганька, Д. Ц. Кулика, Е. П. Палапы, А. П. Слуцкого, С. Г. Семенченка, А. М. Чеснока; *Прилукского:* А. Клочка, Т. М. Плошка, Н. Н. Ходолея; *Роменскаго:* Д. Л. Паліонного, Г. Н.

Яхна, *Хорольского*: Н. Н. Смолянского, президента Полт. с.-х. общ.— Д. К. Квитки, агрон. П. М. Дубровского, губерського агронома Ю. Ю. Соколовского, уѣзд. агрономивъ: П. В. Михайлова, А. И. Печке, И. Г. Сафронова, Т. А. Смолянкина, агрон. И. В. Лещенко и секрет. Полт. уѣзд. управы В. В. Демьяновского.

З Божойи ласки, Мы, НИКОЛАЙ вторый, Император и Самодержавець Всероссійскый, Царь Польскый, Великый Князь Финляндськый и ынче, и ынче, и ынче.

Ознаймуемо усим Нашым пидданцям вирным. Великою журбою обийма серце Наше розрух, що выявывся по селах де-якых повитив, де селяне вчыняють бѐшкет по маетках окремых господарив. Не можлыво стерпиты ниякои сваволи й бунтарства, и начальныкам, вид Нас зазначеным, військовым й невійськовым, наказано усякымы способамы зупыняты й прыгашаты бунтарство, караючы вынуватых. Потребы селяньськи дуже блызьки до Нашого серця и неможлыво их не завважыты. Одначе, бешкет и злочынства не допоможуть селянам добуты кращои доли, а на ридный край воны наклычуть багато биды та горя. Тилько едыным шляхом, шляхом—мырным та законным, можлыво зробыты кращым жыття селянське, и Мы завжде найбильше всего про те дбалы, як бы це зробыты. Останнимы часамы Намы наказано зибраты й податы Нам видомосты, якым способом можна незабаром допомогты селянам. Розглядившы се дило, Мы постановылы: 1) выкупни платежи з хрестян, що булы колысь панськымы, державных (государственных) и удильных поме̂ншыты з першого генваря 1906 року на половыну, а з першого генваря 1907 року зовсим их не браты, и 2) даты Крестьянському Поземельному Банкови спромогу як найлипше допомогаты малоземельным селянам куплею пошырыты их земли й за для цього збильшыты банковськи кошты и установыты вильготниши правыла за для по̂зычкы селянам на це грошей. Щоб все оце як слид улагодыты, Намы выдани окреми указы.

Вирымо, що писля цього спильною працею Нашою и кращых выборных людей землиросійськои, яки повынни буты вильно зазначени й селянамы, нарівни з ынчымы пидданцямы Нашымы, пощастыть добуты и на дали запомогу щоденным патребам селянськым, без ниякойи шкоды для инчихъ господарив. Сподиваемося, що дороги серцеви Нашему селяне, пыльнуючы хрыстіяньськи заповиди добра та любовы, почують Царськый Наш поклык и дбатымуть усюды про мыр та спокій и не будуть ламаты закону и нарушаты права ынчых людей.

Даный (выдано) у Царському Сели, в третій день ноября, в лито вид Риздва Хрыстового (Року Божого) 1905, а Царювання нашого дванадцяте.

На подлынному власною Его Царського Величества рукою напысано „НИКОЛАЙ“.

Къ современному положенію украинскаго дѣла въ Россіи. Выясненію современнаго положенія украинскаго дѣла въ Россіи посвящена статья г. Ефремова „Длящееся преступленіе“, напечатанная въ № 304 „Кіевскихъ Откликовъ“.

„Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ—говоритъ авторъ названной статьи—почти всѣ русскія газеты облетѣло лаконическое извѣстіе о томъ, что отмѣна тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ ограниченій признана была въ высшихъ правительственныхъ сферахъ „несвоевременной“. Хотя дѣятельность правительства уже въ достаточной степени пріучила насъ ко всевозможнымъ неожиданностямъ, но на этотъ разъ извѣстіе переходило всякія границы нелѣпаго и невозможнаго; оно на первыхъ порахъ могло показаться—и дѣйствительно показалось многимъ—просто какой то дикой выдумкой. Вѣдь преступленіе противъ украинскаго народа, отлившееся въ форму знаменитыхъ секретныхъ циркуляровъ 1865 и 1876 гг., само по себѣ являлось настолько вопіющимъ противорѣчіемъ самимъ элементарнымъ условіямъ сколько нибудь сноснаго общественнаго правопорядка, что существованіе его, казалось бы, возможно только въ непроглядныхъ потемкахъ стараго режима. Разъ, хоть краешекъ таинственной пелены, окутывавшей это преступленіе, былъ приподнятъ, разъ, хоть маленькій лучъ свѣта проникъ въ запретную область—этого, казалось бы, достаточно было, чтобы и преступленіе исчезло безъ возврата.

Такъ подсказывали соображенія здраваго смысла, однако, дѣйствительность вскорѣ опровергла ихъ и выставила рядъ новыхъ фактовъ, показывающихъ, что данное преступленіе относится къ разряду все еще длящихся, а преступники обладаютъ настолько сожженной совѣстью, что потеряли уже всякую способность стыдиться своихъ поступковъ. Между прочимъ, я тогда же пытался было на столбцахъ кіевскихъ газетъ дать надлежащую оцѣнку такого поведенія, но несмотря на вынужденную скромность моихъ замѣчаній, они нашли единственнаго читателя—въ лицѣ г. кіевскаго цензора. Пользуясь тѣмъ, что въ настоящее время указанная монополія лицъ цензурнаго вѣдомства до извѣстной степени сокращена, дѣлаю новую попытку заговорить на старую тему.

Волна освободительнаго движенія, охватившая въ послѣднее время всѣ слои общества, вынесла на поверхность нашей многострадальной жизни и вопросъ объ освобожденіи украинскаго слова. Этотъ вопросъ, о которомъ долгое время нельзя было даже упоминать въ русской подцензурной печати и который, поэтому, казался почти забытымъ, теперь былъ поставленъ, разрѣшенъ въ общественномъ сознаніи, освѣщенъ съ точки зрѣнія принципіальнаго обоснованія и практической настоятельности и, казалось, не допускалъ возможности иного рѣшенія, кромѣ того, какое подсказывалось всѣмъ ходомъ и положеніемъ дѣла. Однако правящая бюрократія (комитетъ министровъ), нашла въ свое время „болѣе осторожнымъ“ собрать предварительно фактическія справки о положеніи дѣла, обратившись за разъясненіями къ ученымъ учрежденіямъ (академія наукъ и университеты кіевскій и харьковскій) и къ высшей административной власти въ нашемъ краѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, ученыя учрежденія единогласно высказались за положительное разрѣшеніе вопроса, разсматривая его съ научной стороны; къ этому же рѣшенію примкнула и администрація съ точки зрѣнія, такъ сказать усиленной охраны. Казалось, послѣ этихъ всесторонне-компетентныхъ свидѣтельствъ, не существуетъ болѣе препятствій къ сверженію позорныхъ цѣпей, надѣтыхъ на украинскій народъ; казалось, исчезли всѣ основанія, если таковыя когда нибудь и были, задерживать въ числѣ дѣйствующихъ постановленій возмутительный пережитокъ прошлаго; казалось, пало послѣднее оправданіе длящемуся преступленію противъ украинскаго народа. Но все это только казалось: происходитъ какое то таинственное мановеніе невидимой руки—и все остается по старому: преступленіе продолжаетъ совершаться при свѣтѣ яснаго дня и на глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей, вызывая возмущеніе во всѣхъ, кто только способенъ возмущаться подобными циническими зрѣлищами нескрываемыхъ преступленій. Покончить съ преступленіемъ было признано „несвоевременнымъ“,—и какъ мило звучитъ это „несвоевременно“ на оффиціальномъ языкѣ благовоспитанной бюрократіи!..

Какъ все это случилось? Почему? Зачѣмъ? Мы этого не знаемъ, да и никто, вѣроятно, не въ состояніи отвѣтить на эти далеко для насъ непраздные вопросы—почему все это произошло и какія цѣли преслѣдовались въ данномъ случаѣ правительствомъ? Комитетъ министровъ, который съ похвальной откровенностью въ декабрѣ прошлаго года осудилъ ограниченія и лишь въ видахъ большей, якобы, осторожности не отмѣнилъ ихъ тотчасъ же, въ послѣдней стадіи вопроса счелъ болѣе для себя удобнымъ скрыться за фигурой умолчанія, не опубликововавъ даже своихъ глубокомысленныхъ соображеній, какъ это

онъ обычно дѣлалъ по другимъ вопросамъ; дальнѣйшее теченіе дѣла также было покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности, скрываясь за непроницаемыми стѣнами петербургскихъ канцелярій. Что тамъ происходило,—повторяю, мы не знаемъ: мы видѣли только непостижимые результаты какихъ то таинственныхъ манипуляцій и поражались несоотвѣтствіемъ окончательнаго вывода—постановленнымъ раньше посылкамъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе украинскаг) вопроса уже тогда окончательно выяснилось; никакимъ сомнѣніямъ и надеждамъ уже болѣе мѣста не оставалось. „Реформаторская“ дѣятельнасть, предпринятая „во исполненіе“ указа 12 декабря собственными силами бюрократіи безъ участія живыхъ силъ страны, потерпѣла полный крахъ и по настоящему вопросу, какъ и по всѣмъ остальнымъ, съ той только разницей, что здѣсь бюрократія превзошла самое себя, подвергнувъ сѣченію свое собственное благородное тѣло...

Я бы прошелъ мимо этой операціи, не въ первый уже разъ такъ блестяще выполненной русскимъ правительствомъ, если бы она невыносимой болью не отзывалась на организмѣ неповиннаго украинскаго народа. Но, къ сожалѣнію это такъ: операція отозвалась прежде всего на украинскомъ народѣ, лишенномъ средствъ къ просвѣщенію, и потому невозможно оставить ее безъ вниманія. Освободительное движеніе привело къ тому, что русская пресса пользуется въ настоящее время большой свободой сужденій; естественный выводъ отсюда долженъ бы быть тотъ, что и украинское слово можетъ воспользоваться ею въ равной же степени. Но... не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ фатально длящимся преступленіемъ: вопросъ объ его устраненіи по прежнему стоитъ предъ нами во всей своей грозной настоятельности,—говорю: „грозной“ потому, что этотъ вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ просвѣщеніемъ, гражданскимъ воспитаніемъ и благосостояніемъ 30-милліоннаго народа, отставшаго въ своемъ развитіи и изнемогающаго подъ бременемъ нищеты, невѣжества и темноты.

Сравнительной свободой, наступившей послѣ 17 октября, украинская печать не могла до сихъ поръ воспользоваться по той причинѣ, что она, эта печать, не существовала вовсе до 17 октября. Вѣдь правительство въ послѣдній моментъ, когда представлялся благопріятный случай покончить наконецъ съ лежащимъ на его многогрѣшной совѣсти преступленіемъ, предпочло и по данному вопросу заниматься самосѣченіемъ и отмахиваться отъ справедливыхъ требованій краткимъ, но достаточно по условіямъ времени выразительнымъ: „несвоевременно“. Признанная тогда „несвоевременность“ связываетъ намъ руки и въ настоящее время; наслѣдіе позорнаго прошлаго все еще продолжаетъ угнетать наши плечи своей исключительной тяжестью.

Мало того, даже относительно будущаго мы не можемъ питать никакой увѣренности, что правительство пожелаетъ разъ на всегда окончить свою преступную политику національнаго гнета, травли и насилій, несмотр на всѣ его торжественныя обѣщанія и увѣренія въ искренности своихъ намѣреній. Истинную цѣну этимъ увѣреніямъ русскіе граждане еще недавно познали весьма наглядно на примѣрѣ Польши, получившей вмѣсто автономіи—военное положеніе...

Но если украинская печать въ Россіи принадлежитъ къ числу существъ, еще не род вшихся, то, несомнѣнно, что ей пора уже родиться. Украинское общество, которое съ безпримѣрной терпѣливостью выносило въ продолженіе десятилѣтій преступные капризы гг. Юзефовичей, можетъ и должно тѣмъ ли инымъ путемъ фактически осуществить ту свободу родного слова, въ которой ему такъ упорно отказываютъ; борьба, которую не оно вызвало и поддерживало, должна вестись всѣми способами и средствами, какія только возможны въ подобномъ положеніи. И это, несомнѣ но будетъ сдѣлано, и можно думать, что въ конечномъ счетѣ побѣда окажется не на сторонѣ обрусительной бюрократіи, которая уже потерпѣла пораженіе и по данному вопросу. Невольно напрашивается сравненіе настоящаго времени съ 1863 годомъ, когда Украйнѣ былъ брошенъ бюрократіей первый вызовъ, и съ 1876 г. когда этотъ вызовъ принялъ окончательную форму длящагося до настоящаго времени преступленія. Тогда украинскаго общества, общественнаго мнѣнія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не существовало; украинская литература и общественное движеніе пускали лишь первые ростки, и потому предпринимаемыя противъ нея мѣропріятія могли, повидимому, разсчитывать хотя бы на нѣкоторый успѣхъ. Жизнь показала, однако, насколько эфемерны были надежды Валуевыхъ и Юзефовичей. Полусотлѣтіе суровыхъ запретительныхъ мѣръ не въ состояніи было уб ть молодую, начинающуюся литературу; всѣ усилія бюрократіи оказались совершенно напрасными, и украинское слово и среди ограниченій выросло на степень замѣтной уже въ настоящее время культурной силы. Теперь иное время: какъ не какъ, существуетъ уже украинское общество, которое съ каждымъ днемъ растетъ и увеличивается; національное самосознаніе начинаетъ уже пробуждаться и въ народной средѣ. Этому процессу роста и пробужденія національнаго самосознанія акты насилія могутъ лишь содѣйствовать, вызывая естественное чувство протеста и отпора. Вотъ, поэтому то и послѣднее усиліе издыхающаго режима, направленное къ умерщвленію живого дѣла, заранѣе было осуждено на полный крахъ; оно оказалось еще болѣе „несвоевременнымъ", чѣмъ 40 лѣтъ назадъ; фіаско было обезпечено вполнѣ собственнымъ образомъ дѣйствій пра-

вительства, и съ этой точки зрѣнія мы лишь могли поражаться той удивительной близорукостью и неразборчивостью въ средствахъ, съ которыми оно пытается остановить колесо исторіи. Вѣдь колесо это навѣрное сильнѣе задерживающей его руки...

Покойный Михайловскій какъ то выразился, что въ каждомъ россійскомъ обывателѣ есть нѣчто отъ контрабандиста: это, по его мѣткому выраженію, „контрабандистъ самый разносторонній, искусный и охочій; контрабандистъ не только по своему общественному воспитанію, по нуждѣ, по привычкѣ, но иногда и по обязанности". (Сочиненія, т. IV, стр. 720). Украинцевъ запретительной системой всегда толкали на путь сугубо контрабандный, такъ какъ только такимъ путемъ и возможно было проводить даже то, что другимъ разрѣшалось вполнѣ правомѣрно и безпрепятственно. Для украинцевъ давно уже, съ перваго шага ихъ сознательной жизни, возникала именно эта, если хотите, нравственная обязанность ступить на контрабандный путь, ибо иного не существовало. Для насъ, слѣдовательно, это дѣло въ достаточной степени извѣстное и привычное, а потому и сейчасъ слѣдуетъ обратиться на испытанный уже путь.

Повторяю: мы должны осуществить свое право на свободное слово независимо и, если окажется нужнымъ, вопреки всѣмъ усиліямъ задержать насъ на пути свободнаго развитія. При твердомъ желаніи, никакія заставы и караулы этому помѣшать, конечно, не въ состояніи.

Только такимъ путемъ, очевидно, и можетъ быть вполнѣ, на всегда и окончательно устранено то длящееся преступленіе противъ украинской народности, съ которымъ не желаетъ порвать русское правительство. Намъ нечего ожидать, пока правящимъ сферамъ заблагоразсудится, наконецъ, произнесть свое „своевременно" и выдать намъ аттестатъ зрѣлости,—мы должны взять его сами, своими собственными руками"

Къ вопросу объ изданіи украинской научно популярной литературы. Украинская интеллигенція всегда сознавала необходимость широкой популяризаціи знаній въ народныхъ массахъ украинскаго селянства и еще съ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія старалась пускать въ деревню, такъ называемые, „метелыкы". Къ сожалѣнію, „независящія" отъ нея „обстоятельства" и особенно тайный (неопубликованный) законъ 1876 г. ставили очень серьезныя препятствія изданіямъ популярныхъ книжекъ (какъ и вообще книгъ) на украинскомъ языкѣ.

Неудивительно поэтому, что народная украинская литература, предназначенная для деревенскаго люда, не можетъ быть признана богатой ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніяхъ.

Правда, съ началомъ текущаго десятилѣтія она начала увеличиваться, но въ своемъ содержаніи мало разнообразилась, такъ какъ стѣсняемая цензурными условіями (несравнено болѣе тяжелыми для украинской печати, чѣмъ для русской), не могла пополняться книжками научно-популярнаго содержанія.

Предлагалась только одна беллетристика, и то послѣ строжайшей цензурной фильтровки. Пытались облекать тѣ или другія научно-популярныя истины въ беллетристическую форму, чтобы хоть въ такомъ видѣ приподнести ихъ украинскому селянству, но и здѣсь цензура не была мягкой.

Масса рукописей, представленныхъ авторами въ главное управленіе по дѣламъ печати, пропала безслѣдно. Только немногія изъ нихъ по чисто случайнымъ обстоятельствамъ попадали въ печать.

Поэтому то и мало мы видимъ народныхъ украинскихъ книжекъ научно-популярнаго содержанія.

Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на дѣятельность кіевскаго издательства „Вік", къ слову сказать, самаго дѣятельнаго книгоиздательства на украинскомъ языкѣ. Количество изданныхъ имъ книжечекъ равняется 51, но изъ нихъ только семь съ содержаніемъ, намекающимъ на популяризацію знаній (напримѣръ: Авраменко—„Різачка, або дизентерія", Коваленко—„Якъ мы боронылыся одъ холеры".

Сравнительно въ лучшихъ условіяхъ шла дѣятельность петербургскаго „благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ дешевыхъ книгъ" (на украинскомъ языкѣ): изъ тридцати четырехъ изданныхъ имъ книжечекъ беллетристическаго содержанія находимъ лишь семь, прочія же заключаютъ въ себѣ разныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству (особенно хороши книги Ев. Чикаленка, подъ общимъ заголовкомъ „Розмова про сельске хозяйство"), исторія украинскаго народа, жизни и дѣятельности знаменитыхъ людей (Сократа, Рафаеля, Стефенсона и друг.).

Напрасно будемъ искать среди украиских народныхъ изданій книжекъ, касающихся вопросовъ политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ: онѣ тщательно запрещались цензурой, и украинскій народъ лишенъ возможности знакомиться съ этими вопросами; несмотря на всю важность ихъ, цензура все запрещала.

Переживаемыя Россіей событія требуютъ возможно широкаго ознакомленія съ ними массъ украинскаго народа. Освободительное движеніе, охватившее всѣ народности Россіи, не миновало и украинцевъ—и они охвачены имъ.

Для правильнаго выясненія и распространенія въ массахъ идей освободительнаго движенія необходима соотвѣтствующая литература на украинскомъ языкѣ, та литература, которая теперь отсутствуетъ.

Разныя украинскія политическія партіи пытаются выполнить этотъ пробѣлъ и довольно дѣятельно выпускаютъ брошюры политическаго, содержанія но и изданіе ихъ сопряжено съ большими трудностями. Прежде всего надо считаться съ препятствіями, которыя ставятся администраціей. Такъ какъ до сихъ поръ не были изданы законы о печати, гарантирующіе, согласно Манифесту 17-го октября, ея свободу, то администрація, руководясь упомянутымъ уже выше закономъ 1876 года, не церемонится съ украинскими изданіями.

Недавно полтавскій губернаторъ велѣлъ конфисковать изданный въ Лубнахъ украинскій листокъ, содержащій въ себѣ переводъ манифеста 17-го октября съ докладомъ гр. Витте.

Результатомъ такого отношенія администраціи къ украинскому печатному слову является и то обстоятельство, что до сихъ поръ не можетъ выходить ни одна украинская газета, хотя желающіе издавать ее находятся во многихъ мѣстностяхъ украинской территоріи. Положеніе въ высшей степени ненормальное... Только какъ то случайно удалось г. Шемету въ Лубнахъ выпустить первые нумера „Хлібороба“ газеты, предназначенной для селянства. Успѣхъ ея, конечно, будетъ несомнѣнный, такъ какъ украинское село жаждетъ имѣть печатный органъ на родномъ языкѣ. На страницахъ „Приднѣпровскаго Края“ было помѣщено нѣсколько писемъ по украински, писанныхъ селянами или лицами, близко стоящими къ нашему деревенскому жителю; въ этихъ письмахъ заявляется о неотложной необходимости имѣть украинскую періодическую печать.

Одинъ изъ корреспондентовъ, г. Прилипка („Придн. Кр.“, № 2656), пишетъ, что крестьяне ему заявляли: „от як би тепер газети писались по нашому, то й ми б розуміли, що там пишеться, а то не тільки чого другого, а и в Маніфестах мало що ми втропаемо“...

Украинскій крестьянинъ пробуждается, самосознаніе его растетъ, благодаря всеобщему оживленію, необычайно быстро. Украинская интеллигенція, организовавшаяся въ политическія партіи, должна придти на помощь своему брату, съ цѣлью удовлетворить его современнымъ духовнымъ и матеріальнымъ запросамъ...

Понятно, что прежде всего должно быть дано ему правильное освѣщеніе и разъясненіе настоящаго грознаго момента, какъ наиболѣе благопріятнаго для улучшенія правового и экономическаго положенія украинскаго селянства. Какъ извѣстно, въ Екатеринославѣ сущест-

вуетъ украинская радикальная партія, поставившая въ числѣ своихъ задачъ и приведеніе самой широкой аграрной програмы.

Членамъ этой партіи необходимо обратить самое серьезное вниманіе на распространеніе въ народѣ не только своей партійной литературы, но и вообще научно-популярной. Это тоже входитъ въ задачи дѣятельности украинской радикальной партіи,—вѣдь она, какъ видно изъ ея программы, выставляетъ не только принципы федерализма и соціализма, но культурное возрожденіе украинскаго народа.

Изданіе и распространеніе украинской научно-популярной литературы еще ближе и непосредственнѣе лежатъ на обязанности недавно возникшаго въ Екатеринославѣ украинскаго литературно-артистическаго общества, цѣлью котораго является содѣйствіе культурному развитію украинскаго народа. Оно—не партія съ какой либо опредѣленной политической программой, а научно-просвѣтительное общество, преслѣдующее чисто культурныя задачи. Вопросы политики имъ затрагиваются лишь на столько, на сколько это необходимо для осуществленія преслѣдуемой обществомъ цѣли.

Послѣдняя можетъ объединять въ извѣстной степени всѣ украинскія партіи, какого бы оттѣнка онѣ ни были.

Въ данномъ случаѣ мѣстное молодое украинское литературно-артистическое общество должно брать примѣръ съ петербургскаго благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, какъ „Нові царскі закони", „Державный лад", „Державна рада з виборних" и др. подобнаго же рода брошюры, являющіяся неотложной потребностью.

Изданіемъ книгъ для украинскаго народа, книгъ, наиболѣе требуемыхъ событіями переживаемаго момента, екатеринаславское украинское литературно-артистическое общество окажетъ услугу мѣстному украинскому населенію. Послѣднее вправѣ ожидать отъ названнаго общества самой энергичной дѣятельности въ указанномъ направленіи.

В. Широчанскій.

„Украинскій языкъ, какъ подсобное средство". Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ № 2188 „Юга" статья г. Сьогобочного, сообщающая интересныя свѣдѣнія о дебатахъ въ Херсонскомъ совѣщаніи по народному образованію. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ должно вестись обученіе въ народной школѣ въ селѣ съ украинскимъ населеніемъ, вызвалъ горячіе дебаты на бывшемъ въ Херсонѣ при губернской земской управѣ совѣщаніи 2—4 октября по народному образованію. Предсѣдатель совѣщанія А. А. Сорокинъ (членъ губернской

управы, землевладѣлецъ Елисаветградскаго уѣзда), предсѣдатель херсонской уѣздной земской управы Д. П. Горичъ, директоръ херсонскаго земскаго сельско-хозяйственнаго училища Рекало, губернскій статистикъ Ф. А. Василевскій и нѣкоторые еще другіе лица изъ „третьяго элемента", заявили себя противниками преподаванія грамоты украинскому населенію на его родномъ языкѣ. Г. Василевскій, напримѣръ, и другіе еще украинцы по происхожденію, энергично проводили мысль, что украинскій языкъ можетъ быть допущенъ въ школу лишь какъ „подсобное средство", исходя изъ того, что существующій русскій литературный языкъ является-де больше малорусскимъ (sic!), нежели велико-русскимъ. Г-нъ Василевскій утверждалъ, что велико-русскимъ языкомъ называется языкъ Ивана Грознаго, Калиты, а не языкъ Лермонтова и Пушкина...

Насъ ничуть не удивляло и не печалило, когда такъ называемые „цензовые" члены совѣщанія высказывались противъ украинскаго языка, отводя ему унизительную роль подсобнаго средства. Вѣдь эти господа привыкли обращаться въ своей практической жизни къ этому языку, какъ къ подсобному средству, когда имъ нужно въ своихъ экономіяхъ выругать неисправнаго работника. Не удивляетъ насъ и директоръ училища г. Рекало, который хотя и полтавецъ, но въ прежней роли инспектора народныхъ училищъ усвоилъ себѣ извѣстное отношеніе къ украинскому языку. Но вотъ какъ могутъ такъ мыслить, какъ г. Сорокинъ, тѣ люди, которые сами вышли изъ народа и на которыхъ, несмотря ни на ихъ преклонный возрастъ, ни на ихъ упражненіе „въ русскости", слѣды народа, слѣды народнаго языка остались на всю жизнь?.. „Пъять", „двацять", „времня", „хлібовъ" и пр. и пр. слышите вы на каждомъ шагу отъ утверждающаго о ненужности украинскаго языка... Невольно вспоминается незабвенный Т. Г. Шевченко, сказавшій „Своі діти гірше ляха іі (Украіну) розпинають"...

Впрочемъ и среди „своихъ" нашлась одна личность, которая сочла нужнымъ выступить съ горячимъ словомъ въ защиту родного языка въ школѣ. Редакторъ земскаго сборника А. М. Грабенко, какъ бывшій народный учитель, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Я позволю себѣ задать вопросъ, на который, по моему, есть только одинъ отвѣтъ: какую цѣль должна преслѣдовать всякая школа? Она не должна „натаскивать" ребенка, не должна внушать ему всякія школьныя „дисциплины", а должна воспитать изъ него *человѣка*. Только школа, стремящаяся къ этой цѣли и достигающая ее, можетъ называться школой въ истинномъ значеніи этого понятія. Можетъ ли достигнуть этой цѣли школа, въ которой преподаваніе ведется не на родномъ языкѣ, въ которой ребенку приходится вникать не въ сущность вещей, о которыхъ

ему сообщается, а прежде всего въ ихъ форму, приходится перетворять все, ему преподаваемое, приспособлять его къ своимъ національнымъ понятіямъ и представленіямъ? Несомнѣнно нѣтъ, такъ какъ въ такой школѣ время тратится не на воспитаніе человѣка, а лишь на усвоеніе имъ формъ той рѣчи, на которой ведется преподаваніе.

Трудно обучать на русскомъ языкѣ нѣмца, молдаванина, но, съ моей точки зрѣнія, еще труднѣе малоросса, такъ какъ въ русскомъ и въ малорусскомъ языкѣ есть масса словъ, звучащихъ и пишущихся совершенно одинаково, но имѣющихъ совершенно разное, иногда противуположное значеніе. Я самъ по происхожденію простолюдинъ— малороссъ, говоритъ ораторъ, и въ силу этого и въ дѣтствѣ, когда я учился въ начальной, а затѣмъ въ средней и высшей школѣ, да и теперь, когда я стою передъ вами, всегда думалъ и думаю по малорусски и мнѣ почти всегда приходится сначала переводить свои мысли на литературный языкъ, а затѣмъ уже громко выражать ихъ. Если это не всегда легко для меня, сравнительно образованнаго человѣка, то какія же трудности долженъ испытывать ребенокъ, совершенно неподготовленный къ воспріятію цѣлаго цикла понятій, излагаемыхъ на незнакомомъ языкѣ"?

Развивъ далѣе въ томъ же направленіи свою мысль, г. Грабенко закончилъ свою рѣчь такъ: „Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что въ начальной школѣ обученіе должно вестись на родномъ языкѣ вообще и въ частности въ школахъ съ украинскимъ населеніемъ на украинскомъ. Только тогда школа достигнетъ своей цѣли,—воспитанія человѣка, только тогда народныя средства не будутъ тратиться даромъ".

Однако эта убѣдительная рѣчь мало подѣйствовала на предсѣдателя совѣщанія, которому мерещился въ этомъ вопросѣ „сеператизмъ", умаленіе значенія государственнаго языка и пр. Тщетно также доказывалъ секретарь губернской управы К. М. Яичковъ (великороссъ по рожденію, ярославецъ), что нѣтъ основаній лишать права украинцевъ учиться на родномъ языкѣ, что вопросъ о языкѣ въ школѣ слѣдуетъ рѣшить такъ, какъ рѣшаетъ его всероссійскій союзъ учителей, т. е. что преподаваніе должно вестись на родномъ языкѣ, г. Сорокинъ все же ставитъ на баллотировку предварительно украинскій языкъ: за преподаваніе на этомъ языкѣ высказалось 15, противъ 13. При постановкѣ на баллотировку вопроса въ общей формѣ „родной языкъ въ школѣ" совѣщаніе высказалось единогласно за преподаваніе на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ справедливость восторжествовала, не допустивъ языкъ къ унизительной роли „подсобнаго средства", къ каковой роли такъ хотѣли низвести его помазанные культурой украинцы въ кавычкахъ. („Югъ" № 2188—9 ноября).

Украинскій языкъ на губернскомъ съѣздѣ полтавской группы всероссійскаго союза учителей 20 ноября въ губернскомъ съѣздѣ Полтавской группы всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію членамъ съѣзда Н. А. Дмитріевымъ прочитано нижеслѣдующее заявленіе, касающее реформированія народной школы на Украинѣ при чемъ съѣздомъ единогласно приняты всѣ предложенія доклачика.

Заявленіе.

Земствамъ и городамъ, въ вѣдѣніи которыхъ главнымъ образомъ находится въ настоящее время народное образованіе, безусл вно приходилось подчиняться направленію и тѣмъ общимъ требованіямъ, которыя исходили изъ центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія—изъ бюрократической среды. Послѣдняя же, въ связи съ общегосударственнымъ режимомъ, въ чистый источникъ народнаго просвѣщенія постоянно вводила совершенно постороннія соображенія отчасти политическаго свойства, стремясь къ полному обезличенію индивидуальныхъ духовныхъ особенностей того или другого народа, входящаго въ составъ Россійской Имперіи.

Задавшись цѣлью всячески парализовать развитіе этихъ отдѣльныхъ своеобразныхъ духовныхъ стихій, центральные бюрократическіе органы строго проводили сказанное начало и въ предѣлахъ Полтавской губерніи, какъ части исторической Украины.

Это, конечно не было случайностью, а однимъ изъ звеньевъ строго проводимой системы обрусенія, что не трудно прослѣдить начиная съ общеизвѣстнаго указа 1720 года 5 сентября, наложившаго руку на бывшія тогда 2 свободныхъ печатни въ Кіевѣ и Черниговѣ. Въ указѣ, между прочимъ, говорилось, чтобы въ печатаемыхъ книгахъ „никакой розни“ и особаго „нарѣчія“ въ нихъ не было и чтобы сравнивать тѣ книги „для совершеннаго согласія съ великороссійскими“.

Наконецъ рядъ репрессивныхъ мѣръ и стѣсненій завершился такъ называемымъ закономъ 1876 г., которымъ воспрещалось печатаніе почти всего на украинскомъ языкѣ: съ этого времени только одна беллетристика могла появиться на свѣтъ. Законъ этотъ, нигдѣ своевременно не опубликованный, примѣнялся съ неумолимой строгостію. Кромѣ того рядомъ послѣдующихъ циркуляровъ путемъ распространительнаго толкованія его наложенъ запретъ на право выхода въ свѣтъ періодическихъ изданій, переводовъ, дѣтскихъ книгъ и прочее.

Надо ли послѣ этого подробно говорить, въ какія невозможныя условія для дальнѣйшаго развитія попала украинская литература и всѣ духовныя силы украинскаго народа.

На ряду съ цѣлой системой обрусенія Украины, на мѣсто стародавней коренной украинской школы съ извѣстной Кіевской Могилянской Академіей во главѣ, здѣсь постепенно вводилась великорусская школа.

Печальное наслѣдіе такой ломки пришлось принять нашимъ земскимъ и городскимъ самоуправленіямъ.

Замкнутые въ строго опредѣленныя, узкія рамки школьнаго дѣла, эти органы самоуправленія, вѣдая главнымъ образомъ хозяйственную сторону его, совершенно не могли вноситъ своей иниціативы въ смыслѣ надлежащей постановки школьнаго дѣла, согласно духовнымъ потребностямъ, духовнымъ особенностямъ украинскаго народа

Цѣлый рядъ ходатайствъ городскихъ и земскихъ самоуправленій, желавшихъ дать народу его родную національную школу, оставался безъ удовлетворенія.

Потребность же въ знаніи, жажда просвѣщенія настойчиво требовали открытія школъ, хотя бы и не на родномъ языкѣ населенія, и послѣднее такимъ образомъ вынуждено было идти и въ такую, чуждую ему, школу.

Принципіальное и практическое значеніе такой именно постановки школы въ настоящее время широко разработано цѣлымъ рядомъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей, начиная съ Аммоса Каменскаго Гримма, Дистервега, Ушинскаго, Потебни и проч.

Другими словами, вопросъ о національной школѣ для народа является въ настоящее время настолько разработаннымъ, что общая ненормальность постановки учебнаго дѣла въ Полтавщинѣ для украинскаго народа едва ли требуетъ подробной аргументировки.

Вотъ почему теперь, при наступающей общей политической свободѣ, свободѣ слова, печати—для всей интеллигенціи, стоящей близко къ народу, дающей ему школу не на родномъ ему языкѣ, возникаетъ серьезный вопросъ, какъ быть дальше? идти ли по тому же пути насажденія русской школы, или обратиться къ естественному законнѣйшему удовлетворенію элементарныхъ правъ каждаго—свободно развивать свои природныя духовныя силы. При чемъ, конечно, такое право принадлежитъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но тѣмъ болѣе коллективнымъ единицамъ — отдѣльнымъ народамъ, отдѣльнымъ національностямъ.

Исходя изъ всего вышесказаннаго, полагаемъ, что на современномъ обществѣ, которому дается больше правъ, несомнѣнно лежитъ и большая нравственная отвѣтственность за то или другое направленіе въ общественной дѣятельности и тѣмъ болѣе въ области образованія подростающихъ поколѣній.

Вотъ почему отдѣльныя лица и цѣлыя учрежденія, которымъ фактически ввѣряется судьба народнаго образованія, должны признать вполнѣ своевременнымъ вопросъ о полномъ и безусловномъ реформированіи народной школы въ смыслѣ приближенія ея къ народной духовной стихіи, какъ это существуетъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Западной Европы въ смыслѣ созданія національной украинской школы.

Настоящимъ заявленіемъ, конечно, не исчерпывается затронутый капитальный вопросъ нашего школьнаго дѣла,—это общія основанія его.

Я только счёлъ долгомъ намѣтить ихъ, предлагая передать для подробной разработки губернскому, и затѣмъ всероссійскому съѣздамъ союза уч телей и дѣятелей по народному образованію.

Если прослѣдить всѣ постановленія, резолюціи различныхъ собраній, союзовъ, съѣздовъ за послѣдній годъ, то съ удивительной ясностью обнаруживается, какъ общественное сознаніе все глубже проникается значеніемъ и необходимостью самаго широкаго и свободнаго развитія духовныхъ силъ всѣхъ національностей и введенія родного языка въ народной школѣ.

Постановленіе съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ отъ 13 ноября с. г., касающееся въ частности и украинскаго языка и школы, служитъ еще однимъ доказательствомъ всего вышесказаннаго и исходитъ изъ самыхъ широкихъ круговъ и лучшихъ представителей земствъ и городовъ.

Вынужденный пока ограничиться вышеприведенными краткими соображеніями, я считаю необходимымъ внести слѣдующіе пункты для обсужденія и принятія ихъ въ формѣ резолюціи или постановленія ближайшаго общаго собранія съѣзда дѣятелей по народному образованію.

1. Для украинскаго населенія на территоріи Украины народная школа должна быть украинской, т. е. преподаваніе должно быть на родномъ украинскомъ языкѣ. Программы школъ д. б. выработаны заново, при чемъ русскій языкъ составляетъ особый предметъ преподаванія.

2. Необходимо немедленно принять всѣ мѣры къ составленію учебниковъ, и по языку, и по содержанію вполнѣ соотвѣтствующихъ такой школѣ.

3. Необходимо изданіе украинскаго дѣтскаго журнала для разныхъ возрастовъ.

4. Необходимо немедленно открыть временные курсы для учителей и учительницъ по слѣдующимъ предметамъ: 1) по украинскому языку, 2) по исторіи украинской литературы и 3) по исторіи Украины.

5. Въ учебныхъ заведеніяхъ на территоріи Украины, гдѣ подготовляются учителя (учительскіе институты, семинаріи и проч.), должны быть введены вышесказанные предметы (п. 4).

6. Немедленное пополненіе библіотекъ при школахъ произведеніями украинскихъ писателей и сочиненіями по вышеназваннымъ предметамъ (п. 4).

7. Ходатайствовать объ открытіи въ Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ университетахъ особыхъ каѳедръ по тѣмъ же предметамъ, а также каѳедры украинской этнографіи и исторіи ея.

Резолюціи земскихъ и городскихъ дѣятелей. Исходя: 1) изъ принципа свободы слова, провозглашенной 17-го октября основнымъ закономъ; 2) изъ того убѣжденія, что успѣхъ дѣла начальнаго обученія и образованія (какъ то показалъ опытъ Норвегіи и другихъ странъ) находится въ прямой зависимости отъ того, ведется ли начальное обученіе на родномъ языкѣ, или нѣтъ, и 3) изъ того постановленія, которое сдѣлано было уже на съѣздѣ и которое было принято въ видахъ гарантіи правъ національностей, населяющихъ имперію,—съѣздъ признаетъ необходимымъ теперь же, впредь до созыва собранія народныхъ представителей, ввести по мѣрѣ возможности мѣстные языки (малорусскій, литовскій, латышскій, эстонскій и др.) какъ языки преподаванія въ низшихъ народныхъ школахъ и отмѣнить всѣ циркуляры и распоряженія, касающіеся мѣстныхъ языковъ.

Союзъ имени Шевченка. Вновь организованное общество имеин Шевченка въ Москвѣ признаетъ для себя обязательнымъ слѣдующую платформу.

1) Въ виду того, что употребленіе родного языка во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ культурнаго и экономическаго развитія націи,

2) Въ виду того, что Украина, какъ отдѣльная національная единица, имѣетъ свои національныя особенности, выражающіеся не только въ языкѣ, но и въ рядѣ соціально-экономическихъ условій,

3) Въ виду того, что никакая гарантія національныхъ нуждъ не возможна при существующемъ строѣ,—мы требуемъ:

1. Созванія учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго выборнаго права.

2. С мостоятельности Украины на широкихъ демократическо-федеративныхъ основаніяхъ.

I) Цѣль общества имени Шевченка—объединеніе сознательныхъ украинскихъ элементовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ Россіи. Въ этихъ цѣляхъ общество имѣетъ:

а) Въ широкихъ размѣрахъ организовывать какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, кружки и союзы,

б) Способствовать учрежденію при московскомъ университетѣ каѳедръ:

1) Исторія Украины, ея языка и литературы.

2) Исторіи общественныхъ движеній въ Украинѣ.

с) Устраивать курсы, лекціи и рефераты, какъ въ цѣляхъ пропаганды идей общества, такъ и въ цѣляхъ уясненія національной самобытности Украины.

д) Издавать газеты, книги на языкѣ украинскомъ, а главнымъ образомъ издавать дешевыя книги, брошюры, листки для народа общественно политическаго содержанія.

е) Оказывать матеріальную помощь учащимся-украинцамъ, преимущественно тѣмъ, которые обучаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы; съ этой цѣлью открывать дешевыя столовыя, склады учебныхъ пособій и т. п.

II) Дѣйствительными членами могутъ быть всѣ лица обоего пола, уроженцы Украины.

III) Почетными членами могутъ быть всѣ лица, неудовлетворяющія предыдущему параграфу.

IV) Обязательный взносъ:

а) для дѣйствительныхъ членовъ 3 р. въ годъ.

б) для почетныхъ 10 р. въ годъ.

V) для пожизненныхъ членовъ единовременно 100 р.

в) всѣми внутренними дѣлами общества завѣдуетъ комитетъ изъ 5 лицъ, изъ которыхъ одинъ исполняетъ обязанности—секретаря, другой—казначея, третій—библіотекаря.

VI) Комитетъ созываетъ какъ общія, такъ и чрезвычайныя собранія и вѣдаетъ всѣ дѣла, какія найдетъ нужнымъ поручить ему общее собраніе.

Примѣчаніе. Собранія комитета дѣйствительны при 3 членахъ; вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ.

VII) Общія собранія, очередныя и чрезвычайныя считаются состоявшимися при наличности не менѣе 1/5 всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества.

VIII) Вопросъ объ измѣненіи устава можетъ быть рѣшаемъ при наличности 2/3 всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, простымъ большинствомъ голосовъ.

Комітетъ заснованого товариства імени Т. Г. Шевченка звертается до усіхъ українцевъ, і прохае, щобъ въ усіхъ справахъ товариства адресуватысь до секретаря: Москва, Собачья площадка, домъ „Краснаго Креста", Сергѣю Михайловичу Хвостову. „Веч. Почта".

Съѣздъ представителей негосударственныхъ народностей. 19—21 но бря въ Петербургѣ состоялся подготовительный съѣздъ представителей слѣдующихъ народностей, населяющихъ Россію: поляковъ, литовцевъ, латышей, эстовъ, бѣлорусовъ, украинцевъ, евреевъ, грузинъ, армянъ адербейджанцевъ (кавказскихъ татаръ), казанскихъ татаръ и киргизовъ. Кромѣ того на съѣздѣ были представители отъ Финляндіи. Участвовало всего около 100 чел.

Съѣздъ, по словамъ „С. Отеч." открылся рѣчью профессора Бодуенъ-де-Куртенэ, предложившаго привѣтствовать всѣхъ борющихся за свободу Россіи и почтить память павшихъ въ борьбѣ съ самодержавнымъ режимомъ.

Послѣ доклада бюро объ организаціи съѣзда профессоръ Бодуенъ-де-Куртенэ произнесъ вторую рѣчь, въ которой проводилъ ту мысль, что освобожденіе народностей отъ обрусительнаго гнета прежняго режима не должно замѣниться новымъ гнетомъ тѣхъ народностей, которыя будутъ преобладать въ данной территоріи. Поэтому настоящій съѣздъ долженъ стремиться къ тому, чтобы каждой народности, независимо отъ того, представляетъ ли она въ данной мѣстности большинство или меншинство, была обезпечена полнота правъ, обезпечивающихъ ей возможность жить національной жизнью.

Представители отдѣльныхъ народностей сдѣлали доклады о развитіи національно-политическаго движенія у отдѣльныхъ народностей и современомъ положеніи политическихъ партій. Получилась удручаю-

щая картина разнообразныхъ видовъ гнета, примѣняемая отживающимъ режимомъ по отношенію къ отдѣльнымъ народностямъ.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о средствахъ обезпеченія мирнаго сожительства народностей Россіи, для предупрежденія всякихъ поползновеній на насильственное преобладаніе какой-либо одной изъ нихъ надъ другими. Указывалось, между прочимъ, что необходимо всѣми мѣрами бороться съ развитіемъ шовинистическихъ идей въ нашемъ обществѣ, распространенію которыхъ способствуетъ существующая система школьнаго воспитанія.

Горячія пренія вызвалъ вопросъ о формахъ національной и территоріальной автономіи, причемъ приверженцы того и другого вида автономіи исходили изъ принципа государственнаго единства Россіи.

Въ заключеніе была принята слѣдующая резолюція:

„Собравшіеся въ Петербургѣ представители адербиджанцевъ, армянъ, бѣлоруссовъ, грузинъ, евреевъ, киргизовъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, татаръ, украинцевъ и эстовъ, выслушавъ доклады о національномъ положеніи перечисленныхъ народностей и обсудивъ современное политическое положеніе Россіи, пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Освободительное движеніе, постепенно расчищающее почву для переустройства Россійской имперіи на демократическихъ началахъ, есть общее дѣло всѣхъ народностей Россіи.

2) Народности эти кровно заинтересованы въ томъ, чтобы грядущій строй обезпечилъ всѣмъ и каждой изъ нихъ въ отдѣльности свободу и полноту ихъ духовнаго и матеріальнаго развитія.

3) Съѣздъ признаетъ несостоятельность и недопустимость чрезмѣрной централизаціи законодательства, управленія и другихъ государственныхъ функцій въ государствѣ столь обширномъ, столь разнообразномъ и сложномъ въ экономическомъ, религіозномъ и національномъ отношеніяхъ, какъ Россія.

4) Съѣздъ признаетъ, что децентрализація государственной власти и организація въ Россіи народовластія на началахъ автономно-федеративнаго строя есть задача всѣхъ народовъ Россіи.

5) Въ интересахъ народностей, не сосредоточенныхъ на одной опредѣленной территоріи, а также въ интересахъ національнаго меньшинства, въ каждой изъ такихъ территорій должны быть установлены общегосударственной конституціей такія нормы, которыя бы обезпечивали каждому такому меньшинству и всякой народности неприкосновенность ея національныхъ правъ и интересовъ. Для осуществленія намѣченныхъ задачъ собравшіеся считаютъ небходимымъ созданіе союза народностей, въ цѣляхъ взаимной поддержки въ борьбѣ за національныя права“.

Собраніе поручило бюро выработать форму такого представительства, которое обезпечило бы интересы меньшинства не только національнаго, но и партійнаго.

Кромѣ того, на бюро возложено издать всѣ доклады и матеріалы, доложенные съѣзду, дополнивъ ихъ необходимыми статистическими свѣдѣніями, а также организовать въ ближайшемъ будущемъ делегатскій съѣздъ.

О федерализмѣ. *Схема союзнаго устройства Россіи.* Настало время, когда всѣ русскіе народы должны образовать государство, прочное и справедливое для всѣхъ народностей и для всѣхъ гражданъ, чтобы всѣмъ народностямъ, населяющимъ русскія земли, было выгодно поддерживать общій политическій союзъ и чтобы каждый житель имѣлъ возможность и средства быть дѣятельнымъ гражданиномъ, трудящимся на пользу общую, и чтобы онъ могъ вносить свою личную долю для поддержанія общаго всероссійскаго политическаго союза и съ своей стороны укрѣплять общую связь государства.

Возможна ли всероссійская конфедерація союзныхъ народностей?

Повидимому, есть одно большое препятствіе, мѣшающее устройству общаго всероссійскаго политическаго союза русскихъ народовъ. Это—гегемонія великорусскаго народа, его численное преобладаніе надъ другими народами и захватъ власти людьми великорусской народности.

Всякія заявленія о національныхъ правахъ со стороны не государственныхъ народовъ принимаются подозрительно. Идея „недѣлимости Россіи“ засѣла въ головахъ такъ, что затмеваетъ даже правильное пониманіе вещей. Многіе опасаются, что федеративное устройство Россіи есть переходъ къ раздѣлу Россіи, къ ея распаду на отдѣльныя государства.

Такой распадъ былъ бы гибеленъ: русскіе народы могутъ быть завоеваными сильными сосѣдями,—нѣмцами, японцами, англичанами.

Польша можетъ быть завоевана Германской имперіей, которая навѣрно соединилась бы съ Австріей. Финляндія можетъ отойти къ Швеціи. Восточная Сибирь можетъ быть завоевана Японской имперіей. Отъ Россіи могутъ отложиться кавказскіе народы.

И безъ союзнаго устройства при централистическомъ государствѣ нельзя сказать, что распадъ и раздѣленіе Россіи немыслимы. Окраины ужъ черезчуръ изстрадались отъ Россійской имперіи, которая давила ихъ на горе побѣжденнымъ.

Въ правахъ человѣка и гражданина заключается и право національностей. Мало того: чтобы получить гражданскую свободу, надо, чтобы въ нее входило право національнаго самоопредѣленія, право жизни по обычаямъ и навыкамъ своего племени, со всѣми мѣстными особенностями, напр., мѣстный языкъ, какъ руководящая мысль, управляющая дѣйствіями.

Нѣтъ человѣка въ отвлеченномъ смыслѣ, а есть французъ, нѣмецъ, еврей, великоруссъ, полякъ, украинецъ; человѣческая психологія отрастила отъ себя этологію и этнологію, науки о характерѣ лица и народа.

Что такое право быть человѣкомъ своего племени?

Это—право говорить на своемъ языкѣ, право имѣть вырабатывать свою литературу, которая-то и формируетъ народное сознаніе. Это—право держаться экономическихъ навыковъ своего народа, право вырабатывать ту хозяйственную организацію, которая присуща своему народу.

Наконецъ, это право—не быть угнетенными экономической эксплуатаціей другого народа, не платить налоговъ, идущихъ въ пользу другого народа, не быть обдѣленными въ распредѣленіи продуктовъ производства и въ общенародныхъ цѣнностяхъ.

Національное право—основное право человѣка; за этимъ правомъ идутъ ужъ меньшія права человѣческія.

Такъ вотъ такое основное право человѣка и обезпечивается федерализмомъ—т. е., принципомъ союзнаго устройства. И пока не поздно, пока есть еще надежда на мирное сожительство русскихъ народовъ въ одномъ всероссійскомъ политическомъ союзѣ, нужна пропаганда идей федерализма, нужны старанія образовать россійскую конфедерацію.

Но должна ли Россія превратиться въ такое союзное государство, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, какъ Швейцарія?

Нѣтъ, будущей россійской федераціи, какъ и федераціи австралійской, открываются новые пути прогресса, новые порядки улучшенія жизни человѣческой. Русскій федерализмъ тѣсно связанъ съ идеями соціализма.

Постараемся представить себѣ будущее федеративное русское государство—союзную Россію.

Это можетъ быть союзъ Финляндіи, Польши, Украины, кавказскихъ и среднеазіатскихъ государствъ въ мѣстѣ съ Великой Россіей.

Этотъ союзъ можетъ быть крѣпокъ лишь при областномъ устройствѣ всей Россіи,—такомъ областномъ устройствѣ, въ которомъ является въ высокой степени развитымъ мѣстное самоуправленіе.

Русскому народу нужно волостное земство. Въ этомъ послѣднемъ—школа правового воспитанія селянъ,—та школа, въ которой всѣ жители волости должны быть захвачены общими интересами и должны жить сообща.

Во всесословной волости могли бы входить въ тѣсныя сношенія люди образованные съ необразованными со взаимной пользой для себя. Трудящійся сельскій людъ воспитанъ въ терпѣніи и выносливости тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ и историческимъ подборомъ крѣпкихъ людей.

Личность крестьянина—цѣльная, здоровая личность. У селянина крѣпкіе нервы, выдержанный характеръ, развитая воля. У него слово не расходится съ дѣломъ и онъ цѣльный человѣкъ уже потому, что годится ко всякому труду, дѣйствуетъ всѣми своими способностями. Трудовое начало проникаетъ всю его жизнь и вырабатываетъ твердый характеръ. Крестьяне съ пренебреженіемъ относятся къ тѣмъ людямъ, которые переходятъ на „легкій хлібъ“ (какъ у насъ говорятъ на Украинѣ), къ тѣмъ людямъ, которые сами мало работаютъ и склонны къ эксплуатаціи чужого труда.

Въ этомъ отношеніи селянинъ можетъ вполнѣ быть основателемъ трудового строя жизни и поможетъ устраивать жизнь на новыхъ, трудовыхъ и справедливыхъ началахъ людямъ другихъ классовъ.

Но съ другой стороны селяне не могутъ обойтись безъ образованныхъ людей, которые въ изобиліи встрѣчаются въ другихъ сословіяхъ и которые окажутся чрезвычайно полезными по своему образованію въ волостномъ земствѣ—основной демократической организаціи.

Волостное земство имѣетъ своей задачей не только веденіе общественнаго хозяйства, но и поземельное устроеніе. И то, и другое—дѣло трудное. Это дѣло —устроеніе новыхъ порядковъ жизни по переходу земли къ народу, къ селянской массѣ, общинная разверстка этой земли между земледѣльцами, открытіе общественныхъ складовъ хлѣба разнаго рода, общественныхъ мельницъ, переустройство школьнаго дѣла и врачебно-санитарнаго, общественная запашка и артельное земледѣліе. Все это требуетъ людей, не только привыкшихъ къ труду, каковые являются крестьяне, но и людей съ образованіемъ, каковые въ изобиліи встрѣчаются въ другихъ общественныхъ классахъ. Крестьянство и интеллигенція должны явиться главными создателями волостного земства.

Организація его могла бы быть такою. Волостной сходъ изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ жителей волости, живущихъ въ волости не менѣе 1 года, съ участіемъ въ немъ женщинъ, выбираетъ волостное собраніе

гласныхъ всеобщей подачей голосовъ, равной, прямой и тайной (записками). Волостное собраніе выбираетъ волостную управу, школьное попечительство, земледѣльческій комитетъ, дорожный комитетъ и вообще ведетъ волостныя дѣла совмѣстно съ управою на подобіе городской думы—по народному образованію, народному здравію, призрѣнію убогихъ, дорожному, почтовому дѣлу и т. п. Образцомъ могли бы быть взяты именно часто собирающіяся городскія думы съ ихъ исполнительными комиссіями, а не нынѣшнія уѣздныя земскія собранія, гдѣ дѣло замерзаетъ и усыхаетъ.

Люди, ставшіе замѣтными по своей дѣятельности въ волостныхъ земствахъ, могли бы являться кандидатами въ уѣздные гласные, по 2 отъ каждой волости и избираемые также всеобщимъ голосованіемъ.

Уѣздное земство должно вѣдать дѣла междуволостныя, дѣла общія для всего уѣзда. Его организація такая же, какъ и волостная—собраніе, управа, комитеты. Члены послѣднихъ избираются волостными комитетами.

Уѣздное собраніе—апелляціонная инстанція по раскладкѣ налоговъ волостями. Уѣздное земство вѣдаетъ образцовыя фермы, уѣздныя опытныя поля и другія учрежденія уѣзднаго хозяйства. Его финансовая система такая-же, какъ и волостная—налоги и хозяйственныя доходныя предпріятія. Города входятъ въ уѣздныя земства или даже многолюдные города, составляютъ особыя земскія единицы, входящія въ составъ губернскаго земства, или даже области.

Губернское земство также составляется изъ такой-же организаціи, какъ и волостное, и уѣздное земство. Губернскіе гласные выбираются всеобщимъ голосованіемъ по 6—8 отъ каждаго уѣзда.

Избираться они должны въ волостяхъ по спискамъ кандидатовъ. Каждый союзъ или партія, имѣющая не менѣе 100 человѣкъ, можетъ избирать своего кандидата, но непремѣнно изъ уѣздныхъ жителей.

Губернское земство вѣдаетъ дѣла междуѣздныя, по широкому общегубернскому размаху, дѣла, главнымъ образомъ, по внѣ-школьному образованію и по губернскимъ съѣздамъ учителей.

Оно должно открывать библіотеки и книжные склады, аптечные склады, склады земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ, способствовать врачебной и экономической организаціямъ.

Его финансовая организація также образуется налогами и доходными предпріятіями. Члены губернскихъ комитетовъ выбираются уѣздными комитетами.

Кромѣ экономической (хозяйственной стороны дѣятельности волостного, уѣзднаго и губернскаго земствъ, у нихъ должна быть сто-

рона политическая. То, что дѣлаетъ теперь администрація, должно въ сокращенномъ и полезномъ для населенія видѣ, безъ бюрократизма, перейти въ вѣдѣніе трехъ круговъ земствъ.

Всероссійское государство должно довѣрить административныя дѣла земствамъ; должно довѣрить имъ-же полицію безопасности, сельскую и городскую, должно довѣрить имъ-же и народную милицію. Если-же милиція всероссійскимъ союзнымъ государствомъ будетъ отвергнута, то основными военными законами должны быть:

1) клятва вѣрности народу и конституціи.

2) служба лишь мѣстныхъ людей въ родныхъ мѣстахъ и выходъ войскъ лишь на случай оборонительной войны.

Автономія окраинныхъ народовъ, населяющихъ Россію должна быть основана на своемъ мѣстномъ самоуправленіи и мѣстномъ законодательствѣ.

Автономія не есть отдѣленіе отъ общаго союза, а есть выработка такихъ граней жизни, которыми можно поплотнѣе пристать къ общему цѣлому. Автономія противуположна лишь принужденію.

Но, идя далѣе, автономія должна быть основана на новыхъ началахъ, на народномъ землепользованіи съ передачей земли губерніямъ, уѣздамъ, волостямъ и сельскимъ общинамъ (національзація и соціализація). Въ мѣстные законы должны входить и законы, ограничивающіе или обезвреживающіе частную собственность.

Окраина или *край* долженъ имѣть свой сеймъ, свой судъ, свои земскія учрежденія, какія указаны выше, свою милицію и свою полицію безопасности,

Въ сеймъ народные выборные должны выбираться всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ на основахъ пропорціональнаго избранія, т. е.—каждая національная группа, входящая въ политическую партію, должна имѣть представителей въ сеймѣ.

Областное законодательство въ областномъ сеймѣ является исправленіемъ историческихъ грѣховъ и ошибокъ, когда были попраны въ теченіе болѣе, чѣмъ 400 лѣтъ мѣстныя особенности, которые такъ дороги въ народной жизни, какъ залогъ прогресса и человѣческаго счастья.

Московская и петербургская централизація постоянно устраивала угнетеннымъ народностямъ прокрустово ложе. Общегосударственное законодательство постоянно равняло на этомъ ложе угнетенныя народности, то отрубывало имъ ноги, то вытягивало ихъ въ длину, увѣчило ихъ.

Но и въ автономіи областей не должно повторять старыхъ ошибокъ централизаціи (какъ это дѣлается въ Галиціи, Венгріи.)

Поэтому-то, для того, чтобы не впасть въ грѣхи національнаго преобладанія, представительство, вообще, въ сеймѣ должно быть пропорціонально группамъ избирателей. Нынѣшнія западно-европейскія представительства несправедливы.

Напр., въ Чехіи округа съ чешскимъ населеніемъ посылаютъ въ ландтагъ число депутатовъ меньшее, чѣмъ слѣдовало-бы по числу жителей чеховъ.

Въ австрійскомъ рейхсратѣ число чешскихъ депутатовъ еще меньшее.

Также неравномѣрно-несправедливо представлены и политическія партіи въ германскомъ рейхстагѣ, гдѣ число соціалъ-демократическихъ депутатовъ должно быть вдвое, чѣмъ теперь.

Принципы федерализма требуютъ не только всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, но и пропорціональнаго представительства. Идея союзнаго устройства начинается съ человѣческой единицы, свободной и полноправной личности.

Затѣмъ союзъ составляется въ двухъ направленіяхъ:

1) изъ національныхъ группъ,—и

2) изъ политическихъ партій, какъ соціально-классовыхъ группъ.

Такъ раздѣлено и человѣчество—на народности и общественные классы.

Этотъ человѣческій составъ, племенной и классовой, велъ взаимную борьбу во всей исторіи и будетъ продолжать вести ее.

Союзное государство призвано примирить національную и классовую вражду, нынѣ довольно свирѣпую.

Федерализмъ обезпечиваетъ политическую и общественную равноправность людямъ, живущимъ въ союзѣ. Этого достигать онъ можетъ посредствомъ всеобщаго голосованія и пропорціональнаго представительства, съ одной стороны. Но съ другой стороны, ради уравновѣшенія силъ борющихся общественныхъ классовъ, союзное государство должно заняться переустройствомъ хозяйственныхъ (экономическихъ) отношеній, въ смыслѣ національзаціи и соціализаціи земли и орудій производства.

Федеративное государство должно быть не только свободнымъ, но и справедливымъ государствомъ. Оно должно обезпечить гражданскія права всѣмъ безъ исключенія—и поэтому идею союза оно должно внести во всѣ человѣческія отношенія.

С.-А. Соединенные Штаты и Швейцарія уже потому не могутъ быть идеаломъ для будущаго Всероссійскаго союза, что тамъ политическая равноправность уживается съ капитализмомъ. Рабочій и тамъ является экономическимъ рабомъ капиталиста.

Въ Россіи учредительное собраніе, не проникнутое идеей федерализма, оказалось-бы не въ силахъ не только разрѣшить, но и начать разрѣшать великую задачу соціализма, т. е.—сраведливаго устройства судебъ человѣчества.

Только союзное устройство можетъ дать такой учетъ всѣхъ силъ населенія, при которомъ станетъ возможнымъ полное разрѣшеніе великой задачи—*чтобы всѣмъ хорошо жилось на Руси.*

Эту задачу станетъ рѣшать все населеніе: на селѣ и въ городѣ, въ волостномъ земствѣ, въ уѣздномъ, въ губернскомъ, въ областномъ сеймѣ, въ союзномъ законодательномъ собраніи всероссійскаго государства.

И къ этому рѣшенію должны быть призваны всѣ, все населеніе.

Даже подростки и дѣти, не имѣющіе избирательныхъ правъ, участвуютъ въ политическомъ и общественномъ сознаніи народа.

Даже преступники, лишенные правъ, самымъ фактомъ своего преступленія указываютъ на необходимость исправленія порядковъ жизни.

Такимъ образомъ, исторія ведетъ Россію къ тому, чтобы она сдѣлалась федеративной. Не только окраины—Сибирь, среднеазіатскія ханства, кавказскія народности, Украина, Польша, Прибалтійскія области и Финляндія должны получить автономію, но и великая Россія должна получить областное устройство. *Здѣсь нѣтъ сепаратизма.*

Областное устройство проводитъ послѣдовательно связь всей земли—населенія, разорванной еще въ древней Руси удѣльной княжеской властью, московской деспотіей и петербургской имперіей.

Государственный союзъ начинается съ полноправной и свободной личности и проводитъ группировки людей по двумъ путямъ—политическому и племенному—смягчая классовую и племенную рознь и вражду, которыя всю человѣческую исторію наполняли страшными насиліями, кровью и пожарами.

Политическія группировки суть: волостное земство. состоящее изъ сельскихъ общинъ и хуторскихъ колоній, уѣздное земство, состоящее изъ волостей и малыхъ городковъ, губернское земство, состоящее изъ уѣздовъ и городовъ среднихъ, областное представительство (сеймъ) съ представителями, выбираемыми не только на основѣ всеобщаго голосованія (съ участіемъ и женщинъ), но и на основѣ пропорціональнаго представительства, отъ политическихъ партій и группъ.

Самый большой городъ, напримѣръ, Кіевъ на Украинѣ, можетъ и быть, и не быть столицею сейма.

Другіе большіе города могутъ составить отдѣльныя земскія единицы, между-губернскія (напримѣръ, такой большой городъ, какъ Одесса, даже и населенъ международнымъ людомъ).

Другой путь союзнаго объединенія—національный, путь культурный, главнымъ образомъ, но тѣсно соприкасающійся съ политическимъ путемъ.

Автономія областей не должна давать преотладанія одной народности: среди численно преобладающей народности должны быть обезпечены права и другихъ живущихъ колоніями народностей.

И вотъ, это обезпеченіе могутъ дать *національно-политическія партіи*,—партіи стоящія за культурное самоопредѣленіе народностей.

Такова общая схема улучшенія судебъ Россіи—и горе будетъ, если историческій ходъ вещей отойдетъ въ сторону отъ союзнаго устройства Россіи—настанетъ война всѣхъ противъ всѣхъ и человѣкъ для человѣка станетъ волкомъ! (Приднѣпров. Кр. № 2663).

Николай Быковъ.

Заявленіе народныхъ учителей. Въ половинѣ октября въ Екатеринославѣ состоялось многолюдное общее собраніе членовъ общества взаимопомощи народныхъ учителей Екатеринославской губерніи. Между прочими докладами особый интересъ возбудилъ докладъ г. Быкова о преподаваніи въ школахъ на украинскомъ языкѣ. Послѣ оживленныхъ преній, въ которыхъ принимали участіе докладчикъ, г. Синявскій и многіе народные учителя, всѣ единогласно высказались о желательности преподаванія въ украинскихъ школахъ на родномъ языкѣ. Приводимъ заявленіе, выработанное по этому вопросу собраніемъ:

„Указомъ 12 декабря прошлаго года въ числѣ другихъ вопросовъ поставленъ къ ближайшему разрѣшенію и вопросъ о возможныхъ облегченіяхъ для литературы и языка какъ другихъ національностей, такъ и украинскихъ. Несмотря на все это, и до сихъ поръ наша родная литература не восчувствовала никакого облегченія, а для украинскаго языка въ школѣ не предоставлено хотя бы и такого положенія, какое дано польскому и литовскому языкамъ на ихъ родинѣ. Мы знаемъ, что комитетъ министровъ разсматривалъ вопросъ объ украинскомъ языкѣ, но какое рѣшеніе по этому поводу послѣдовало, обществу и до сихъ поръ неизвѣстно.

О взглядахъ комитета министровъ по этому вопросу мы узнаемъ случайно изъ постановленія комитета по дѣлу о порядкѣ выполненія пункта 7-го указа 12 декабря въ отношеніи девяти западныхъ губерній.

Въ этомъ постановленіи говорится: „Соображая, какія изъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ Западнаго края, настолько филологически обособились и развились, что могутъ стать предметомъ преподаванія, комитетъ высказался, что малороссійское и бѣлорусское нарѣчія такъ близки русскому языку, что совмѣстное преподаваніе ихъ

не вызывается потребностями дѣла; бѣлорусское нарѣчіе къ тому же, не имѣя литературы, едва ли даже можетъ быть преподаваемо самостоятельно".

Можно думать, что этимъ предрѣшается вопросъ этотъ и въ отношеніи Украины. Мы считаемъ, однако, такое мнѣніе комитета, затрагивающее существенные интересы украинскаго народа, несправедливымъ и неправильнымъ. Вопросъ объ обученіи въ украинской школѣ на украинскомъ языкѣ долженъ рѣшаться не съ точки зрѣнія политическихъ соображеній, которыми до сихъ поръ руководилось правительство, и не съ точки зрѣнія той „ходячей" филологіи, на которую въ данномъ случаѣ опирался комитетъ министровъ, но долженъ быть рѣшенъ на основаніи научныхъ данныхъ филологіи, психологіи и педагогики. Начнемъ съ филологіи.

Филологія, въ лицѣ проф. Потебни, Овсянико-Куликовскаго и пр., устанавливаетъ, что языковое различіе украинскаго языка отъ русскаго настолько велико, что вполнѣ возможно говорить о первомъ, какъ о совершенно отдѣльномъ языкѣ.

Необходимо прибавить къ этому, что въ понятіяхъ языка и нарѣчія содержится много условнаго, получающаго свое ближайшее опредѣленіе въ исторической жизни народа: то, что въ извѣстное время является только нарѣчіемъ какого либо языка, въ зависимости отъ условій, благопріятствующихъ расхожденію нарѣчій, можетъ пріобрѣсти совершенную обособленность въ филологическомъ отношеніи и, наоборотъ, извѣстный самостоятельный языкъ можетъ потерять свою самостоятельность.

Неблагопріятнымъ условіемъ для неизмѣнности украинскаго языка являются потери государственной самостоятельности украинскимъ народомъ и послѣдующая политика русскаго правительства на Украинѣ, поставившая себѣ цѣлью обрусеніе ея, а благопріятными—отдѣльное существованіе украинской народности въ предѣлахъ Австро-Венгріи, гдѣ украинскій языкъ для своего развитія пользуется средствами литературы и каѳедры, а съ закордонной Украиной украинцы Россіи не переставали поддерживать отношенія.

Другимъ благопріятствующимъ условіемъ являются сравнительная слабость русской культуры и ничтожные результаты, которые сдѣлало въ украинской деревнѣ просвѣщеніе, руководимое русскимъ правительствомъ, если можно называть руководительствомъ ту политику торможенія истиннаго просвѣщенія, которой всегда держалось наше правительство.

Затѣмъ—требованія педагогики.

Научная педагогика настаиваетъ на томъ, чтобы первоначальное образованіе давалось на материнскомъ языкѣ.

Требованія педагогики въ этомъ случаѣ основываются на психологіи.

Для разрѣшенія вопроса о правахъ родного языка въ первоначальной школѣ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, ученіе психологіи объ образованіи понятій.

Психологія учитъ, что въ образованіи понятій первенствующую роль играютъ слово, рѣчь.

Безсловесное дитя не имѣетъ понятій,—понятія у ребенка являются съ произнесеніемъ словъ, съ помощью которыхъ отвлекаются понятія отъ того конкретнаго матеріала, который дается представленіями.

Если это ученіе и наблюденія психологіи вѣрны, то пріобрѣтаетъ важнѣйшее значеніе тотъ словесный субстратъ, который кладется въ основаніе образованія понятій.

При этомъ же условіи представляется недопустимымъ посягательствомъ на всю психику и умственное развитіе ребенка и человѣка веденіе элементарнаго образованія, т. е.—сообщеніе первоначальныхъ научныхъ свѣдѣній на языкѣ, отличномъ отъ того, при помощи котораго ребенокъ получилъ основныя, первыя понятія.

Наблюденія педагоговъ и такихъ корифеевъ, какъ Ушинскій, Корфъ и др , какъ нельзя болѣе подтверждаютъ наличность тормазовъ въ дѣлѣ ученія въ первоначальной школѣ, когда преподаваніе ведется не на материнскомъ языкѣ, и тотъ нравственный вредъ, который отъ этого происходитъ.

Вопросъ о правахъ украинскаго языка въ начальной школѣ опредѣленно рѣшается тѣмъ наблюденіемъ, что въ школѣ въ средѣ украинскаго населенія русскому языку приходится дѣтей учить, а потому онъ, какъ языкъ преподаванія, не годится.

Каковы же результаты болѣе, чѣмъ вѣкового существованія русской школы на Украинѣ?

Передъ нами на лицо одинъ поразительный фактъ—извращеніе культурнаго и чуть не всего этическаго типа украинца?

Въ исторіи мы знаемъ украинцевъ, какъ націю весьма энергичную, полную жизненнаго и воинственнаго пыла и удали; типическій украинецъ настоящаго времени—это синонимъ чего то коснаго, апатичнаго, малокультурнаго и мало интеллигентнаго.

Это тотъ украинецъ, который когда то такъ культивировалъ науку и просвѣщеніе въ своей странѣ, откуда заимствовало свое просвѣщеніе и Московское государство!

Если пассивность характера украинцевъ въ значительной степени объясняется ихъ нынѣшнимъ политическимъ существованіемъ, какъ народности, потерявшей свою государственную самостоятельность, то ея малая культурность и интеллигентность всецѣло объясняются тѣмъ, что русская школа не привилась на Украинѣ. Послѣднее подтверждается и тѣмъ результатомъ, который получился отъ русской школы на Украинѣ въ отношеніи денаціонализирующаго вліянія ея: созданная въ прямыхъ цѣляхъ руссификаціи населенія на Украинѣ, она все таки не сдѣлала изъ украинца русскаго.

Если таковы права украинскаго языка въ школѣ, то не меньшее право имѣетъ и украинская литература.

Между тѣмъ, надъ украинской литературой до сихъ поръ тяготѣетъ почти совершенно запретительный законъ, такъ называемый, по имени человѣка, приложившаго старанія къ его изданію lex Iusephoviana 1876 г.

Какъ можно отнять у народа его литературу, которая составляетъ святѣйшее сокровище каждой національности, сознающей себя таковой. Понятія культурнаго человѣка рѣшительно не могутъ примириться съ этимъ, и потому запретительная политика нашего правительства въ отношеніи украинской литературы принижается не только всякимъ украинцемъ, любящимъ свое родное, но и каждымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, какъ тяжкое оскорбленіе достоинству человѣка.

Въ такомъ именно смыслѣ и высказались многіе ученые и знаменитости западной Европы въ отвѣтъ на опросъ ихъ редакціей, журн. „Bunicshe Revue“ относительно положенія украинской печати въ Россіи, каковые отзывы помѣщены на страницахъ этого журнала.

Читая эти отзывы, рѣшительно стыдишься того, что принадлежишь къ составу гражданъ Россіи, который допускаетъ надъ собою подобныя надругательства“.

Внося настоящую записку ка разсмотрѣніе общества взаимопомощи учителей, мы руководимся убѣжденіемъ, что этому обществу, какъ обществу учителей екатеринославской губ., должны быть особенно близки и дороги интересы украинскаго языка и что оно сочтетъ необходимымъ возбудить тѣмъ или другимъ способомъ общественное вниманіе къ вопросу о положеніи языка литературы украинскихъ и найдетъ практическіе пути для справедливаго разрѣшенія этого вопроса.

Мы не думаемъ, чсобы стоило еще разъ возбуждать ходатайство по этому поводу передъ существующимъ правительствомъ. Эпоха преобразованій, совершающихся за послѣднее время, въ достаточной степени показываетъ, что наше бюрократическое правительство уступаетъ только подъ натискомъ требованій и народа.

Но и вообще вопросъ о предоставленіи гражданскихъ правъ украинскому языку наиболѣе раціонально возбудить передъ государственной думой, организовавъ подачу петиціи объ этомъ въ послѣднюю. Слѣдуетъ, однако, сказать здѣсь, что правильное разрѣшеніе вопроса объ украинскомъ языкѣ неразрывно связано съ вопросомъ политическаго будущаго Россіи и не только съ завоеваніемъ для всей Россіи условій иного политическаго существованія, о которомъ, можно сказать, грезитъ вся страна, но и съ правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса о политическомъ существованіи такъ называемыхъ, не государственныхъ народностей въ Россіи.

Это уже будетъ зависѣть отъ реорганизаціи существующаго государственнаго строя Россіи на началахъ децентрализаціи и автономіи областей, обособленныхъ по національнымъ интересамъ. Въ такомъ разрѣшеніи вопроса о политическомъ устройствѣ Россіи заинтересованы не только государственныя народности ея, но и вся осталяная Россія, такъ кккъ централистическій типъ государственнаго устройства Россіи служитъ угрозой всякой культурѣ, всякому развитію". („Приднѣпровскій Край", № 2628).

Украинскій національно-политическій клубъ. 16 го ноября сорганизовался украинскій національно-политическій клубъ. Цѣлью его является объединеніе украинцевъ на началахъ широкой демократической политической программы для обезпеченія украинскому народу его національно-политическихъ правъ, поднятія его духовныхъ и экономическихъ силъ. Клубъ принимаетъ въ свой составъ и провинціальныхъ членовъ и образуетъ провинціальныя отдѣленія. Членскій взносъ 5 р. въ годъ, при уплатѣ допускается разсрочка. Выбрано 15 старшинъ клуба для дальнѣйшаго веденія дѣла. Болѣе подробныя свѣдѣнія можно получить въ квартирѣ Русова (Офицерская, д. № 36, кв. 19) ежедневно отъ 12—2-хъ часовъ.

Статьи на украинскомъ языкѣ въ русскихъ газетахъ. Въ ожиданіи, пока разрѣшится въ положительномъ смыслѣ вопросъ объ украинской періодической печати, начинаютъ появляться статьи на украинскомъ языкѣ въ русскихъ газетахъ, вздохнувшихъ свободнѣе послѣ 17 октября. Пока мы встрѣтили такія статьи въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) „Кіевскіе отклики", № 285 (статья г. Ефремова „Чи буде суд?"—по поводу еврейскихъ погромовъ); 2) „Кіевское Слово", № — („Амнистіи мужицькым борцям" — съ требованіем амнистіи всѣмъ пострадавшимъ

за дѣятельность среди украинскаго крестьянства); 3) „Югъ", №№ 2180, 2183, 2186 и 2190 (Статья г. Ковеленка-Коломацкаго „Поклик до украінськоі інтелігенціі" и рядъ статей того же автора подъ общимъ заглавіемъ: „Листи до селян", посвященныхъ популярной бесѣдѣ съ крестьянами по поводу послѣднихъ событій, и 4) „Приднѣпровскій край", №№ 2634 и 2645 (Двѣ статьи г. Сокола: „Селянська річ" и „Лист до селян"). Конечно, періодически появляющіяся статьи на украинскомъ языкѣ не могутъ восполнить потребности въ украинской прессѣ, и потому слѣдуетъ добиваться осуществленія свободы для украинскаго слова въ видѣ органовъ печати на украинскомъ языкѣ.

Первая Украинская газета. 12 ноября въ г. Лубнахъ явочнымъ порядкомъ, „коштами і заходами Лубенськоі украінськоі Громади", вышелъ первый номеръ газеты на украинскомъ языкѣ „Хлібороб", подъ редакціей Миколи Шемета. Содержаніе этой первой ласточки украинской прессы слѣдующее: 1) „Царський маніфест від 3-го грудня (листопада?); 2) „Про вольности громадянські"; 3) „Що таке виборче право?" 4) „Правда про разбоі, що останніми часами діялися по богатьох городах", 5) Вірш: „На спогад товаришеві в тюрмі" 6) „Істория маніфеста 17 падолиста" (жовтня?) 7) „Звістки з Петербургу", 8) „Звістки з Одесу"; 9) „Звістки з Киіва", 10) „Звістка з Польщи", 11) „Звістка з Галичини", 12) „Лубенське життя" і 13) Від редакціі. Въ редакціонномъ заявленіи содержится призывъ къ солидарной работѣ на пользу украинскаго народа: „Кличемо усіх прихильників народу, усіх, хто бажае щастя упослідженим, рабочим людям, кличемо *до спільноі праці економічноі та національноі на користь рідного краю.* Щиро прохаемо усіх селян, робітників та інтелігенцію, хто співчувае цім святим завданням і напрямку нашоі часописі, досилати до редакціі „Хлібороба" статті, дописи та листи. — Усі поспішають жити, усі працюють не спочиваючи. А ми досі спимо. Життя не жде ледачих. „Нумо ж до праці мерщій!"

20 ноября вышелъ второй номеръ той же газеты; помѣщено здѣсь: 1) Вірш „Не стогніть" Якима Самотнього, 2) „Про автономію", 3) „Селянський приговор", 4) „Про Фінляндію", 5) „Звістки з Галичини", 6) „Звістки з Петербургу", 7) „Звістки з Кронштату", 8) „Канів (Киівщина)" Якима Самотнього, 9) „Віча", 10) „Що пишуть по часописях", 11) „З Киіва", 12) „На спомин Володимира Лесевича" В. Шемета, 13) Від редакціі.

Кромѣ того въ газетахъ появились извѣстія о слѣдующихъ предполагаемыхъ пока изданіяхъ: 1) „Громадське Слово" (Кіевъ), ежеднев-

ная газета для народа по программѣ „демократично-радикальноі партіі, 2) „Праця“ (Кіевъ) — ежедневная газета социал-демократическаго направленія и 3) „Вільна Украіна“ (С.-Петербургъ) — ежемѣсячный журналъ того же направленія.

Къ вопросу объ украинской прессѣ. Въ газетѣ „Наша Жизнь“, № 321, было напечатано очень интересное письмо шанхайскихъ украинцевъ:

„*Шанхай, 24 октября.*

Щирим серцем спочуваючи кожному поспіху рідного краю, дякуемо шановну редакцію і всіх діячів і прихильників Украінськоі справи і просимо доручити предсідателеві Мордовцеву на запомогу першім украінськім виданням: евангелія—200 рублів і часописі народнеі—200 рублів.

Украінська громада Шанхая“.

Но такъ какъ Д. Л. Мордовцевъ умеръ, то редакція означенную сумму передала нынѣшнему предсѣдателю общества изданія популярныхъ малорусскихъ книгъ А. А. Русову, занявшему мѣсто Д. Л. Мордовцева.

Предсѣдатель общества А. А. Русовъ, получивъ эти 400 руб., напечаталъ въ томъ же номерѣ газеты „Наша Жизнь“ нижеслѣдующее письмо шанхайскимъ украинцамъ:

„Прошу черезъ посредство вашей уважаемой газеты довести до свѣдѣнія дорогихъ земляковъ нашихъ, живущихъ въ Шанхаѣ, что 400 руб., присланные ими, переданы мною правленію благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ.

„Двѣсти рублей изъ этого пожертвованія назначены ими на изданіе Евангелія; но въ настоящее время переводъ Евангелія на малорусскій языкъ Морачевскаго печатается святѣйшимъ правительствующимъ сvнодомъ, что, кажется, до послѣдняго времени считалось монополіей этого учрежденія. Такъ какъ общество, предсѣдателемъ правленія котораго я имѣю честь состоять, въ настоящее время не имѣетъ возможности употребить даръ шанхайскихъ земляковъ по назначенію, ими данному, то я прошу ихъ увѣдомить правленіе, не позволятъ-ли они и эти 200 рублей употребить на изданіе народной газеты на малорусскомъ языкѣ?

„Изданіе такой газеты въ настоящее время, когда украинскій народъ получилъ политическія права, болѣе чѣмъ желательно. Но съ другой стороны, столь-же необходима и столичная газета на русскомъ

языкѣ, которая могла бы знакомить всѣ остальные народы нашего государства съ психологіей нашего украинскаго народа и его задушевными стремленіями. Я думаю, что между нашими земляками найдутся сочувствующіе осуществленію какъ той, такъ и другой мысли. Съ своей стороны, я обязуюсь будущимъ гг. редакторамъ и столичной русской газеты, посвященной украинскимъ интересамъ, и народной малорусской, въ видѣ пособія ихъ начинанію, внести безвозвратно по 500 рублей.

„Затѣмъ, будучи увѣреннымъ, что при свободѣ печати осуществить изданіе такихъ двухъ газетъ будетъ гораздо легче, чѣмъ то было до настоящаго времени, я обращаюсь съ горячею просьбою ко всѣмъ землякамъ нашимъ послѣдовать примѣру собратьевъ нашихъ изъ далекаго Шанхая и начать сборъ денегъ на двѣ означенныя цѣли. Съ своей стороны, я не откажусь принимать пожертвованія на этотъ предметъ по нижеслѣдующему адресу: Спб., Офицерская, 36, Александру Александровичу Русову, и давать отчетъ въ ихъ полученіи.

А. Русовъ".

Привѣтствуя отъ души такое начинаніе, нельзя не благодарить дорогихъ земляковъ Шанхая и многоуважаемаго предсѣдателя А. А. Русова, за ихъ добрую мысль и пожелать скораго осуществленія намѣченныхъ цѣлей, такъ какъ въ подобныхъ печатныхъ органахъ давно уже нуждается украинскій народъ. (Приднѣпровскій край: № 2646).

Общество „Просвіта" въ Одессѣ. 30 октября состоялось собраніе учредителей украинскаго общества „Просвіта", на которомъ окончательно утверждена редакція устава общества. Общество преслѣдуетъ самыя широкія культурныя цѣли: открытіе школъ и библіотекъ, изданіе газетъ и журналовъ и книгъ, устройство читаленъ, публичныхъ лекцій, курсовъ и. т. д. Въ виду манифеста отъ 17-го октября, разрѣшающаго свободу союзовъ общество рѣшило открыть свою дѣятельность явочнымъ порядкомъ, почему въ вышеуказанномъ собраніемъ общества, произведены были выборы правленія пока не полнаго (4 челов. вмѣсто 10) изъ слѣдующихъ лицъ: д-ра И. М. Луценко, С. П. Шелухина (членъ одес. окружнаго суда), И. М. Бондаренко (пом. секретаря одес. городск. управы) и Э. М. Клюге (банковскій рабочій). Остальные члены правленія будутъ избраны во второмъ общемъ собраніи, которое состоится въ скоромъ времени. Обсуждая свою предстоящую дѣятельность, общество высказалось за необходимость открытія въ ближайшее время своего клуба, читальни, устройства лекцій и изданія собственнаго листка. Редакція послѣдняго поручена правленію,

которому предложено выпустить въ возможно близкомъ времени хотя нѣсколько номеровъ. „Одесскій Листокъ“ № 255.

Резолюція студентовъ-украинцевъ. Студенческая „Украинська Громада“ Новороссійскаго университета соглашаясь съ постановленіями, выработанными „коалиціоннымъ совѣтомъ“ присоединила къ нимъ и спеціальную резолюцію по украинскому вопросу. Сущность этой последней сводится къ слѣдующимъ требованіямъ: „Внести въ резолюцію на національному вопросу требованіе автономіи Украйны на демократически-федеративныхъ началахъ съ Россіей. А такъ какъ въ резолюціи національности поименовываются по принципу количества населенія, то надлежитъ украинцевъ поставить на первомъ мѣстѣ. Въ частности, что касается вопроса о томъ, каковымъ должно быть народное образованіе въ автономной Украинѣ, то оставляя за каждой національностью на территоріи ея обитающей, право на свободное культурное самоопредѣленіе, украинцы, стоятъ за то, чтобы оно сверху до низу, отъ народной школы и до университета, строго согласовалось съ принципами автономіи національной. Какъ практическое требованіе момента выставляются: введеніе въ Новороссійскомъ университетѣ курса „Исторіи Украины“, принципіально на украинскомъ языкѣ, объявленіе на филологическомъ факультетѣ курса украинскаго языка, исторіи украинской литературы, на юридическомъ курсѣ исторіи украинскаго права и. т. п. Считая выраженіе „Малоруссія“, „малоруссы“ проявленіями тенденціозной правительственной терминологіи, и признавая ихъ обидными для національнаго самолюбія, группа требуетъ, чтобы эти понятія правильно выражались словами „Украины“ или „украинцы“ („Кіевскія Новости“, № 286).

Чествованіе памяти Богдана Хмѣльницкаго во Львовѣ. Польское и русинское общества праздновали 250-лѣтній юбилей осады Львова гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Конечно, мотивы празднованія были діаметрально противоположны. Поляки праздновали защиту Львова отъ осады Богданомъ Хмѣльницкимъ, какъ актъ военной побѣды надъ врагомъ и какъ одну изъ славныхъ картинъ военной доблести. Русины чтили память Хмѣльницкаго, какъ національнаго героя, несшаго освобожденіе Украины.

Польскій юбилей прошелъ спокойно, и можно сказать, оффиціально. Было торжественное засѣданіе въ ратушѣ съ участіемъ достойныхъ

гостей, а вечеромъ спектакль въ театрѣ. Городомъ была издана и раздавалась безплатно юбилейная брошюра. Этимъ торжество и закончилось.

Русинами въ „Народномъ домѣ" было устроено вѣче. Присутствовало на вѣчѣ свыше 3,000 человѣкъ. Редакторомъ газеты „Діло", д-ромъ Е. Левицкимъ, былъ прочитанъ историческій рефератъ о польско-украинскихъ отношеніяхъ и о роли Богдана Хмѣльницкаго въ исторіи украинскаго народа. Для Украины, а въ частности для Львова, Богданъ Хмѣльницкій былъ освободителемъ отъ польской неволи. Отъ Львова Хмѣльницкій отступилъ только благодаря просьбамъ гражданъ, такъ что ни о какой польской побѣдѣ не можетъ быть и рѣчи. Для Украины XV и XVI столѣтія были такими же критическими, какъ и нынѣшнее время. И тогда, и теперь взаимныя отношенія поляковъ и русинъ обострены до крайности. Но борьба не окончилась. На востокѣ свѣтаетъ, начинаютъ падать первые лучи свободы, и, дастъ Богъ, этотъ переломъ украинско-польской борьбы склонится на нашу сторону.

Послѣ реферата д-ра Левицкаго были приняты резолюціи къ данному юбилею и отдѣльная резолюція на имя украинской громады въ Кіевѣ.

„Віче львовских русинів, зібране нині вчесть Богдана Хмельницкаго внагоди 250-літного ювилею его походу под Львів, пересилае закордонним братям слова радости з причини заповіди конституцийних свобід в царстві— а заразом бажаня як найшвидшого здійсеня там на них національних змагань".

Послѣ окончанія вѣча участники его съ пѣніемъ „Ще не вмерла Украина" и „Не пора" вышли на улицу. На углу Трибунальской улицы кордонъ пѣшей полиціи загородилъ манифестантамъ дорогу. Позади стала конная полиція. Часть толпы, по требованію полиціи и убѣждаемая г. Игнатомъ, стала отступать. Оффиціальная „Gazeta Lwowska" передаетъ, будто бы толпа сама напала на полицію, стала ее бить палками и бросать камни, ну и, конечно, изъ толпы были выстрѣлы. Тогда пѣшая и конная полиція, неизвѣстно холоднымъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ, разогнала толпу и многихъ арестовала. Получили пораненія 5 полицейскихъ. Арестовано 6 человѣкъ. „К. Т".

Въ № 196 „Сына Отечества" помѣщено письмо въ редакцію Украинца о ненормальной постановкѣ школьного дѣла на Украинѣ, въ частности о преподаваніи закона Божія на родномъ языкѣ учащихся.

Въ № 205 той же газеты помѣщена статья г. Ефремова „Рада бы душа въ рай“ объ условіяхъ изданія книгъ на украинскомъ языкѣ.

Въ № 215 „Волыни“ г. Викшевскимъ помѣщено письмо въ редакцію подъ заглавіемъ „Къ малороссійскому вопросу на Волыни“. Считая несомнѣннымъ, что „нравственный долгъ способствовать по мѣрѣ силъ экономическому и культурному росту крестьянъ (украинцев) лежитъ прежде всего на тѣхъ, кто въ теченіе вѣковъ тормазилъ и убивалъ этотъ ростъ“ (поляки и русскіе), авторъ предлагаетъ редакціи „Волыни“ открыть свои столбцы для всесторонняго обсужденія украинскаго вопроса. На этотъ призывъ пока откликнулись г.г. Марковичъ и Копровскій („Волынь“, №№ 231 и 233), изъ которыхъ первый останавливается преимущественно на мѣрахъ общаго характера, а второй на ограниченіяхъ украинскаго языка.

Въ № 234 „Волыни“ опубликована „Національна програма украінців-подолян“, заключающая требованія культурнаго, политическаго и экономическаго характера.

Въ № 2628 „Приднѣпровскаго Края“ напечатана въ переводѣ на русскій языкъ „Программа украинской демократической партіи“.

Въ №№ 260 и 271 напечатаны очерки г. М. Сл. „Юго-Западный край и государственная дума“, въ которыхъ авторъ останавливаетъ группировкѣ различныхъ народностей и партій къ главному населенію края — украинскому крестьянству.

Въ № 293 „Кіевскихъ Откликовъ“ помѣщена статья „Областныя автономіи“, въ которой затронутъ также вопросъ и объ автономіи Украины.

Въ № 302 „Кіевскіе Отклики“ помѣщена статья г. Бердяева „Украинська сцена“, излагающая судьбы украинскаго театра при господствѣ стараго режима. — Въ № 299 той же газеты находимъ замѣтку „Украинскій театръ“, подписанную иниціалами М. П. Тому же

автору приноддежитъ и рядъ рецензій на спектакли украинской труппы г. Гайдамаки, помѣщавшихся въ теченіе послѣдняго мѣ яца.

Въ „Кіевскихъ Откликахъ“ данъ отзывъ объ альманахѣ „Багаття“ (№ 273) и „Отчетѣ Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1904 годъ“ (№ 292).

Въ той же газетѣ (№ 260) подъ общимъ заглавіемъ „Галицкія исторіи“ помѣщенъ переводъ съ украинскаго трехъ очерковъ: „Параградъ“, „Воля цисаря“, „Избиратель“. Въ № 287 переведена „Грѣшница“ г. Мортовича и „Нянька“ г-жи Коренецъ подъ общимъ заглавіемъ „Мелочи малорусской литературы“ (переводъ г-жи Славинской).

Въ № 8621 „Южнаго края“ г. Бичъ-Лубенскій помѣстилъ горячій призвъ къ сохраненію древностей Украины подъ заглавіемъ: „Берегите древнія святыни Украины“. Основываясь на изслѣдованіи проф. Павлуцкаго о стихѣ древне-украинскихъ церквей, г. Бичъ-Лубенскій предлагаетъ и мѣстнымъ харьковскимъ строителямъ воспользоваться данными науки для ресторваціи украинскаго церковнаго стиля и разработки его въ духѣ современныхъ требованій.

1—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

На 1906 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія ревизіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-воспитательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб. съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Русская Старина“

на **1906** годъ.

Тридцать шестой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ: 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ, журналъ издается въ теченіе 35 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1906** годъ

на ежемѣсячный обещственный, литературный, политическій и историческій журналъ

„Всемірный Вѣстникъ".

(Четвертый годъ изданія).

Въ наступающемъ году журналъ будетъ выходить по расширенной программѣ со включеніемъ въ нее обзора текущей политической жизни и другихъ вопросовъ, которыхъ мы не могли касаться исключительно благодаря предварительной цензурѣ.

Въ 1906-мъ году „Всемірный Вѣстникъ" поставитъ задачей ознамить читателей съ такъ называемой *„нелегальной литературой"*. На страницахъ журнала будетъ помѣщено:

1) Собраніе сочиненій, изданныхъ за границей, **графа Льва Николаевича Толстого**. 2) Библіотека писателей декабристовъ (въ приложеніи). Записки декабриста князя Сергѣя Петровича Трубецкаго. 3) М. А. Бакунинъ, А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ и ихъ отношенія, съ біографіей Бакунина. 4) Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). 5) Русская политическая тюрьма: Петропавловская крѣпость, Д. Кенана, 6) Очеркъ Петербургскаго рабочаго движенія конца прошлаго столѣтія. 7) Изъ недавняго прошлаго. Очерки и воспоминанія бывшаго товарища прокурора. 8) Пѣсни русскихъ масоновъ. Подъ ред. и съ примѣч. члена СПБ. Археологическаго общества Т. О. Соколовской. 9) Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Воспоминанія 80-годовъ прошлаго столѣтія. 10) Главнѣйшія статьи изъ журнала „ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА", издававшагося въ Лондонѣ А. И. Герценомъ. 11) Государство Солнца. Политическій журналъ-утопія Компанелла (будетъ помѣщенъ въ приложеніяхъ). 12) Женщина и соціализмъ (женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго). Августа Бебеля (переводъ этотъ запрещенъ цензурой). 13) Общественное движеніе въ царствованіе Императора Александра II. 14) Самодержавіе и печать (положеніе русской печати въ періодъ „усмотрѣнія"). 15) Хранящееся въ архивѣ департамента полиціи дѣло III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи о графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, 1862 года. 16) О половомъ вопросѣ. Мысли графа Льва Николаевича Толстого, собранныя Владиміромъ Чертковымъ.

17) Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. А. Радищева. 18) Гражданская война во Франціи 1870—1871 г.). Карла Маркса. 19) Сибирь и ссылка, Кеннана. 20) Хранящееся въ архивѣ департамента полиціи дѣло III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объ Александрѣ Ивановичѣ Герценѣ. (Дѣло это заключаетъ въ себѣ 660 листовъ и содержитъ рядъ неизданныхъ писемъ Герцена). (Печататься будетъ въ приложеніи).

Кромѣ того, будетъ помѣщенъ рядъ беллетристическихъ произведеній—очерковъ, повѣстей, стихотвореній и т. д. главнымъ образомъ изъ исторіи борьбы за освобожденіе личности отъ всякаго рода гнета, произвола и беззаконія.

Съ первой же книжки, помимо существующихъ постоянныхъ отдѣловъ—театральнаго, библіографіи и т. д., вводится особый отдѣлъ—обозрѣнія внутренней политической жизни.

Рядъ статей по вопросамъ внутренней политики явится посильнымъ содѣйствіемъ современной борьбы всѣхъ классовъ за введеніе правоваго порядка въ Россіи, основаннаго на дѣйствительно проведенной въ жизнь всесторонней конституціонной свободы.

Времена гнета, безправія, произвола и беззаконія, съ сожалѣнію, еще не прошли. Только широко-демократическая конституція, съ законами, установленными самимъ народомъ и исполняемыми безусловно отвѣтственной предъ нимъ властью, можетъ обезпечить истинную свободу. Къ достиженію этой цѣли редакція положитъ всѣ свои силы при сотрудничествѣ: Вал. И. Анненскаго, П. А. Антропова, К. И. Арабажина, кн. Л. Б. Барятинской (Яворской), кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, В. П. Beредникова, В. В. Бородаевскаго, Б. П. Богданова, И. Н. Божерянова, А. І. Буковецкаго, А. Г. Генкель, Е. А. Буткевичъ, А. А. Воронова, Л. Е. Габриловича, Н. А. Гастфрейнда, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, Е. Дубельтъ (Зеландъ), Е. Д. Жураковскаго, И. И. Забрежнева, А. А. Зноско-Боровскаго, С. В. Каменскаго, Г. В. Квятковскаго, И. И. дю-Кира, А. С. Кушнерева, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, В. Я. Ленскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ф. Львовича, В. А. Мазуркевича, Н. А. Макшеевой, И. Н. Малыхъ, М. М. Могилянскаго, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. Н. Перетца, Л. Д. Писаржевской, И. И. Рачинскаго, Л. М. Рейнгольда, проф. М. А. Рейснера. Н. А. Россовскаго, Ев. В. Святловскаго, прив.-доц. В. В. Святловскаго, Скитальца (О. Яковлева), Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, П. Н. Столпянскаго, Ф. Н. Фальковскаго, Н. И. Фалѣева, Н. Б. Хвостова и мн. др.

Подписка на 1906 г. принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна въ годъ 6 р. съ дост. и перес.: на 1/2 года 4 р., отдѣльный нумеръ 1 р. допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій каналъ, д. № 17.

Редакторъ-Издатель **С. С. Сухонинъ.**

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 11-я.—НОЯБРЬ, 1905.

книги и брошюры.—XIV.—НОВОСТИ ПО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. H. Sudermann Stein unter Steinen — II. A. Beaumter, Le Roi Tobol.—C. B.—XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17 октября.—Забастовки.—Митинги. — Какъ назвать забастовочные дни: предверіе революціи или революція въ настояшемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.—Сорокалѣтіе дѣятельности А. Ѳ. Кони.—М. И. Драгомировъ †.—XVI.—ИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 120-й. — Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири.—Максутовъ, кн. В. Л., Исторія древняго Востока, т. II. — Симоненко, Г., Основные вопросы статистики, исторіи, соціологіи и этики.—XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Редакціи.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1906 г. по нѣсколько измѣненной программѣ, о чемъ сказано въ началѣ этой книги, около 15-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 10 листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1906 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **7 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **6 р.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905, по **6 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **7 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій журналъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCII.

1906 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Н. А. Гирич, Трехсвятительская улица, соб. домъ № 14.

1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Результаты конкурса, объявленнаго редакціей журнала „Кіевская Старина“ въ 1905 году.

Въ началѣ 1905 года нашей редакціей объявленъ былъ конкурсъ для представленія на преміи беллетристическихъ произведеній на украинскомъ языкѣ, при чемъ было опредѣлено 3 преміи — по 100 руб., по 75 руб. и по 50 руб. за печатный листъ.

Ко времени истеченія срока конкурса, т. е. къ 1 октября 1905 года, было всего представлено 6 рукописей, изъ которыхъ одна, подъ заглавіемъ „Весняна повидь“ (девизъ—Азраллъ) признана заслуживающей *второй преміи*. По вскрытіи конверта съ означеннымъ девизомъ, авторомъ этой повѣсти оказался *М. Чернявськый*. Первая часть этой повѣсти помѣщена въ настоящей книжкѣ журнала.

Редакція покорнѣйше проситъ г.г. авторовъ остальныхъ пяти рукописей сообщить, указавши заглавія своихъ произведеній и девизъ, по какому адресу должны быть возвращены имъ ихъ рукописи.